

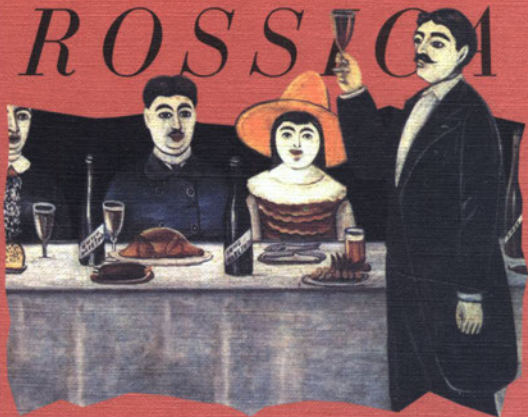
HISTORIA
ROSSICA

Эрик Скотт

СВОИ ЧУЖАКИ

HISTORIA ROSSICA

СВОИ

ЭРИК
СКОТТ

ЧУЖАКИ

ГРУЗИНСКАЯ
ДИАСПОРА И
ЭВОЛЮЦИЯ
СОВЕТСКОЙ
ИМПЕРИИ

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

HISTORIA ROSSICA

СВОИ ЧУЖАКИ ГРУЗИНСКАЯ ДИАСПОРА И ЭВОЛЮЦИЯ СОВЕТСКОЙ ИМПЕРИИ

Исследуя эволюцию многонационального Советского государства, автор обращается к истории грузинской диаспоры в СССР. Как грузины влияли на разные сферы жизни советского общества в разные периоды? Как переселялось с Кавказа в Кремль целое поколение грузинских революционеров? Какую роль играли грузины в оттепельной культуре и теневой экономике эпохи застоя? Как грузинские блюда и вина распространялись из высших эшелонов власти в широкие слои советского общества? Как успех грузин в разных сферах порождал у них недовольство теми ограничениями, которые создавал советский режим? И благодаря чему грузинская диаспора достигла успеха и процветания? Книга помогает понять корни процессов, важных и для сегодняшнего дня. Эрик Скотт занимается историей Советского Союза, миграции и беженцев, преподает в Канзасском университете (США).

HISTORIA
ROSSICA

Erik R. Scott

Familiar Strangers

THE GEORGIAN DIASPORA
AND THE EVOLUTION
OF SOVIET EMPIRE

Эрик Скотт

Свои чужаки

ГРУЗИНСКАЯ ДИАСПОРА
И ЭВОЛЮЦИЯ СОВЕТСКОЙ
ИМПЕРИИ

Новое
Литературное
Обозрение

2019

УДК 323.1(47+57)(=353.1)«19»

ББК 63.3(2=601.1)6

С44

Редакционная коллегия серии

HISTORIA ROSSICA

*Е. Анисимов, О. Будницкий, А. Зорин, А. Каменский,
Б. Колоницкий, А. Миллер, Е. Правилова, Ю. Слёзкин, Р. Уортман*

Редактор серии И. Жданова

Скотт, Э.

С44 Свои чужаки. Грузинская диаспора и эволюция Советской империи / Эрик Скотт; авториз. пер. с англ. О. Леонтьевой. — М.: Новое литературное обозрение, 2019. — 384 с. (Серия Historia Rossica)

ISBN 978-54448-0950-1

Исследуя эволюцию многонационального Советского государства, автор обращается к истории грузинской диаспоры в СССР. Как грузины влияли на разные сферы жизни советского общества в разные периоды? Как переселялось с Кавказа в Кремль целое поколение грузинских революционеров? Какую роль играли грузины в оттепельной культуре и теневой экономике эпохи застоя? Как грузинские блюда и вина распространялись из высших эшелонов власти в широкие слои советского общества? Как успех грузин в разных сферах порождал у них недовольство теми ограничениями, которые создавал советский режим? И благодаря чему грузинская диаспора достигла успеха и процветания? Книга помогает понять корни процессов, важных и для сегодняшнего дня. Эрик Скотт занимается историей Советского Союза, миграции и беженцев, преподает в Канзасском университете (США).

УДК 323.1(47+57)(=353.1)«19»

ББК 63.3(2=601.1)6

В оформлении обложки использована работа Н. Пиросмани
«Семейный праздник». Государственная Третьяковская галерея, Москва.

© Oxford University Press, 2016

© О.Б. Леонтьева, перевод с английского языка, 2019

© ООО «Новое литературное обозрение», 2019

Кили и Сабине

БЛАГОДАРНОСТИ

Мое увлечение темой грузинской диаспоры началось, когда я, будучи студентом-старшекурсником, впервые приехал в Москву и был поражен многонациональным характером бывшей советской столицы. Создавалось впечатление, что приезжих там больше, чем этнических русских, а среди нерусских самым интригующим образом выделялись грузины. Неодолимая притягательность грузинской кухни и ретроспектива фильмов Советской Грузии в московском Музее кино еще более усилили мой интерес. Эта книга — не только исторический труд о миграциях и диаспоре, но и плод моих постоянных поездок в Россию и Грузию в ходе работы над интересующей меня темой, а также результат тех человеческих отношений, которые сложились в ходе этих поездок.

Еще до аспирантуры мне посчастливилось учиться у выдающихся наставников. В Брауновском университете Пэт Херлихи (Pat Herlihy) ввела меня в курс ключевых проблем российской и советской истории, включая «национальный вопрос», занимавший интеллектуалов XIX века, энергично решавшийся большевиками и до сих пор остающийся на переднем плане российской политики. В Вашингтоне Марта Брилл Олкотт (Martha Brill Olcott) делилась со мной знаниями о Кавказе и Центральной Азии, а Луиза Шелли (Louise Shelly) предоставила незабываемую возможность работать в Грузии с 2002 по 2004 год.

На основе этого опыта сложилась моя книга — первоначально как диссертация, подготовленная в Калифорнийском университете в Беркли. Я признателен членам комиссии по рассмотрению

моей диссертации: Виктории Фреде (Victoria Frede), Лесли Пирс (Leslie Peirce), Стефану Астуриану (Stephan Astourian) и Виктории Боннелл (Victoria Bonnell). Безусловно, очень многим я обязан моему научному консультанту Юрию Слѣзкину. Он побуждал меня не ограничивать исследование темами грузинских политических связей, грузинской еды или успеха грузин на советском рынке, но изучать грузинскую диаспору во всех ее многообразных формах на протяжении всего советского периода. Его стремление обращаться к крупным историческим проблемам по-прежнему вдохновляет мою работу. В Беркли мне удалось участвовать в деятельности многих интеллектуальных сообществ, частично пересекавшихся друг с другом: кружка по российской истории, рабочей группы по истории Центральной Евразии, а также в программе по изучению грузинского языка, которую вели Вахтанг Чиковани (Vakhtang Chikovani) и Шорена Курцикидзе (Shorena Kurtsikidze).

Я искренне благодарен всем тем моим коллегам и друзьям в России, Грузии и Соединенных Штатах, кто помогал мне в моем исследовании. В России я хотел бы поблагодарить сотрудников Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива экономики, Российского государственного архива литературы и искусства, Центрального государственного архива города Москвы и его отдела хранения аудиовизуальных документов, а также Российского государственного архива кинофото-документов. Я признателен за помощь в проведении интервью, которую оказала мне Нонна Матуа из Союза грузин в России, и хотел бы поблагодарить каждого, кто нашел время, чтобы встретиться со мной. В Грузии я хотел бы выразить свою признательность сотрудникам Архива Министерства внутренних дел Грузии и его директору, полковнику Омару Тушурашвили. Также хочу поблагодарить сотрудников Центрального государственного архива новейшей истории Грузии и его отдела литературы и искусства, а кроме того, работников Центрального государственного архива кинофотофондо документов Грузии. Я благодарен за помощь, которую оказывали мне Тимоти Бловелт (Timothy Blauvelt), Георгий Клдиашвили, Саша Кухианидзе, Шалва Мачавариани, Бердия Нацвлишвили, Кетеван Ростиашвили и Антон Вачарадзе, когда я проводил свое исследование в Тбилиси, и признателен Тамрико Бакурадзе и Шоте Папаве за помощь в расшифровке почерков грузинских революционеров.

В Соединенных Штатах я хотел бы выразить свою благодарность архивистам Гуверовского института и сотрудникам Европейского, Африканского и Ближневосточного читальных залов Библиотеки Конгресса.

Многие мои друзья и коллеги, с которыми мне очень повезло, внесли ценный вклад в этот научный проект на ключевых этапах его развития. Немалое число людей — Сергей Арутюнов, Джеффри Брукс (Jeffrey Brooks), Боб Крюс (Bob Crews), Бешара Думани (Beshara Doumani), Боб Эдельман (Bob Edelman), Чарльз Кинг (Charles King), Питер Ратленд (Peter Rutland), Нед Уолкер (Ned Walker), Амир Вайнер (Amir Weiner) и покойный Грегори Гроссман (Gregory Grossman) — высказали свои соображения и ответили на мои вопросы, когда я закончил свое исследование. Рон Суни (Ron Suny), специалист-новатор в сфере изучения советской и грузинской истории, благородно делился знаниями и результатами своих недавних исследований о молодости Сталина. Когда текст был написан, Том Лайлз (Tom Liles) помогал его редактировать, Виталий Чернецкий (Vitaly Chernetsky), Джеймс Хайнзен (James Heinzen) и Джефф Сахадео (Jeff Sahadeo) любезно прочли избранные главы, а Алексис Пери (Alexis Peri) и Виктория Смолкин (Victoria Smolkin) великодушно согласились прочесть всю рукопись целиком. Пересматривая текст, я руководствовался глубоко продуманными замечаниями двух анонимных рецензентов. В издательстве Oxford University Press Сьюзан Фербер (Susan Ferber) умело направляла процесс издания книги от заявки на публикацию до выхода в свет, Энн Сэноу (Anne Sanow) редактировала текст, а Лори Хобкирк (Lori Hobkirk) и Майя Бриндж (Maya Bringe) профессионально контролировали выпуск книги. В издательстве «Новое литературное обозрение» мне посчастливилось работать с Ириной Ждановой, редактором серии *Historia Rossica*, и я признателен Ольге Леонтьевой за вдумчивый и тщательный перевод моей книги, а Анне Абашиной за скрупулезную работу литературного редактора.

Хотя я несую единоличную ответственность за результат, эта книга не появилась бы на свет без той поддержки, которую предоставили мне исторический факультет Калифорнийского университета в Беркли, Программа евразийских и восточноевропейских исследований Беркли, Стипендиальный фонд региональных исследований Департамента образования, Мемориальная премия Алана Шарлина,

грантовая программа поддержки зарубежных исследований для написания докторских диссертаций фонда Фулбрайта — Хейза, Стипендиальный фонд по завершению диссертаций Американского совета научных обществ (при поддержке фонда Эндрю У. Меллона), грант на научные поездки Национального совета по евразийским и восточноевропейским исследованиям, исследовательский грант Франклина Американского философского общества и премия вице-президента Канзасского университета для публикации научно-исследовательских трудов. Постдокторальная стипендия Центра евразийских, российских и восточноевропейских исследований в Университете Джорджтауна и исследовательская стипендия Института Кеннана обеспечили меня временем, которое было необходимо для внесения исправлений в рукопись. С тех пор как я в 2012 году приехал в Канзасский университет, я окружен благожелательными коллегами, которые помогли мне сформироваться как историку. Я особенно признателен Луису Кортегуэре (Luis Corteguera), Шейде Джаханбани (Sheyda Jahanbani) и Натану Вуду (Nathan Wood) — за руководство, советы и наставничество. Я хотел бы поблагодарить Джона Гиллиана (Jon Giullian) из библиотеки Канзасского университета, а также Дарин Граубергер (Darin Grauberger), Трэвиса Уайта и службу картографии Канзасского университета за предоставленные карты.

Задолго до начала моих путешествий мои интеллектуальные интересы формировали родители, а дед и бабушка передали мне внутреннее понимание нашего собственного семейного опыта миграций и принадлежности к диаспоре, делясь со мной историями своей жизни в маленькой итальянской деревне. Позже семья поддерживала мое решение поступать в аспирантуру; родители, дед и бабушка, сестра и ее муж сделали все, что могли, чтобы помочь мне в этом. Я в огромном долгу перед моей женой Кили. Она была моим верным спутником на каждом этапе того долгого пути, который проделала эта книга. Все это время Кили оставалась для меня источником поддержки и вдохновения; для меня были важны ее свежий взгляд на мое исследование и постоянное напоминание о том, что многое еще остается за его пределами. Эта книга посвящается ей и нашей дочери Сабине.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ И ДАТИРОВКА

Из соображений простоты я использую модифицированную версию системы Библиотеки Конгресса США для передачи грузинских имен и слов латинским шрифтом. Я воздерживаюсь от использования диакритических знаков и специальных символов, надеясь, что получившаяся транслитерация будет легче восприниматься теми читателями, кто не говорит по-грузински, но останется узнаваемой для тех, кто знает этот язык. Хотя в грузинском языке не используются прописные буквы, я пишу с прописных букв личные имена в тех случаях, когда транслитерирую их с грузинского.

Из соображений лаконичности я обычно использую сокращенные наименования советских республик, которые соответствуют современным названиям (например, Грузия вместо Грузинской Советской Социалистической Республики). В 1936 году столица Грузии, Тифлис, была официально переименована в Тбилиси (что более соответствует грузинскому звучанию), но я на всем протяжении работы использую только современное название.

Даты приводятся в соответствии с хронологическим и географическим контекстом. Датировка событий, происходивших в России и Грузии до 1 февраля 1918 года, дается по юлианскому календарю, отстававшему на 13 дней от использовавшегося на Западе; события, произошедшие позже этой даты, датируются по григорианскому календарю.

ВВЕДЕНИЕ

Если один-единственный день можно было бы считать кульминационной точкой советской истории, то на эту роль могло бы претендовать 1 мая 1945 года, когда советские солдаты подняли красное знамя над Рейхстагом. Это событие символизировало поражение германского фашизма, доставшееся дорогой ценой, и предвещало наступление новой эры в международных отношениях, определяющим фактором которой стало превращение Советского Союза в глобальную сверхдержаву. Водружение красного знамени над Рейхстагом связывают с именами двух солдат, чьи фотографии появились в советских газетах и постоянно перепечатывались с тех пор в школьных учебниках. Русский — Михаил Егоров — воплощал собой самую большую нацию Советского Союза, а грузин — Мелитон Кантария — символизировал победу многонационального государства и общества¹. Но, конечно, это был не единственный исторический момент, когда грузин выходил на авансцену советской жизни.

Грузины играли ведущую роль на каждом этапе эволюции Советского Союза — от его возникновения до распада. Иосиф Сталин (настоящее имя — Иосиф Джугашвили) был представителем группы

---

¹ Выбор именно этих двух солдат для создания образа советской победы не был случайным. Хотя Егорова и Кантарию официально признали первыми из тех, кто поднял советский флаг над Рейхстагом, похоже, что на самом деле первыми они не были, но удостоились этой чести постфактум — в результате политических директив самого высокого уровня. См.: Яременко В. Кто поднял знамя над Рейхстагом? Героическая история и пропагандистский миф // Сайт Polit.ru. 06.05.2005. URL: www.polit.ru/analytics/2005/05/06/banner.html. Последнее посещение 26 августа 2010 года. Значимость этой фотографии рассматривается в работе Дэвида Шнира: Shneer D. Through Soviet Jewish Eyes: Photography, War, and the Holocaust. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2011. P. 226–227.

грузинских революционеров, выдвинувшихся в первые годы советской власти и руководивших строительством нового государства. После установления социалистического строя советские граждане стали искать новые возможности отдыха и потребления — и нашли их в грузинском ресторане, откуда переняли основные ритуалы грузинского застолья. В годы «оттепели», последовавшей за смертью Сталина, вольный дух эпохи воплощали собой грузинские деятели культуры — эстрадные исполнители песен и танцев, популярные и при этом обладавшие узнаваемыми этническими чертами. Когда же наступил период брежневского застоя, грузины добились преуспевания в разраставшемся теневом секторе экономики. Наконец, с началом реформ Михаила Горбачева именно грузинский фильм — «Покаяние» — достиг пределов дозволенного, поставив под вопрос саму легитимность советской власти.

В многонациональной Советской империи грузины были самыми «своими» из всех «чужаков». Они выезжали за пределы своей родной кавказской республики, чтобы приобрести всесоюзную известность в Москве, — но при этом оставались особым национальным сообществом. Они представляли собой диаспору, чьи границы определялись этническими различиями, — но то была внутренняя диаспора Советского Союза. Грузины использовали свою инаковость способами, которые соответствовали требованиям Советского государства, — но при этом, как правило, действовали к собственной выгоде. Они добивались успеха, потому что их культурный репертуар обладал узнаваемым обликом, потому что их социальные сети простирались за пределы Грузинской Советской Социалистической Республики, пересекаясь с центральными органами, и потому что их родная земля находилась в границах СССР и могла непрерывно снабжать их материальными и идеологически одобренными культурными ресурсами. Грузины владели определенным набором навыков и умений, которому соответствовали тщательно культивируемые мифы. Советские властные структуры использовали успех грузин, поощряли его, иногда и возмущались этим успехом, а сами грузины получали свои дивиденды, умело сочетая всесоюзную известность с самоутверждением на локальном уровне.

На первый взгляд история успеха грузинской диаспоры может показаться нетипичной. Ведь, в конце концов, грузины были всего лишь одной из более чем ста официально классифицированных советских

национальностей. Достигнув численности примерно 4 миллиона человек, они составляли менее 2% от всего советского населения¹. Их родина, Грузинская ССР, представляла собой небольшую территорию, далекую от Москвы, расположившуюся за высокими горами Кавказского хребта. Исторически являясь православными, грузины на протяжении большей части своей истории были теснее связаны с Османской империей и Персией, чем с Россией. Их неславянский язык никоим образом не приходился родственным русскому, а уникальный алфавит был непонятен большинству советских граждан. С учетом всех этих факторов влияние, которого добились грузины в советскую эпоху, предстает еще более загадочным.

Исходная посылка этой книги заключается в том, что история грузинской диаспоры не может быть понята без серьезного переосмысления сущности Советской империи. В предшествующих научных трудах найдены убедительные доводы в пользу того, что СССР можно считать империей, поскольку он занимал огромную территорию, распространял свою власть на этнически «иные» окраины и в процессе управления использовал различия между ними. При этом Советский Союз не был просто федерацией национальностей, запертых в пределах титульных республик, — напротив, эта империя состояла из мобильных диаспор, которые пересекали границы республик, перемешивались друг с другом и активно содействовали строительству подлинно многонационального общества. Отношение государства к его многочисленным национальностям редко было равным и беспристрастным, но нерусские граждане имели возможность использовать — и действительно использовали — зависимость государства от национальных различий. В этой книге, создавая новый образ Советского Союза как империи диаспор, автор рассматривает советских граждан не как имперских подданных, а как активных деятелей этой империи.

¹ Эти статистические показатели взяты из данных переписи населения 1989 года, в ходе которой была определена численность этнических грузин на территории всего Советского Союза. См.: CIS Committee for Statistics, *The Statistical Handbook of Social and Economic Indicators for the Former Soviet Union*. New York: Norman Ross Publishing, 1996. P. 39. [См.: Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР // Демоскоп Weekly. Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php. Последнее посещение 15 ноября 2017 года. — Примеч. пер.]

Отсюда вытекает также более широкая трактовка термина «диаспора», описывающего этническое сообщество, которое проживает за пределами своей родины, но сохраняет коллективную идентичность на протяжении долгого времени¹. Вопреки предшествующей научной традиции изучения диаспор и устоявшимся тенденциям советской историографии, в этой книге утверждается, что родина таких сообществ может находиться и внутри империи; понятие диаспоры трактуется здесь в широком смысле, распространяясь, кроме прочего, на те народы Советского Союза, которые проживали за пределами своих титульных республик². Здесь доказывается, что, разрешая внутренние миграции разнообразных групп населения и в то же время сохраняя систему, в которой национальная идентичность определялась происхождением, Советский Союз породил и закрепил широкий спектр диаспорных групп, воспринимаемых — и зачастую воспринимавших самих себя — в качестве «других» в национальном отношении, но при этом остававшихся советскими гражданами. Хотя ряд ученых выступают за более узкую трактовку понятия «диаспора», ни один другой термин не может столь ясно подчеркнуть тот факт, что жизнь члена каждого из таких сообществ определялась опытом существования — по крайней мере, в каком-то смысле слова — в качестве «чужака»³.

Такие внутренние группы во многих отношениях отличаются от чаще изучаемых диаспор, и потому обращение к их истории требует разработки новой типологии. В отличие от евреев или армян грузины не унаследовали длительной традиции существования в качестве

¹ Для вводного ознакомления с различными дефинициями понятия «диаспора» см.: *Dufoix S. Diasporas*. Berkeley: University of California Press, 2008.

² В российской и советской историографии термин «диаспора» обычно применяется по отношению к нескольким волнам эмигрантов, покинувших Россию и Советский Союз в течение XX века. См.: *Williams R. C. Culture in Exile: Russian Emigres in Germany, 1881–1941*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1972; *Raeff M. Russia Abroad: A Cultural History of the Russian Emigration, 1919–1939*. New York: Oxford University Press, 1990. [В русском переводе: *Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939* / Пер. с англ.; предисл. О. Казниной. М.: Прогресс-Академия, 1994. — *Примеч. пер.*]; *Remennick L. Russian Jews on Three Continents*. New Brunswick, NJ: Transaction, 2007.

³ Уильям Сэфрен доказывает необходимость более строгого определения диаспоры — см.: *Safran W. Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return* // *Diaspora*. 1991. Vol. 1. № 1. P. 83–99. Роджерс Брубейкер критикует чрезмерное увлечение термином «диаспора»: *Brubaker R. The «Diaspora» Diaspora* // *Ethnic and Racial Studies*. 2005. Vol. 28. № 1. P. 1–19.

диаспоры. В рамках Советской империи они быстро превращались из коренных земледельцев в мобильных городских специалистов, а история их расселения может поведать, пожалуй, больше о возможностях жизни в империи, чем о национальной травме. Хотя грузинские мигранты использовали выработанные ранее культурные практики и преследовали свои собственные интересы, именно Советское государство помогало вскармливать и взращивать их диаспорную идентичность. В отличие от более типичных диаспор грузины (как и другие группы, которые описываются в этой книге в качестве «своих чужаков») были склонны больше внимания уделять внешним, показным проявлениям национальных различий, используя свою инаковость в стратегических целях — как способ контролировать условия своей интеграции в имперское пространство.

Хотя грузины, о которых идет речь в этой книге, различались по своему происхождению, придерживались несхожих взглядов и сами не всегда считали себя единым сообществом, все они прежде всего были грузинами, проживающими за пределами Грузии, и в важные моменты советской истории выступали именно как представители своей национальности. Их грузинская идентичность была историческим артефактом: репертуар «своей чуждости», выработанный на пересечении национальной и имперской культур, можно было увидеть, услышать и даже попробовать на вкус. Этот репертуар практик, символов, текстов, моделей самопрезентации являлся предметом внутренних споров диаспоры, даже когда имел внешнюю ориентацию — на достижение целей Советской империи. Разумеется, в этой книге речь не идет в равной степени обо всех грузинах; внимание фокусируется на тех, кто добился широкой известности в Москве, — чтобы объяснить ту ведущую роль, которую играли нерусские диаспоры в сердце Советской империи.

Начиная свое повествование с последних лет императорской России и доводя его вплоть до распада Советского Союза, автор этой книги обращается к истории грузин, чтобы исследовать эволюцию многонационального Советского государства и соответствующие трансформации советского общества. В главе 1 предлагаются теоретические подходы к проблеме и рассматриваются историографические итоги ее изучения в контексте «большой длительности»: предлагается осмысление истории Советского Союза как империи диаспор, проводится сопоставление грузин с другими диаспорами

в пределах СССР и за его границами, описывается становление «внутреннего интернационализма», который обернулся для таких групп, как грузины, новыми возможностями, но и новыми рисками. Следующие главы идут в хронологическом порядке, и в каждой из них рассматривается влияние грузин на определенную сферу жизни советского общества применительно к той эпохе, когда именно данный аспект общественной жизни был наиболее важен. Эти главы могут восприниматься скорее как эпизодические, чем как комплексные, хотя, вместе взятые, они создают панораму советской истории как целого.

В главе 2 прослеживаются судьбы целого поколения грузинских революционеров с конца XIX века до 1930-х годов — история их переселения с Кавказа в Кремль. Затрагивая вопрос о судьбе Русской революции, осуществленной преимущественно нерусскими, эта глава проливает свет на историю так называемой «кавказской группы», лидером которой был Иосиф Сталин. Здесь также предпринимается попытка ответить на вопрос, что сделало грузинские политические сообщества особенными, а в каком-то отношении — более эффективными, чем сообщества других групп, боровшихся за власть в Советском государстве. В главе 3 поиск ответа на этот вопрос приобретает кулинарный ракурс: Сталин предстает как грузинский тамада, решавший дела за кремлевским пиршественным столом, уставленным яствами и напитками с его родины. В этой же главе прослеживается распространение грузинских блюд и вин, а также соответствующих ритуалов трапезы и питья — их распространение из высших эшелонов власти в широкие слои советского общества. Здесь представлена история создания советского многонационального рациона питания и предложено объяснение того, как и почему из всех разнообразнейших национальных кухонь Советского Союза именно грузинская еда и грузинские напитки добились наибольших успехов в деле покорения советского стола.

В главе 4 рассматривается «переформатирование» грузинской культуры после смерти Сталина. Освободившись от запретов сталинской эпохи, но успешно воспользовавшись результатами нескольких десятилетий институционального развития, грузинские художники и артисты энергично ухватились за созданные «оттепелью» возможности деятельности в сфере культуры. В главе 5, обращаясь к следующему историческому периоду, который обычно

характеризуют как застой, мы заглядываем за кулисы советских реалий, чтобы оценить жизненно важную роль, которую играли грузины в разраставшейся теневой экономике. В этой сфере грузинская диаспора была небольшой по численности группой, которая, однако, доминировала по степени влияния и проникала на рынки всего Советского Союза, будучи укоренена в Грузинской ССР. Грузины обеспечивали население товарами, необходимыми для функционирования советской экономики, но их отношения с Советской империей складывались непросто.

В главе 6 ставится задача выяснить, как успех грузин в разных сферах порождал у них недовольство теми ограничениями профессионального развития и культурного самовыражения, которые создавал советский режим. Если в предшествующих главах рассматривалось, с каким мастерством грузины представляли свою «инаковость», то в этой главе я обращаюсь к тому, как грузинская интеллигенция овладевала универсальным языком высокой советской культуры и как в ее среде нарастала критика запретов и ограничений, действовавших в Советской империи. Из всех советских кинематографических школ, наверное, именно грузинские фильмы наилучшим образом воплотили подспудные настроения интеллигенции поздней советской эпохи. Несмотря на то что амбиции немалой части грузинской интеллигенции были возвращены Советским государством, постепенно, к концу 1980-х годов, они вызвали мощное антиимперское движение.

Хотя в 1991 году многие грузины радостно приветствовали обретение независимости, грузинская диаспора добилась преуспевания не вопреки, а благодаря относительной закрытости и внутреннему разнообразию, присущим Советской империи. После ее распада грузины столкнулись с новыми дилеммами, поскольку превратились из внутренней группы советского населения в группу транснациональную, проживающую за пределами своих государственных границ¹. Рассказ об их успехах и о препятствиях на их пути способен пролить свет на тесное переплетение истории империй и диаспор как в Евразии, так и за ее пределами.

¹ За исключением особо оговоренных случаев, в этой книге термин «транснациональный» употребляется по отношению к феноменам, существующим «поверх» государственных границ, поскольку пересечение этих границ влечет определенные последствия и его лучше описывать одним термином с четко указанным значением.

ГЛАВА 1. ИМПЕРИЯ ДИАСПОР

Почти две тысячи километров отделяют просторные балконы и черепичные крыши грузинской столицы, Тбилиси, от стен и башен Московского Кремля. Самый прямой путь ведет мимо древнего города Мцхета и средневековой крепости Ананури, затем по извилистой дороге от зеленых долин до склонов увенчанного снегами Казбека и наконец — через Дарьяльское ущелье, где могучий Терек рассекает Кавказский горный хребет и где Российская империя двигала земли и переселяла народы, чтобы достроить Военно-Грузинскую дорогу. Когда Россия в XIX веке утвердила свое владычество на Кавказе, туда по Военно-Грузинской дороге стали прибывать с севера царские чиновники и солдаты. Тем же путем ехали классики русской литературы Александр Пушкин и Михаил Лермонтов, создавшие на страницах своих произведений образ живописного и многоязычного Кавказа, вошедший в сознание миллионов российских читателей.

Дорога также приводила на север гостей с юга. После вхождения их родины в состав Российской империи молодое поколение грузин пустилось в путь по Военно-Грузинской дороге, чтобы получить образование в российских университетах. По-грузински их называли *тергдалеулеби*, «испившие воду Терека», — те, кто пересек могучую реку и вернулся домой, впитав новейшие интеллектуальные воззрения Москвы и Санкт-Петербурга¹. Следующие поколения повторяли тот же путь на север, при этом к концу XIX века

¹ Об этом термине см.: Manning P. Strangers in a Strange Land: Occidentalists Publics and Orientalist Geographies in Nineteenth-Century Georgian Imaginaries. Brighton: Academic Studies Press, 2012. P. 29–31.

они чаще возвращались домой убежденными социалистами. Снова и снова пересекая Кавказские горы, в российском окружении они культивировали свою особую национальную идентичность, а вернувшись обратно, стремились преобразовать родину. Будучи для грузин проводником в мир современной Европы, Россия представляла им те модели и категории, которые можно было применить к грузинским реалиям и соединить с ранее существовавшими грузинскими культурными практиками, создав такую концепцию национальности и такой набор культурных характеристик, в которых национальное сознание сплавлялось воедино с имперской образованностью.

В 1921 году, после короткого периода независимости, Грузия была занята российской Красной армией во главе с группой грузинских большевиков. При советской власти расстояние, разделявшее два народа, заметно сократилось. Этому способствовали новые дороги и прорытые через горы туннели, разросшиеся порты и транспортные линии Черного моря, железнодорожные пути и авиационные маршруты. Не менее важно, что установление советской власти повлекло изменения не только в инфраструктуре, но и в идеологии. Чтобы достичь своей цели — построения социализма, Советский Союз стремился полностью изменить отношения между метрополией и народами бывших колоний Российской империи.

Хотя другие империи также опирались на диаспоры, в Советском Союзе грузины добились исключительного влияния — потому что смогли использовать особенности уникального государства, которое управляло в соответствии с принципом национальной принадлежности и позиционировало себя как осуществляющее руководство многонациональной страной. Внутренняя грузинская диаспора умело курсировала между Кавказом и Кремлем и находила такие способы сочетать национальное с имперским, которые соответствовали особой, многогранной форме политического устройства. Ее появление в центре жизни советского общества было частью драматического процесса революционной мобилизации представителей нерусских национальностей и стало ответом на те новые возможности, которые предоставляла Москва. Среди нерусских обитателей советской столицы грузины были далеко не самой крупной группой, но их непропорционально высокое представительство на важных политических, культурных и экономических постах обеспечило им

влияние, не соответствовавшее их малой численности (едва достигшей 19 608 человек к 1989 году). Для сравнения: в Москве к тому времени проживало 252 670 украинцев, 174 728 евреев, 73 005 белорусов, 43 989 армян и 20 727 азербайджанцев¹. Разрешения на официальную прописку в Москве — лишь один из возможных способов определить численность сообществ, которые отличались высокой мобильностью и не всегда имели постоянное место жительства или регистрировались в соответствующих органах². Конечно, важным было и то, что на всех общественных позициях, которые они занимали, грузины обычно исполняли свой национальный репертуар громко и красочно, став признанными специалистами по инаковости в общеимперском масштабе.

В обширной научной литературе, посвященной национальностям Советского Союза, как правило, игнорируется фактор их мобильности, а внимание авторов сосредоточено исключительно на феноменах национальности и национализма внутри союзных республик. Конечно, эта тенденция легко объяснима: историки фокусировали свое внимание на нерусском населении СССР именно в те годы, когда Советский Союз распался на пятнадцать независимых национальных государств³. Для постсоветских наций создавались новые национальные нарративы, и одновременно

¹ Рабочий архив Госкомстата России. Таблица 9с. Распределение населения по национальности и родному языку // Демоскоп Weekly. Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=18. Последнее посещение 11 марта 2011 года.

² В советский период зачастую трудно было получить официальную прописку в Москве, поэтому данные переписи не учитывали представителей различных национальностей, нелегально проживавших в советской столице.

³ Показателен пример Грузии. Рональд Григор Суні впервые опубликовал свою работу «Создание грузинской нации» в 1988 году; подобной монографии на английском языке, посвященной Грузии, не появлялось со времени публикации работы Дэвида Маршалла Лэнга «Новейшая история Советской Грузии», вышедшей в свет в 1962 году. См.: *Suny R. G. The Making of the Georgian Nation*. Bloomington: Indiana University Press, 1988; *Lang D. M. A Modern History of Soviet Georgia*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1962. Работа Р. Суні о Грузии была переиздана в 1994 году; второе издание, существенно переработанное, отражало быстрое развитие истории национальностей; в более позднем издании было представлено новое понимание нации — как дискурса, артикулируемого интеллектуальной элитой нации. См.: *Suny R. G. The Making of the Georgian Nation*. 2nd ed. Bloomington: Indiana University Press, 1994. P. IX–XII. Далее все соответствующие цитаты относятся к более позднему изданию.

национализм и национальное государство стали объектом широкого научного интереса¹. Поскольку проблема национальности изучалась в разнообразных национальных контекстах, ученые выработали новое понимание Советского государства — не как разрушителя наций, а как их создателя². Они стали описывать это государство в качестве империи особого типа — как централизованное политическое образование, которое тем не менее на деле способствовало развитию нерусских наций. Терри Мартин, предложивший определение «империя положительной деятельности», в основном рассматривал управление этой империей в ракурсе столичных политических деятелей³. Опираясь на теоретические разработки Бенедикта Андерсона, Франсин Хирш в своей работе обратилась к тому, как государство применяло этнографические знания, чтобы организовать советскую «империю наций» и управлять ею⁴. В этих трудах отразился более широкий историографический феномен — увлечение имперской проблематикой, которое проявляется также в изучении российского имперского прошлого,

¹ Наиболее влиятельными трудами в этом отношении были «Воображаемые сообщества» Бенедикта Андерсона (*Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 1983*) и «Нации и национализм» Эрнеста Геллнера (*Gellner E. Nations and Nationalism. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1983*). Обе работы вышли в свет в один и тот же год и стимулировали бурные научные дебаты 1990-х годов. [В русском переводе: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001; Геллнер Э. Нации и национализм / Пер. с англ. Т. В. Бредниковой, М. К. Тюнькиной; ред. и послесл. И. И. Крупника. М.: Прогресс, 1991. — *Примеч. пер.*]

² *Slezkine Y. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. 1994. Vol. 53. № 2. P. 414–452.* [В русском переводе: Слэзкин Ю. СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во Самарского университета, 2001. С. 329–374. — *Примеч. пер.*] Эта фраза содержит отсылку к названию работы Роберта Конквиста «Сталин: Разрушитель наций» (*Conquest R. Stalin: Breaker of Nations. New York: Viking, 1991*).

³ *Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001.* [В русском переводе: Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / Пер. с англ. О. Р. Щелоковой. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. — *Примеч. пер.*]

⁴ *Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2005.*

когда ученые пытаются рассматривать царскую империю в одном ряду с европейскими колониальными империями¹. Как представляется, изучение истории национальностей в широком имперском контексте позволяло избежать создания не связанных друг с другом исторических повествований о каждой отдельно взятой национальности; это было долгожданным избавлением от той практики, которую Бенджамин Натанс справедливо критиковал как подход «по принципу „один народ за другим“»². Однако в этих исследованиях многонациональной империи по-прежнему освещались те способы, посредством которых Советское государство укрепляло национальности в титульных республиках — с помощью языковой политики, культурных организаций, а также процесса выдвижения местных кадров, известного как *коренизация*. Без сомнения, это были важные факторы, но, заостряя внимание только на них, мы забываем, в каких масштабах СССР стимулировал перемещение через внутренние границы национальных республик. Остается неосвещенным опыт диаспор, определявший жизнь миллионов граждан Советской империи.

СССР включал широкий круг диаспорных групп. Одни, такие как немцы, греки, евреи после создания в 1948 году Государства Израиль, были связаны реальными или воображаемыми узами с зарубежной родиной, и на них государство смотрело с идеологической подозрительностью³. Другие, такие как курды или цыгане, были связаны этническими узами с общинами в соседних странах, но не имели собственного, родного государства, признанного на международном уровне, и им нелегко было существовать в советских

¹ См., например: *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917* / Eds. D. R. Brower and E. J. Lazzerini. Bloomington: Indiana University Press, 1997.

² *Nathans B. Beyond the Pale: The Jewish Encounter with Late Imperial Russia*. Berkeley: University of California Press, 2002. P. 15. [В русском переводе: *Натанс Б. За чертой: Евреи встречаются с позднимперской Россией* / Авториз. пер. с англ. и науч. ред. А. Е. Локшина. М.: РОССПЭН, 2007. С. 27. — *Примеч. пер.*]

³ Из этих групп историки чаще всего обращаются к истории евреев, хотя и не всегда опираясь на теоретические концепции, разработанные в отношении диаспор. Теоретически насыщенное исследование, посвященное существенной роли таких групп в истории общества, представляет собой работа Юрия Слэзкина. См.: *Slezkine Y. The Jewish Century*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004. [В русском переводе: *Слэзкин Ю. Эра Меркурия: Евреи в современном мире* / Авториз. пер. с англ. С. Б. Ильина. М.: Новое литературное обозрение, 2005. — *Примеч. пер.*]

условиях без ясно обозначенной «своей» территории¹. Третья категория — ей до сих пор почти не уделялось внимания — включала в себя внутренние диаспоры, то есть представителей тех национальностей, за которыми были закреплены определенные территории внутри Советского Союза, но также выезжавших за пределы своих титульных республик и часто добивавшихся известности в центре страны². Эта категория охватывает разнообразный круг сообществ, включая армянское население, которое было широко рассеяно по России уже к 1917 году, а также украинцев, казахов, таджиков и других — тех, кто когда-то покинул свою родную землю, чтобы служить в Красной армии, работать на промышленных объектах и жить в российских городах. Внутренние диаспоры в той или иной степени сохраняли свою идентичность, но в любом случае их члены оставались гражданами большого многонационального государства.

Внутренние диаспоры отличались от других типов диаспор, и природа этих отличий проливает свет на советскую национальную политику и практику ее применения. Члены таких сообществ уезжали со своей родной земли и пересекали границы республик, не покидая советской территории; в результате они могли с легкостью перемещаться туда и обратно между своей родиной и принимающим обществом. Хотя их этническая особость официально культивировалась, им, как правило, запрещали организовываться в политическом смысле (как диаспорам) за пределами родных республик³. Не имея официального представительства в качестве общин за пределами своей родины, они

¹ О цыганах см.: *Lemon A. Between Two Fires: Gypsy Performance and Romani Memory from Pushkin to Post-Socialism*. Durham, NC: Duke University Press, 2000; *O'Keeffe B. New Soviet Gypsies: Nationality, Performance, and Selfhood in the Early Soviet Union*. Toronto: University of Toronto Press, 2013.

² Хотя к истории Советского Союза понятие «внутренняя диаспора» пока не применялось, его обсуждали в контексте истории Византии. См. интересное, но предварительное исследование по этому вопросу: *Studies on the Internal Diaspora of the Byzantine Empire* / Eds. H. Ahrweiler and A.E. Laiou. Washington, DC: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1998.

³ Советская национальная политика отвергала идею экстерриториальной автономии для этнических групп. Еще до революции Сталин осуждал эту идею — в своей работе «Марксизм и национальный вопрос», впервые опубликованной в 1913 году. См.: *Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос*. М.: Госполитиздат, 1946.

не были классифицированы советскими чиновниками как диаспоры и лишь косвенно фиксировались в переписях населения как представители той или иной национальности, проживающие за пределами титульных республик, — вот почему историки их обычно игнорировали. Тем не менее присутствие этих сообществ-аутсайдеров ощущалось в каждом аспекте советской жизни, от рынка до театральной сцены или ресторанного меню. В то время как некоторые ученые призывают выработать такой подход к имперской истории, который «выходит за пределы этнических различий», взгляд на историю внутренних диаспор позволяет понять, что национальный принцип в Советском Союзе был чем-то большим, чем основой для административной или этнографической классификации, привязанной к национальным республикам¹. Национальные группы преодолевали территориальные разграничения, взаимодействовали друг с другом, а в некоторых случаях и смешивались. Поэтому вместо того, чтобы отбрасывать понятие национальности из-за ограниченности тех способов, с помощью которых оно изучалось прежде, необходимо пересмотреть его и заново ввести в научный оборот.

В настоящей главе доказывается необходимость изучения внутренних диаспор для рассмотрения национальностей Советского государства в аспекте их мобильности, а также вводятся три взаимосвязанные концепции, позволяющие переосмыслить проблему внутреннего разнообразия этого государства в глобальном компаративистском контексте. Первая из вводимых концепций — понимание Советского Союза как империи диаспор — дает возможность сопоставить Советское государство с другими империями; вторая — понимание грузин как «своих чужаков» — позволяет описать набор культурных стратегий, доступных диаспорному населению, и рассмотреть грузин в одном ряду с другими диаспорами, существовавшими внутри и за пределами Советского Союза; третья концепция — внутренний интернационализм — обеспечивает перспективу для изучения динамично развивавшегося диалога между Советской империей и ее разнообразным населением.

¹ Etkind A. *Internal Colonization: Russia's Imperial Experience*. Cambridge: Polity Press, 2011. P. 255. [В русском переводе: Эткинд А. *Внутренняя колонизация. Имперский опыт России* / Авториз. пер. с англ. В. Макарова. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 392. — *Примеч. пер.*]

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ДРУГИЕ ИМПЕРИИ

Советский Союз был весьма своеобразным имперским государством: его идеология носила открыто антиимпериалистический характер, а его лидеры часто осуждали идеи расового или этнического превосходства¹. Тем не менее в конечном счете в Советском государстве центр явно доминировал над периферией, а политически просвещенная коммунистическая партия, чьи центральные органы находились в столице, — над всем остальным обществом. Советское государство активно практиковало ту политику, которую историки Джейн Бербэнк и Фредерик Купер назвали «политикой разграничения», — имперский по своей сути способ управления, явно контрастировавший с характерными для национального государства акцентами на однородность и горизонтальные связи². Как и другие империи, Советский Союз управлял гетерогенным, иерархически организованным населением, расширялся, поглощая новые территории, и приводил этнически иные окраины под власть метрополии³. Однако грузинский опыт свидетельствует, что Советский Союз был таким государством, где периферия могла отличаться от центра в этническом отношении, но национальное ядро было неопределенным и слабовыраженным. В центре этой империи находилась не одна конкретная нация, а скорее смесь различных диаспор.

В этом смысле Советский Союз никогда не был в истинном значении слова «империей русских». Хотя русский язык «по умолчанию» был языком официальным и русские заняли видное предста-

¹ Литература, посвященная империям, а также вопросу о том, был ли Советский Союз империей, обширна. Примером осторожного подхода к этому вопросу является работа Марка Бейсинджера: *Beissinger M. R. Soviet Empire as «Family Resemblance»* // *Slavic Review*. 2006. Vol. 65. № 2. P. 294–303. Пожалуй, Советский Союз был не единственной империей, которая осознала себя антиимпериалистическим государством; к этой категории можно также отнести Соединенные Штаты. Для сравнения см.: *Kramer P. A. Power and Connection: Imperial Histories of the United States in the World* // *American Historical Review*. 2011. Vol. 116. № 5. P. 1348–1392.

² *Burbank J., Cooper F. Empires in World History: Power and the Politics of Difference*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2010. P. 11–13. [В русском переводе: Бербэнк Дж., Купер Ф. Взлет и падение великих империй / Пер. с англ. Е. В. Матвеевой, А. В. Буторова. М.: АСТ, 2015. С. 15. — Примеч. пер.]

³ Это определение империи частично почерпнуто из работы Фредерика Купера: *Cooper F. Colonialism in Question: Theory, Knowledge, History*. Berkeley: University of California Press, 2005. P. 27.

вительское положение после Второй мировой войны, тем не менее они не были ни самой обеспеченной, ни самой образованной, ни наиболее успешной группой населения СССР¹. Притом что русские численно преобладали над другими национальностями, они все же составляли чуть менее 50% от всего населения Советского Союза². Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика была лишена внешних атрибутов государственности, которыми были наделены другие республики. Она являлась единственной союзной республикой, не имевшей собственной коммунистической партии и Академии наук, и, как федерация, представляла собой лоскутное одеяло из региональных и этнотерриториальных единиц, населенных такими несхожими друг с другом народами, как татары, чеченцы или финны.

Сердцем Советской империи была Москва — скорее имперская, чем национальная столица. В советский период этот русский город был создан заново как многонациональный мегаполис, обладающий собственным самосознанием. Его улицы были названы в честь нерусских социалистических республик и их героев, и гость из Грузии мог найти знакомых, посетив историческую московскую Грузинскую площадь или проехав по столичной улице Руставели³. Город принимал у себя бесчисленные политические съезды, становился ареной культурных событий, молодежных фестивалей, академических конференций, на которых были представлены внутренние диаспоры национальных республик. Политическая элита самой Москвы была многонациональной и состояла из выдвиненцев

¹ Уровень жизни в республиках Прибалтики и в Грузии был выше, чем на большей части Российской Федерации. См.: *Bradshaw M., Hanson P., Shaw D. Economic Restructuring // The Baltic States: The National Self-Determination of Estonia, Latvia and Lithuania / Ed. G. Smith. New York: St. Martin's, 1994. P. 158–180.* Кроме того, уровень образования в целом был выше у евреев, грузин и армян, чем у этнических русских; см. статистические данные, опубликованные в следующем издании: *Высшее образование в СССР: Статистический сборник / Центральное статистическое управление СССР. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1961.*

² CIS Committee for Statistics. *The Statistical Handbook of Social and Economic Indicators for the Former Soviet Union.* P. 39. [См.: Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР. — *Примеч. пер.*]

³ Если название Грузинской площади восходит к многовековой истории проживания грузин в Москве, то улица Руставели получила это название в советский период. Об истории московских грузин см.: *Татишвили В. Грузины в Москве: Исторический очерк (1653–1722).* Тбилиси: Заря Востока, 1959.

с периферии; кулинарные предпочтения москвичей представляли собой «шведский стол» национальных кухонь; культурная жизнь столицы включала в себя знакомство с живописью, музыкой и театром национальных республик; на столичных рынках были представлены товары, которые часто продавали явно нерусские торговцы. Политическая, культурная и хозяйственная жизнь в советской столице строилась из смеси национальных культур, импортированных с периферии. Кремль и Красная площадь пробуждали образы русского прошлого, однако Москва символизировала и многое другое: в первую очередь, конечно, Россию в ее различных исторических воплощениях, но также разнообразные народы и территории империи.

Безусловно, Советский Союз был не первой империей, представлявшей видное место диаспорам, хотя, возможно, ни в одной другой империи этнические меньшинства не играли столь определяющей роли. Византия, как и большинство империй до нее, укрепляла свое войско за счет этнических чужаков¹. Испанская империя предоставляла работу швейцарским наемникам, немецким инженерам, мальтийским купцам и генуэзским морякам, а на пике ее могущества ею правили Габсбурги — наднациональная католическая династия². Создание Британии привело к присоединению населения Шотландии и Уэльса; шотландцы и валлийцы часто сохраняли свою самобытность и придерживались иных религиозных учений, даже когда становились высокопоставленными военными, администраторами, просветителями и промышленниками³. На вновь завоеванных территориях Британия, как и многие другие империи, также опиралась на множество местных посредников и на меньшинства, задействованные в сфере услуг, — например,

¹ См. сравнительно-историческое исследование об этнических «чужаках» на военной службе: *Enloe C. H. Ethnic Soldiers: State Security in Divided Societies*. Athens: University of Georgia Press, 1980.

² Об империи Габсбургов и ее современниках см.: *Elliott J. H. A Europe of Composite Monarchies // Past & Present*. 1992. № 137. P. 48–71; о мальтийских купцах см.: *Vassallo C. Maltese Entrepreneurial Networks // Diaspora Entrepreneurial Networks: Four Centuries of History* / Eds. I. Baghdiantz McCabe, G. Harlaftis, and I. Pepelasis Minoglou. Oxford: Berg, 2005. P. 125–144.

³ О видном положении Уэльса в Британской империи см.: *Jones A., Jones B. The Welsh World and the British Empire, c. 1851–1939: An Exploration // The British World: Diaspora, Culture and Identity* / Eds. C. Bridge and K. Fedorowich. London: Frank Cass, 2003. P. 57–81.

на полиглотов-торговцев, какими были парсы в Гонконге, или на греческих купцов в Леванте¹.

Все эти империи создавали возможности для диаспор, специализировавшихся в тех или иных сферах, а диаспоры преследовали свои собственные цели в тех рамках, которые предоставлялись империей. Империи содействовали широкомасштабным миграциям — не только горизонтальным (между метрополией и колонией), но также «боковым» (из одной колонии в другую). Ирландцы-католики, которые у себя на родине, бесспорно, страдали от колонизации, во множестве переселились в Индию, а также Северную Америку и Вест-Индию — практически сразу же после того, как эти территории перешли под власть Британии². Расистская идеология лишила индусов многих прав и сыграла ключевую роль в эксплуатации их труда в Восточной и Южной Африке; однако, будучи вывезены в британские колонии в Африке, индийские мигранты сумели утвердиться как безусловно значимое коммерческое сообщество и сохранили индуистские и мусульманские религиозные традиции в условиях диаспорного существования³.

Во главе Британской, как и Испанской, империи стоял монарх, хотя после Французской революции династические империи должны были бороться с призывами к народному суверенитету, раздававшимся как из ядра империй, так и из самых дальних имперских владений. Одной из возможных стратегий многонациональных государств в эпоху Нового времени было развитие ассимиляторской концепции имперского гражданства (как во Франции); эта концепция манила перспективой универсализма, хотя на практике приводила к частичному или полному лишению прав тех или

¹ Plüss C. Globalizing Ethnicity with Multi-local Identifications: The Parsee, Indian Muslim and Sephardic Trade Diasporas in Hong Kong // *Diaspora Entrepreneurial Networks*. P. 245–268; *Pepelasis Minoglou I.* Toward a Typology of Greek-Diaspora Entrepreneurship // *Ibid*. P. 173–189.

² Об Ирландии как о примере «внутреннего колониализма» см.: *Hechter M.* Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536–1966. Berkeley: University of California Press, 1975; о миграции ирландцев и других групп населения Британской империи см.: *Harper M., Constantine S.* Migration and Empire. Oxford: Oxford University Press, 2010; об ирландской диаспоре см.: *Kenny K.* Diaspora and Comparison: The Global Irish as a Case Study // *Journal of American History*. 2003. Vol. 90. № 1. P. 134–162.

³ *Johnson R.* British Imperialism. New York: Palgrave Macmillan, 2003. P. 76; *Cohen R.* Global Diasporas: An Introduction. Seattle: University of Washington Press, 1997. P. 57–81.

иных групп, формируемых по расовому или гендерному признаку¹. Другая стратегия состояла в том, чтобы одновременно проявлять толерантность и удерживать народы в пределах имперских границ, как в Австро-Венгрии XIX века. Там династия Габсбургов усиливала централизованную бюрократию и поднимала на щит свою католическую идентичность, но в то же время укрепляла связи с протестантским, православным и даже иудаистским населением².

Советский Союз не был династической империей, хотя и имел некоторое сходство с другими империями, существовавшими прежде в Евразии — обширном, но целостном географическом регионе³. Евразийские империи отличались особым умением управлять разнообразным в религиозном и этническом отношении населением, и многие из этих империй включали те же самые национальные группы, которые позже оказались под властью Советов. В отличие от огромной Британской империи, правившей морями, это были не морские, а континентальные империи, чьи границы не так-то легко определялись в географическом отношении и где еще труднее было установить внутренние границы между центром и периферией. В евразийских империях было гораздо сложнее выделить четко очерченное этническое и расовое ядро, чем в империях Западной Европы; в результате в центре евразийских империй чужакам, наделенным востребованными навыками и умениями, как правило, предоставлялось столько же возможностей, сколько и членам численно преобладающей нации. Как сформулировал в известном изречении выдающийся российский историк В. О. Ключевский, колонизация была «основным фактом русской истории», но с учетом того, что история России — это история «страны, которая колонизируется» (то есть колонизирует саму себя)⁴.

¹ Conklin A. Colonialism and Human Rights, A Contradiction in Terms? The Case of France and West Africa, 1895–1914 // *American Historical Review*. 1998. Vol. 103. № 2. P. 419–442.

² Judson P. M. *Exclusive Revolutionaries: Liberal Politics, Social Experience, and National Identity in the Austrian Empire, 1848–1914*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1996.

³ Об истории понятия «Евразия» см.: Von Hagen M. *Empires, Borderlands, and Diasporas: Eurasia as Anti-Paradigm for the Post-Soviet Era* // *American Historical Review*. 2004. Vol. 109. № 2. P. 445–468.

⁴ Эти слова Ключевского цитирует В. Сандерланд: Sunderland W. *Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2004. P. 209. [См.: Ключевский В. О. *Русская история: Полный курс лекций: В 3 кн.* М.: Мысль, 1993. Кн. 1. С. 19–20. — *Примеч. пер.*]

Советский Союз во многих отношениях был похож на свою предшественницу — Российскую империю, и не только тем, что границы их примерно совпадали и сами они занимали одинаковое положение на Евразийском континенте. И СССР, и Российская империя были ярко выраженными многонациональными государствами, однако в качестве их ядра выступала скорее не нация, а универсалистская идеология. Российская империя, которую иногда провозглашали Третьим Римом, предоставляла привилегированную роль православному христианству и иногда поощряла русификацию, но также сохраняла религиозное и этническое разнообразие и управлялась транснациональной династической элитой¹. Наследие, полученное Советским Союзом от его предшественницы, было не только географическим: в состав этого наследия входили также испытанные временем практики управления империей и определенный набор национальных особенностей.

Соседка Российской империи на Евразийском континенте, Османская империя, во многом следовала сходным практикам. Османское государство не определяло себя как турецкое, но провозглашало династическую и исламскую идентичность — и в то же время предоставляло защиту и заключало своеобразные соглашения с пестрым в религиозном и языковом отношении населением султанских владений². Как и русские в Российской империи, турки в Османской империи составляли численно преобладающую нацию, но у них не было внешних атрибутов национального государства. И русские, и турки в основной своей массе являлись крестьянами и зачастую были слабо представлены в ключевых сферах имперской

¹ Об истории идеи России как Третьего Рима см.: *Kalb J. E. Russia's Rome: Imperial Visions, Messianic Dreams, 1890–1940.* Madison: University of Wisconsin Press, 2008. P. 3–33; о сложностях политики русификации см.: *Weeks T. R. Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914.* DeKalb: Northern Illinois University Press, 1996; о компромиссах империи с исламом и приспособлении к конфессиональному разнообразию см.: *Crews R. D. For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006; *Werth P. W. The Tsar's Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia.* Oxford: Oxford University Press, 2014.

² *Lowry H. W. The Nature of the Early Ottoman State.* Albany: State University of New York Press, 2003; *Barkey K. Bandits and Bureaucrats: The Ottoman Route to State Centralization.* Ithaca, NY: Cornell University Press, 1994; *Deringil S. The Well-Protected Domains: Ideology and the Legitimation of Power in the Ottoman Empire, 1876–1909.* New York: I. B. Tauris, 1998.

жизни, включая коммерцию и управление империей. Вместо того чтобы демонстрировать преобладание одной нации, евразийские империи отводили важнейшую роль широкому диапазону профессионалов, разнообразных в этническом отношении. В Османской империи были армянская, греческая и еврейская коммерческие элиты, а ее бюрократия и вооруженные силы были укомплектованы потомками рабов, вывезенных с Балкан и Кавказа¹. Точно так же в империи Романовых наличествовали старообрядческое и татарское торговые сообщества, чиновники и ученые — остзейцы, еврейские бароны-промышленники². Во внутреннем разнообразии Османской империи можно убедиться даже на примере состава младотурок, которые стремились реформировать империю и в конце концов стали призывать к созданию националистического государства. Среди основателей этой организации — составившей ядро будущей партии «Единение и прогресс» — не было ни одного этнического турка, но присутствовали албанец, два курда и черкес³.

В Евразии XX века Советский Союз, в то время как его соседи раздробились на национальные государства, отыскал новые способы упрочиться в качестве многонациональной империи. В отличие от Османской империи, Австро-Венгрии или даже Четвертой республики во Франции СССР эффективно позиционировал себя как антиимпериалистическое политическое образование. В нем более ярко была выражена многонациональная идентичность и более тщательно

¹ *Suny R. G. Looking Toward Ararat: Armenia in Modern History.* Bloomington: Indiana University Press, 1993. P. 94–115; *Stoianovich T. The Conquering Balkan Orthodox Merchant* // *Journal of Economic History.* 1960. Vol. 20. № 2. P. 234–313; *Kunt M. I. Ethnic-Regional (Cins) Solidarity in the Seventeenth-Century Ottoman Establishment* // *International Journal of Middle East Studies.* 1974. Vol. 5. № 3. P. 233–239.

² *Kappeler A. The Russian Empire: A Multiethnic History* / Transl. by A. Clayton. Harlow: Longman, 2001. [В русском переводе: *Канпелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение, история, распад.* М.: Традиция — Прогресс-Традиция, 2000. — *Примеч. пер.*]; *Armstrong J. A. Mobilized Diaspora in Tsarist Russia: The Case of the Baltic Germans* // *Soviet Nationality Policies and Practices* / Ed. J. R. Azrael. New York: Praeger, 1978. P. 63–104.

³ В числе основателей Общества османского единства были албанец Ибрагим Темо, курды Абдуллах Джевдет и Исхак Сюкути, черкес Мехмед Решид. Об истории этой организации см.: *Hanioğlu M. Ş. The Young Turks in Opposition.* New York: Oxford University Press, 1995. P. 71–74; о ее основателях: *Jongerden J. Elite Encounters of the Violent Kind: Milli İbrahim Paşa, Ziya Gökalp and the Political Struggle in Diyarbakir at the Turn of the 20th Century* // *Social Relations in Ottoman Diyarbakir, 1870–1915* / Eds. J. Jongerden and J. Verheij. Boston: Brill, 2012. P. 55–84.

осуществлялись интернационалистские проекты (по крайней мере, в пределах его собственных границ), чем в любой до тех пор существовавшей империи. Если можно сказать, что у Советского Союза была собственная цивилизаторская миссия, то она состояла не в том, чтобы превратить узбеков в русских, но скорее в том, чтобы сделать тех и других лучшими коммунистами. Эта миссионерская задача с равным упорством проводилась в жизнь по отношению к русским крестьянам и кочевникам-скотоводам Средней Азии. Более того, реализацией данной задачи руководили не только русские из Москвы — ее осуществляли убежденные коммунисты с различными этническими корнями. В Советском Союзе внутренние диаспоры были не просто компрадорами или посредниками — зачастую именно они, эти диаспоры, выступали в качестве строителей империи.

Советской империей диаспор управляли из Москвы, но — вопреки мнению многих историков — она не была создана одной лишь волей центра. Советский Союз сложился как федеративное государство после присоединения Украины, Белоруссии и стран Закавказья, переживших краткий период независимости после распада Российской империи¹. Хотя Советский Союз стал жестко централизованной федерацией, где каждой республике предписывались одни и те же национальные формы, — степень культурной автономии той или иной нации могла варьировать, что зависело от демографического фактора и от осознания необходимости сплотить местные элиты. В республиках со значительным русским населением — как, например, в Казахской ССР — русский и местный языки получали равный статус; в республиках же с преобладанием титульной нации — как в Грузинской ССР — первенство оставалось за местным языком². Помимо этого, отношения с местными элитами изначально определялись тем, при каких именно обстоятельствах та или иная республика была включена в состав Советского Союза. Например, после того как Красная армия вторглась в Грузию, Ленин подчеркивал необходимость компромиссного (примирительного) подхода³.

¹ О возникновении Советского Союза см.: *Smith J. The Bolsheviks and the National Question, 1917–23. New York: St. Martin's, 1999.*

² Об истории Казахской ССР см.: *Olcott M. B. The Kazakhs. Stanford, CA: Hoover Institution Press, 1987.*

³ *Smith J. The Georgian Affair of 1922: Policy Failure, Personality Clash or Power Struggle? // Europe-Asia Studies. 1998. Vol. 50. № 3. P. 519–544.*

Хотя Сталин на своей родине проводил крайне безжалостный курс на политическую централизацию, национальное самовыражение грузин в советское время опиралось на те институты, которые были созданы еще в имперский период и развивали свой культурный репертуар еще до возникновения Советского государства.

Несмотря на то что положение различных национальностей в Советском Союзе до известной степени определялось ими самими, политические деятели в Москве создали рамочные условия для взаимодействия национальностей и предоставили государству решающую роль в деле классификации и управления диаспорным населением. Как убежденные социалисты, большевики оценивали все национальности, исходя из предполагаемого уровня их развития, трактуемого в соответствии с марксистским учением. Согласно сталинской формуле нации определялись как «исторически сложившиеся» сообщества, основанные на общности языка, территории, экономической жизни и «психического склада»; некоторые из них благодаря высокой степени грамотности, территориальной консолидации, высокому уровню экономического развития и идеологической интеллектуальной продукции оценивались как более развитые, а следовательно — более близкие к социализму, чем другие¹. Как можно видеть, в рамках этого подхода «национальность» наделялась теми же характеристиками, что и «класс» (по крайней мере, некоторыми), что имело важные последствия для формирования внутреннего интернационализма, укоренившегося в пределах Советского государства. Установленные государством рамки для управления различиями оказались удивительно прочными. Хотя иногда здесь проявлялись пережитки расового мышления, составлявшие подоплеку широко распространенных предубеждений по отношению к якобы нецивилизованным «народам Востока» или темпераментным «южанам», подобные представления все же не афишировались². Членов диаспор чаще описывали (и они

¹ Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос. С. 9.

² На основании серии интервью, взятых с 2004 по 2009 год, Джефф Сахадео делает вывод, что к концу существования Советского Союза национальные категории иногда перемешивались с расовыми представлениями о различиях между людьми. Тем не менее национальные ярлыки оставались преобладающими, и трудно представить себе грузин (или представителей любого другого советского народа), позиционирующих себя как «черных». См.: *Sahadeo J. Soviet «Blacks» and Place Making in Leningrad and Moscow // Slavic Review. 2012. Vol. 71. № 2. P. 331–358.*

описывали сами себя) с помощью советских национальных категорий, таких как «грузин» или «узбек», или же, если возникала необходимость в обобщениях, таких как «кавказец» или «азиат».

Поскольку строительство социализма означало соответствие интересам социалистического государства, иерархия советских национальностей и, в свою очередь, советских диаспор основывалась на интересах государственной централизации и представлениях о лояльности государству. К середине 1930-х годов малые нетитульные национальности были «консолидированы» и начался процесс сокращения численности автономных регионов; по существу — были запрещены проявления идентичности, которую признали субэтнической (например, идентичность мингрелов в Грузии), и были заметно ограничены институциональные ресурсы, доступные для тех диаспор, чья родина находилась в пределах другой союзной республики (как произошло с Абхазской Автономной Советской Социалистической Республикой, которую включили в состав Грузинской ССР)¹. Для тех диаспор, чья родная земля находилась за пределами СССР, стало опаснее позиционировать свою инаковость, поскольку трансграничное население — например, финны, иранцы, корейцы и поляки — подверглось депортации из приграничных районов Советского Союза². Лояльность стала пониматься как отсутствие возможного иностранного гражданства, а также, особенно после Второй мировой войны, как проявление героизма или сотрудничество данного народа в борьбе против фашизма. В годы Великой Отечественной войны целые этнические группы населения, которых сочли идеологически подозрительными (например, чеченцы, ингуши, крымские татары), были осуждены как «предатели» и подвергнуты насильственному переселению, а клеймо предполагаемого сотрудничества с врагом им пришлось нести на себе и в ссылке³. Тем не менее представление о коллективной ответственности

¹ В 1932 году Абхазская Республика была понижена в статусе — из Советской Социалистической Республики она стала автономной республикой в составе Грузинской ССР. См.: *Suny R. G. The Making of the Georgian Nation*. P. 321.

² *Siegelbaum L. H., Moch L. P. Broad is My Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2014. P. 303–307.

³ *Gammer M. The Lone Wolf and the Bear: Three Centuries of Chechen Defiance of Russian Rule*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2006; *Williams B. G. The Crimean Tatars: The Diaspora Experience and the Forging of a Nation*. Leiden: Brill, 2001.

приносило и свои выгоды: народы, проживавшие в союзных республиках, приветствовались и принимались на всей советской территории как социалистические «друзья» и «братья».

Если обычно, говоря о колонизации, имеют в виду колонизацию периферии центром, то Советское государство в некоторых случаях допускало и даже поощряло «колонизацию» многонациональной Москвы некоторыми представителями периферии и их институтами. Восхождение Сталина и «кавказской группы» в Кремль — наиболее яркий, хотя, безусловно, не единственный тому пример. Описывая Советский Союз как империю диаспор, мы уходим от стереотипного деления на центр и периферию, колонизаторов и колонизируемых, которым руководствуются многие специалисты по истории империй. Этот подход смещает фокус нашего внимания на разнообразие многонационального Советского государства и означает, что историю народов Советского Союза нельзя сводить к истории их страданий под господством русских, а также позволяет выявить тот факт, что некоторые группы могли добиться успеха в имперском контексте именно используя свою инаковость.

ДИАСПОРЫ МЕЖДУ ЧУЖДОСТЬЮ И БЛИЗОСТЬЮ

Диаспора, как доказывает теоретик Хачик Тололян, — это не столько «четко определенное понятие и социальное явление», сколько «процесс коллективной идентификации», который основывается на тех или иных аспектах родной культуры¹. Культурный репертуар диаспоры может включать особый язык, общие тексты и символы, социальные практики и нормы, которые пробуждают образ Родины или обращаются к нему — будь то реальная родина или воображаемая, далекое воспоминание или будущая возможность. Однако формы самовыражения диаспоры всегда определяются контекстом принимающего общества — равно как и ее связью с родиной. Те, кто пытается артикулировать идентичность диаспоры, вынуждены прокладывать свой курс между двумя полюсами: принимающим обществом, чьи политические и культурные структуры могут благоприятствовать мигрантам или стеснять их, и родиной, которая

¹ Tölölyan K. The Contemporary Discourse of Diaspora Studies // Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East. 2007. Vol. 27. № 3. P. 649–650.

может манить узами родства или же подвергаться критике за мнимую культурную отсталость.

Стратегии, которые применяют диаспорные сообщества, оговаривая приемлемые условия для выражения собственной идентичности, обусловлены в каждом случае своей предысторией, разным политическим контекстом и несхожим культурным репертуаром. Вместо того чтобы пытаться расположить эти стратегии по нарастающей — от полной ассимиляции до широкомасштабной этнической мобилизации, продуктивнее было бы задуматься о двух основных стилях самовыражения диаспор: первый из них состоит в том, чтобы играть по правилам принимающей культуры, а второй — в том, чтобы привлекать внимание к инаковости группы. Конечно, это идеальные типы; на практике диаспоры могут в различных контекстах находить различные соотношения между тем и другим стилями или относиться к ним амбивалентно. Тем не менее научная литература по проблемам диаспор обычно уделяет преимущественное внимание первому из этих двух стилей, делая акцент на принуждении к ассимиляции и на сложности, опасности сохранения диаспорной идентичности. Но в таком случае наука упускает из внимания тот факт, что значительное число диаспорных групп стремится к успеху и добивается его, используя свои этнические отличия. Подобные группы лучше всего характеризовать как «своих чужаков», и их опыт способен расширить наши привычные представления о возможностях и рисках существования диаспоры¹.

Вплоть до недавнего времени слово «диаспора» в большинстве английских словарей начиналось с прописной буквы. В качестве эталонной диаспоры рассматривались евреи, и теоретические обобщения строились на основе опыта еврейской диаспоры. Подчеркивая

¹ Термин «свои чужаки» вводится не впервые, но именно в этой книге он применяется по-новому — по отношению к особому типу диаспоры. Этот термин также используется в работе Джонатана Липмана: *Lipman J. N. Familiar Strangers: A History of Muslims in Northwest China*. Seattle: University of Washington Press, 1997. Однако Липман описывает группу на периферии китайского общества и не предлагает более широкой типологии. Отправной точкой дискуссии о «чужаках» стало известное эссе Георга Зиммеля «Чужак», впервые опубликованное в 1908 году. См.: *Georg Simmel on Individuality and Social Forms: Selected Writings* / Ed. D. N. Levine. Chicago: University of Chicago Press, 1971. P. 143–149. [В русском переводе: *Зиммель Г. Эссе о чужаке* / Пер. А. Ф. Филиппова // *Социологическая теория: история, современность, перспективы*. Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 7–13. — *Примеч. пер.*]

травматический характер рассеяния евреев, длительную традицию не только их существования в качестве диаспоры, но и их преследования, социолог Робин Коэн охарактеризовал евреев как «виктимную диаспору»¹. Конечно, даже с точки зрения Коэна, еврейская диаспора была чем-то большим, чем просто жертвой; но указанный термин метко передает особенности огромного массива литературы об историческом опыте евреев. Недавние исследования о евреях в советской истории усложнили эту концепцию, хотя принятие евреями революционного универсализма было чревато угрозой «разоблачения», а открытое еврейское культурное творчество практически закончилось, когда при Сталине был закрыт Московский государственный еврейский театр².

Отчасти испытав влияние еврейской историографии, исследования по африканской диаспоре трактуют травматическую память как стержень коллективной идентичности и подчеркивают риски инаковости³. Однако опыт евреев невозможно проецировать на все диаспоры. Важный противовес может быть найден в литературе по «меньшинствам-посредникам» и «торговым диаспорам»⁴. Эти термины наиболее часто использовались для описания греческих, армянских и заморских китайских сообществ, хотя иногда применялись и к евреям. Такие группы могли пережить рассеяние как травму, но также извлекали выгоду из своей инаковости. В целом, однако, подобные группы обычно описывались как неспособные или не желающие сформировать длительные и значимые отношения с принимающим обществом. Их экономическая роль, иногда характеризующаяся как «профессиональное нарушение границ», могла сравниваться с той культурной нишей, которую, согласно распространенному мнению, обычно занимали цыгане, особенно

¹ Cohen R. *Global Diasporas*. P. 1–56.

² В числе многих других работ недавнего времени см.: *Veidlinger J. The Moscow State Yiddish Theater: Jewish Culture on the Soviet Stage*. Bloomington: Indiana University Press, 2000; *Moss K. B. Jewish Renaissance in the Russian Revolution*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009; *Tanny J. City of Rogues and Schnorrers: Russia's Jews and the Myth of Old Odessa*. Bloomington: Indiana University Press, 2011.

³ Джеймс Клиффорд предполагает, что еврейская и африканская диаспоры являются «гомологическими в своих определяющих аспектах». См.: *Clifford J. Diasporas // Cultural Anthropology*. 1994. Vol. 9. № 3. P. 302–338, особенно 321–325.

⁴ См. обзорную работу по этой теме: *Bonacich E. A Theory of Middleman Minorities // American Sociological Review*. 1973. Vol. 38. № 5. P. 583–594.

в России¹. Как экономические посредники цыганские предприниматели специализировались на распространении товаров, считавшихся в принимающем обществе контрабандными². Ученые, возможно, недооценивали степень фактической интеграции цыган в культуру принимающего общества, но факт остается фактом — в них и в самом деле, как правило, видели чужаков, потенциально опасных и сомнительных с идеологической точки зрения³. Эта шаткая социальная позиция не помешала цыганским хорам занять свое место на сценах императорской России, но в целом цыгане по-прежнему рассматривались как обособленные чужаки, а их известность ограничивалась сферой экзотических музыкальных спектаклей.

В отличие от евреев и африканцев грузины мигрировали по собственному желанию, и, по контрасту с греками или цыганами, у них не было столь длительной традиции рассеяния. Их центральная роль заставляет вспомнить то, что писал социолог Георг Зиммель о «чужаке», который «сегодня приходит и назавтра остается»; но грузины в большей степени, чем другие сообщества «чужаков», интегрировались в советскую культуру и вышли на ее передний план, ощутило сохраняя в то же время свои национальные особенности, комфортным образом сочетая свое и чужое⁴. Они не были привязаны к одной конкретной роли, но преподносили свою инаковость в самых различных амплуа: как нерусские эксперты по «национальному вопросу»; как первопроходцы в деле разработки многонациональной советской кухни; как интерпретаторы национальной культуры на советской сцене; наконец, как критики-интеллектуалы, с равной легкостью поддерживающие идеологию национального возрождения и панимперский идеализм. В государстве, где национальный принцип был уравновешен многонациональной социалистической идентичностью, грузины добивались

¹ Термин «профессиональные нарушители границ» взят из следующей работы: Curtin P.D. *Cross-Cultural Trade in World History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.

² Scott E.R. *The Nineteenth-Century Gypsy Choir and the Performance of Otherness* (неопубл.; Berkeley Program in Eurasian and East European Studies, University of California, Berkeley, Fall 2008).

³ Об интеграции цыган см.: Lemon A. *Between Two Fires*; O'Keeffe B. *New Soviet Gypsies*.

⁴ Georg Simmel on Individuality and Social Forms. P. 143. [В русском переводе: Зиммель Г. Экскурс о чужаке. С. 228. — *Примеч. пер.*]

успеха как советские люди, не утрачивая при этом своего национального акцента.

Как чужаки, которые интегрируются в общество, держась в некоторых отношениях особняком, и как бывшие земледельцы, нашедшие себя в современной городской жизни — в таких ее сферах, как бизнес и эстрада, — грузины во многих аспектах напоминают ливанцев в Латинской Америке, хотя, может быть, у них даже больше общего с итальянскими мигрантами в Соединенных Штатах¹. Будучи «своими чужаками», эти группы занимают пороговую социальную позицию. Если это христиане, переселившиеся в христианское по преимуществу общество, то у них обычно имеются свои собственные религиозные традиции — грузинское православие или маронитское католичество (у многих ливанских мигрантов); католицизм итальянцев в Америке также обладает своим этническим обликом — его культовые сооружения в архитектурном плане напоминают или даже в точности повторяют сельские церкви родной Италии. В Соединенных Штатах, где расовый принцип обычно был в основе классификации мигрантов, ливанцы и итальянцы располагались на границе между черными и белыми; в Советском Союзе грузины (как и армяне) были (пусть и самыми восточными) народами из числа тех, кого классифицировали как «западных», и потому расценивались в качестве более прогрессивных и европеизированных, чем их соседи-азербайджанцы, не говоря уже о предположительно «отсталых» народах Средней Азии². Все «свои чужаки» сохраняли корни на родной земле, даже если были физически рассредоточены. Итальянская миграция, как и грузинская, была гораздо в большей степени возвратной и разнонаправленной, чем предполагала американская «иммигрантская парадигма»³. Многие

¹ The Lebanese in the World: A Century of Emigration / Eds. A. Hourani and N. Shehadi. London: Center for Lebanese Studies and I. B. Tauris, 1992; *Khater A. F. Inventing Home: Emigration, Gender, and the Middle Class in Lebanon*. Berkeley: University of California Press, 2001; *Primeggia S., Varacalli J. A. Community and Identity in Italian American Life // The Review of Italian American Studies* / Eds. F. M. Sorrentino and J. Krase. Lanham: Lexington Books, 2000. P. 245–280.

² *Sanchez G. J. Race, Nation, and Culture in Recent Immigration Studies // Journal of American Ethnic History*. 1999. Vol. 18. № 4. P. 66–84; *Abdelhady D. The Lebanese Diaspora: The Arab Immigrant Experience in Montreal, New York, and Paris*. New York: New York University Press, 2011; *Martin T. The Affirmative Action Empire*. P. 127. [В русском издании: *Мартин Т. Империя «положительной деятельности»*. С. 179. — *Примеч. пер.*]

³ *Gabaccia D. R. Is Everywhere Nowhere? Nomads, Nations, and the Immigrant Paradigm of United States History // Journal of American History*. 1999. Vol. 86. № 3. P. 1115–1134.

итальянцы в Соединенных Штатах мечтали о скором возвращении домой и на протяжении поколений сохраняли связи с большой семьей и с выходцами из родной деревни¹. Хотя ливанцы возвращались домой гораздо реже, они посылали деньги на перестройку семейного дома, экономически поддерживали родные деревни и налаживали контакты с политиками на своей родине.

Успех «своих чужаков» зависел от степени, в какой они могли определять условия их самопрезентации в принимающем обществе. Хотя экзотизирующая репрезентация «другого» обычно трактуется как стержень империалистического господства, такие группы обладали способностью использовать этнические различия в качестве разновидности культурного капитала, адаптируя национальный репертуар для более широкой аудитории, но в то же время применяя его для очерчивания контуров групповой идентичности². Отчасти эффективность этой стратегии зависела от требований принимающего общества и от того, в какой степени оно применяло этнические и расовые иерархии для сдерживания чужаков. Например, «двойное сознание», которое описывает литературовед и теоретик Пол Гилрой применительно к африканской диаспоре, порождено более жестким и долговременным характером расовых барьеров и вытекающим отсюда чувством отчуждения от принимающего общества. Хотя культурная продукция африканской диаспоры в Соединенных Штатах широко популяризировалась, все же ее часто присваивали другие, что в результате вело к потере контроля и экспроприации прибыли³.

Даже если диаспорное сообщество успешно транслировало свою инаковость и не утрачивало авторских прав, возможность добиться видного положения в качестве «своих чужаков» зависела и от того

¹ О значении связей между бывшими односельчанами в среде итальянских мигрантов см.: *Baily S. L. Immigrants in the Lands of Promise: Italians in Buenos Aires and New York City, 1870–1914*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1999.

² Взаимосвязь между, с одной стороны, представлениями о «другом» как об «экзотическом» и, с другой стороны, империализмом доказывал Эдвард Саид в своей работе «Ориентализм»: *Said E. W. Orientalism*. New York: Random House, 1979. [В русском переводе: Саид Э. В. Ориентализм: Западные концепции Востока / Пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб.: Русский Мир, 2006. — Примеч. пер.]; затем он подробнее развил эту тему в своей работе «Культура и империализм»: *Idem. Culture and Imperialism*. New York: Random House, 1993. [В русском переводе: Он же. Культура и империализм / Пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб.: Владимир Даль, 2012. — Примеч. пер.]

³ *Gilroy P. The Black Atlantic: Modernity and Double Consciousness*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993.

культурного репертуара, которым располагали члены диаспоры. Хотя национальная культура может быть социально конструируемой, она не создается с нуля. Культурные идиомы и практики возникают в специфических исторических обстоятельствах и различаются в пространстве и времени; в свою очередь, их тем или иным образом усиливают или регулируют социальные и государственные институты. Культурные репертуары наций редко остаются неизменными, а потому, чтобы иметь успех, культурный репертуар должен убеждать тех, кто находится «внутри» группы, в принадлежности к ней, а тех, кто «снаружи», — в наличии различий. В частности, за грузинской культурой и сами грузины, и сторонние наблюдатели признавали такие отличительные черты: длительную историю адаптации в рамках империи, сильное, но гибкое чувство языковой общности, склонность к публичности и демонстративности. Стоит посмотреть, как эти факторы возникли и соединились друг с другом в советском контексте.

Советский период был не первым примером того, как местные грузинские культурные практики встраивались в более широкие, имперские рамки. На тех территориях, которые вошли в состав Грузии позднее, культурная самобытность сохранялась, даже когда грузинские элиты демонстрировали свою гибкость, вливаясь в чужие, имперские структуры. В некоторых случаях поглощение тех или иных территорий Османской либо Персидской империей приводило к обращению ведущих благородных грузинских семейств в ислам, но при этом такие семейства оставались этнически различимыми среди служилых элит Османской и Персидской империй и сохраняли связь с политической жизнью своей родины¹. Под российским же владычеством грузинская элита Тбилиси, еще недавно подверженная персидскому влиянию, с готовностью явилась к российскому двору и вскоре уже наряжалась по последней европейской моде на балах, которые давали российские чиновники². Вместе с тем во второй половине XIX века российское правление привело к развитию национализма, хотя по большому счету грузинские националисты скорее стремились к культурной автономии

¹ Scott E. R. Ottoman Imperial Identities Between Istanbul and the Caucasus // Journal of Associated Graduates in Near Eastern Studies. 2007. Vol. 12. № 2. P. 3–29.

² Lang D. M. The Last Years of the Georgian Monarchy, 1658–1832. New York: Columbia University Press, 1957.

в пределах Российской империи, чем к политической независимости, — по крайней мере до 1917 года¹.

В советский период, как и в течение прошедших веков под властью империй, стремление грузин сохранить чувство национальной самобытности воплощалось не столько в создании формальных политических организаций, сколько в сохранении рассредоточенными группами населения своих культурных практик, — особенно это касалось употребления грузинского языка. Можно сказать, что грузины обладали в каком-то смысле сакральным языком — со своим особым алфавитом и исторической связью с грузинской православной традицией; этому языку в X веке воздавал хвалу грузинский монах Иоанн-Зосим, который, будучи изгнанником на Синае после арабского завоевания Грузии, писал, что «всякая тайна схоронена в сем [грузинском] языке»². Язык, на котором была создана развитая литературная традиция, язык народной культуры — грузинский язык был к тому же еще и языком «схороненных тайн». В отличие от многих других языков Советского Союза, он был фактически непонятен чужакам. Это усиливало чувство групповой принадлежности; оно распространялось на грузин, способных вести беседу на родном языке, и в то же время из границ сообщества — иногда преднамеренно — исключались те, кто не понимал грузинского. Хотя члены грузинской диаспоры и были носителями двух языков и двух культур, искусно балансировавшими между нацией и империей, они обычно не стеснялись переключаться с языка империи на язык своей родины, чтобы в доступной манере подчеркнуть свою инаковость.

Грузины не только были полны желания адаптировать свой национальный репертуар, но также смогли найти убедительные способы передать его аудитории и вызвать широкий резонанс. Хотя любые идентичности, национальные и прочие, в каком-то смысле являются перформативными, в грузинской культуре публичным проявлениям уделялось особое внимание. Социальные узы в грузинском обществе скреплялись открыто и часто, личная лояльность высоко ценилась и зачастую переплеталась с институциональной

¹ Jones S. *Socialism in Georgian Colors: The European Road to Social-Democracy, 1883–1917*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2005. P. 260–262.

² Цит. по: Rayfield D. *The Literature of Georgia: A History*. Surrey: Curzon Press, 2000. P. 19–20.

принадлежностью, а социальный статус был в высшей степени нестабильным, требовавшим постоянной артистической игры со стороны мужчин и сохранения невозмутимого самообладания со стороны женщин¹. В своих публичных проявлениях культура грузинского общества была не только зрелищной, но и, безусловно, лиричной. Она включала ритуалы пения и танца с установленными ролями для мужчин и женщин, хотя высший авторитет принадлежал мужчинам, которые могли состязаться друг с другом, выводя одну из партий многоголосого напева или со вкусом и к месту провозглашая тост за столом. Культура заздравной речи, которую воплощал собой грузинский тамада, порождала умелых политиков, так же как всепроникающий грузинский лиризм сформировал художественную среду, которая посвятила себя виртуозной самопрезентации. Интересно, что подобные же качества приписываются ливанцам, итальянцам и другим иммигрантам из Средиземноморского бассейна — региона, связанного с Грузией культурными и историческими узами². Реальными были эти качества культуры или воображаемыми, но они часто усваивались и практиковались членами этих диаспорных сообществ.

«Свои чужаки» заняли особое место в обществах, заинтересованных в многонациональной репрезентации, и в этом отношении грузины в Советском Союзе и итальянцы в Соединенных Штатах оказались в сходном контексте. Будучи идеологическими оппонентами, и Советский Союз, и Соединенные Штаты представляли собой гражданские сообщества с глобальными претензиями, которые, однако, сдерживались географическими и этическими границами³. Точно так же как быть советским означало в то же время принадлежать к определенной национальности, к XX веку быть американцем зачастую означало иметь «идентичность через дефис» и жить

¹ Mars G., Altman Y. The Cultural Bases of Soviet Georgia's Second Economy // *Soviet Studies*. 1983. Vol. 35. № 4. P. 546–560.

² По мнению исследователей, для средиземноморских обществ было характерно уделять особое внимание понятиям чести и позора. См. вводный обзор литературы по данному вопросу: *Péristiany J. G. Honour and Shame: The Values of Mediterranean Society*. Chicago: University of Chicago Press, 1966. Подобные тенденции применительно к Кавказу были отмечены в работе Рональда Сунни: *Suny R. G. Beyond Psychohistory: The Young Stalin in Georgia* // *Slavic Review*. 1991. Vol. 50. № 1. P. 48–58.

³ Sanchez G. J. Race, Nation, and Culture; Zolberg A. R. A Nation by Design: Immigration Policy in the Fashioning of America. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006.

в обществе, которое порой представало как «нация иммигрантов»¹. Хотя нативисты опасались, что этнические различия приведут к размыванию американских ценностей, иммигрантов ценили за их потенциальный вклад в жизнь Соединенных Штатов; примерно так же и от советских народов ожидали, что они направят свои уникальные умения и культурные навыки на дело строительства социалистического общества². Иммигранты изменили американские города в культурном и физическом отношении, устраивая празднества в честь своей родины и воздвигая памятники своим национальным героям, — точно так же как внутренние диаспоры способствовали превращению Москвы в мультикультурное пространство. Несмотря на то что у Соединенных Штатов и Советского Союза были разные политические системы, оба государства столкнулись с ростом этнических политических сообществ, с влиянием иммигрантов на систему избирательных блоков и распределения голосов, которая структурирует политические кампании в современной Америке³.

Хотя экономические стимулы, усвоение английского языка и межэтнические браки способствовали ассимиляции, инаковость стала важным средством интеграции итальянцев в американское общество. Именно отличия от других сформировали их как диаспору, даже когда эти отличия приняли более адаптированную, в том числе маркетинговую, форму. Итальянские кварталы в больших американских городах скреплены этническими связями и узами деревенского родства и соседства, но их рестораны, пиццерии и кафе стали популярными местами для гостей-неитальянцев — точно так же как грузинский ресторан стал всесоюзным заведением⁴. Подобно

¹ Nelli H. S. *From Immigrants to Ethnic: The Italian Americans*. Oxford: Oxford University Press, 1983.

² Подход к истории американских иммигрантов с точки зрения их «вклада» в жизнь США был доминирующим по меньшей мере до середины XX века. Оскар Хэндлин представил достойную внимания критику этого подхода в следующей работе: *Handlin O. The Uprooted: The Epic Story of the Great Migrations That Made the American People*. Boston: Little, Brown and Co., 1951.

³ Bodnar J. E. *The Transplanted: A History of Immigrants in Urban America*. Bloomington: Indiana University Press, 1985. P. 204.

⁴ Vecoli R. J. *The Contadini in Chicago: A Critique of the Uprooted* // *Journal of American History*. 1964. Vol. 51. № 3. P. 404–417; *Idem*. *The Formation of Chicago's «Little Italies»* // *Journal of American Ethnic History*. 1983. Vol. 2. № 2. P. 5–20.

грузинам в СССР, итальянцы в Соединенных Штатах обладали колоритным культурным репертуаром, который имел этнические особенности, но был доступным для масс; возможно, лучшим доказательством тому стало творчество американских эстрадных певцов 1950–1960-х годов, этнических итальянцев, которые исполняли американский джаз по всем его канонам, но как часть его романтического флера использовали итальянский этнический колорит¹. Как и грузины, итальянцы могли провозглашать себя наследниками многовековой европейской традиции высокой культуры; это наследие было зримо воплощено американскими киноактерами-итальянцами, которые запечатлевали опыт итальянских мигрантов, но — в режиме диалога между итальянской и американской художественно-кинематографическими традициями². В обыденных представлениях и зачастую в реальной действительности американские кинорежиссеры и певцы — итальянцы по происхождению — были связаны с «итальянской мафией», которая по своей известности и по степени мифологизации могла бы соперничать с неформальными грузинскими торговыми сетями Советского Союза³.

Однако, особенно применительно к условиям XX века, когда государственное вмешательство в процессы миграции и контроль над ней стали нормой, представляется значимым тот факт, что грузинские репрезентации инаковости имели место в контексте только одного государства⁴. Политическим деятелям родная земля в границах Советского Союза служила солидной базой для растущих амбиций и обеспечивала постоянный приток лояльных кадров, готовых служить тем, кто уже перебрался в Москву. Кулинарам Грузии предоставляла рецепты, а также ингредиенты, которые иначе не имели бы шансов попасть к советским людям в желудок. Антрепренеры

¹ Среди самых знаменитых американских эстрадных певцов итальянского происхождения можно назвать Фрэнка Синатру, Дина Мартина и Тони Беннетта.

² Наиболее известны такие американские кинорежиссеры итальянского происхождения, как Мартин Скорсезе и Фрэнсис Форд Коппола; их фильмы посвящены не только судьбе итальянцев в Америке, но и универсальным темам и интересны как своими отсылками к устоявшимся кинематографическим традициям, так и их пересмотром.

³ Nelli H. S. *The Business of Crime: Italians and Syndicate Crime in the United States*. New York: Oxford University Press, 1976.

⁴ См. исследование, посвященное миграции в условиях различных государств и в хронологических рамках «большой длительности»: Moch L. P. *Moving Europeans: Migration in Western Europe since 1650*. Bloomington: Indiana University Press, 1992.

могли найти в Грузинской ССР организации, которые специализировались на представлении национальной культуры для всесоюзной аудитории. Торговцев из Грузии родина обеспечивала товарами повышенного спроса — такими, как фрукты, цветы, вино, чай и табак. Ресурсы, которыми располагала Грузинская ССР, были не просто человеческими, институциональными или материальными — они были также символическими, поскольку их своеобразие было широко известно, официально признано и подчеркивалось самой грузинской диаспорой.

Но и из тех советских народов, у которых были титульные республики, не каждая группа сохраняла с течением времени сознание своей инаковости или усматривала свои интересы в том, чтобы сохранять его в такой степени, как грузины. Одни смешивались с соседями, другие оставались загадочными чужаками. Различия между славянскими народами, которые, как и грузины, также вышли из преимущественно аграрного общества, проявлялись в близкородственных песнях, символах и языках, хотя и уникальных, но в целом понятных соседям. Возможно, именно такая культурная близость приводила к тому, что отдельные славянские идентичности не всегда сохранялись за границами титульных республик: результаты переписи населения 1937 года показали, что многие украинцы и белорусы, проживавшие в РСФСР и прежде заявлявшие о своей этнической самобытности, теперь стали определять себя как русские¹. Со временем большинство мигрантов-славян становились скорее своими, чем чужими.

Напротив, культурные особенности среднеазиатских диаспор иногда казались скорее экзотическими, нежели понятными, или же расценивались как неаутентичные порождения недавнего прошлого. Поскольку советской культуре следовало быть «национальной по форме, социалистической по содержанию», эквивалентность форм предполагала, что, например, у каждой республики должны быть своя национальная опера и свой национальный эпос — и лучше, чтобы они были созданы авторами, принадлежащими к данному

¹ Martin T. The Affirmative Action Empire. P. 404. [В русском издании: Мартин Т. Империя «положительной деятельности». С. 554–555. — Примеч. пер.] Мартин доказывает, что эти процессы стали результатом государственного давления и русификаторской политики; однако в силу сходства культур украинцы и белорусы легче поддавались русификации, чем немцы, корейцы или чеченцы.

народу. Грузинская культура, хотя и неславянская, смогла предложить узнаваемый контрапункт по отношению к русским национальным формам. Ее литературную традицию воплощал грузинский поэт XII века Шота Руставели, а связи Грузии с классическим миром были глубже, чем у самой России¹. Требуемые «национальные формы» сложнее было отыскать в Средней Азии, где общество было не только неславянским, но и сформированным исторической традицией полукочевого образа жизни². Эпические поэмы Средней Азии либо передавались из уст в уста и не имели точно установленного авторства, либо несли в себе панисламистское и недостаточно национальное содержание³. В результате подходящие культурные формы необходимо было привнести извне, что иногда и делалось под российским руководством. К началу постсталинского периода в культуре Средней Азии присутствовали яркие фигуры, легко сочетавшие национальные темы с универсалистским советским контекстом, — такие, например, как киргизский писатель Чингиз Айтматов. Впрочем, позже, когда общие очертания советской многонациональной культуры были определены, их произведения стали достоянием всесоюзной аудитории. Но к тому времени среднеазиатский компонент в советской столице иногда уже ассоциировался с неквалифицированными лимитчиками (временными рабочими) из этого южного региона, которые в массе своей были вынуждены жить в общежитиях, что дополнительно подчеркивало их обособленность⁴.

¹ См. несколько устаревшее, но многостороннее изложение истории Грузии до российского завоевания: Allen W.E.D. *A History of the Georgian People from the Beginning Down to the Russian Conquest in the Nineteenth Century*. London: K. Paul, Trench, Trubner and Co., 1932.

² Khazanov A. M. *Nomads and the Outside World* / Transl. by J. Crookenden. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. [На русском языке эта работа впервые была опубликована в Казахстане в 2002 году. См.: Хазанов А. М. *Кочевники и внешний мир*. 3-е изд., доп. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. Современное российское издание: *Он же. Кочевники и внешний мир*. 4-е изд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. — *Примеч. пер.*]

³ Примером тому может служить Алишер Навои, который при советской власти считался «основателем узбекской литературы». Навои родился в 1441 году на территории современного Афганистана и писал не на узбекском, а на чагатайском языке. См.: Allworth E. A. *The Modern Uzbeks: From the Fourteenth Century to the Present; A Cultural History*. Stanford, CA: Hoover Institution Press, 1990. P. 37, 228–231.

⁴ Matthews M. *The Passport Society: Controlling Movement in Russia and the USSR*. Boulder, CO: Westview Press, 1993. P. 50; Sahadeo J. *Soviet «Blacks»*.

Формы мобильности и имперской интеграции, выработанные длительным опытом, отличали грузин и от их соседей по Кавказу. В противоположность Азербайджану Грузия, как и Россия, была исторически православной. Фактически основание национальной церкви в Грузии произошло раньше, чем в России, на несколько столетий¹. В эпоху российской экспансии на Кавказ в Грузии также была значительная по численности аристократия, которая — благодаря своей религиозной принадлежности, социальному положению и высокому уровню грамотности — смогла влиться в состав императорского двора и участвовать в жизни российского общества такими способами, которые часто были невозможны для армянских купцов и азербайджанской знати, не говоря уже о чеченских горцах². В результате современная грузинская культура развивалась в тесном контакте с высокой культурой императорской России и была вскормлена имперскими организациями — такими, например, как Тбилисский оперный театр, основанный в середине XIX века³.

Хотя некоторые армяне также восприняли российскую высокую культуру, разрозненность армянской диаспоры и ее запутанные отношения с Армянской ССР стали причиной существенных отличий армянской диаспоры от грузинской и большего сходства первой с обычными диаспорами. Как и евреи, армяне принадлежали к широко разбросанному по земле сообществу, члены которого сохраняли разделительные границы, но зачастую искали известности, приобщаясь к языку и культуре принимающего общества — иногда в ущерб собственной языковой и культурной самобытности. Можно назвать известных армянских художественных деятелей и интеллектуалов, которые обращались к национальной тематике, но адресовали свои произведения всесоюзной аудитории, — например,

¹ Православное христианство стало официальной религией восточногрузинского царства Картли в 337 году; Грузинская церковь стала автокефальной в V веке. Русская православная церковь ведет свое происхождение от крещения князя Владимира в Киеве, которое состоялось несколькими столетиями позже, в 988 году. Об истории вопроса см.: *Binns J. An Introduction to the Christian Orthodox Churches*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

² *Jersild A. Orientalism and Empire: North Caucasus Mountain Peoples and the Georgian Frontier, 1845–1917*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2002.

³ *Jersild A., Melkadze N. The Dilemmas of Enlightenment in the Eastern Borderlands: The Theater and Library in Tbilisi // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2002. Vol. 3. № 1. P. 27–49.

композитор Арам Хачатурян или кинорежиссер Сергей Параджанов. Оба, следует заметить, родились в Тбилиси, равно как и первый фильм на армянском языке, «Пэпо», был снят в столице Грузии. Хотя Тбилиси, безусловно, был и оставался историческим центром армянской культуры, тот факт, что этот город находился за пределами Армянской ССР, позволяет судить о более обширных границах и проблемах армянской диаспоры. Многие советские армяне не имели глубоких корней в своей титульной республике, поскольку происходили из давно существовавших армянских поселений на Кавказе и юге России или же прибыли в Советский Союз, спасаясь от геноцида в Османской империи. Хотя Армянская ССР имела свою собственную мифологию, но значительная часть исторически армянских земель лежала за пределами Советского Союза, и потому институциональные, экономические и символические ресурсы Армянской ССР никогда не могли сравняться с грузинскими¹.

В результате многие армяне добивались известности в имперских масштабах, усваивая культурный репертуар других советских народов: Тамара Петросян, больше известная как Тамара Ханум, стала первой женщиной, публично исполнявшей узбекские танцы; Артавазд Кефчян создал одно из самых известных кинематографических воплощений образа грузина — в фильме 1939 года «Трактористы» его персонаж восторженно расписывал красоты своей грузинской родины². Еще более частыми были успехи армян в контексте российской культуры. Армяне чаще, чем грузины, признавали русский своим родным языком (хотя и не столь часто, как евреи) и гораздо чаще русифицировали свои фамилии³. Этносоциологическое исследование, проведенное в конце советского периода, подтверждает, что многие члены армянской диаспоры

¹ Одним из создателей мифа об Армянской ССР был советский поэт Осип Мандельштам, опубликовавший прозаический цикл, посвященный путешествию в эту республику. См.: Мандельштам О. Э. Путешествие в Армению // Звезда. 1933. № 5. С. 103–125.

² Широкий Ю. В. Тамара Ханум. Л.; М.: Искусство, 1941.

³ Согласно результатам переписи, только 1,3% грузин, проживавших в Советском Союзе (как в Грузинской ССР, так и за ее пределами), считали русский своим родным языком. Для армян аналогичный показатель составлял 8,3%, для украинцев — 12,2%, для белорусов — 15,3%, а для евреев — 76,4%. См.: Исупов А. А. Национальный состав населения СССР (по итогам переписи 1959 г.). М.: Статистика, 1961. С. 34.

в Москве в первую очередь стремились к городской, всесоюзной идентичности¹.

В этом смысле если рассматривать особенности грузинской диаспоры как порожденные относительно развитой, хотя и своеобразной, европейской цивилизацией, укорененной на определенной территории, то можно было бы ожидать проявления общих черт между грузинами и внутренними диаспорами из республик Прибалтики. Но деятели культуры из стран Балтии позже, чем грузины, стали советскими гражданами, и их организации никогда не были в такой степени интегрированы с центральными. Литовские писатели и художники, например, менее охотно вступали в творческие союзы и базировавшиеся в Москве культурные организации, чем их грузинские коллеги². Эта тенденция, вероятно, свидетельствовала о недостатке энтузиазма, и многие балтийские интеллектуалы, возможно, были чужаками по собственному выбору, сознательно предпочитая оставаться немногословными и замкнутыми³. Напротив, грузинские деятели искусства и интеллектуалы приняли участие в революции с самого ее начала и, по крайней мере до позднего советского периода, комфортно чувствовали себя в российском контексте. Коренная интеллигенция Эстонии, Латвии и Литвы, в силу исторических и географических факторов, а также относительно продолжительного периода независимости в межвоенные годы, жаждала участвовать в европейской художественной и интеллектуальной жизни напрямую, без российского посредничества. Если инаковость прибалтов иногда просто не была рассчитана на служение имперским нуждам, то грузинское художественное творчество соответствовало готовности Советского государства финансировать его, не считаясь с затратами.

Среди множества диаспор Советского Союза одни были настолько «своими», что в конце концов смешались с принимающим обществом; вторые стремились к универсализму, но по-прежнему

¹ Арутюнян Ю. В. Армяне-москвичи. Социальный портрет (по материалам этносоциологического исследования) // Советская этнография. 1991. № 2. С. 3–16.

² Ivanauskas V. Soviet «Exotic» and Soviet «West»: Embodying Ethnic Particularism among Georgian and Lithuanian Writers (неопубл. статья, 2013).

³ Об интеллектуальной культуре Прибалтики см.: Beecher D. I. Ivory Tower of Babel: Tartu University and the Languages of Two Empires, a Nation-State, and the Soviet Union. Ph. D. diss. University of California, Berkeley, 2014.

воспринимались как не похожие на других; третьи оставались неприметными чужаками — в силу собственного выбора или же культурной дистанции. Грузинская диаспора — заметная группа, которая была в одно и то же время «своей» и «чужой», — наглядно воплощала собой как возможности, так и пределы возможностей многонациональной Советской империи.

ВНУТРЕННИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Как известно, первоначально большевики надеялись осуществить мировую революцию, но в итоге остановились на построении социализма в одной стране. Что обычно упускалось из виду — это то, как политическая и экономическая самодостаточность, которой Советский Союз придавал столь важное значение, переплеталась с поддержкой внутреннего этнического разнообразия и культурной самобытности. Вводя понятие «внутреннего интернационализма» для описания этих взаимосвязанных тенденций и для изучения их развития в политике, экономике и культуре Советского Союза, мы предлагаем здесь иное понимание советской многонациональности, нежели то, что представлено в прежних исследованиях о «дружбе народов», где, как правило, настойчивые заявления Советского Союза о многонациональном характере его государственности трактовались как не более чем цветистое прикрытие русского владычества¹. Логика внутреннего интернационализма была стержневой для господствующей идеологии Советского государства; она существовала в официальной и неофициальной формах, влекла за собой предвиденные и непредвиденные последствия, создавала новые возможности для таких внутренних диаспор, как грузинская.

Даже после того как большевики отказались от погони за призраком мировой революции и сосредоточились на строительстве социализма в своих государственных границах, социализм и интернационализм невозможно было с легкостью отделить друг от друга. В особенности это было справедливо в отношении тех разнообразных территорий, которые большевики унаследовали от царизма

¹ См., например: *Tillett L. The Great Friendship: Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1969.

и где к социалистическому движению охотно примыкали самые разнообразны́е народы. Призыв Маркса и Энгельса соединяться, обращенный к пролетариям всех стран, стал девизом Советского государства и был начертан на государственном гербе СССР на титульных языках всех союзных республик. Народы обращали свой культурный репертуар на службу делу социализма — в силу искренней веры или в погоне за известностью в имперских масштабах, и ядро империи превратилось в динамично развивающееся пространство культурного синкретизма¹. Иерархически организованная «дружба народов», где русские позиционировались как «первые среди равных», была лишь одной из потенциально возможных форм взаимодействия множества национальностей, проживавших в границах СССР.

Внутренние границы нового социалистического государства отражали динамику и противоречивость его интернационализма, предназначенного для внутреннего пользования. В зависимости от обстоятельств эти границы могли укрепляться или же игнорироваться государством и теми советскими гражданами, которые их пересекали. С одной стороны, политика «коренизации» явно придавала внутренним границам политическую значимость, поскольку они очерчивали пространство, в котором титульные национальности могли получить некоторые преимущества перед другими этническими группами. С другой стороны, внутренние границы иногда рассматривались как простая формальность: их можно было пересекать без паспорта, и их преодолевали центральные власти, «выдвигая» кадры из республик в Москву, устанавливая народнохозяйственные планы и производственные задания, финансируя и пропагандируя всесоюзные гастроли народных ансамблей песни и пляски. Однако, хотя внутренние границы и были проницаемыми, сохранение этих границ и ассоциировавшихся с ними национальных различий означало, что доминирующим структурным принципом государства и общества оставалась суверенная система отличных друг от друга национальностей с центром в Москве,

---

¹ Как писал Сергей Ушакин, даже в «ядре» государства русская этничность была чем-то вроде «белого пятна... неопределенного источника власти, чьи границы очерчивались этническими особенностями других советских народов». См.: Oushakine S. A. *The Patriotism of Despair: Nation, War, and Loss in Russia*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2009. P. 10.

а не внутренний транснационализм размытых идентичностей и горизонтальных связей¹.

Национальная самобытность, определяемая внутренними границами, должна была служить интересам государственного социализма. Тем не менее из-за частых перемещений внутренних диаспор политические сообщества и культурная продукция выходили за пределы внутренних границ самым непредсказуемым образом. Подобная ситуация сложилась и в сфере экономической деятельности: несмотря на усилия центральных органов планирования, направленные на установление общих цен для одиннадцати часовых поясов и пятнадцати республик, неравное распределение экономических возможностей порождало разные системы цен в разных республиках; тем самым диаспоры, имевшие в своих родных республиках доступ к товарам повышенного спроса, получали возможность выгодно торговать ими². Хотя важным аспектом экономики периода сталинизма была государственная система принудительного труда, эта экономика, как ни удивительно, оставалась зависимой от неформального обмена и стихийной миграции, обеспечивавших доступ товаров и рабочей силы туда, где они были необходимы³. Несмотря на то что проживание в советской столице регулировалось правовыми нормами, всегда имела место нерегулярная, нелегальная, временная и возвратная миграция в Москву⁴. А поскольку в советской столице диаспоры встречались и взаимодействовали друг с другом, они начали формировать космополитическую имперскую культуру, имевшую лишь слабое отношение к Советскому государству.

¹ О судьбе внутренних транснациональных тенденций в советском театре см.: Fowler M. C. Mikhail Bulgakov, Mykola Kulish, and Soviet Theater: How Internal Transnationalism Remade Center and Periphery // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2015. Vol. 16. № 2. P. 263–290.

² О производстве, обмене и циркуляции товаров поверх ценовых режимов см.: Appadurai A. *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

³ Kessler G. *The Origins of Soviet Internal-Migration Policy: Industrialization and the 1930s Rural Exodus* // *Russia in Motion: Cultures of Human Mobility since 1850* / Eds. J. Randolph and E. M. Avrutin. Urbana: University of Illinois Press, 2012. P. 65.

⁴ Matthews M. *The Passport Society*; Light M. *Migration Controls in Soviet and Post-Soviet Moscow: From «Closed City» to «Illegal City»* // *Russia in Motion*. P. 80–98. Л. Сигельбаум и Л. Моч рассматривают эти миграционные тренды в долговременной перспективе, см.: Siegelbaum L. H., Moch L. P. *Broad is My Native Land*.

Описывая проявления внутреннего интернационализма, важно помнить, что Советский Союз не был полностью автаркической системой ни в экономическом плане, ни в культурном. На родине культура народов СССР, пропагандируемая внутренними диаспорами, иногда служила замещением некоторых элементов зарубежных культур, а иногда — отсылкой к ним. Важность принципа замещения в российской и советской истории отмечали, например, экономист Александр Гершенкрон, который доказывал, что Российское государство замещало собой частный сектор промышленности, и политолог Кеннет Джоуитт, утверждавший, что советская политическая система замещала ленинским неотрадиционализмом капитализм Нового времени¹. В каком-то смысле в деле структурирования Советской империи национальность стала замещением класса — и эта тенденция не казалась такой уж удивительной с тех пор, как сам Сталин, разработав определение нации, признал наличие разных уровней исторического развития и видимых межнациональных различий, характеризуемых термином «экономическая жизнь»². В свою очередь, товары и культурная продукция народов Советского Союза часто служили заменой их аналогов из зарубежных, буржуазных стран³. Внутренние диаспоры с периферии Советского Союза занимали то место в управлении государством, которое ранее принадлежало царским бюрократам, грузинская еда по своей кулинарной изысканности служила заменой французских блюд, а на сцене внутреннее разнообразие Советской страны служило заменой всемирного интернационализма, особенно когда исполнители избирательно использовали некоторые культурные тенденции, возникшие за границами Советского Союза. У зарубежного влияния были свои приливы и отливы, особенно после

¹ *Gershenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective // Economic Backwardness in Historical Perspective / Ed. A. Gershenkron. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1966. P. 5–31.* [На русском языке см.: *Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе / Науч. ред. А. А. Белых. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. — Примеч. пер.*]; *Jowitt K. Soviet Neotraditionalism: The Political Corruption of a Leninist Regime // Europe-Asia Studies. 1983. Vol. 35. № 3. P. 275–297.*

² *Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос. С. 9.*

³ О производстве предметов роскоши в Советском Союзе см.: *Gronow J. Caviar with Champagne: Common Luxury and the Ideals of the Good Life in Stalin's Russia. Oxford: Berg, 2003.*

Второй мировой войны и прихода к власти в Восточной Европе социалистических правительств, в то время как народы, проживавшие в пределах государственных границ СССР, всегда оставались в средоточии внимания.

Из внутреннего интернационализма могли следовать имперский синтез всех советских национальностей или же подчеркивание этнической самобытности каждой из них. Внутренний интернационализм воплощался и в санкционированных государством формах, и в неформальной культуре повседневной жизни, и эти две сферы часто тесно переплетались друг с другом, так что внутренние диаспоры были хорошо знакомы широким слоям населения и, в свою очередь, завоевывали среди них свои позиции. «Дружба народов» была наиболее известной парадигмой внутреннего интернационализма, которую официально пропагандировало государство; ее символизировал знаменитый фонтан на Выставке достижений народного хозяйства (ВДНХ) в Москве, украшенный статуями девушек, каждая из которых символизировала одну из главных наций Советского Союза и была наделена своими индивидуальными чертами. Сама ВДНХ была разделена на выставочные павильоны союзных республик: в каждом были представлены соответствующие товары местного производства, образцы национальных костюмов и произведений национальной культуры. Посетители рассматривали изображения узбеков, выращивающих хлопок и энергично ткущих из него красочные ткани; знакомились со стоическим образом жизни киргизских чабанов и слушали исполнение их традиционных песен на безладовом комузе; видели экспозицию урожая украинской пшеницы и зажигательные выступления украинских танцоров в ярко вышитых рубашках. В этом идеализированном микрокосме Советской империи национальная самобытность приобрела праздничный вид и характеризовалась тем, что вносит каждая национальность в общую сокровищницу большого Союза.

Тем не менее за пределами ВДНХ формирование шаблонных представлений о разных народах основывалось на этнических стереотипах, переплетенных с подчеркиванием национальных различий, которое санкционировалось государством. У каждого народа были не только официально признанные национальные костюмы, танцы, язык и кухня, но также негласно признаваемые особенности и личностные черты, как позитивные, так и негативные. Эти

различия репрезентировались и воспроизводились в детских книгах, музейных экспозициях, путеводителях и фильмах, демонстрировавших, что обширная территория Советского Союза населена множеством самых разных народов и каждый из них играет свою роль в строительстве социализма¹. Воображение советского человека было наполнено совокупностью обобщенных суждений, часто отражавших, пусть и в искаженной форме, реальные культурные различия между национальностями и соответствующие политические, экономические и культурные ниши, которые занимали представители этих национальностей, переезжая в советскую столицу. Тот факт, что грузины были официально признаны блистательными артистами, способствовал восприятию их как общительных мошенников и спекулянтов, привносивших свой особый стиль поведения в рыночную торговлю. Официальные и неофициальные представления влияли также на обыденное понимание того, какая специализация является типичной либо нетипичной для той или иной этнической группы. Советские граждане травили анекдоты про умных евреев и армян, немногословных прибалтов, простоватых, но хитрых грузин и отсталых чукчей. Неожиданные роли были так же важны, как и ожидаемые. Было бы не меньшей диковинкой познакомиться с эстонцем-тамадой, чем встретить дворника-грузина.

В идеале роли, предписываемые разным национальностям, должны были дополнять одна другую, формируя гармоническую целостность. Несомненно, такой и была модель внутреннего интернационализма, воспроизводимая в популярных фильмах вроде «Трактористов», где различия между русским, украинцем и грузином цементировали их дружбу, или вроде ленты 1950 года «Падение Берлина», где многонациональные боевые части советских солдат плечом к плечу громят фашистов. На практике этническая специализация действительно могла быть взаимодополняющей, хотя взаимодополняемость не всегда означала равенство. Что касается социалистической политики и экономики, то были времена, когда укрепление этнических сообществ позволяло одним диаспорам

---

¹ Kelly C. Learning about the Nation: Ethnographic Representations of Children, Representations of Ethnography for Children // *An Empire of Others: Creating Ethnographic Knowledge in Imperial Russia and the USSR* / Eds. R. Cvetkovski and A. Hofmeister. Budapest: Central European University Press, 2014. P. 253–278; Koenker D. P. *Pleasure Travel in the Passport State* // *Russia in Motion*. P. 235–252.

получить большее влияние или больший доступ к дефицитным ресурсам, чем другим¹.

Наконец, концепция внутреннего интернационализма позволяет обнаружить уникальные формы космополитизма, терпимые и иногда даже поощряемые в пределах Советского Союза, особенно в Москве, столице многонационального Советского государства. Исследователи уже выявили наличие транснациональных связей между, с одной стороны, интеллектуалами сталинской эпохи и, с другой стороны, европейскими деятелями культуры, осуществляемых поверх государственных границ даже в 1930-х годах; однако процессы кросс-культурных контактов, переводов и адаптаций шли также и поверх внутренних национальных границ Советской империи, которые советские граждане к тому же пересекали гораздо чаще, чем внешние рубежи². Москва была Меккой для интернационального социалистического движения, но также (и, может быть, более успешно) играла роль центра ориентированной вовнутрь космополитической культуры, которая в значительной степени опиралась на культуры национальных республик. В Москве представители нерусских национальностей знакомились с идеями европейского социализма и изучали классику европейской литературы, обычно при имперском посредстве русского языка. Интеллектуалы и деятели культуры из нерусских республик увлеченно переводили творения национальных поэтов на русский язык для всесоюзного читателя; формировали имперские гастрономические вкусы, внося рецепты в советские кулинарные книги; устраивали песенные и танцевальные представления для аудитории за пределами своих родных республик; охотно участвовали в разнообразных советских интеллектуальных дискуссиях. Каждый из этих народов вносил

¹ См. работу Кэтрин Вердери, где она исследует функцию этнической идентичности в социалистической экономике дефицита: *Verdery K. What Was Socialism, and What Comes Next?* Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996.

² О транснациональных связях с Европой см.: *David-Fox M. Showcasing the Great Experiment: Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921–1941*. Oxford: Oxford University Press, 2012. [В русском переводе: *Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы* / Пер. с англ. В. Макарова; науч. ред. перевода М. Долбилов и В. Рыжковский. М.: Новое литературное обозрение, 2015. — *Примеч. пер.*]; *Clark K. Moscow, the Fourth Rome: Stalinism, Cosmopolitanism, and the Evolution of Soviet Culture, 1931–1941*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2011.

свой вклад в формирование советской политической, художественной и интеллектуальной культуры, которая была космополитичной, поскольку имела целью построение многонационального социалистического будущего для всего человечества, пусть даже пока этот идеал воплощался в суверенном государстве¹.

Если сталинская кампания борьбы с «безродным космополитизмом» метила в советских евреев, интегрированных в советскую элиту и скрывавших при этом свою «истинную» национальную идентичность, и обвиняла их в продвижении безграничной и трансгрессивной культуры, вредной для четко очерченных наций социалистического государства, то «родной космополитизм» внутренних советских диаспор был по большей части допустим². Государство одобряло стремления национальных интеллектуальных элит преодолеть внутренние культурные различия и предоставляло обособление их стараниям — как способу достичь окончательного «сближения» советских национальностей и создать «советский народ»³. Одомашненный, но никогда полностью не контролировавшийся Советским государством космополитизм, укорененный на советской территории, привлекал своих последователей-энтузиастов и предприимчивых приспособленцев. В конечном счете тем не менее он представлял собой вызов существованию советских диаспор и сохранению Советской империи.

Задача добиться всесоюзной известности не была лишена рисков. По сути, внутренний интернационализм представлял собой непрерывный диалог между имперским государством и его народами,

¹ По вопросу о возможностях и ограничениях космополитизма см.: *Cosmopolitics: Thinking and Feeling Beyond the Nation* / Eds. P. Cheah and B. Robbins. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998; *Appiah K. A. Ethics of Identity*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005; *Idem. Cosmopolitanism: Ethics in a World of Strangers*. New York: Norton, 2006; *Cosmopatriots: On Distant Belongings and Close Encounters* / Eds. E. Jurriens and J. de Kloet. Amsterdam: Rodopi, 2007.

² О государственной кампании по борьбе с космополитизмом, нацеленной на советских евреев, см.: *Pinkus B., Frankel J. The Soviet Government and the Jews, 1948–1967: A Documented Study*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984; *Ro'i Y. Soviet Decision Making in Practice: The USSR and Israel, 1947–1954*. New Brunswick, NJ: Transaction Books, 1980.

³ Идея формирующегося «советского народа» набрала обороты при Хрущеве и стала заметной — если не доминирующей — чертой официальной риторики 1970-х годов. См.: *Aktürk Ş. Regimes of Ethnicity and Nationhood in Germany, Russia, and Turkey*. New York: Cambridge University Press, 2012. P. 213–219.

хотя этот диалог редко вели на равных. Если диаспоры — такие, как грузины, — использовали свою национальную специфику в качестве способа добиться предпочтительного положения в рамках многонациональной политической системы, то имперское государство регулировало и направляло национальное самовыражение, стремясь удержать все формы национальных репрезентаций в сфере своего контроля. В системе политических взаимоотношений преданность своей нации могла стать обязанностью, поскольку большевизм в конечном итоге всегда оказывался козырным по сравнению с национальной лояльностью. Национальные блюда попадали на советский стол в упрощенном варианте, и при этом предполагалось, что секреты национальной кулинарии станут общим достоянием. Выступления ансамблей народной песни и танца должны были удовлетворять ожиданиям аудитории, и их хореография отражала влияние русского балета. В сфере советской экономики культурные различия были превращены в товар, который можно было продать на советском рынке. В идеале интеллектуалы из состава разных народов должны были усвоить русский язык как средство всеобщей коммуникации, не забывая при этом свои родные языки. Тем не менее, хотя на территории национальных республик русский язык преподавали, на территории РСФСР обучение на национальных языках ограничивалось¹. Жизнь, проживаемая в физическом и символическом смысле слова между принимающим обществом и родиной, способствовала интенсивной творческой напряженности, но также была чревата опасностью подорвать ту национальную самобытность, которую диаспоры Советского государства должны были успешно развивать.

В следующих главах будет рассмотрена динамика внутреннего интернационализма и эволюция Советской империи сквозь призму истории грузинской диаспоры. Это история не только имперского и национального континуитета, но также радикальных перемен. Наш рассказ начинается с Грузии позднейимперского периода, с ее бурным социалистическим движением, быстрой экономической модернизацией, аграрными беспорядками и, в то же время,

¹ Изучение русского языка в нерусских школах стало обязательным в конце 1930-х годов; это было подкреплено постановлением ЦК ВКП(б) от 1938 года. См.: Martin T. *The Affirmative Action Empire*. С. 457–458. [В русском издании: Мартин Т. *Империя «положительной деятельности»*. С. 624–625. — *Примеч. пер.*]

культурным ренессансом. Этот ландшафт был населен революционно настроенными семинаристами, формирующимся рабочим классом, крестьянами, борющимися за доступ к образованию, и разочарованными аристократами. Это был центр политических дискуссий о возможном ходе социалистической революции в условиях многонациональной страны, а также пространство художественных и культурных экспериментов, которые предпринимали поэты, драматурги и музыканты, увлеченные идеей синтеза национальных, имперских и европейских форм или же стремлением преодолеть все подобные формы.

Когда большевики пришли к власти, этот революционный подъем, происходивший на Кавказе, достиг советской столицы и преобразил ее. Миграция грузинских диаспор, товаров и идей, начавшаяся в имперский период, набрала обороты с возникновением Советского Союза. Те формы социальной мобильности, которые притягивали грузинскую диаспору в Россию, благополучно пережили все политические перемены в Советском Союзе и вели диаспору от победы к победе — пока в конце концов не породили недовольства той самой империей, строительству которой они способствовали.

ГЛАВА 2. МЕЖДУ КАВКАЗОМ И КРЕМЛЕМ

В сентябре 1913 года, 29-го числа, грузинский большевик Григорий (партийный псевдоним — Серго) Орджоникидзе писал своему брату письмо из Шлиссельбургской крепости, каторжной тюрьмы на острове близ Санкт-Петербурга¹. Двадцатидевятилетний «товарищ Серго», как его называли соратники-радикалы, уже был ветераном революции. Родившийся в обедневшей дворянской семье в маленькой деревне Западной Грузии, он вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию (РСДРП) и примкнул к ее большевистскому крылу, когда ему было семнадцать лет; в то время он учился на фельдшера в Тбилиси. Променив медицинскую карьеру на крестные муки радикального социалистического подполья, он вел революционную агитацию за границей и в России, где жил по фальшивым паспортам. Это было не первое тюремное заключение в жизни Орджоникидзе: в 1905 году его арестовывали за контрабанду оружия через Черное море, а в 1907-м — за соучастие в организации первомайской демонстрации в Баку. В бакинской тюрьме он подружился с Иосифом Джугашвили, человеком, которого позже весь мир знал как Иосифа Сталина².

Сочетая идейную приверженность социализму с готовностью вести опасную работу по подготовке будущей революции, Серго Орджоникидзе воплощал именно те качества, которые высоко ценил Ленин, стремившийся рекрутировать нерусских людей в ряды радикалов. Попад в сферу внимания Ленина, Орджоникидзе был

¹ Российский государственный архив социально-политической истории [далее — РГАСПИ]. Ф. 85. Оп. 3. Д. 68. Л. 1–4.

² Там же. Ф. 124. Оп. 1. Д. 1426. Л. 5–6.

приглашен к участию в Пражской конференции РСДРП в 1912 году, на которой большевики решительно отмежевались от меньшевиков и создали собственную партийную организацию. На этой конференции Ленин говорил о необходимости объединить в революционной борьбе различные этнические группы Российской империи¹. Критикуя еврейский Бунд, а также польских и латвийских социал-демократов, которые не смогли координировать свою работу с центральными партийными органами, Ленин более благожелательно оценивал таких грузинских большевиков, как Орджоникидзе. Хотя грузинское революционное движение было порождено особой культурной средой, грузинские радикалы — как меньшевики, так и большевики — демонстрировали готовность бороться за социализм в масштабах всей Российской империи.

После конференции Орджоникидзе был направлен в Петербург для организации Русского бюро Центрального комитета РСДРП(б) и вскоре привлек к себе внимание царских властей. Будучи заключен в Шлиссельбургскую крепость, он предвидел неминуемую ссылку в Восточную Сибирь. Его тюремная переписка свидетельствует, что социальные связи радикалов охватывали семьи, сплетая грузинских революционеров в тесное сообщество. Для таких радикалов-подпольщиков, как Орджоникидзе, риск ареста означал, что высоко ценится верность, но всегда присутствует опасность предательства². Поэтому идейная убежденность сочеталась с символическим — и зачастую генетическим — чувством братства социалистов Кавказа (преимущественно мужчин), региона, где идеализированная мужская дружба воспета поэтами и широко распространены практики побратимства³. Эти чувства открыто выражались в том идейном

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1968. Т. 21. С. 134–135.

² В данном случае угроза предательства была особенно сильна. Из тюрьмы Орджоникидзе обратился за помощью также к Роману Малиновскому, большевику, занимавшему высокие партийные посты, который вскоре после этого был разоблачен как двойной агент царской охранки. См.: Service R. Stalin: A Biography. London: Pan Books, 2005. P. 108.

³ Дональд Рейфилд в своей работе «История грузинской литературы» пишет, что в творчестве грузинского поэта Руставели «мужская дружба и куртуазная любовь ставятся наравне друг с другом». См.: Rayfield D. The Literature of Georgia. P. 77. Об истории фиктивного и приемного родства в сравнительно-историческом аспекте см.: Parkes P. Milk Kinship in Southeast Europe: Alternative Social Structures and Foster Relations in the Caucasus and the Balkans // Social Anthropology. 2004. Vol. 12. № 3. P. 341–358.

и одновременно родственном письме, которое он теперь писал своему брату Папулии, также деятелю революционного движения, и в той записке, которую его брат должен был передать Николаю (партийный псевдоним — Карло) Чхеидзе, заметной фигуре среди грузинских меньшевиков, депутату Государственной думы. Несмотря на фракционные разногласия, которые отделяли Орджоникидзе от Чхеидзе, социальные связи грузинских большевиков и меньшевиков во многом переплетались, поскольку и те и другие были выходцами из зарождавшейся грузинской интеллигенции. И потому Орджоникидзе в своей записке обращался к Чхеидзе — на грузинском языке — как к сородичу, с общими знакомствами и общим прошлым.

Ответ Чхеидзе не сохранился в архивных фондах, а надеждам Орджоникидзе избежать ссылки не суждено было сбыться. Когда Европу охватила Первая мировая война, он все еще оставался заключенным Шлиссельбурга, а в 1915 году был сослан в Якутию. Как и другие большевики в тот период, он использовал свое тюремное заключение для самообразования, чтобы тем самым подготовиться к революционной борьбе. Знакомство с его тюремным дневником позволяет понять, что, помимо стремления участвовать в революции, Орджоникидзе испытывал ненасытную страсть к чтению и стремился получить более глубокое образование, чем имел фельдшер в сельской Грузии. Наряду с классикой грузинской литературы он жадно поглощал героические рассказы Джека Лондона, романтическую поэзию лорда Байрона и романы Достоевского. Как подобало будущему руководителю советской экономики, он штудировал статистику и детально изучал российское мясное, молочное и зерновое производство¹. Его записи свидетельствуют о глубоком интересе к истории России, Великой французской революции и, конечно, к трудам Маркса и Энгельса. Как и других грузин, его особенно занимал вопрос, что будет значить революция для нерусских народов империи. Его дневник — это описание космополитичных интеллектуальных и культурных тенденций, которые привели его и многих других грузин в революционное движение Российской империи.

Революцию в России делали такие аутсайдеры, как Орджоникидзе, — обедневшие аристократы, провинциальные интеллигенты,

¹ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 3. Д. 68. Л. 1–4.

представители этнических меньшинств со всех концов огромной евразийской империи. Революционный пыл зачастую был самым большим у тех групп, для кого классовая революция совпадала с национальной — так называемая Российская революция на практике заключала в себе целую серию национальных революций¹. Евреи, латыши, поляки и грузины — все они служили делу социализма с исключительным энтузиазмом². Когда революция стала реальностью, члены этнических диаспор получили непропорционально высокое представительство на самых заметных властных позициях в новом Советском государстве³. Историками уже освещалась та особая роль, которую играли евреи на раннем этапе существования Всесоюзной коммунистической партии (ВКП), и прослеживалось превращение латышских стрелков в ленинскую преторианскую гвардию⁴. Однако, оказавшись у власти, лишь немногие группы так явно подчеркивали свою принадлежность к этнической диаспоре — через внешний облик, общие ритуалы, языковые узы, — как это делали грузины. Их революция имела сельские корни и имперские устремления; ее движущим импульсом служил и национальный, и социальный протест против власти царизма.

Быстрое укрепление позиций грузин в различных сферах революционного движения было ошеломляющим. Грузинские

¹ О соотношении классовой и национальной революции на Кавказе см.: *Suny R. G. The Baku Commune, 1917–1918: Class and Nationality in the Russian Revolution*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1972. Суни предлагает также компаративный анализ данной проблемы в следующей работе: *Idem. The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1993.

² *Tobias H. J. The Jewish Bund in Russia from its Origins to 1905*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1972; *Zimmerman J. D. Poles, Jews, and the Politics of Nationality: The Bund and the Polish Socialist Party in Late Tsarist Russia, 1892–1914*. Madison: University of Wisconsin Press, 2004; *Ezergailis A. The 1917 Revolution in Latvia*. New York: Columbia University Press, 1974.

³ Показательны итоги Всесоюзной партийной переписи 1927 года. По контрасту с удельным весом в общей численности населения, в партии было относительно больше евреев, чем белорусов; среди первых десяти национальностей в составе партии заметное место занимали армяне, грузины, латыши и поляки. См.: Всесоюзная партийная перепись 1927 года. М.: Изд-во Статотдела ЦК ВКП(б), 1927. Т. 7. С. 6–7.

⁴ О евреях в революции см.: *Будницкий О. В. Евреи и русская революция: материалы и исследования*. М.: Гешарим, 1999; *Slezkine Y. The Jewish Century*. [В русском переводе: *Слэзкин Ю. Эра Меркурия. — Примеч. пер.*] О латышских стрелках см.: *Swain G. The Disillusioning of the Revolution's Praetorian Guard: The Latvian Riflemen, Summer — Autumn 1918 // Europe-Asia Studies*. 1999. Vol. 51. № 4. P. 667–686.

меньшевики первоначально возглавляли Петроградский Совет и поднялись до ведущих постов во Временном правительстве, а грузинские большевики сопровождали Ленина, когда он возвращался в Россию в plombированном вагоне, и помогали ему захватить власть в российской столице. После октября 1917 года грузинские меньшевики установили независимое социал-демократическое правительство в своей родной Грузии, и, наконец, в 1921 году грузинские большевики возглавили вторжение Красной армии в Грузию и сыграли решающую роль в установлении советской власти во всем Кавказском регионе. Революция сталкивала грузин друг с другом, однако в сумятице Гражданской войны сложилось то ядро грузинских большевиков, которое завоевало лидирующие позиции в Москве и направляло развитие страны в годы «Великого перелома». Они пришли к власти в 1920-х годах, вместе со Сталиным, имея общий с ним культурный уровень и идеологические убеждения; это, вкупе с кавказскими узами верности и дружбы, делало их надежными рядовыми революционного подполья. Те же самые качества оказались подходящими для их последующей карьеры в качестве руководителей Советского государства, где личное было неотделимо от политического, а сама политика зачастую персонифицировалась¹.

Карьера Орджоникидзе позволяет судить о впечатляющей роли грузин в революционном движении и о месте, которое они заняли на вершине власти в молодом Советском государстве. Освободившись из тюрьмы в 1917 году, он помогал осуществить большевистский переворот в Петрограде, в годы Гражданской войны в качестве комиссара руководил ожесточенной борьбой на Украине и вернулся в Грузию вместе со вторгшейся туда Красной армией. Он стал доверенным лицом Сталина, членом Политбюро с 1926 года и первым народным комиссаром тяжелой промышленности — с 1932-го. Воспитанный грузинским революционным движением в рамках Российской революции, он был хорошо подготовлен к руководству многонациональным государством и для достижения своих целей умело опирался на узкий круг доверенных друзей — зачастую земляков-грузин. Многого он добился благодаря личным связям со Сталиным, при этом сам, в свою очередь, играл роль покровителя

¹ О персонализации политики в Советском Союзе см.: *Getty J. A., Naumov O. V. Yezhov: The Rise of Stalin's «Iron Fist»*. New Haven, CT: Yale University Press, 2008.

по отношению к партийным кадрам выдвиженцев, чьи кандидатуры часто находили в его родной Грузии. Успех Орджоникидзе и других грузин придал советской политической жизни 1930-х годов кавказский колорит, выдвинув периферию в самое сердце заново созданной евразийской империи.

О Сталине и его окружении существует обширная литература, и ее противоречия отражают сложность фигуры самого диктатора и неоднозначность его исторической роли. Великого Вождя представляли как деспотичного тирана, но также как убежденного большевика; его описывали как человека, чьи действия объясняются глубокой психопатологией, или как коварного виртуоза бюрократической политики и «хозяина» экономики; одни подчеркивали, что его, безусловно, сформировала кавказская, якобы жестокая, культура, другие заявляли, что он проделал путь от грузинской культурной к российской политической идентичности или что все его действия в конечном итоге диктовались геополитическим положением Советского Союза¹. Много написано и о важности неформальных отношений, патроната, блата и личных связей в Советском государстве, но в исследованиях по этническим социальным сообществам внимание обычно фокусируется на позднем советском периоде².

¹ Приведу несколько типичных примеров из огромного количества популярной и научной литературы. О Сталине как о деспотичном тиране см.: *Conquest R. Stalin*. О Сталине как об убежденном марксисте см.: *Service R. Stalin*. О психологических склонностях советского правителя см.: *Tucker R. C. Stalin as Revolutionary, 1879–1929: A Study in History and Personality*. New York: Norton, 1973. [В русском переводе: *Такер Р. Сталин. Путь к власти, 1879–1929* / Общ. ред. и послесл. В. С. Лельчука. М.: Прогресс, 1991; книга выдержала несколько изданий на русском языке. — Примеч. пер.] О Сталине как о представителе и хозяине новой советской бюрократии см.: *Deutscher I. Stalin: A Political Biography*. New York: Oxford University Press, 1966. О Сталине как о деятеле модернизации и экономическом менеджере см.: *Мухин Ю. Сталин: хозяин Советского Союза*. М.: Алгоритм, 2008. О том, как склонность сталинизма к насилию выросла из кавказского контекста, см.: *Baberowski J. Der Feind ist überall: Stalinismus im Kaukasus*. Munich: Deutsche Verlags-Anstalt, 2003. О значении грузинских корней Сталина и его попытках преодолеть их см.: *Rieber A. J. Stalin: Man of the Borderlands* // *American Historical Review*. 2001. Vol. 106. № 5. P. 1651–1691. О геополитических дилеммах, с которыми столкнулся советский лидер: *Kotkin S. Stalin*. New York: Penguin, 2014. Volume I: Paradoxes of Power, 1878–1928.

² Монография Джеральда Истера отличается глубиной, но в ней не до конца изучены этнические социальные сети; см.: *Easter G. Reconstructing the State: Personal Networks and Elite Identity in Soviet Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. Джон П. Уиллертон в своем исследовании затрагивает этнические сети, но при этом фокусируется на брежневском периоде; см.: *Willerton J. P. Patronage and*

Два этих массива литературы — о том человеке, который стоял во главе государства, и о тех неформальных связях, которые государство пронизывали, — еще никогда не объединялись друг с другом.

В этой главе ставится цель доказать, что этнические социальные связи в действительности имели решающее значение в поздний имперский и ранний советский периоды и что именно они обеспечили молодым грузинским большевикам карьерный рост и достижение высоких позиций в Советском государстве. Эти связи возникли в революционном подполье и в годы Гражданской войны; их сформировали высокообразованные и энергичные специалисты, зачастую выходцы из внутренних диаспор Советского Союза; такие люди составили кадры государственной бюрократии и были идеальными представителями нового многонационального политического режима.

С этой точки зрения Сталин предстает как один из членов кавказского сообщества, где явно доминировали грузины, — тесно сплоченной группы революционеров, которых объединяли общая история, революционные убеждения и свободное владение общими для этих людей культурными практиками. Данное сообщество характеризовалось не только склонностью его членов к насилию, но и высокой степенью внимания к этническим проблемам, а также интеллектуальными и культурными устремлениями, которые вытекали из грузинского революционного контекста и столь явно отразились в тюремной корреспонденции и дневнике Орджоникидзе. Вместо того чтобы вести эссенциалистские дебаты о том, был ли Сталин «настоящим грузином» или предателем своего народа, мы в этой главе обратимся к разнообразным проявлениям грузинской идентичности Сталина и кавказских революционеров, окружавших его. Изучение переписки Сталина свидетельствует, что он не отказывался от своих грузинских корней, а, напротив, обращался к ним в различные моменты жизни, публично и в частной обстановке, хотя в конечном итоге сознательно жертвовал преданностью своему народу ради целей революции. По мере своего политического

Politics in the USSR. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. Ценное исключение представляет собой работа Чарльза Фэрбенкса, хотя ее автор ограничивается рассмотрением вопроса на региональном уровне; см.: Fairbanks C. H., Jr. Clientelism and Higher Politics in Georgia, 1949–1953 // Transcaucasia: Nationalism and Social Change / Ed. R. G. Suny. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 1983. P. 339–368.

восхождения он продолжал получать и писать письма на грузинском языке и — как человек, весьма озабоченный формированием собственного публичного образа, — культивировал и стремился контролировать свои грузинские черты¹. В соответствии с этим в данной главе рассматривается Сталин в контексте его социальных связей и повествуется о политическом взлете грузинской диаспоры.

Следуя за судьбами поколения грузинских революционеров с конца XIX столетия до 1930-х годов, в начале этой главы мы осветим деятельность грузинских радикалов в историческом и культурном контексте Грузии на закате империи. После чего проследим, как расширялись социальные сети грузинских революционеров: сперва — за пределы Грузии, когда эти люди стали авангардом многонационального политического движения на Кавказе, а затем, к началу большевистской революции, — до самого центра империи. Мы рассмотрим, как грузинские большевики пренебрегли традициями своей родины и обеспечили насильственную советизацию Грузии, но вместе с тем остались связаны между собой типично кавказскими практиками дружбы и взаимных обязательств. Их тесные личные связи стали важнейшим политическим ресурсом, хотя в конечном итоге эти узы подверглись проверке на прочность, когда в середине 1930-х годов центр тяжести сместился с горизонтальных дружеских союзов к «вертикали власти». К концу этого десятилетия Орджоникидзе покончил с собой, его доверенные соратники были заключены в лагеря или расстреляны, как и большинство давних грузинских друзей Сталина, «вычищенное» в ходе Большого террора — своего рода децимаций, которым подверглись ряды старых большевиков и которые разрушили жизнь поколения, совершившего революцию.

ВОСПИТАНИЕ ГРУЗИНСКИХ СОЦИАЛИСТОВ

В конце имперского периода Грузия была инкубатором для радикалов всех цветов социалистического спектра. В разнообразном и зачастую расколотом грузинском социалистическом движении конца XIX — начала XX века грузинские большевики представляли собой

¹ Об участии Сталина в формировании своего публичного имиджа см.: *McNeal R. H. Stalin: Man and Ruler*. New York: New York University Press, 1988.

особую струю: они продвинулись дальше всех в своем стремлении объединить локальное недовольство с жадой перемен общеимперского масштаба. Хотя эти люди стремились к ниспровержению старого порядка на своей родной земле, тот твердый революционный космополитизм, который они отстаивали, коренился в интеллектуальном мире грузинской интеллигенции XIX века.

Вслед за вхождением в состав Российской империи многочисленные грузинские дворяне потеряли политическую автономию, но обрели успех в новой роли — как служилая элита имперской России. Они были царскими подданными, но в то же время и царскими агентами — этнографы и генералы, картографировавшие Кавказ и возглавлявшие экспансию Российской империи в этот регион¹. Впрочем, их участие в делах империи не было лишено своих противоречий, а империя царей не была лишена своих недостатков. К 1860-м годам грузины, получавшие образование в Санкт-Петербурге, оказались в центре государства, переживающего быстрые социальные преобразования, которые потенциально угрожали его стабильности. Некоторые из этих молодых людей, вместо того чтобы избрать карьеру в рядах царской бюрократии, поддержали революционные призывы к переменам в масштабах империи и к национальному возрождению. Санкт-Петербург стал чем-то большим, нежели подножием российского самодержавия: он был, согласно воспоминаниям одного грузинского студента, тем местом, где собрались все «умы и таланты» России, «очагом нового движения»². Тем не менее отпрыск привилегированной грузинской семьи Нико Николадзе, которого впоследствии будут считать основателем грузинского социалистического движения, вспоминал, что даже те грузинские студенты, которые охотно общались в Петербурге с Николаем Чернышевским и иными российскими радикалами, все же жили и занимались отдельно от других, в своем «землячестве» (неформальной региональной ассоциации), и с головой уходили в проблемы, касавшиеся развития их родины. Члены землячества часто обсуждали политическую ситуацию в Грузии, ставили грузинские пьесы и исполняли народные танцы, как в своем кругу, так и в более широком — в целях демонстрации грузинской

¹ Более подробно об этом см.: *Jersild A. Orientalism and Empire.*

² Мансвешташвили Я. А. Воспоминания. Тбилиси: Литература да хеловнеба, 1967. С. 26.

национальной культуры другим студентам¹. Российское образование открыло перед ними новые возможности, но также вдохновило на поиск путей преобразования своей родной Грузии и обновления ее национальной культуры.

К концу XIX века стремление к образованию охватило не только элиту, но и более широкие слои грузинского общества, благодаря чему грузины вскоре оказались в числе самых образованных национальностей Российской империи². Как и в случае с еврейским населением империи, образование трансформировало грузинское общество и бросило вызов традиционным социальным отношениям, заставив с особенной остротой переживать националистические чувства и вдохновив на поиск универсальных решений локальных проблем³. Получение образования в Грузии было доступно для обедневших дворян и лиц разных сословий (разночинцев), так же как для детей священников, крестьян и ремесленников. К концу XIX века конфликт между быстро растущим классом интеллигенции и реакционной образовательной политикой превратил имперские высшие учебные заведения в идеальные центры рекрутирования и подготовки радикалов⁴. Неудовлетворенные ожидания нового класса интеллектуалов привлекали многих из них к социализму, сулившему радикальный эгалитаризм. Этот феномен можно рассматривать в масштабах всей России, но в нерусских регионах империи подавление местных языков и непосредственное вмешательство центральной власти в руководство местными образовательными учреждениями выдвинули «национальный вопрос» на первый план социалистической программы. Социалистические идеалы постепенно становились особенно популярными среди

¹ Николадзе Н. Я. Из переписки Н. Я. Николадзе с русскими и зарубежными литературно-общественными деятелями / Ред. Г. Джавахишвили. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1980. С. 29.

² Kappeler A. The Russian Empire. P. 374. Каппелер также замечает, что из всех этнических групп, исповедовавших православие, разрыв в уровне грамотности между мужчинами и женщинами среди грузин был не так велик, как среди русских и украинцев, — см.: Ibid. P. 311–312. [В русском переводе: Каппелер А. Россия — многонациональная империя. С. 231. — Примеч. пер.]

³ Frankel J. Prophecy and Politics: Socialism, Nationalism, and the Russian Jews. Cambridge: Cambridge University Press, 1981; Moss K. B. Jewish Renaissance in the Russian Revolution.

⁴ Brower D. R. Training the Nihilists: Education and Radicalism in Tsarist Russia. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1975.

дворян из разорившихся поместий Западной Грузии — из сельского социума, поразительно изменившегося по мере развития интернационального капитализма и общеимперского товарного рынка¹.

Те грузины, которые стремились к вертикальной мобильности, но обладали недостаточными средствами, более охотно получали образование не в Петербурге или Москве, а в провинциальных университетах, коммерческих училищах и семинариях. Серго Орджоникидзе покинул свою деревню в Западной Грузии, чтобы изучать медицину в Тбилиси, — так же как будущий большевик Тенгиз Жгенти покинул соседнюю деревню в той же Западной Грузии, чтобы поступить в Тбилисскую учительскую семинарию². Оба происходили из семей настолько обедневших, что внешне их практически невозможно было отличить от окрестных крестьян — разве что по имени, да еще, что более вероятно, по глубокому чувству стыда за утраченные позиции в благородном обществе. Приехав в Тбилиси, они оказались в административном центре российского господства на Кавказе, в экономически развивающейся, многонациональной региональной столице. Вероятно, они не могли не заметить, что в самом большом городе Грузии высшие посты в региональной администрации занимают русские, а буржуазия в подавляющем большинстве представлена армянами³. В результате такой ситуации многие юные грузинские студенты приходили к убеждению, что к национальному освобождению от гнета имперского правления и тесно переплетенной с ним экономической эксплуатации приведет социализм.

Студенты объединялись против преподавателей и взамен преданности своим родителям обретали узы братства друг с другом. В Грузии росли радикальные студенческие группы, и даже за пределами Тбилиси. В Кутаисской гимназии был организован быстро разраставшийся тайный читательский кружок, где студенты читали и обсуждали радикальную литературу; ее тайно доставляли в страну или печатали в Грузии в подпольных типографиях, число которых, в свою очередь, все увеличивалось. К началу XX века в этой гимназии даже выходило на грузинском языке собственное

¹ Экономические и социальные преобразования в сельской Грузии рассматриваются в работе Р. Суни: *Suny R. G. The Making of the Georgian Nation*. P. 96–112, 144–164.

² РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 661. Л. 4–9.

³ *Suny R. G. The Making of the Georgian Nation*. P. 91–93.

периодическое издание социалистической направленности, которое ученики печатали сами на подпольном типографском станке¹. Шалва Элиава, Иван (Мамия) Орахелашвили и Илья Мамулия — будущие лидеры партии большевиков — активно участвовали в нелегальном гимназическом читательском кружке. Личные дела студентов Кутаисской гимназии наглядно демонстрируют особую обеспокоенность школьного начальства этими студентами. Орахелашвили объявляли выговор за несколько выступлений против наставников, а Элиава — как было отмечено — хорошо занимался, но имел склонность «лгать». Тем не менее начальство не подозревало, до какой степени эти ученики уже были вовлечены в социалистическое движение, в те тайные ячейки и подпольные собрания, которые распространялись по всему Кавказу². Орахелашвили и Элиава к выпуску прекрасно овладели искусством конспирации; их дружба и преданность идее зародились в ходе совместного участия в нелегальной политической деятельности.

И все же, наверное, не было более заметного центра грузинского радикального движения, чем православная Тбилисская духовная семинария. По всей Российской империи духовное сословие находилось в состоянии брожения, и среди сыновей духовных лиц радикализм был особенно распространен³. В грузинских же семинариях дополнительной причиной распространения радикальных настроений была политика русификации: российские власти продолжали урезать автономию Грузинской православной церкви, препятствовать соблюдению особых грузинских церковных обрядов, ограничивать использование грузинского языка и закрашивать древние церковные фрески — в стране, чьи православные традиции были старше российских на шесть столетий. Семинаристы были недовольны ограничениями грузинского религиозного самовыражения — даже несмотря на то, что знакомство с радикальными идеями в атмосфере строгой институциональной культуры, построенной

¹ Архив Министерства внутренних дел [далее — МВД] Грузии. Отдел II. Ф. 8. Оп. 2. Д. 66. Л. 1–5.

² Там же. Д. 748. Л. 1–5.

³ Manchester L. *Holy Fathers, Secular Sons: Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2008. [См. русский перевод: Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России / Пер. с англ. А. Ю. Полунов. М.: Новое литературное обозрение, 2015. — Примеч. пер.]

на принципах жесткой иерархии и телесных наказаний, превратило многих из них в атеистов. Будущий грузинский большевистский лидер Филипп Махарадзе характеризовал Тбилисскую семинарию, которую он посещал, как «царство схоластики, обмана и лицемерия». Он писал: «При поступлении в семинарию я был самым смиренным и примерным учеником в глазах духовных иезуитов... Через год меня уже нельзя было узнать: я стал, во-первых, протестантом против царящих в семинарии порядков и, во-вторых, атеистом»¹. Некоторые студенческие выступления против сурового дисциплинарного порядка семинарии приобретали насильственный характер: в 1884 году Сильвестр (Сильва) Джигладзе, будущий меньшевик, ударил ректора, а двумя годами позже семинарист из Гори зарезал ректора насмерть².

На волне этих протестов другой семинарист из Гори, Иосиф Джугашвили, в 1894 году прибыл учиться в Тбилиси. Годом позже, под влиянием интеллектуального брожения, пронизывавшего студенческую жизнь городской семинарии, шестнадцатилетний студент сочинил и опубликовал стихотворение на грузинском языке, где говорилось о национальном освобождении, пусть даже в отношении образования:

Цвети, о Грузия моя!
Пусть мир царит в родном краю!
А вы учобою, друзья,
Прославьте Родину свою!³

В стихотворении отражены растущие грузинские националистические настроения, хотя в целом оно имеет более универсальное содержание. Подобно другим народам Российской империи, грузины были недовольны ограничениями, налагаемыми на использование их родного языка; тем не менее, в отличие от многих других этнических групп, грузины — и в том числе юный Джугашвили — продолжали воспринимать русский язык, наряду с родным грузинским,

¹ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 1234. Л. 4.

² Service R. Stalin. P. 36.

³ Стихи юного Сталина были благожелательно отмечены тбилисской интеллигенцией и публиковались в издававшейся на грузинском языке газете «Иверия» (1895. № 23). Перевод стихов на английский язык приводится в книге: Service R. Stalin. P. 39. [Перевод на русский язык дан по следующему изданию: Сталин И. В. Сочинения. Тверь: Северная корона, 2004. Т. 17. С. 5. — Примеч. пер.]

как универсальный язык образования. Грузинская интеллигенция, возникшая на пересечении локальной и имперской культур, стремилась овладеть обоими языками. Многие, как и Джугашвили, постепенно становились страстными приверженцами социализма, видя в социалистическом движении способ объединить локальное и имперское недовольство. К концу XIX — началу XX века активисты из РСДРП начали укреплять контакты с Джугашвили и другими мятежными семинаристами. В читательских кружках Тбилиси семинаристы встречались со студентами технических специальностей и с квалифицированными рабочими — такими, как Авель Енукидзе, сын крестьян из Западной Грузии и будущий деятель партии большевиков¹. Те выходцы из сельской Грузии, которые были исключены из семинарии за революционную деятельность — как Михаил (Миха) Цхакая, еще один будущий лидер большевиков, — оставались активными участниками тбилисского радикального подполья².

Сталкиваясь с перспективой исключения, тюрьмы и ссылки, студенты и семинаристы объединялись в борьбе против политической несправедливости и экономического неравенства. В их кругу были важны кавказские стандарты дружбы, но молодых людей спланивали и новые интеллектуальные течения. Социализм для них означал «уравнивание» прежних иерархий, и приверженность этой идее была отражена в горизонтальных связях, которые они создавали друг с другом, восставая против родительской, образовательной и самодержавной власти³. Лидеры грузинских меньшевиков и большевиков — а затем лидеры Советского Союза — выросли из этих тесно сплоченных радикальных кружков с имперской окраины.

РАДИКАЛИЗМ ПРИХОДИТ В ДЕРЕВНЮ

Грузинских радикалов больше не устраивал тот мир, который они оставили, поступив в учебные заведения. Они были семинаристами, но не собирались становиться священниками; были дворянами — но

¹ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 639. Л. 3–6.

² Это справедливо и в отношении будущего большевика Малакии Торошелидзе. См.: Там же. Оп. 1. Д. 1941. Л. 4–8.

³ Об «уравнивательных» тенденциях в Русской революции см.: Stites R. *Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*. Oxford: Oxford University Press, 1989. P. 126–130.

только по имени; разочарованными белыми воротничками; крестьянскими детьми, стремящимися к вертикальной мобильности. В своих родных селах они видели невежество, а в зарождающихся индустриальных городах, которые усеяли кавказский ландшафт к концу XIX века, — экономическую эксплуатацию. Путешествуя по Грузии и всему Кавказу, они распространяли запрещенную литературу и вели агитацию среди рабочих и крестьян. Но даже когда они совершали рейды в рабочую среду и публиковали свои статьи в грузинском социалистическом журнале «Квали» («Борозда»), который издавал Ной Жордания, или в еще более радикальном органе «Брдзола» («Борьба»), который возглавлял близкий друг Джугашвили, Владимир (Ладо) Кецохвели, эта мобильная группа агитаторов и публицистов стремилась — с разной степенью успеха — принести перемены в сельское общество Грузии.

Радикализм ошутимо вторгался в сельские семьи, когда грузинские студенты возвращались домой. Возможно, Шалве Элиаве и удавалось успешно скрывать свою политическую деятельность от учителей Кутаисской гимназии, но впоследствии он был исключен с юридического факультета Санкт-Петербургского университета за открытое участие в студенческой забастовке 1903 года. После исключения он вернулся домой, чтобы бороться за перемены в сельской Западной Грузии. Родственница Элиавы, Мария (Пуцу) Дгебуадзе, вспоминала любопытный эпизод, который произошел вскоре после его возвращения. Молодой социалист начал произносить вдохновенные речи перед местными крестьянами, которые, как отметила Дгебуадзе, стали называть его «хромой комитет». Прозвище явно намекало на травму ноги Элиавы, полученную в детстве в результате несчастного случая, но могло быть и мягкой формой насмешки над политической терминологией, которую употреблял в своих речах амбициозный студент-юрист из Петербурга¹. Его мать вела семейные дела после смерти мужа, отца Элиавы, и долгое время сопротивлялась крестьянским требованиям относительно большего использования ее земель. Созвав всю деревню на митинг, Элиава прикрепил к ближайшему дереву прокламацию, в которой в одностороннем порядке объявлял, что крестьяне могут убрать урожай с кукурузного поля его матери в соответствии с отмеченными им границами.

¹ Архив МВД Грузии. Отдел II. Ф. 8. Оп. 2. Д. 66. Л. 3–4.

Учитывая, что социализм Элиавы был отчасти восстанием против родительской власти, следует отметить, что многие грузинские большевики происходили из таких семей, где традиционные модели грузинского патриархата уже были поколеблены. Отец Элиавы умер в молодости, оставив свою жену главой семейства; отец Орджоникидзе, представитель гордого аристократического рода, не мог найти средства для содержания фамильного дома и был вынужден сводить концы с концами, доставляя марганцевую руду в черноморский порт Поти; отец Джугашвили, который сватался к его матери как высококлассный ремесленник, превратился в домашнего тирана и алкоголика и, потерпев экономическую неудачу, покинул семью, чтобы работать на обувной фабрике в Тбилиси, из-за чего утратил уважение местного общества¹. В двух последних случаях кризис патриархальной власти был связан с экономическими неурядицами, пережитыми под властью имперской России; в ответ сыновья не только отвергли традиционную семейную иерархию, но и стали утверждать грузинские каноны мужественности и братских отношений, чтобы перевернуть экономический и социальный порядок.

Личные и идейные связи между этими радикалами часто укреплялись за счет семейных и родственно-соседских отношений. Хотя большинство грузинских большевиков были мужчинами, социализм привлекал также дочерей-бунтовщиц. Сестра Элиавы, Маро, умерла в 1907 году, но уже была вовлечена в подпольную политическую деятельность; другую его сестру, Шушану, исключили из школы за контакты с революционерами². Во многих случаях грузинские большевики были братьями не только по духу, но и по крови: Авель Енукидзе, руководивший подпольными типографиями по всему региону, присоединился к революционному движению вместе со своим братом и кузеном; двое братьев Серго Орджоникидзе, как и их племянник, Георгий Гвахария, вслед за Серго вступили в партийные ряды; а братья Шалва и Михаил Окуджава присоединились к революционному движению друг за другом, когда учились

¹ Воспоминания о детстве Элиавы, оставленные его родственником, см.: Там же; о детстве Орджоникидзе см. его автобиографию: РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 1426. Мать Сталина вела дневник на грузинском языке, который недавно был опубликован, — см.: *Jughashvili E. Stalinis dedis mogonebebi*. Tbilisi: Bakur sulakauri, 2012.

² Архив МВД Грузии. Отдел II. Ф. 8. Оп. 2. Д. 66. Л. 1.

в Кутаисской гимназии¹. Тюремное заключение не столько служило средством устрашения, сколько способствовало дальнейшей радикализации по линии грузинских семейных связей. После того как Иван (Вано) Стуруа (именно он, как старший по годам большевик, рекомендовал молодого Иосифа Джугашвили к принятию в партию) за революционную деятельность был заключен в тбилисский Метехский замок, его братья, Георгий и Василий, — деревенские жители, работавшие на железной дороге, — присоединились к социалистическому движению².

Сельская жизнь в Грузии имела свои особенности по сравнению с остальной империей, что делало этот регион особенно плодородной почвой для социализма. Относительно высокий уровень грамотности в Грузии означал, что революционную литературу, печатавшуюся в подпольных типографиях Кавказа, сможет прочесть большее число крестьян. Небольшие размеры Грузии в сочетании с плотно переплетенной сетевой структурой грузинской расширенной семьи означали, что информация распространится быстро и новшества городской жизни будут стремительно проникать в деревню³. Кроме того, социальная дистанция между крестьянами и мелкими сельскими дворянами зачастую была менее заметной, чем в России, что упрощало задачу создания связей между революционерами в национальном масштабе⁴. Наконец, сельские жители Грузии к тому времени, как представляется, успели испытать воздействие многонациональной культуры городов региона, во многих из которых существенную долю населения составляли армяне, евреи, русские, греки и мусульмане. Вместе взятые, эти факторы придавали крестьянским волнениям новое интеллектуальное содержание и более широкую, имперскую повестку.

В наибольшей степени это справедливо по отношению к западному грузинскому региону — Гурии, где в начале XX века произошло

¹ Эти сведения указаны в их партийных автобиографиях: РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 639–641, 1098.

² Там же. Д. 1874. Л. 5–16.

³ См. исследование, посвященное более позднему периоду, но содержащее увлекательные экскурсы в историю: *Dragadze T. Rural Families in Soviet Georgia: A Case Study in Ratcha Province*. New York: Routledge, 1988.

⁴ *Suny R. G. The Making of the Georgian Nation*. P. 67–78.

самое масштабное восстание и откуда вышло множество будущих революционеров. В 1903 году царские власти утратили контроль над этим регионом, поскольку гурийцы игнорировали официальные суды и назначенного губернатора и самостоятельно планировали общественные работы. К началу 1905 года лидеры крестьян провозгласили создание Гурийской республики, которой руководили крестьянские комитеты и которую защищали вооруженные крестьянские отряды¹. События в Гурии привлекли внимание социалистов всего мира и положили начало международному признанию грузинских радикалов. В то время как итальянский журналист Луиджи Виллари, приехавший в эти края в 1905 году, отмечал высокий уровень грамотности и политической просвещенности гурийских сельских жителей, русская революционерка Александра Коллонтай призывала гурийских женщин принимать активное участие в крестьянских трибуналах. Она отмечала, что «женское крестьянское население» этого региона «особенно отчетливо отстаивало свои права», и призывала гурийских женщин одобрить «постановления», требующие «уравнения их в политических правах с мужчинами»². Молодой Иосиф Джугашвили следил за событиями в регионе с живым интересом; много лет спустя на одном из кремлевских приемов слышали, как он — уже Иосиф Сталин — объяснял природные политические склонности гурийского крестьянина: «Все гурийцы занимаются политикой. Там беспартийных нет. И неграмотных тоже. Читать и писать умеет каждый, и каждый читает газеты... Когда два гурийца собираются вместе, они обязательно ведут дискуссию о „Капитале“ Маркса»³.

Недолго просуществовавшая Гурийская республика продемонстрировала впечатляющие успехи социалистического движения в быстро меняющейся грузинской деревне. Прошло более десятилетия, прежде чем возникла самопровозглашенная Республика Исколата в Латвии, организаторы которой подобным же образом смешивали социалистическую идеологию с националистической

¹ Jones S. F. *Marxism and Peasant Revolution in the Russian Empire: The Case of the Gurian Republic* // *Slavonic and East European Review*. 1989. Vol. 67. № 3. P. 403–434.

² Коллонтай А. К истории движения работниц в России. Харьков: Всеукраинское изд-во, 1920.

³ Мгеладзе А. И. Сталин. Каким я его знал. Страницы недавнего прошлого. Тбилиси, 2001. С. 22–23.

риторикой в ходе восстания местного — по большей части сельского — латвийского населения¹. События в Гурии можно расценивать как успех в деле распространения социалистического учения, но восстание и его последствия также выявили и углубили расхождения между грузинскими меньшевиками и большевиками. Притом что восстание, а затем подавление его силами казаков, присланных из России в начале 1906 года, привело в ряды социал-демократов невероятно большое число гурийцев, меньшевики «обыграли» своих соперников-большевиков и установили более тесные связи с крестьянством, предлагая специфически грузинское видение революции, которое было более созвучно сельским настроениям². Эти же грузинские меньшевики впоследствии были избраны в Думу, в то время как их оппоненты-большевики бойкотировали участие в учреждениях царского режима. Грузинские большевики стремились немедленно свергнуть самодержавие и приступить к более радикальной трансформации грузинского общества. Все в большей мере они искали союзников среди рабочих в многонациональных городских районах по всему Кавказу, где социальное развитие, по мнению большевиков, более соответствовало характеру социалистической теории.

Тем не менее, в отличие от тех радикалов, которые вступали в еврейский Бунд, армянскую националистическую партию «Дашнакцутюн» или Польскую социалистическую партию, грузинские социалисты — как меньшевики, так и большевики — фактически по-прежнему оставались членами общеимперской многонациональной организации — Российской социал-демократической рабочей партии³. Если за столетие до этого грузинские аристократы вошли в состав российского дворянства — имперской служилой элиты, то теперь грузинские революционеры всех оттенков политического спектра надеялись стать центром другого общеимперского движения.

¹ См.: *Bleiere D. History of Latvia: The Twentieth Century*. Riga: Jumava, 2006.

² В своей книге Стивен Джонс лаконично назвал это явление «социализмом грузинской окраски» (*Jones S. Socialism in Georgian Colors*). То, что в рядах социал-демократов преобладали грузины в целом и гурийцы в особенности, становится очевидным при внимательном просмотре автобиографических материалов в фонде Всесоюзного общества старых большевиков (РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1).

³ О поляках и евреях см.: *Zimmerman J. D. Poles, Jews, and the Politics of Nationality*; об армянах см.: *Suny R. G. Looking Toward Ararat*.

ГРУЗИНСКИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ГРУЗИИ

К 1907 году, в результате репрессий со стороны царского режима и политических успехов меньшевиков, Грузия стала для большевиков практически закрытой. Многие из них покинули ее, в том числе для того, чтобы продолжить партийную работу в Баку. По словам большевика Филиппа Махарадзе, Баку был «оплотом большевизма на всем Кавказе», поскольку больше нигде не было такого мощного пролетариата¹. В Баку грузинские большевики встретились с растущим рабочим классом, многонациональным, но в некоторых случаях разделенным межнациональной рознью, что стало очевидным в ходе стычек между мусульманским и армянским населением города в 1905 году². Выброшенные из своего родного окружения, грузинские большевики в Баку стали мечтать о подлинно интернациональной революции как о единственно возможном всестороннем решении социальных и этнических проблем империи. Они выдвинулись в лидеры, стремясь подготовить многонациональную революцию в масштабах всего Кавказа, и поднялись до высоких позиций в центральных органах большевистской партии как эксперты по ведению агитации среди этнически и лингвистически разнородного населения.

Грузинские большевики оказались способны с замечательным мастерством вести переговоры в условиях этнических различий. Если в сельской Грузии преобладание армянских купцов вызывало напряженность, то за пределами своей родины грузинские большевики стали сотрудничать с теми армянами, которые вышли из националистической партии «Дашнакцутюн» ради участия в интернациональном большевистском движении³. В ряде случаев большевики-грузины находили союзников среди тех армян, кто прибыл в Баку из Грузии — как Степан Шаумян, родившийся в армянской купеческой семье в Тбилиси, но вступивший в ряды

¹ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 1234. Л. 11.

² Swietochowski T. Russian Azerbaijan, 1905–1920: The Shaping of a National Identity in a Muslim Community. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 38–46. Мусульманское население города было в основном представлено носителями азербайджанского языка, но также включало лезгин, персов и поволжских татар.

³ Ibid. P. 39.

интернационального революционного движения после обучения в Санкт-Петербурге, Риге и Берлине¹. Грузины также завязали контакты с несколько меньшей по численности группой мусульман, примкнувших к революционному движению, в том числе с Нариманом Наримановым, который родился в Тбилиси и получал там образование в учительском институте, до того как переехал работать в Баку. Будучи в Баку чужаками, грузинские большевики сумели сыграть роль посредников между армянскими и мусульманскими рабочими и революционерами. Свободно владея русским языком, большевики-грузины установили прочные связи с бакинскими русскими рабочими, а также с русскими революционерами, проживавшими в этом городе.

В числе первых грузинских радикалов, прибывших в Баку, был Авель Енукидзе: он приехал туда в 1898 году, чтобы работать помощником паровозного машиниста на железной дороге². Енукидзе участвовал в создании ячейки РСДРП в Баку вместе со своим товарищем-грузином Ладом Кецховели и наладил работу подпольного типографского станка, который печатал революционную литературу на нескольких языках. Как специалист в деле революционной агитации Енукидзе установил связи с Центральным комитетом партии и в конце концов был по решению партии переведен в 1903 году в Санкт-Петербург. Работа молодого Енукидзе в Баку положила начало его партийной карьере; впоследствии он вспоминал этот переломный период своей жизни в мемуарах, изданных в 1930 году³.

Двоюродный брат Авеля, Трифон (партийный псевдоним — Симон) Енукидзе, прошел похожий путь. Приехав в Баку в 1900 году, чтобы работать механиком, он помогал своему двоюродному брату в создании подпольной типографии и выпуске нелегальной прессы. В 1905 году по требованию партии Симон переехал в Москву, чтобы помочь организовать нелегальную типографию поближе к центральным структурам партии. Разместившись в центре Москвы, в магазине под вывеской «Оптовая торговля кавказскими фруктами Каландадзе», Симон Енукидзе сотрудничал с русскими,

¹ О С. Г. Шаумяне и других армянах в партии большевиков см.: *Panosian R. The Armenians: From Kings and Priests to Merchants and Commissars*. New York: Columbia University Press, 2006.

² РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 639. Л. 3–4.

³ Енукидзе А. Большевистские нелегальные типографии. М.: Молодая гвардия, 1930.

армянскими и грузинскими конспираторами, выпуская радикальную газету «Рабочий», которая печаталась на типографском станке, спрятанном в потайном чулане магазина. План был разработан самим Симоном Енукидзе, зарегистрировавшим магазин на имя грузинского портового грузчика, проживавшего тогда в Москве. Витрины фруктового магазина служили прикрытием для крупной операции, которая была направлена на доставку и распространение революционной литературы и проводилась в непосредственной близости от одного из главных полицейских участков города и от Бутырской тюрьмы¹. Георгий Стураа, еще один участник этой операции, вспоминал, как Симон Енукидзе согласовывал выпуск нелегальной литературы с Центральным комитетом партии во время регулярных встреч, проводившихся на московской квартире писателя-социалиста Максима Горького². Несмотря на то что в 1907 году типография была закрыта, сама эта операция продемонстрировала, как грузинские большевики смогли опереться на свой успех в Баку, чтобы приобрести значимость в центре партийной жизни. А кроме того, она указывала на высокую степень этнического самосознания у Симона Енукидзе, который использовал распространенный стереотип грузина — торговца фруктами как прикрытия для своей революционной деятельности.

Деятельность грузинских большевиков в многонациональном Баку привлекла внимание партийных лидеров самого высокого уровня. Ленин, находившийся тогда в Женеве, организовал встречу с грузинским большевиком Малакией Торошелидзе, который вел партийную работу в Баку. Позже Торошелидзе вернулся в Швейцарию, чтобы вторично встретиться с Лениным, и теперь его сопровождал Серго Орджоникидзе³. Несколько лет спустя Иосиф Джугашвили — после того как возглавил протестные акции в Баку во время революции 1905 года — был избран делегатом от Кавказа на партийную конференцию в Финляндии, состоявшуюся в конце 1905 года, где он впервые встретился с Лениным.

Хотя он все еще использовал партийный псевдоним Коба, взятый из классического произведения грузинской литературы,

¹ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 641. Л. 4.

² Там же. Д. 1874. Л. 5–16.

³ Там же. Д. 1941. Л. 4–8.

Джугашвили стал убежденным интернационалистом. Он перевез свою жену Екатерину Сванидзе и своего маленького сына Якова из Тбилиси в Баку¹. Начал чаще вести переписку и публиковаться на русском языке и даже изучал эсперанто, надеясь овладеть истинно интернациональным языком². Побывав на съезде РСДРП в Лондоне в мае 1907 года, Джугашвили вернулся в Баку. Рассказывая о съезде в подпольной газете «Бакинский пролетарий», он утверждал, что большевики представляют интересы рабочих, авангарда, связанного с крупнопромышленным развитием Центральной России, тогда как меньшевикам доминировать в Грузии удастся лишь по причине «крестьянского и ремесленного», «полубуржуазного» облика страны³. Сформировавшийся как личность в годы юности, проведенные в Грузии, и окруженный грузинскими товарищами-революционерами, он тем не менее полагал, что будущая интернациональная революция воплотится в жизнь за пределами его сельской родины.

Далеко за пределами Грузии Джугашвили и его грузинские товарищи побывали также благодаря царской карательной системе. Все грузинские большевики, которые впоследствии возглавят революцию, немало времени провели в тюрьмах, ссылках и эмиграции. Сосланные в маленькие деревушки и провинциальные города юга России и Сибири, многие из них узнали русскую жизнь непосредственно, на личном опыте. В этом смысле лишение свободы за пределами Кавказа стало для грузинских революционеров созидательным этапом их российского образования. В то же время преследования со стороны царской власти заставляли этих революционеров еще сильнее полагаться на объединявшие их братские и этнические узы.

Серго Орджоникидзе был не единственным большевиком, сосланным на самые дальние окраины империи. Авеля Енукидзе арестовали в 1911 году и сослали сначала на юг России, а затем, после второго ареста, — в Енисейскую губернию, располагавшуюся недалеко от китайской границы⁴. Симон Енукидзе был арестован в 1912 году, на год позже, чем его двоюродный брат, и выслан

¹ Его жена-грузинка умерла от туберкулеза вскоре после переезда, оставив Джугашвили вдовцом вплоть до его женитьбы в 1919 году на юной Надежде Аллилуевой.

² Service R. Stalin. P. 78.

³ Сталин И. В. Сочинения. Т. 2. С. 46–77; цит. по: Deutscher I. Stalin. P. 91.

⁴ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 639. Л. 5–6.

за пределы Кавказа на три года¹. Хотя ссылка далеко разбросала эту группу грузин, они переписывались друг с другом, используя для обмена информацией этнические, семейные и партийные связи. Тюремное заключение сводило вместе большевиков со всей империи. Галактион Вашадзе, бывший студент Кутаисской семинарии, был арестован за участие в деятельности партии большевиков в грузинском шахтерском городке Чиатура. В сибирской ссылке он познакомился с русскими революционерами из Москвы и Петербурга, которые произвели на него огромное впечатление². Проведя долгие годы в отдаленных концах России, грузинские социалисты установили личные отношения с русскими и восприняли интернационализм, сложившийся благодаря огромной протяженности и разнообразию царской империи. В Якутии Орджоникидзе встретил свою русскую жену, Зинаиду Павлуцкую. Джугашвили был сослан в морозные просторы Курейки, поселения недалеко от полярного круга. Позже он с теплыми чувствами вспоминал свое повседневное общение с деревенскими жителями, среди которых были и русские, и этнические кеты³.

Когда имелась возможность, грузинские революционеры пытались скрыться от полиции, уезжая за рубеж, и тогда становились заметными фигурами в эмиграции. Миха Цхакая, один из самых старших членов группы, был заключен в тюрьму в 1906 году, после того как поучаствовал в организации Бакинского Совета. Добравшись до Лондона для участия в V партийном съезде 1907 года, он остался в Европе и с 1907 по 1917 год жил в Швейцарии по соседству с Лениным. Будучи за рубежом, он лично рекомендовал Ленину многих своих грузинских товарищей и публиковал радикальные статьи для распространения в Российской империи на русском и грузинском языках, пользуясь разнообразными псевдонимами, звучащими то на русский, то на грузинский лад⁴. Интернациональная отзывчивость Цхакаи и других грузинских публицистов, как и их способность работать на многих языках, произвела на Ленина огромное впечатление, и в статье, опубликованной в 1913 году,

¹ Там же. Д. 641. Л. 4–5.

² Там же. Д. 328. Л. 15–27.

³ Service R. Stalin. P. 110–112.

⁴ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 2074. Л. 3–4.

он писал: «Образцом для нас должна быть социал-демократия на Кавказе»¹.

Поэтому неудивительно, что, когда в феврале 1917 года внезапно началась революция, а затем последовало неожиданное отречение царя Николая II, грузинские революционеры, известные как среди меньшевиков, так и среди большевиков, появились в центре российской политической жизни. Они возвращались из ссылки, тюрем, эмиграции, спеша воплотить свое видение социализма в Петрограде и родной Грузии. Связи между грузинскими революционерами и их умение выступать в качестве представителей многонационального движения были ценным ресурсом в условиях революционного подполья и могли оказаться столь же необходимы в ходе революции.

Меньшевик Ираклий Церетели, будучи в сибирской ссылке, через посредство грузинских товарищей получил новости о правительственном кризисе. Практически тут же его вызвал к себе Герасим Махарадзе, другой грузинский депутат II Думы, находившийся в ссылке, и они вместе отправились в Иркутск². К марту Церетели добрался до российской столицы, где получил пост во Временном правительстве: вначале стал министром почт и телеграфов, а затем, в кабинете Александра Керенского, — министром внутренних дел. В одной из российских газетных статей того периода саркастически замечено, что Церетели — первый министр в отечественной истории, прибывший на свой пост из тюрьмы³. При этом он был далеко не единственным грузином в новых политических реалиях. На Всероссийской конференции меньшевистских организаций РСДРП в 1917 году пятую часть всех делегатов составляли представители партийных организаций Кавказа, большинство из которых были грузины⁴. По словам меньшевистского политика Ноя Жордания, «русская социал-демократическая партия была представлена в Думе в лице грузин»⁵.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1973. Т. 23. С. 59.

² Церетели И. Г. Воспоминания о Февральской революции. Paris: Mouton, 1963. С. 15.

³ Рабочая газета. 1917. 7 мая. № 50; сохранилась в архивах Гуверовского института. См.: Hoover Institution Archives. Boris I. Nicolaevsky Collection. Box 37: 3.

⁴ Jones S. Socialism in Georgian Colors. P. 286.

⁵ Жордания Н. Н. Моя жизнь / Пер. И. Жордания. Stanford, CA: Hoover Institution Press, 1968. P. 49.

Грузинские меньшевики вошли в состав Временного правительства, а грузинские же большевики начали организаторскую работу в Петрограде. Миха Цхакая вернулся из эмиграции вместе с Лениным в plombированном вагоне, в сопровождении Давида Сулиашвили, бывшего семинариста из Тбилиси, который жил в швейцарской эмиграции среди большевиков¹. Собравшись вместе в российской столице, они ощутили возбуждающую атмосферу революционных перемен. Галактион Вашадзе, вернувшийся из сибирской ссылки, вспоминал «грандиозное» ощущение «энтузиазма и радости», которое он испытал во время своего освобождения, сопровождавшегося пением, танцами и пирушками². Авелю Енукидзе, принудительно отправленному в 1916 году на военную службу, по дороге на фронт посчастливилось попасть со своей Сибирской дивизией в Петроград как раз в день отречения царя. Авель остался в столице и занялся революционной деятельностью вместе со своим двоюродным братом, Симоном Енукидзе, который вел социалистическую пропаганду среди рабочих фабрики «Сименс» в Петрограде с 1914 года³. Где бы их ни застала революция, грузинские большевики немедленно принимались за организаторскую работу. Серго Орджоникидзе вначале был членом исполнительного комитета местного Совета в Якутии, где отбывал ссылку, а затем, едва вернувшись в Петроград, в июле 1917 года стал членом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов⁴. Его товарищ, грузинский революционер Шалва Элиава, выдвинулся на руководящие позиции в Вологде, где до этого жил под надзором полиции⁵.

Грузинские меньшевики доминировали на официальной политической сцене в начале 1917 года, но в октябре, после захвата власти большевиками, лишились постов в российском правительстве. Многие из них вернулись в родную Грузию и 26 мая 1918 года, в атмосфере революционного хаоса и продолжавшейся Первой мировой войны, провозгласили независимую Грузинскую Демократическую Республику. Хотя в имперском масштабе контроль

¹ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 2074. Л. 1–2.

² Там же. Д. 328. Л. 25.

³ Там же. Д. 639. Л. 3–6; Д. 641. Л. 4–5.

⁴ Там же. Д. 1426. Л. 5–6.

⁵ Элиава, Шалва Зурабович // Большая советская энциклопедия / Гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1978. Т. 30. С. 140. Стб. 406.

над революционным движением был меньшевиками уже потерян, они привлекли внимание интеллектуалов всей Европы тем, что проводили альтернативный социал-демократический эксперимент в Грузии; их постепенный, реформистский подход контрастировал с той радикальной революцией, которую осуществляли большевики в России. Видный немецкий марксист Карл Каутский в 1920 году посетил Грузинскую Демократическую Республику и одобрительно отозвался о достижениях меньшевиков в «маленькой Грузии». Находясь под сильным впечатлением компромиссного подхода грузинских меньшевиков к строительству социализма в преимущественно аграрном обществе, он писал, что Россия «только тогда сможет расцвести, когда проникнется тем же духом, который одушевляет Грузию»¹.

Большевистские теоретики думали иначе. В своей публикации 1922 года Лев Троцкий высмеивал грузинских меньшевиков за их «южную впечатлительность и приспособленность»². Обращаясь к уже сложившемуся тропу яркой грузинской самопрезентации, Троцкий язвительно замечал, что эти пламенные ораторы плавно сползли от интернационалистских надежд к националистической риторике — хитрый способ, как он полагал, захватить власть в родной Грузии. Многие грузинские большевики разделяли настроения Троцкого, подчеркивая свою идейную непоколебимость по контрасту с подразумеваемой гибкостью меньшевиков и критикуя их эффектные публичные выступления и по-грузински цветистые речи, которым якобы не хватало смысла. В сатирическом романе, опубликованном вскоре после падения меньшевистской Грузии, автор — Михаил Джавахишвили — упрекал своих товарищей-грузин в этих будто бы присущих им недостатках, которые он связывал с деградирующим оппортунизмом грузинской аристократии под властью Российской империи. Эпонимический герой его романа, Квачи Квачантирадзе, был «цирковым акробатом» риторики, хвастливым дилетантом от революции и «живым барометром», обладавшим обостренным чувством общественных перемен и соответственно изменявшим к собственной выгоде свой публичный

¹ Kautsky K. Georgia: A Social Democratic Peasant Republic / Transl. by H. J. Stenning. London: International Bookshops, 1921.

² Троцкий Л. Д. Между империализмом и революцией: основные вопросы революции на частном примере Грузии. М.: Государственное изд-во, 1922. С. 83.

образ¹. Такие тенденции с отвращением наблюдал Иосиф Джугашвили, хотя сам активно участвовал в создании собственного публичного имиджа. Его первый партийный псевдоним, Коба, был вдохновлен образом стойкого горца из грузинского романа; другой партийный псевдоним, Сталин (от русского слова «сталь»), создавал образ человека, непоколебимого там, где его соотечественники проявляли слабость. Выходец с этнически пестрого Кавказа, Сталин был назначен народным комиссаром по делам национальностей, и ему было поручено регулировать «национальный вопрос» в унаследованной большевиками многонациональной империи, в состав которой входила и его родная Грузия².

БОЛЬШЕВИКИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ ДОМОЙ

В феврале 1921 года грузинские большевики вернулись на свою родину вместе со вторгшейся в Грузию Красной армией. Вначале Ленин отказывался санкционировать военную оккупацию Грузии, но в конце концов Сталину удалось его уговорить. Письмо на грузинском языке от Сталина к Серго Орджоникидзе, написанное, вероятно, лишь за несколько недель до вторжения Красной армии, представляло собой своеобразное сочетание национальных чувств и социалистических убеждений, что было типичным для тех грузинских большевиков, которые теперь смотрели на свою родную землю с точки зрения центра. Вопреки мнению современников и историков, Сталин тогда не отказывался полностью от своей грузинской идентичности — напротив, продолжал подчеркивать свое грузинское происхождение ради достижения целей революции и радикального переустройства своей родины³. Обращаясь к Орджоникидзе в этом письме как к «земляку» (*чვენебуро*), Сталин в доверительном и заговорщическом тоне сообщал, что те лица из окружения Ленина, которые выступают против идеи выдвижения Красной армии в Грузию, потерпели поражение; согласно Сталину,

¹ Javakhishvili M. Tkhzulebani rva tomad. Tbilisi: Sabchota sakartvelo, 1970. Vol. 2. P. 17, 24.

² См.: Blank S. The Sorcerer as Apprentice: Stalin as Commissar of Nationalities, 1917–1924. Westport, CT: Greenwood, 1994.

³ Иное мнение современника отражено в кн.: Уратадзе Г. И. Воспоминания грузинского социал-демократа. Stanford, CA: Hoover Institution Press, 1968.

«группа Троцкого» была «очень ослаблена», а бухаринская оппозиция «рассыпалась, как горстка риса». Настаивая, что момент, которого ждали грузинские большевики, уже близок, Сталин писал: «Питер и Москва на нашей стороне... Надо попробовать не провалить дело на Кавказе... Грузинский вопрос будет решен в несколько ближайших дней». Глядя на Грузию извне, но действуя все еще в контексте грузинской культуры, Сталин заканчивает это письмо обращенной к Орджоникидзе просьбой об одолжении — чтобы он помог двум грузинам, которые направляются в Россию: литературному критику Геронтию Кикодзе и инженеру Александру Гиоргобиани. Подписано письмо было ласково: «Целую тебя. Твой Сосо»¹.

Когда же вторжение развернулось полным ходом, Ленин скупов высказывался по поводу действий Серго Орджоникидзе и других членов Революционного военного совета на Кавказе. Несмотря на то что депеша, посланная Лениным Орджоникидзе вскоре после начала вторжения, призывала скорее к «особой политике уступок по отношению к грузинской интеллигенции и мелким торговцам», чем к слепому применению «русского шаблона» военного коммунизма, грузинские большевики не знали жалости, воплощая на практике свое видение социалистической Грузии². Даже те грузины, которые не отправились вместе с Красной армией на свою родину, проявляли личный интерес к событиям в Грузии. Филипп Махарадзе, возглавивший только что учрежденный Грузинский революционный комитет, получил в Москве твердые указания и советы от таких грузинских большевиков, как Авель Енукидзе и Александр (Алеша) Сванидзе³. Сталин лично следил за тем, какие усилия предпринимает Махарадзе, чтобы противостоять меньшевистской пропаганде среди грузинского населения, и делал ему выговор за неадекватный ответ на обвинения в том, что грузинские большевики являются попросту «агентами Москвы»⁴. Рассредоточение грузинских большевиков в российском социалистическом подполье дало

¹ Письмо датировано 23 января и написано на бланке Рабоче-крестьянской инспекции, которая начала свою работу под руководством Сталина 7 февраля 1920 года. Хотя в письме не отмечен год, оно содержит указание на события, имевшие место в конце января 1921 года. См.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 777. Л. 25.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1970. Т. 42. С. 367.

³ Архив МВД Грузии. Отдел II. Ф. 14. Оп. 1. Д. 36. Л. 3.

⁴ РГАСПИ. Ф. 298. Оп. 1. Д. 137. Л. 7–8.

им возможность оказаться теперь в центре революции, но также привело к тому, что на собственной родине на них иногда смотрели как на российских агентов.

Битва за будущее Советской Грузии вступила в решающую фазу в 1922 году, в ходе так называемого «грузинского дела». Орджоникидзе, глава Кавказского бюро Российской коммунистической партии, стремился интегрировать Грузию в состав Советского Союза как часть политически и экономически единой Закавказской Федерации, включавшей также соседние страны — Армению и Азербайджан. И снова Ленин призывал к терпению, но Орджоникидзе при поддержке Сталина рвался вперед, «вычищая» тех грузинских официальных деятелей, кто не поддерживал его позицию. В тесно сплетенном сообществе грузинских большевиков эти новые политические распри приобретали личный характер. Дело переросло в полноценное противостояние, когда Орджоникидзе публично ударил грузинского большевика, возражавшего против его планов. Те из грузин, кто долго жил за пределами Грузии — как Сталин, Орджоникидзе и Енукидзе, — стремились к полной интеграции своей родной республики в централизованное Советское государство, что заставило Ленина обвинить этих нерусских в «великорусском шовинизме»¹. Возможно, более правильным было бы сказать, что эта группа грузинских большевиков не являлась шовинистической, а скорее стремилась к радикальному, быстрому и бескомпромиссному превращению своей родины в социалистическое общество.

В частности, лидеры грузинских большевиков были особенно нетерпимы к обычаям и привычкам сельской Грузии. Хотя они старались расширять партийные ряды, в ходе «ленинского призыва» рекрутируя грузинских крестьян в партию, грузинским большевикам по-прежнему было непросто найти поддержку в грузинской деревне. В 1924 году они столкнулись с крупным вооруженным восстанием в Западной Грузии, которое удалось подавить только путем насилия и репрессий². Шалва Элиава, который во время восстания был председателем Совета народных комиссаров Грузии, предлагал значительные усилия для переустройства грузинского сельского общества, стремясь разрушить устоявшиеся иерархические

¹ Suny R. G. *The Making of the Georgian Nation*. P. 217.

² Jones S. *The Establishment of Soviet Power in Transcaucasia: The Case of Georgia, 1921–1928* // *Soviet Studies*. 1988. Vol. 40. № 4. P. 616–639.

отношения и систему личных связей. На заседании Центрального комитета Грузинской коммунистической партии 5 июня 1925 года Элиава выступил против феодальной сущности сельского грузинского общества, предупреждая, что даже при советской власти может возникнуть новое феодальное сознание. Он утверждал: «Грузия — страна феодальная, построенная по феодальному принципу, тут Сов[етская] власть, конечно, разрушила эти феодальные устои, но все-таки появились, если можно так сказать, новые феодальные дворяне, главным образом в уездах, которые не хотят ни с кем и ни с чем считаться»¹. В другом месте Элиава критиковал саму грузинскую культуру, выступая против повсеместного распространения «личных феодалов» внутри советских учреждений и жалуясь, что анархические склонности грузин («тут каждый человек сам себе хозяин») охватили «все общество»².

По воспоминаниям дочери, Сталин также «терпеть не мог „феодалных почестей“, оказываемых ему грузинами», когда он посещал свою родину³. Выступая на закрытом заседании Оргбюро Центрального комитета партии 19 октября 1931 года, Сталин жаловался на то, что, по его впечатлениям, в Закавказье нет настоящих партийных организаций. Вместо этого, заявил Сталин, местные начальники в регионе выдвигают кандидатов на партийные должности, исходя исключительно из личной лояльности, и задаются вопросами о том, чей это человек, с кем он будет бороться, с кем будет пить и к кому будет ходить в гости⁴. Однако в собственной политической практике Сталин окружил себя в Москве лояльными товарищами с Кавказа и выстроил систему весьма персонализированных отношений. И Сталин, и Элиава — сколько бы ни критиковали они грузинскую культуру — были ветеранами кавказского революционного движения, проникнутого грузинскими культурными практиками дружбы, патроната и личных обязательств. Самих по себе культурных связей было недостаточно для обеспечения солидарности всех грузин, но эти связи — в сочетании с идейной убежденностью — оказались

¹ Архив МВД Грузии. Отдел II. Ф. 14. Оп. 2. Д. 439. Л. 14.

² Там же. Л. 16.

³ Аллилуева С. И. Двадцать писем к другу. New York: Harper and Row, 1967. С. 63.

⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 132. Л. 90–99; цит. по: Getty J. A. Practicing Stalinism: Bolsheviks, Boyars, and the Persistence of Tradition. New Haven, CT: Yale University Press, 2013. P. 168.

мощной объединяющей силой для диаспоры грузинских большевиков. Пока Сталин поднимался к высшим ступеням советской системы, за ним следовала и его поддерживала группа верных людей с его родины. Грузинская революция, которая началась как часть общего недовольства и брожения на окраине царской империи, вместе со Сталиным переместилась в Москву.

КАВКАЗСКАЯ ГРУППА В КРЕМЛЕ

К началу 1930-х годов многие в партии называли Сталина и его окружение «кавказской группой»¹. В эту группу входили друзья-грузины, такие как народный комиссар тяжелой промышленности СССР Серго Орджоникидзе, секретарь президиума Центрального исполнительного комитета СССР Абель Енукидзе, а также этнический армянин Анастас Микоян, получивший образование в Тбилиси, и русский Сергей Киров, которого считали «почетным кавказцем», так как он длительное время вел партийную работу в Азербайджане². Всего лишь через десять лет после кровопролитной Гражданской войны и бурного установления советской власти на Кавказе эта группа революционеров пришла с горной окраины бывшей Российской империи, чтобы возглавить Советский Союз. Все они, кроме Кирова, говорили на русском языке с акцентом и в большинстве своем владели грузинским. Они укрепляли старые связи, общаясь друг с другом, проводя вместе отпуск и встречаясь на бесконечных кремлевских пиршествах за грузинскими блюдами и грузинским вином. Членство в кавказской группе предполагало свободное владение культурой региона и давало привилегию персонального доступа к Сталину.

Личные связи в полном превратностей Советском государстве были столь же необходимы для выживания и преуспевания, как и в революционном подполье. На заре существования Советского

¹ Как утверждает в своих мемуарах Н. С. Хрущев, «да и вообще тогда в партии, в партактиве нередко говорили, что существует „кавказская группа“ в руководстве» (*Хрущев Н. С. Воспоминания: время, люди, власть. М.: Московские новости, 1999. Т. 1. С. 72*).

² Современники, в том числе Анастас Микоян, вспоминали, что Киров понимал и уважал кавказские традиции дружбы, родства и пиршеств: *Микоян А. И.* Так было: размышления о минувшем / Ред. С. А. Микоян. М.: Вагриус, 1999.

Союза официальные учреждения, как можно представить, значили меньше, чем групповая лояльность и преданность идее¹. Переписка верхушки большевистской партии, относящаяся к этому периоду, свидетельствует, что доверительные товарищеские связи были существенно важны для получения ресурсов, политической поддержки, карьерного роста. Не все политические связи были по своей сути этническими: группы могли спланироваться и благодаря связям, сформировавшимся в тюрьме, ссылке, в годы Гражданской войны, а также по региональному принципу. Правда, такие группы были не столь многочисленны, менее устойчивы и лишены объединяющего культурного и языкового аспекта. В мире персонализированной политики особенно прочными оказались те социальные связи, которые были созданы на Кавказе и скреплены общим опытом и нормами культуры.

В кавказской группе доминировали грузины, что соответствовало приобретенному ими политическому весу в этом этнически пестром регионе. Разумеется, грузины были не единственной нерусской национальностью, представленной в новом Советском государстве непропорционально большим числом политиков. Евреи тоже быстро заняли властные позиции, но, как правило, преследовали при этом интернационалистские цели, не связанные с иудаизмом². Если большинство евреев отбросили внешние атрибуты культуры отцов, то грузины выставляли свою этническую инаковость напоказ, подчеркивая кровное кавказское родство. Поскольку грузины не были славянами, социальные связи между представителями этой кавказской национальности были более заметны и о них больше говорили, чем о связях между украинцами; в отличие от латышей грузины не ограничивались сферами военной службы и службы безопасности — их можно было встретить на самых разных постах нового государства. Грузинские большевики курсировали между Кавказом и Кремлем, переезжая с периферии в центр и обратно и устанавливая неразрывные связи между тем и другим.

¹ Возможно, официальные учреждения приобрели большее значение в период позднего сталинизма. См.: Gorlizki Y. Ordinary Stalinism: The Council of Ministers and the Soviet Neopatrimonial State, 1946–1953 // *Journal of Modern History*. 2002. Vol. 74. № 4. P. 699–736.

² Slezkine Y. The Jewish Century. P. 247 [В русском переводе: Слэзкин Ю. Эра Меркурия. С. 305–306, 315–316. — *Примеч. пер.*]

Будучи народным комиссаром тяжелой промышленности в 1930-х годах и осуществляя масштабную деятельность по индустриализации Советского Союза, Серго Орджоникидзе опирался на социальные связи между грузинами. Применявшиеся Орджоникидзе методы индустриализации фактически показывают, что некоторые из тех самых «феодалных» тенденций, которые порицались грузинскими большевиками в их родной стране, — а именно склонность создавать «личные феоды», основанные на патронате, — практиковались на самых высоких уровнях власти в СССР. Патронат был в Советском Союзе широко распространенным явлением, но патронат на грузинский манер отличался большей эффективностью и большей гибкостью, потому что патронов и клиентов связывал общий горизонт культурных ожиданий и каждый клиент мог стать потенциальным патроном для нижестоящих. В грузинской культуре принципы дружбы и взаимных обязательств были более тщательно выработанными и всеобъемлющими, да и применялись более открыто.

Орджоникидзе достиг власти как доверенный помощник Сталина. Преданный друг, в 1920-х годах он поддерживал Сталина в борьбе с политическими оппонентами — Григорием Зиновьевым и Львом Каменевым. Сталин вызвал Орджоникидзе из Тбилиси в Москву и поставил во главе Центральной контрольной комиссии партии (ЦКК), той комиссии, что сыграла важную роль в исключении из партии и аресте членов «троцкистско-зиновьевской оппозиции»¹. В качестве председателя ЦКК Орджоникидзе был известен своей способностью добиваться результатов, не зная жалости; его характеризовали как талантливого советского руководителя. К началу 1930-х ЦКК утратила административную значимость, поскольку главные оппоненты Сталина к тому времени были исключены из партии². В 1932 году Орджоникидзе был освобожден от прежней должности и назначен главой только что созданного Народного комиссариата тяжелой промышленности (НКТП). Этот комиссариат

¹ Khlevniuk O. V. In *Stalin's Shadow: The Career of «Sergo» Ordzhonikidze* / Ed. D. J. Raleigh; transl. by D. J. Nordlander. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1995. P. 25. [Оригинал на русском языке: Хлевнюк О. В. Сталин и Орджоникидзе: конфликты в Политбюро в 30-е годы. М.: Россия молодая, 1993. С. 18–19. — *Примеч. пер.*]

² Rees E. A. *State Control in Soviet Russia: The Rise and the Fall of the Workers' and Peasants' Inspectorate, 1920–1934*. New York: St. Martin's, 1987.

приобрел теперь первостепенную значимость, поскольку Сталин готовился ввести в действие второй пятилетний план — программу экономического развития, где тяжелой промышленности отводилась решающая роль в трансформации аграрной России в современную социалистическую державу.

В качестве руководителя вновь созданного и стратегически важнейшего учреждения Орджоникидзе пользовался огромной самостоятельностью. Он был обязан этим постом Сталину, но, курируя экономическое развитие, опирался на свою собственную систему связей при подборе кадров на различные посты в НКТП. Стиль его руководства отличался фанатизмом и конфликтностью — Орджоникидзе славился бешеным темпераментом, который современники объясняли тем, что он «настоящий грузин»¹. В то же время это был идеальный патрон, демонстрировавший страстную привязанность к своим подчиненным, бесчисленное число раз защищавший их от опасных политических обвинений, а в некоторых случаях заступавшийся за них и перед самим Сталиным².

Как и подобало члену внутренней диаспоры, доминирующей в советской политической жизни, должность руководителя НКТП потребовала от Орджоникидзе высокой территориальной мобильности. Архивные данные показывают, что он постоянно перебрасывал основную группу кадрового состава с должности на должность по всей стране и вел дела НКТП, где бы ни находился, — спешно отправляя инструкции и приказы по телеграфу. Инспектируя промышленное предприятие или проводя отпуск на Кавказе, он то и дело связывался с наркоматом по телефону либо по почте, зачастую прямо из вагона поезда³. Сам нарком, наркомат и доверенные кадры находились в постоянном движении. Было особенно важно, что Орджоникидзе то и дело появляется на строительстве городов и заводов по всему Советскому Союзу — и для того, чтобы убедиться, что работа доведена до конца (в отсутствие других механизмов обратной связи), и для того, чтобы обеспечить благоприятное

¹ Аллилуева С. И. Двадцать писем к другу. С. 132.

² В частности, он защищал Бесо Ломинадзе от обвинений в уклонении от партийной линии, выдвинутых во время «дела Сырцова — Ломинадзе». См.: Davies R. W. The Syrtsov-Lominadze Affair // *Soviet Studies*. 1981. Vol. 33. № 1. P. 29–50.

³ Российский государственный архив экономики [далее — РГАЭ]. Ф. 6884. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–43.

освещение советского индустриального строительства на страницах «Правды» и «Известий»¹.

Кадры, на которые полагался Орджоникидзе, когда курировал промышленное развитие Советского Союза, не были исключительно грузинскими, хотя принадлежность к грузинской нации, безусловно, сулила преимущества. В целом индустриализация создала огромную потребность в специалистах. Поскольку «буржуазные спецы», на которых государство опиралось в 1920-х годах, больше не считались подходящими кадрами, предпочтение стали отдавать амбициозным большевикам, обладающим технической подготовкой и навыками руководящей работы; этот новый слой талантливых партийных руководителей давал возможность (и не единственную) преуспевания грамотным и мобильным этническим группам. Среди тех этнических групп, которые добились заметного влияния в ходе советской индустриализации, грузинам было легче всех установить тесные отношения с Орджоникидзе, используя старые связи и общую культуру. Механизмы, к которым прибегали эти специалисты для утверждения своих позиций, нигде не вырисовываются столь явно, как в сфере патрон-клиентских отношений, установившихся в НКТП.

Еще до того, как Орджоникидзе занял пост наркома тяжелой промышленности, многие старые грузинские товарищи обращались к нему за помощью. Пример грузинского большевика, чья просьба к Орджоникидзе о политической поддержке возымела успех, — Шалва Элиава. Их пути разошлись в середине 1920-х: Орджоникидзе продолжил свою карьеру в Москве, а Элиава остался в Грузии. Карьера Элиавы пошла на спад в 1931 году, когда партия послала его контролировать осуществление экономического проекта в Казахской ССР. Элиава возражал против этого назначения, считая его пустой тратой своей энергии и умений. Дело обернулось еще хуже, когда его жена заболела и не смогла получить необходимую медицинскую помощь. Находясь в безнадёжной ситуации, Элиава решил обратиться к Орджоникидзе.

В письме, датированном 11 марта 1931 года, Элиава сообщал своему старому товарищу и потенциальному патрону, что отправлен

¹ Орджоникидзе способствовал освещению в прессе крупных промышленных кампаний, привлекая к этому своих подчиненных и должностных лиц в Москве. См. его переписку по вопросам взаимодействия с прессой: Там же. Д. 6. Л. 1–161.

в Казахскую ССР заниматься вопросом, о котором отозвался так: в этом деле «ничего не понимал и до сих пор очень мало понимаю». Он просил «дорогого Серго» о поддержке как своего друга и покровителя: «Я обращаюсь к тебе как к человеку, который всегда принимал теплое участие в моей судьбе. Я уверен, что ты не сочтешь неудобным выслушать меня издали и письменно». Последующие абзацы можно рассматривать как типичный пример умения «говорить по-большевистски»¹. На русском языке Элиава выражал свою преданность партии и готовность принять критику любых прежних ошибок, сделанных им на государственной службе. Тем не менее в финальном абзаце письма Элиава переходил на грузинский и писал в совершенно ином тоне. На тот момент русский был официальным языком переписки между государственными служащими на всесоюзном уровне, и оба они — и Элиава, и Орджоникидзе — свободно говорили и писали по-русски. И все же Элиава применял прием переключения с одного языка на другой, обращаясь к своему патрону на грузинском, чтобы подчеркнуть их общую идентичность, а также этническую солидарность и взаимные обязательства².

Детально описав на русском языке состояние своих дел в Казахстане, Элиава продолжил по-грузински: «Такое вот положение, мой дорогой Серго. Если ты еще не забыл меня и можешь предложить мне помощь — хорошо. Если нет — что я могу сказать! Будь здоров, а со мной будь что будет». В заключение письма он передавал привет жене Орджоникидзе, Зинаиде, и добавлял, что его жена также посылает привет, хотя «серьезно больна» и вынуждена «лежать в своем купе»³. Орджоникидзе не смог отвергнуть эту просьбу — ни как патрон, способный оказать реальную помощь, ни как земляк-грузин. Судя по заметкам, сделанным рукой Орджоникидзе на полях письма, он немедленно переслал его Сталину. В том же году

¹ «Говорить по-большевистски» — понятие, которое ввел Стивен Коткин в своем исследовании «Магнитная гора». См.: *Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as Civilization*. Berkeley: University of California Press, 1997. P. 198–237. [В русском переводе: *Коткин С. Говорить по-большевистски* (из кн. «Магнитная гора: Сталинизм как цивилизация») // Американская русистика. С. 250–328. — *Примеч. пер.*]

² Подробнее об этом феномене см.: *The Cambridge Handbook of Linguistic Code Switching* / Eds. B. E. Bullock and A. J. Toribio. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

³ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 28. Д. 55. Л. 1–3.

Элиава был назначен заместителем народного комиссара внешней торговли СССР.

В случае Элиавы для решения его проблемы оказались существенно важны общее прошлое и обращение на грузинском языке, который и автор письма, и его адресат понимали. Хотя советские лидеры были убежденными приверженцами социалистической идеологии и мастерами «говорить по-большевистски», для них очень важно было высказываться на родном языке. Грузинский, как и другие языки и — в более общем плане — другие «национальные формы», представлял собой семиотическую систему, которая вызвала ряд эмоций и ожиданий, близких как для говорящего, так и для его аудитории¹. Грузинский идеально подходил на роль советского «тайного языка»: он был в сущности непонятен чужакам, но признан в качестве официального государственного языка; созданные на этом языке произведения высокой культуры пользовались широкой известностью. К нему можно было без стеснения и сомнений прибегать не только в переписке, но и в частных разговорах между грузинскими большевиками на официальных встречах. Напротив, в переписке еврейских большевиков, стоявших у власти, невозможно обнаружить следов идиша или идишизмов: в отличие от грузин евреи были более склонны отвергать свою национальность ради универсализма и, как новообращенные в «пушкинскую веру», стремились к самовыражению только через русский язык и русскую культуру².

Будучи главой нового министерства, обремененным огромными полномочиями, Орджоникидзе обнаружил, что все больше грузин добиваются его покровительства и многие из них недавно получили образование и стремятся работать в Советском государстве. Большинство таких грузинских специалистов прошли обучение в Москве, хотя некоторых посылали за рубеж изучать новейшие

¹ На это обоснованно указывает Джеффри Вейдлингер в своей работе о Московском государственном еврейском театре. См.: *Veidlinger J. The Moscow State Yiddish Theater*. P. 3.

² Несмотря на возрождение еврейской культуры, описанное Моссом в его работе о «еврейском ренессансе» (*Moss K. B. Jewish Renaissance in the Russian Revolution*), для большинства большевиков-евреев русский язык был идеальным средством письменного и устного выражения. Ю. Слэзкин пишет об «обращении в пушкинскую веру» в своей книге «Еврейский век»: *Slezkine Y. The Jewish Century*. P. 127. [В русском переводе: Слэзкин Ю. Эра Меркурия. С. 181. — *Примеч. пер.*]

методы организации промышленного производства. Так, А. Чешивили, грузинский инженер, вернувшись в 1932 году из Германии, написал Орджоникидзе письмо с просьбой о поддержке. Он напоминал, что делегация, в состав которой он входил, однажды встретила Орджоникидзе на железнодорожной станции северокавказского города Гудермес. Теперь, вернувшись в Москву, он обращался к «товарищу Серго» за советом насчет своей дальнейшей карьеры в интернациональном рабочем движении¹. В кругу таких честолюбивых грузин Орджоникидзе был хорошо известен как высокопоставленный, но доступный партийный деятель. Когда молодой Григорий Мамацашвили, уехавший из Грузии в конце 1920-х годов с целью получить в Москве специальность инженера, пытался завязать контакты в советской столице, он обратился к Орджоникидзе, чья жена Зинаида выписала грузинскому студенту пропуск в Кремль, позволявший ему получить доступ к высшим должностным лицам СССР². Здесь, как и в других случаях, перед нами свидетельство ограниченной, но очень важной роли, которую играли женщины как «привратники» в социальных сетях их мужей. Поскольку многие жены членов кавказской группы, как и Зинаида Орджоникидзе, не были грузинками, они могли умело осуществлять посредничество между требованиями грузинской культуры и нормами принимающего общества, всегда оставляя за собой возможность открывать или закрывать доступ в группу молодым политическим честолюбцам.

В своем амплуа грузинского патрона — более публичном, чем у женщин, — Серго Орджоникидзе часто был вынужден выполнять культурные и семейные обязательства. Поддержка им младшего брата, Папулии, оказалась решающей для обеспечения тому должности на Закавказской железной дороге. Тем самым Серго Орджоникидзе помог брату, к которому в свою очередь обращался за помощью из тюрьмы в 1913 году³. Переписка Орджоникидзе свидетельствует, что именно его прямое вмешательство помогло племяннику, Георгию Гвахарии, получить назначение на пост директора огромного Макеевского металлургического завода в Донбассе,

¹ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 29. Д. 759. Л. 1–2.

² РГАЭ. Ф. 631. Оп. 1. Д. 14. Л. 12–13.

³ Knight A. Beria: Stalin's First Lieutenant. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993. P. 49–50.

центре тяжелой промышленности на востоке Украины¹. Не забывал он поддерживать и детей своих старых товарищей — например, Елену Джапаридзе, дочь Прокофия (партийный псевдоним — Алеша) Джапаридзе, грузинского большевика из Баку, одного из двадцати шести бакинских комиссаров, расстрелянных английскими военными в годы Гражданской войны. Елена Джапаридзе получила специальность инженера и была направлена на работу в Магнитогорск — новый огромный промышленный город на Урале, центр советского сталелитейного производства². Она часто писала Орджоникидзе об условиях работы в Магнитогорске, встречалась с ним, когда он посещал сталелитейный завод, и обеспечивала его ценной информацией о повседневной работе предприятия. Неопубликованные воспоминания Елены Джапаридзе об Орджоникидзе показывают, насколько тесно в тот период переплетались личные, политические и профессиональные отношения. Джапаридзе вспоминала, что, когда она приехала в Москву на съезд партии, ей достаточно было только позвонить Зинаиде Орджоникидзе, чтобы та, услышав голос Елены по телефону, сразу пригласила молодую грузинскую женщину-инженера на обед³. В доме Орджоникидзе ее приняли тепло — стандарты грузинского гостеприимства дополнялись патерналистскими отношениями Серго Орджоникидзе с дочерью его погибшего друга⁴.

Как и подобало патрону, Орджоникидзе воздавал своим наиболее ценным подчиненным верностью за верность и даже рисковал собственной карьерой, чтобы защитить их от политических обвинений. Его заместителем в НКТП был Георгий Пятаков, чье положение в партии было запятнано тем фактом, что однажды у него возникли открытые разногласия с Лениным. Хотя Пятаков был не с Кавказа, а из Киева, он стремился наладить личные отношения с Орджоникидзе. Делал он это в экспрессивной манере, представлявшей собой нечто среднее между подхалимством подчиненного

¹ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 28. Д. 70.

² Магнитогорск, подлинно советский город, является предметом изучения в монографии С. Коткина «Магнитная гора». См.: *Kotkin S. Magnetic Mountain*.

³ РГАЭ. Ф. 332. Оп. 4. Д. 56. Л. 59–64.

⁴ Подробнее о грузинском гостеприимстве см.: *Chatwin M. E. Socio-Cultural Transformation and Foodways in the Republic of Georgia*. Commack, NY: Nova Science Publishers, 1997.

и выражением братской симпатии, — возможно, пытался тем самым подражать грузинскому типу отношений с патроном. В письме к Орджоникидзе Пятаков писал: «...ты для меня не только начальник и *старший* товарищ, но и человек, к которому я лично относился и отношусь с глубочайшей любовью и уважением... твое руководство для меня было и есть не только формальным руководством начальника, а руководством товарища, которого я лично глубоко уважаю»¹. Орджоникидзе поддерживал Пятакова, несмотря на запятнанную политическую репутацию последнего.

Несколькими годами раньше Орджоникидзе использовал все свое политическое влияние, чтобы помочь Виссариону (Бесо) Ломинадзе. Молодой амбициозный грузин, выдвинувшийся в конце 1920-х годов с поста первого секретаря ЦК партии в Тбилиси в структуры Коминтерна в Москве, Ломинадзе был обвинен Сталиным в «левом уклонизме» за то, что находился в оппозиции к партийному курсу по вопросу о китайской революции. Считается, что Орджоникидзе утаил от Сталина свою переписку с Ломинадзе, которая могла повредить молодому грузинскому радикалу². В 1934 году последний, будучи секретарем Магнитогорского горкома ВКП(б), вновь обратился к Орджоникидзе за поддержкой — из-за конфликта с директором Магнитогорского металлургического комбината Авраамием Завенягиным. Ломинадзе писал «товарищу Серго», используя неформальное обращение на «ты» и аттестуя своих оппонентов как «идиотов» и «дураков». Подчеркивая, что ситуация, в которой он оказался, возникла из-за избытка лояльности к Орджоникидзе, Ломинадзе писал, что его подчиненные «жестoko наказали людей» за невыполнение распоряжений Орджоникидзе — и «правильно сделали». Он добавлял: «Теперь все знают цену приказу Орджоникидзе». Завенягин, будучи осведомлен о связях Ломинадзе с Орджоникидзе, стремился оправдаться. Используя формальный стиль обращения, он писал главе НКТП: «Я знаю Ваше хорошее отношение к Ломинадзе, и, по-видимому, т[оварища] Сталина. Тем более неприятно мне ставить перед Вами эти же вопросы. Однако еще

¹ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 1С. Д. 136; цит. по: *Khlevniuk O. V. In Stalin's Shadow*. P. 93. [Оригинал на русском языке: *Хлевнюк О. В. Сталин и Орджоникидзе*. С. 67. — *Примеч. пер.*]

² *Khlevniuk O. V. In Stalin's Shadow*. P. 34. [Оригинал на русском языке: *Хлевнюк О. В. Сталин и Орджоникидзе*. С. 23–25. — *Примеч. пер.*]

хуже загонять болезнь вглубь и погубить дело»¹. Втянутый в конфликт между двумя своими подчиненными, один из которых к тому же был грузином, Орджоникидзе требовал от обоих урегулировать разногласия и одновременно готовил резолюцию Политбюро, защищающую того и другого от партийных дисциплинарных взысканий. Впрочем, Ломинадзе к тому времени привлек внимание Сталина, который распорядился, чтобы Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) начал расследование в отношении Ломинадзе и его подчиненных в Магнитогорске².

Как вождь Советского государства, Сталин был верховным патроном. Он осуществлял управление, балансируя между политическими фракциями и натравливая одну на другую. Но, будучи грузинским большевиком, Сталин не мог оставаться просто «аппаратным политиком»³. В кавказской группе отношения патрона-та были более гибкими и менее иерархическими. Отчасти такие особенности возникли благодаря общему революционному опыту кавказских радикалов. Серго Орджоникидзе по-прежнему писал Сталину, используя неформальное обращение; эти письма, написанные на русском языке и касающиеся официальных вопросов, щедро приправлены грузинскими фразами, приветствиями и личными обращениями⁴. Давний союзник Сталина, Амель Енукидзе, известный в кремлевских кругах как «дядя Амель», также обращался к советскому вождю по-дружески и время от времени по-грузински, что свидетельствовало об их испытанной десятилетиями дружбе и отражало братский дух грузинского революционного подполья⁵.

При этом что на стиль патрон-клиентских отношений влияли общее прошлое и долгий стаж совместной работы, для грузин социальная дистанция между патроном и клиентом обычно была

¹ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 1С. Д. 162. Л. 33.

² Khlevniuk O. V. In *Stalin's Shadow*. P. 74–75. [Оригинал на русском языке: Хлевнюк О. В. Сталин и Орджоникидзе. С. 52–53. — *Примеч. пер.*]

³ Таким он описывается в работе О. В. Хлевнюка и Й. Горлицкого «Холодный мир». См.: Khlevniuk O., Gorlizki Y. *Cold Peace: Stalin and the Soviet Ruling Circle, 1945–1953*. Oxford: Oxford University Press, 2004. [На русском языке: Хлевнюк О. В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2011. — *Примеч. пер.*]

⁴ Этот вывод сделан на основе тщательного изучения переписки Орджоникидзе со Сталиным. См.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 777–779.

⁵ Там же. Оп. 11. Д. 728.

существенно меньшей — возможно, из-за особенностей грузинской культуры, но также и в результате умения грузин как диаспоры спланиваться. Бесо Ломинадзе продолжительное время вел переписку напрямую со Сталиным. Будучи моложе советского лидера почти на двадцать лет, Ломинадзе обращался к нему с должной вежливостью, но при этом писал с удивительной прямоотой. В 1928 году Ломинадзе писал Сталину, в резких выражениях жалуясь на то, что его назначили на работу в сельскую местность России: «Я совершенно не знаком с русской деревней (ни разу в жизни в ней не бывал), с бытом и условиями жизни русского крестьянства»¹. Хотя столь откровенные признания можно воспринимать как особенность дерзкой натуры Ломинадзе, возможно также, что он рассчитывал своими отзывами о русской деревне вызвать сочувственную реакцию Сталина как земляка и такого же чужака в принимающем обществе. Их объединяли не только культурная близость, но и общий статус членов диаспоры, оказавшихся за пределами своей родной земли.

Покровительства Сталина искали и те грузины, которые жили у себя на родине, даже те, кто не состоял в партии². Хотя он редко приезжал в Грузию, но иногда писал своим старым друзьям в Гори и однажды выслал одному из них деньги, в которых тот нуждался³. Вождю писали люди, которые помогали ему в революционном подполье, а один друг детства очень просил Сталина прислать за ним самолет, чтобы он смог увидеть «Кремль и все достопримечательные места Москвы» перед тем, как умереть⁴. Сталин также получал более конкретные просьбы о встречах в Москве и о финансовой помощи

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 758. Л. 157–158.

² Письма от грузин составляют только часть многочисленных посланий, которые получали от советских граждан Сталин и другие руководители государства. Подробнее об этих письмах см.: Fitzpatrick Sh. *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*. New York: Oxford University Press, 1999. P. 175–178. [В русском переводе: Фицпатрик Ш. *Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город /* [Пер. с англ. Л. Ю. Пантина]. 2-е изд. М.: РОССПЭН; Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. С. 210–213. — *Примеч. пер.*]

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5978, 5080; цит. по: Montefiore S.S. *Young Stalin*. New York: Knopf, 2007. P. 316.

⁴ Из официальной справки, приложенной к письму, следует, что Сталин ранее лично встречался с тем другом детства, который просил доставить его самолетом в Москву. Это был его бывший одноклассник из духовной семинарии в Гори. См.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 722. Л. 128–130.

членам семьи в Грузии. Его двоюродная сестра, Евфимия Гвеселиани, проявляла заметную настойчивость в общении, в течение нескольких лет посылая Сталину бесчисленные письма; однажды она попросила помочь ее сыну, который хотел получить образование за рубежом. Эта переписка свидетельствует, что Сталин лично встречался с Евфимией дважды, в 1941 и 1946 годах. Когда же он не смог с ней встретиться во время ее поездки в Москву в 1947 году, она беззастенчиво возвала к его чувству долга перед семьей, написав по-грузински: «Я знаю, что надоела тебе... но ты должен простить меня за то, что я все еще хочу тебя видеть. Выполни это единственное желание моего сердца. Я подумываю вернуться в Тбилиси, пожалуйста, не допусти, чтобы я уехала, не повидавшись с тобой»¹. Неизвестно, встретился ли с ней Сталин в данном случае, однако очевидно, что такие «встречи» были наполнены завуалированными просьбами о дополнительной помощи.

Любопытно, что некоторые из своих глубоко личных семейных обязанностей, включая поддержание отношений с матерью, советский лидер не выполнял сам. Его вторая жена, Надежда Аллилуева, вплоть до своего самоубийства, совершенного в 1932 году, часто писала матери Сталина от его имени, используя грузинские приветствия и сообщая, что ее «Сосо» здоров, но очень занят государственными делами². После смерти жены Сталин перевез Александра Эгнаташвили, друга детства из Гори, в Москву — присматривать за своим хозяйством. В обязанности Эгнаташвили входило поставлять матери Сталина мясо и другие дефицитные продукты по каналам НКВД. Эгнаташвили также взял на себя обязанность докладывать матери Сталина о здоровье вождя, одобрительно сообщая ей в письмах, что «Сосо» «набрал вес» и давно не выглядел таким здоровым, как теперь³. Кроме того, Эгнаташвили лично распределял продуктовые спецпайки для других членов семьи Сталина, включая и настойчивую Евфимию Гвеселиани⁴.

¹ Там же. Д. 722. Л. 105.

² Там же. Д. 1549. Л. 7.

³ Там же. В Тбилиси Берия лично посещал мать Сталина. Сам Сталин демонстративно отсутствовал на ее похоронах в 1937 году: *Montefiore S. S. Stalin: The Court of the Red Tsar*. London: Phoenix, 2004. P. 186–188, 226.

⁴ В 1946 году она жаловалась на то, что доставка ей спецпайка через Эгнаташвили была прекращена. См.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 722. Л. 89.

Поднявшись до высоких должностей в Москве, революционеры с Кавказа принесли с собой особые кавказские традиции гостеприимства. Будучи в некотором смысле этническими гостями, в новом государстве они стали хозяевами самого высокого ранга. Участие в пирах в грузинском стиле и других социальных ритуалах помогло обновлять старые связи и оказалось жизненно важным для политического продвижения более молодых членов партии. Вплоть до своей смерти Надежда Аллилуева часто играла роль хозяйки на общих встречах в Кремле. Сама она была из преимущественно русской семьи, но выросла в грузинском культурном окружении; ее отец был слесарем и партийным деятелем в Тбилиси. Особенно тесно она общалась с Авелем Енукидзе, которого знала с детства как своего крестного отца. Никита Хрущев с нежностью вспоминал ее теплое гостеприимство, замечая, что она всегда встречала гостей угощением и доброжелательной заботой. Как жена Сталина, Аллилуева играла еще большую роль в создании и укреплении социальных связей между членами советской элиты, чем Зинаида Орджоникидзе. Хрущев был признателен Аллилуевой, которая училась вместе с ним в Промышленной академии в Москве, за то, что она рассказывала о нем Сталину¹.

Детально продуманные пиры начались в Москве и продолжились на Черноморском побережье, в Абхазии, в дачном комплексе Сталина «Холодная речка». Массивное каменное строение, поднявшееся на утесе возле города-курорта Гагры, «Холодная речка» стала тем местом, где Сталин давал грандиозные обеды и рядом с которым он участвовал в охотничьих экспедициях или ухаживал за собственной рощей апельсиновых деревьев. Хотя он редко возвращался в свой родной Гори и даже в Тбилиси, но на даче «Холодная речка» воссоздал атмосферу кавказской помещичьей усадьбы. Возможность обедать со Сталиным и проводить с ним отпуск на «Холодной речке» давала кавказским большевикам политические преимущества, которые были недостижимы для партийных чиновников из других регионов Советского Союза². В Абхазии Сталин особенно тесно общался с Нестором Лакобой — другим бывшим

¹ Хрущев Н. С. Воспоминания. Т. 1. С. 48–51.

² Blauvelt T. Abkhazia: Patronage and Power in the Stalin Era // Nationalities Papers. 2007. Vol. 35. № 2. P. 203–232.

студентом Тбилисской семинарии, который в 1930-х годах возглавил правительство этой автономной республики. Во время обедов на «Холодной речке» советский вождь мог уступать Лакобе первенство, позволяя ему — абхазцу — исполнять роль тамады на этих пирах в грузинском стиле. Полные энтузиазма молодые члены партии из Грузии стремились быть представленными Сталину и его кругу, когда вожди проводили там отпуск. Именно на территории своей дачи Сталин познакомился с молодым, энергичным Лаврентием Берией — их встречу устроил Лакоба¹.

Социальные и политические связи между партийными лидерами-грузинами в Москве и деятелями партии в Грузии действовали в обоих направлениях: патроны в Москве помогали своим клиентам из Грузии в карьерном росте, а клиенты из Грузии взамен предлагали свои услуги как часть взаимной договоренности. Будучи заместителем народного комиссара внешней торговли, Элиава наладил тесные отношения с Нестором Лакобой в Абхазии. В письме Лакобе, датированном 11 ноября 1931 года, Элиава упоминает о своем долге перед ним и предлагает ему поддержку в делах внешней торговли. Он любезно приглашает Лакобу к себе в гости, когда тот будет в Москве. Взамен Элиава просит Лакобу лично принять в Абхазии министра торговли и промышленности Монголии и поясняет, что министр — «нужный союзник», которому следует оказать «максимум внимания» и обеспечить наилучшие условия проживания². Где бы они ни встречались друг с другом, большевики с Кавказа явно выражали свою общую групповую идентичность. Вскоре после того, как в 1926 году Орджоникидзе был переведен из Тбилиси в Москву, он писал Лакобе, своему товарищу на Кавказе: «Пить и стрелять можешь сколько хочешь, ЦКК (Центральная контрольная комиссия, которую, как уже говорилось, возглавил Орджоникидзе. — Э. С.) теперь в наших руках». В том же письме он сообщал Лакобе, что Вячеслав Молотов, близкий союзник Сталина, придет в Абхазию, и замечал, что к нему нужно будет проявить внимание. В заключение письма Орджоникидзе приглашал Лакобу вместе с семьей навестить его в новом доме в Москве³.

¹ Montefiore S. S. Stalin. P. 78–79.

² Hoover Institution Archives. N. A. Lakoba Papers. Box 1: 60.

³ Ibid. Box 1: 26.

Переписка на русском и грузинском языках между членами кавказской группы показывает, что они часто собирались вместе по случаю дней рождения, праздников и культурных событий. АVELЬ Енукидзе написал очень личное письмо Сталину на пятидесятилетний юбилей советского вождя, который отмечали в Кремле 21 декабря 1929 года. Признавая значение Сталина для интернационального социалистического движения, Енукидзе большое внимание уделил и своей дружбе с «Сосо», которая длилась десятилетия¹. В день рождения самого Енукидзе его старые товарищи Шалва Элиава, Серго и Зинаида Орджоникидзе, Галактион Вашадзе написали ему живое и яркое поздравление на официальном печатном бланке Шалвы Элиавы². А когда в Москву приезжал тбилисский Театр имени Шота Руставели, эта же группа грузин вместе посещала спектакли³.

Их дети росли вместе, в непосредственной близости от Кремля. Дочь Александра Эгнаташвили много часов провела в играх с детьми Сталина, с которыми у нее сложились прочные дружеские отношения. Ее семья говорила дома главным образом по-русски, поскольку жена Эгнаташвили не была грузинкой, но в остальном они сохраняли грузинские домашние традиции и ели в основном грузинские блюда⁴. Их социальный и культурный мир, как и у детей в других семьях кавказской группы, был пропитан социалистической идеологией, но сохранял сильный региональный привкус. Булат Окуджава родился по соседству с московской улицей Арбат, его родителями были грузин и армянка, оба — пламенные революционеры, приехавшие учиться в советскую столицу. Отец, Шалва Окуджава, позже вернулся в Тбилиси, а затем был назначен в Нижний Тагил, где курировал создание вагоностроительного завода при содействии Наркомата тяжелой промышленности, который возглавлял Орджоникидзе. Нина Берия, когда приехала со своим мужем Лаврентием в конце 1930-х годов в Москву, еще откровеннее проявляла чувство этнической солидарности, надеясь, что ее сын Серго женится на грузинской девушке, и даже пытается найти

¹ РГАСПИ. Ф. 667. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–8.

² Там же. Д. 17. Л. 119.

³ Там же. Д. 19. Л. 128–129.

⁴ Интервью автора с Этери и Тинатин Эгнаташвили — дочерью и внучатой племянницей Александра Эгнаташвили. Москва, 23 марта 2008 года.

ему невесту из «хорошей семьи»¹. Но тот, выросший в окружении детей новой советской элиты, в конце концов женился на внучке Максима Горького. Хотя дети грузинских революционеров и являлись членами этнической диаспоры, кавказские культурные связи которой были у всех на виду, они со временем замечали, что их родители говорят по-русски с сильным акцентом, тогда как сами они говорили не хуже коренных москвичей. После обучения в Москве и работы в Магнитогорске Елена Джапаридзе, услышав речь Сталина на XVII съезде партии в 1934 году, заметила, что грузинский акцент вождя сильнее, чем она ожидала. Возможно, это ее удивление было логичным следствием того, что после революции ей и другим молодым грузинам стали доступны гораздо более широкие возможности в сфере образования².

СТАЛИН И ПОЛИТИКА ГРУЗИНСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Различимый на слух грузинский акцент Сталина и значительное число грузин на видных государственных постах сделали репрезентацию советской власти политически щепетильной темой и привлекали особое внимание к грузинской культуре, которая пользовалась государственной поддержкой. Так, на неофициальной антибольшевистской листовке сопоставлялись грузинские большевики и евреи, занимавшие высокие политические посты. Там были изображены на одной стороне реки группа евреев во главе с Троцким, Каменевым и Зиновьевым, а на другой — группа грузин, включавшая Сталина, Орджоникидзе и Енукидзе. Подпись под рисунком гласила: «И заспорили славяне, кому править на Руси»³. Представления о влиятельных еврейских кликах и заговорах не были для России чем-то

¹ Beria S. Beria, My Father: Inside Stalin's Kremlin. London: Duckworth, 2001. [См.: Берия С. Л. Мой отец — Лаврентий Берия. М.: Современник, 1994. С. 191. — *Примеч. пер.*]

² РГАЭ. Ф. 332. Оп. 4. Д. 56. Л. 66–72.

³ Симонов К. Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине / [Сост. и автор предисл. Л. Лазарев]. М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1988. С. 44–45. Цит. по: Service R. Stalin. P. 324. Листовка содержит аллюзию на спор между славянскими племенами в древние времена, который в конце концов привел к призванию на княжение иноземцев-варягов. Она свидетельствует о том, что фракционные разногласия между Троцким и Сталиным могли восприниматься современниками как межнациональное соперничество между евреями и грузинами, хотя среди сторонников Сталина был, например, Лазарь Каганович и другие влиятельные советские евреи.

новым, ведь фальсифицированные «Протоколы сионских мудрецов» были произведены на свет еще в императорской России. Если евреев обычно обвиняли в сокрытии своей идентичности и тайных интригах, то заподозрить в том же грузинских большевиков было трудно — в силу их акцента, внешнего облика, особых культурных ритуалов, зрелищных и публичных даже в те годы, когда возможности для развития культуры национальных меньшинств, не принадлежавших к автохтонному населению союзных республик, существенно ограничивались¹. Грузинские большевики были слишком радикальны для политических традиций своей родной страны, но тем не менее являлись порождением грузинской революции с ее определенно национальными чертами и оставались приверженцами грузинской культуры. Кроме того, политическое влияние грузин не выглядело столь же беспрецедентным, как в случае евреев, поскольку грузинские аристократы и генералы имели заметное положение и при старом императорском дворе. Теперь же грузинскую идентичность можно было открыто подчеркивать даже в большей степени, чем прежде, — особенно потому, что Москва отныне была официально провозглашена столицей мирового революционного процесса. Присутствие этих желанных этнических чужаков расценивалось чаще как примета нового социалистического интернационализма, чем как вызов русской идентичности.

Грузия и ее национальная культура получали всяческую поддержку благодаря влиянию грузинских большевиков. Это особенно справедливо в случае Сталина, поскольку культ превратил его вместе с его грузинским акцентом в вездесущую и всемогущую фигуру повседневной жизни. Всех советских граждан учили, что Сталин грузин, и рассказывали о его родине, тогда как знаниям о других этнических группах Кавказа придавалось гораздо меньшее значение. Грузин можно было считать доминирующим элементом кавказской группы, но в некоторых случаях говорили просто о грузинах у власти, включая в их число армян, абхазов и других кавказских большевиков и используя слово «грузины» как обобщающий термин. Хотя Сталин редко посещал Грузию, республика была известна всему Советскому Союзу именно как родина Сталина. Павильон Грузии, открывшийся в 1939 году в Москве, на Всесоюзной

¹ Veidlinger J. The Moscow State Yiddish Theater. P. 7.

сельскохозяйственной выставке (ВСХВ, затем преобразованная в ВДНХ — Выставку достижений народного хозяйства), встречал посетителей лозунгом: «Грузия — родина великого Сталина — цветет под солнцем Сталинской Конституции»¹. Официальный образ многонационального советского народа являл собой пеструю, но гармоничную группу представителей разных народов, работающих вместе, хотя исключительное положение грузин время от времени подчеркивали тем, что выдвигали их — в пространственном и риторическом отношении — на первый план, помещая в одном ряду с русскими и украинцами, впереди прочих неславянских национальностей.

Для некоторых грузин то, что их единоплеменник оказался на вершине власти в Советском Союзе, наполняло культ Сталина национальной и личной значимостью. Граждане со всего Советского Союза писали письма-обращения к Сталину и другим лидерам Советского государства, но в письмах грузин просьбы часто преподносились в узкоэтнических терминах. Когда Ф. Каландадзе приехал в Москву из Тбилиси, он просил Енукидзе о помощи в важном деле, вероятно касающемся его здоровья. Извиняясь за то, что доставляет хлопоты, он оправдывался тем, что, если бы «не побеспокоил Орджоникидзе, Сталина или Енукидзе» — своих земляков-грузин, «ничего бы не вышло»². Это ощущение прямой этнической связи с Кремлем еще прочнее привязывало некоторых грузин к советской системе; хотя Сталин временами действовал по отношению к своей родине без всякой жалости, его акцент стал источником национальной гордости.

Как грузинский большевик, стоящий во главе Советского государства, Сталин был вынужден делать выбор между политически выгодными и потенциально опасными проявлениями грузинской культуры, как и между системой, основанной на персонализированном патронате, и интересами государственного строительства. Продолжая вести тесную переписку со своими товарищами с Кавказа, в ноябре 1925 года Сталин подготовил служебную записку, касающуюся постоянного использования нерусских языков в Центральном исполнительном комитете СССР, в то время

¹ Павильон «Грузинская ССР»: Путеводитель. М.: Сельхозгиз, 1939.

² ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 27. Д. 756. Л. 79.

возглавляемом Енукидзе. Сталин с беспокойством отмечал, что в процессе повседневной деятельности комитета «нередко поступают разного рода бумаги на языках национальных меньшинств... без перевода их на русский язык». Стремясь обуздать многонациональный космополитизм первых лет революции, Сталин заявлял, что дела комитета необходимо вести на русском языке или, по крайней мере, переводить бумаги на русский язык для официального протокола. Письма, поступавшие к Енукидзе от старых грузинских большевиков, показывают, что они ощущали дискомфорт от этих перемен в языковой политике. Некоторые рядовые члены партии уже опасались, что из-за формирующейся советской бюрократии они больше не смогут встречаться с Енукидзе напрямую, а будут вынуждены обращаться к его секретарю. Один старый большевик нехотя написал записку Енукидзе и Сталину на русском, но объяснил, что делает это только потому, что кто-нибудь может вскрыть и просмотреть письмо и это задержит его доставку¹. Сталин и многие его грузинские подчиненные продолжали использовать грузинский язык в своей личной переписке, которая, не будучи официальной, тем не менее имела решающее значение для функционирования Советского государства. Если грузинские большевики использовали свой родной язык, чтобы тем самым подчеркнуть связи друг с другом, то Сталин осознал необходимость унифицированного государственного языка и стремился избежать превращения официальных государственных дел в этнические. Его поступок сигнализировал о начинающемся переходе к более иерархической организации советских национальностей, а также может считаться первым шагом на пути к превращению сети персонализированных патрон-клиентских отношений в бюрократический государственный аппарат. Оба этих процесса получают стремительное ускорение в 1930-х годах.

Несмотря на то что Сталин в правительственных документах указывал свою национальность как «грузин», а Грузия была официально известна как его родина, советский вождь тщательно разрабатывал свой публичный образ и стремился контролировать то, в какой степени допустимо акцентировать внимание на его нерусской национальности. Так, он уделял особое внимание публикациям,

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 728. Л. 13–14; ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 27. Д. 755. Л. 175.

посвященным его молодым годам в Грузии. Когда в 1940 году в одном из ленинградских издательств без ведома Сталина подготовили к публикации беллетризованный очерк писателя Евгения Федорова о детстве вождя, Сталин был в ярости. «Карталинская повесть» Федорова изображала юного Сосо Джугашвили как не по годам развитого мальчика, растущего в любящей грузинской семье, которая, однако, переживает не лучшие времена из-за жестокой эксплуатации отца на обувной фабрике Адельханова в Тбилиси. Персонажи повести представляли на фоне клишированных образов живописной сельской местности в Грузии, а их диалоги были щедро сдобрены грузинскими словечками, песнями и неизбежными тостами. Хотя автор смаковал тему грузинской идентичности Сталина, из повести становилось ясно, что бывают грузины «хорошие» и «плохие». По ее сюжету юный Сосо вступает в спор с грузинскими меньшевиками Ираклием Церетели и Ноем Жорданием, полагающими, что «все грузины» являются «братьями»; способный мальчик замечает на это, что капиталисты, управляющие фабрикой Адельханова, не братья ни ему, ни его семье. Сталинские пометы на рукописи повести свидетельствуют, что он внимательно прочел произведение Федорова и даже исправил имя своего бывшего преподавателя в Тбилисской семинарии¹.

Попытка Федорова написать о грузинских страницах биографии Сталина, как выяснилось, не доставила последнему удовольствия; не одобрил он и усилий по переводу на русский язык подобной же биографии, автором которой был грузинский писатель Константин Гамсахурдия. Повесть Гамсахурдии «Белади» («Вождь») была опубликована на грузинском языке в 1939 году, в честь шестидесятилетия Сталина, и стала важным источником вдохновения для Федорова². В наскоро набросанной записке, датированной сентябрем 1940 года и адресованной Андрею Жданову, доверенному лицу Сталина по делам культуры, советский вождь гневно обвинял Петра Поспелова, историка партии, санкционировавшего написание повести Федорова, и остро критиковал новую книгу: «Т[оварищ] Поспелов поступил глупо и неприлично, заказав Федорову книгу обо мне

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 730. Л. 44–186.

² Гамсахурдия был заключен в тюрьму в связи с антисоветским восстанием 1924 года. Вероятно, написанная им биография Сталина была попыткой заслужить благосклонность советской власти.

без моего согласия (и ведома). Книгу Федорова нужно ликвидировать, как халтурную, а Пospelову дать надрание»¹. В другой записке Сталин потребовал, чтобы русский перевод его биографии, написанной Гамсахурдией, был запрещен². Акцентировать внимание на национальности Сталина перед грузинской аудиторией было целесообразно; но к слишком явной демонстрации этого же факта перед широкой советской общественностью Сталин относился со все большей настороженностью, поскольку в канун Второй мировой войны он начал балансировать между утверждением многонациональной природы Советского государства и дозированными проявлениями русского национализма³.

И все же покровительство Сталина по отношению к грузинской культуре и национальным культурным учреждениям позволило придать им формы, которые впоследствии окажутся прочными. Немало времени вождь посвятил редактированию выполненного Константином Бальмонтом перевода средневековой эпической поэмы грузинского поэта Шота Руставели «Витязь в барсовой шкуре» (вариант перевода — «Витязь в тигровой шкуре») для публикации в СССР⁴. Эта поэма была стержнем грузинской национальной мифологии и стала значить еще больше, когда Руставели с дозволения Сталина был поставлен в пантеоне советской культуры в один ряд с Пушкиным. По воспоминаниям дочери Сталина, Руставели был единственным поэтом, чтением которого советский вождь по-настоящему наслаждался⁵. Эпическая поэма грузинского барда прославляла воинов, связанных клятвами вечной дружбы: «Ближе друг, в огне сцепленья, чем рожденный в братстве брат»⁶. Поэма была не только доказательством достижений грузинской высокой

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 730. Л. 187.

² Там же. Л. 190.

³ См.: *Brandenberger D. National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002.

⁴ *Илизаров Б. С. Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. К историософии сталинизма.* М.: Вече, 2003. С. 246.

⁵ *Аллилуева С. И. Только один год.* New York: Harper and Row, 1969. С. 337.

⁶ *Rustaveli S. The Knight in the Panthers Skin / Transl. by V. Urushadze.* Tbilisi: Sabchota Sakartvelo, 1986. P. 139. [См. сделанный К. Д. Бальмонтом перевод поэмы на русский язык: *Руставели Ш. Витязь в тигровой шкуре / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. А. Г. Барамидзе и С. С. Цаишвили.* Л.: Советский писатель, 1988. С. 135. — *Примеч. пер.*]

культуры — она, возможно, имела и личный смысл для группы большевиков с Кавказа, связанных братской дружбой.

Сталин также пристально следил за развитием советского кинематографа и проявлял особый интерес к грузинским фильмам, предназначенным для широкой советской аудитории¹. В период с 1938 по 1940 год он помогал производить тщательный отбор сценария для фильма грузинского режиссера Михаила Чиаурели «Георгий Саакадзе»². Притом что фильм был посвящен важности политического единства перед лицом внешнего врага, ключевой теме в канун Второй мировой войны, — его эпонимический герой, персонаж грузинской истории XVII века, был особенно значим для Сталина и других грузинских большевиков. Саакадзе, грузинский полководец, принял ислам и с честью служил при персидском дворе шаха Аббаса, а затем помог шаху, возглавив военное вторжение персов в Грузию. Но, возвратившись на свою родную землю, Саакадзе поменял курс и начал объединение грузинских феодальных княжеств, что позволило ему изгнать персов из Грузии — правда, временно. Он лично возглавил сопротивление своему бывшему повелителю, шаху Аббасу, несмотря на то что сын полководца, Паата, оставался заложником при персидском дворе и в конце концов был казнен в наказание за восстание отца. Как свидетельствуют записки Сталина, он высоко ценил этот фильм, поскольку в нем было показано, что Грузия — страна слишком раздробленная, чтобы быть самостоятельной, и подчеркивалась необходимость сильного центрального правительства для защиты от враждебных держав³. В этом смысле Грузия — разделенная страна, нуждающаяся в сильном лидере, — символизировала весь Советский Союз. Разумеется, сложная историческая фигура Георгия Саакадзе имела важное значение для Сталина, который, как и Саакадзе, возглавил вторжение в свою родную страну, служа более крупному и целостному государству. Сравнение, однако, не было лишено двусмысленностей. Будучи лидером Советского Союза и при этом грузином, Сталин мог рассматриваться либо как полководец, объединивший разделенный

¹ Davies S. Stalin as a Patron of Cinema: Creating Soviet Mass Culture, 1932–1936 // Stalin: A New History / Eds. S. Davies and J. Harris. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 202–225.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 159.

³ Илизаров Б. С. Тайная жизнь Сталина. С. 249–253.

народ, подобно Георгию Саакадзе, либо как могучий властитель централизованного государства, приводящий разнообразные народы под власть своей империи, — как шах Аббас. Однажды Сталин даже задал Берии провокационный вопрос: «Думаешь, я похож на шаха?» В частной беседе Берия доверительно сообщил своей жене, что Сталин вполне способен «захватить чьего-нибудь сына из своего круга, обезглавить его и послать голову отцу юноши» — как поступил шах Аббас по отношению к Георгию Саакадзе¹.

СМЕРТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОКОЛЕНИЯ

Предвестием Большого террора 1936–1938 годов в Советском Союзе были сперва идеологические баталии, а затем — и случаи применения террора; но его внезапным началом после триумфального принятия «Сталинской» Конституции 1936 года большинство членов партии оказалось застигнуто врасплох². Оглядываясь назад, легко сказать, что старым большевикам было не привыкать к насилию: эта закаленная группа сталкивалась с предательством в революционном подполье, сражалась в годы кровопролитной Гражданской войны, отправляла в ссылку и уничтожала своих политических оппонентов. Но до начала Большого террора лишь немногие могли бы предвидеть, что эти товарищи по оружию восстанут друг против друга и стиль политики Советского государства подвергнется важным изменениям. Большой террор означал замену горизонтальных, зачастую персонализированных связей между товарищами более анонимной, вертикально организованной бюрократией, состоящей из взаимозаменяемых чиновников. Проверенные десятилетиями дружеские и товарищеские союзы распались, когда некоторые из самых известных в Советском Союзе старых большевиков были обвинены в заговорах, шпионаже и измене Родине. Большой террор, как децимация, проредил шеренги тех, кто

¹ Beria S. Beria, My Father. P. 283–284. [На русском языке: Берия С. Л. Мой отец — Лаврентий Берия. — Примеч. пер.]

² По истории Большого террора существует обширная литература. См. следующие показательные работы: Conquest R. The Great Terror: A Reassessment. New York: Oxford University Press, 1990; Getty J. A., Naumov O. V. The Road to Terror: Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939. New Haven, CT: Yale University Press, 1999; Halfin I. Terror in My Soul: Communist Autobiographies on Trial. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003.

дал старт большевистскому проекту, а новые кадры выходили на первый план по мере того, как революция пожирала своих детей. Сталин, разумеется, сохранил собственные позиции, руководя кампанией террора и выйдя из нее еще более сильным, чем был¹. Убеденный революционер, он, вероятно, был готов дойти до предела, отбрасывая прочь старые семейные, дружеские и этнические связи ради единственного интереса — строительства мощного имперского государства.

Эта степень убежденности явственно проступала уже в переписке Сталина с Серго Орджоникидзе, датированной октябрём 1931 года. В серии писем, которыми они обменивались и на страницах которых обсуждали формирование государственной политики индустриализации, Сталин «прорабатывал» Орджоникидзе за неумение проводить различие между политическими целями и личными чувствами. К примеру, тогда как Орджоникидзе пишет дружеское письмо, обращенное к «Сосо» и включающее замечания на грузинском языке насчет Молотова, который, по мнению Орджоникидзе, препятствует его усилиям по проведению индустриализации, — Великий Вождь отвечает ему более формальным письмом на русском языке, напечатанным на машинке, которое подписывает как Сталин. В этом письме Сталин на время отбрасывает в сторону их дружбу и этническую общность и берет на себя роль политического наставника, утверждая: «Ты еще не научился отвлекаться от личного элемента в отношениях между политическими руководителями. Это нехорошо. Личное (обиды, оскорбления) не должно заслонять общественного, не должно ослеплять политического деятеля... Поэтому-то я считаю своим долгом предупредить тебя, что на этом пути я тебе не товарищ»². Хотя и после того, как это письмо было написано, Сталин продолжал использовать модель личного общения с Орджоникидзе и другими грузинскими большевиками, он явно был готов принести личное в жертву политике. Достижение государственных целей и укрепление этнических связей могли взаимно усиливать друг друга, но могли и вступить

¹ Хотя Большой террор был вызван также давлением снизу, при изучении архивных источников становится очевидна руководящая роль Сталина. Более подробно о влиянии местных факторов на Большой террор см.: *Goldman W.Z. Inventing the Enemy: Denunciation and Terror in Stalin's Russia*. New York: Cambridge University Press, 2011.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 779. Л. 29–33.

во взаимное противоречие. В своем письме Сталин ясно дал понять, какую сторону он займет, если такое случится.

Террор в значительной степени был направлен против укоренившейся системы советских патрон-клиентских сетей, которые сопровождали Сталина на его пути к власти. Учитывая изначально небольшое влияние Советского государства за пределами центра страны, на первых порах имело смысл опираться на доверенных, опытных людей, способных получать ресурсы и действовать более или менее автономно, как это практиковалось в революционном подполье. Но к концу 1930-х годов стало ясно, что краткосрочное решение проблемы обернулось долгосрочными препятствиями на пути строительства бюрократического государственного аппарата. Внутренняя диаспора грузинских революционеров, которая помогала строить социализм, изжила себя и могла быть отброшена за ненадобностью. Это составило часть обширной программы по приданию советской бюрократии более формального характера и в то же время усиливало позиции Сталина, устраняя его соперников и другие тормоза государственной машины¹. Данные процессы развивались, ко всему прочему, параллельно с попытками консолидировать народы Советского Союза, считавшиеся политически лояльными, и покарать тех, территория проживания которых не вписывалась в советские границы, — как нелояльных. Впоследствии советские народы были ранжированы в еще более иерархическом ключе; русских стали славословить как «первых среди равных», хотя ими по-прежнему управлял грузинский вождь.

Из-за того, что культурные, семейные и этнические связи между членами кавказской группы были особенно тесными, террор ударил по этому сообществу с исключительной силой. Абель Енукидзе, один из самых старших членов группы, пал жертвой в числе первых. «Дядя Абель» попал под следствие из-за своего расточительного образа жизни, легкого характера и относительно толерантных идейных взглядов — то есть из-за тех самых качеств, которые делали его популярной фигурой в общественной жизни советской элиты. Начальные обвинения, выдвинутые против него, касались не административной его работы, а его отношения к общей истории

¹ Дж. Истер заходит столь далеко, что называет целью Сталина построение «бюрократического абсолютистского государства»: *Easter G. Reconstructing the State*. P. 16.

кавказской группы. Книга Енукидзе, посвященная первым большевистским подпольным типографиям на Кавказе, впервые вышла в свет в 1930 году и была переиздана в 1934-м¹. Хотя Сталин наверняка просматривал первое издание книги, впоследствии он начал видеть в ней угрозу своему образу самого выдающегося большевика в Советском Союзе. Енукидзе прибыл в Баку (чтобы создать там партийную организацию) еще до того, как Сталин начал работать в этом городе; в некотором смысле Енукидзе занимал тогда более высокое положение, чем Сталин, поскольку тесно сотрудничал с Ладом Кецховели, который позже был наставником Сталина. Как грузин Сталин был лично заинтересован в репрезентациях своего кавказского прошлого; как бесспорный лидер Советского Союза он требовал, чтобы его признавали лидером кавказской группы, не имеющим себе равных. Страницу за страницей Сталин испещрял рукопись Енукидзе критическими комментариями и восклицательными знаками, выражавшими недоверие к автору². Вскоре последовала критика книги Енукидзе и с других сторон, хотя, за исключением Сталина, грузинские большевики от открытой критики воздерживались. В самом начале 1935 года, 6 января, Лев Мехлис, главный редактор газеты «Правда», опубликовал детальный сокрушительный разбор работы Енукидзе, обвинив старого большевика, который описывал тесные связи между грузинскими социалистами до раскола партии, в «либерализме» по отношению к грузинским меньшевикам³.

В том же году с молчаливого одобрения Сталина Николай Ежов, который вскоре возглавил НКВД, начал расследование по обвинению Енукидзе в отсутствии бдительности по отношению к его подчиненным из аппарата кремлевской администрации: часть их была обвинена в принадлежности к «террористической группе», предположительно связанной с загадочным убийством Сергея Кирова⁴. После лихорадочных попыток защитить себя и личного обращения

¹ Енукидзе А. Большевистские нелегальные типографии. М.: Молодая гвардия, 1934.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 728. Л. 66–107.

³ Там же. Л. 108–113. Обвинения в адрес Енукидзе стали предвосхищением тех, что затем были выдвинуты против других большевистских лидеров с Кавказа, в том числе против Агаси Ханджяна, первого секретаря ЦК КП(б) Армянской ССР.

⁴ Тщательную реконструкцию этих событий см. в кн.: Getty J. A., Naumov O. V. Yezhov. P. 156–178.

к Сталину с мольбой о помощи, Енукидзе был исключен из партии — по обвинению в политических злоупотреблениях и морально-бытовом разложении. Надо отметить, он не проявлял желания пасть ниц перед партией и признать соучастие в фантастическом заговоре, в чем его обвиняли. Есть свидетельства, что Сталин колебался, прежде чем сделать решающий шаг и исключить старого большевика из партии, хотя в конце концов санкционировал арест и последующий расстрел Енукидзе в 1937 году по сомнительному обвинению в шпионаже¹. Двоюродный брат Авеля Енукидзе, Симон, который когда-то работал в большевистской подпольной типографии в Москве, был расстрелян несколькими месяцами позже. Падение Авеля Енукидзе, чья жизнь и карьера столь тесно переплелись с семьей вождя, было для Сталина глубоко личным делом; в конце концов, Енукидзе являлся крестным отцом его второй жены и принял сестру первой жены Сталина, Маро Сванидзе, на работу в качестве своего личного секретаря. Всего лишь за несколько лет до этих событий, в сентябре 1933 года, Сталин писал Енукидзе в исключительно теплых и дружеских выражениях:

Какого черта сидишь в Москве? Приезжай в Сочи, прими несколько морских ванн и дай отдохнуть сердцу. Скажи от меня Калинин (председателю Центрального исполнительного комитета и непосредственному начальнику Енукидзе. — Э. С.), что он совершит преступление, если немедленно не вышибет тебя в отпуск хотя бы на несколько недель. Ты мог бы пожить у меня на даче, где — после отъезда Светланы (дочери Сталина. — Э. С.) в Москву — сижу один, как сыч².

Опала Енукидзе стала шокирующим поворотом событий и сотрясла всю диаспору грузинских большевиков.

В дальнейшем политические репрессии начали затрагивать и окружение другого давнего союзника Сталина — Серго Орджоникидзе. В январе 1935 года его политический ставленник в Магнитогорске, Бесо Ломинадзе, покончил жизнь самоубийством в тщетной надежде спасти свою семью от политических преследований. До самого конца искренний приверженец социализма, он оставил

¹ Getty J. A., Naumov O. V. Yezhov. P. 164–165.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 728. Л. 40.

записку своему патрону, в которой писал: «Умираю с полной верой в победу нашего дела»¹. В 1936 году заместитель Орджоникидзе в НКТП, пользовавшийся его доверием, Георгий Пятаков, был арестован по обвинению в принадлежности к секретному троцкистскому центру, якобы занимавшемуся промышленным саботажем. Орджоникидзе, по-видимому, понимал, что многочисленные трудности, с которыми сталкивалась тяжелая промышленность, не являются результатом «вредительства», но тем не менее не смог вмешаться и спасти своего давнего соратника, который был осужден и расстрелян. В октябре 1936 года, незадолго до празднования своего пятидесятилетия, Орджоникидзе узнал, что в Грузии арестован его брат Папулия. Есть свидетельства, что Сталин также начал неодобрительно поглядывать на панегирические публикации, посвященные революционному пути Орджоникидзе, которые появились в прессе в ознаменование юбилея народного комиссара². Орджоникидзе не смог ничего сделать, когда были арестованы его старшие коллеги и соратники из Грузии. В 1937 году, 18 февраля, за день до пленума Центрального комитета, на котором Орджоникидзе просили произнести речь о «саботаже» в тяжелой промышленности, народный комиссар застрелился в своей квартире³. Согласно свидетельству современника, за несколько часов до самоубийства Орджоникидзе гневно говорил со Сталиным по телефону и обменялся с ним на грузинском языке взаимными оскорблениями, будучи в ярости из-за того, что в его квартире НКВД произвел обыск, и непреклонно заявляя, что не даст себя запутать⁴. На следующий день, 19 февраля 1937 года, советские газеты скорбно сообщили, что «товарищ Серго» скоропостижно скончался от внезапного сердечного приступа.

После смерти патрона оставшиеся клиенты и товарищи Орджоникидзе были быстро уничтожены в ходе Большого террора. Его братья, как и племянник, Георгий Гвахария, были расстреляны.

¹ Khlevniuk O. V. In *Stalin's Shadow*. P. 76–77. [Оригинал на русском языке: Хлевнюк О. В. Сталин и Орджоникидзе. С. 54. — *Примеч. пер.*]

² Ibid. P. 105–110. [Там же. С. 77–82. — *Примеч. пер.*]

³ Knight A. Beria. P. 74–75.

⁴ Дубинский-Мухадзе И. М. Орджоникидзе. М.: Молодая гвардия, 1963. С. 6; цит. по: Khlevniuk O. V. In *Stalin's Shadow*. P. 148. [Оригинал на русском языке: Хлевнюк О. В. Сталин и Орджоникидзе. С. 116. — *Примеч. пер.*]

Жена Орджоникидзе, Зинаида, была приговорена к десяти годам тюремного заключения. Шалва Элиава, которому Орджоникидзе помог получить назначение в Народный комиссариат внешней торговли, а затем — в Народный комиссариат легкой промышленности, был арестован и расстрелян в декабре 1937 года. В том же месяце был расстрелян Мамия Орахелашвили, вместе с Орджоникидзе разрабатывавший сценарий вторжения Красной армии в Грузию и занимавший одно время пост заместителя председателя Совета народных комиссаров СССР. Шалва Окуджаву, арестованный в Нижнем Тагиле, где он курировал огромное промышленное предприятие, был расстрелян; жена Окуджавы была отправлена в ГУЛАГ¹. Их сына, Булата Окуджаву, будущего советского поэта и барда, взяли на воспитание родственники в Тбилиси. Поколение грузинских большевиков, которое сформировалось в братской атмосфере революционного подполья, в том числе и Малакия Торошелидзе, Галактион Вашадзе, Тенгиз Жгенти, Шамше Лежава, в 1937–1938 годах погибло. Были уничтожены целые семьи — родственников и супругов брали под арест, а детей разлучали с родителями.

Из числа прежних сталинских товарищей с Кавказа осталось лишь несколько человек. Из наиболее выдающихся грузинских большевиков выжили только стареющие Миха Цхакая и Филипп Махарадзе, но оба позже отошли от политической жизни. Анастас Микоян, который был моложе Сталина почти на двадцать лет и считался одним из самых молодых «старых большевиков», по-прежнему был рядом со Сталиным на пышных пирах, которые давал советский вождь. Тем не менее, в отличие от непринужденной атмосферы праздничных встреч начала 1930-х, эти обеды характеризовались атмосферой страха и паранойи. Большевики, полностью подчиненные Сталину, боялись вызвать раздражение Великого Вождя, а сам он подозревал, что его пищу могут отравить². Проявления грузинской культуры среди политической элиты больше не были стихийными — они были урезаны и ограничены, хотя, впрочем, не исчезали полностью.

Новой фигурой на этих банкетах стал Лаврентий Берия, которого вызвали в Москву в 1938 году, чтобы поставить во главе НКВД.

¹ ГАРФ. Ф. Р-9503. Оп. 1. Д. 43. Л. 1–3.

² Микоян А. И. Так было. С. 353.

По советской столице ходили небезосновательные слухи о решающей роли Берии в арестах и расстрелах десятков видных грузинских старых большевиков¹. Еще в то время, когда он помогал уничтожать кавказскую группу в ее изначальном составе, Берия активно стремился наладить культурные, политические и личные отношения со Сталиным. Работая в Тбилиси, Берия тесно сотрудничал со Сталиным при написании истории большевистской партии в Закавказье, истории, в которой разоблачались «фальсификации» Енукидзе, а Сталину отводилась ведущая роль². Берия претендовал на роль авторитетного — второго после Сталина — эксперта по истории большевистского движения на Кавказе, даже несмотря на то что писал о событиях, происходивших до его рождения в 1899 году.

По воспоминаниям Никиты Хрущева, который возлагал на Берию вину за худшие эксцессы зрелого сталинизма, тот, будучи лидером НКВД Грузии, пытался снискать еще большее расположение Сталина, выполняя функцию тамады на сталинских пирах. Хрущев вспоминал: «Когда никто не хотел пить, а он видел, что у Сталина есть такая потребность, то он тут же организовывал выпивку, выдумывал всякие предлоги и выступал зачинщиком... Люди буквально спаивались, и чем больше спивался человек, тем больше получал удовольствия Сталин»³.

По имеющимся сведениям, Берия окружал Сталина грузинскими официантами и официантками, прислуживавшими за столом, и грузинским персоналом в доме. Согласно Хрущеву, у Сталина даже вызывали подозрения эти грузины в числе обслуживающего персонала. Как-то за обедом он вдруг спросил, «откуда набралось вокруг него столько грузин». Берия ответил: «Это верные вам люди», на что Сталин возмущенно отреагировал: «Как так, грузины — верные, а русские — неверные?» На следующий день обед подавал исключительно русский персонал, и, по крайней мере на какое-то время, грузины исчезли из поля зрения⁴. Тем не менее

¹ Knight A. Beria. P. 74–75.

² Архивные источники свидетельствуют о том, что Сталин и Берия часто обсуждали в переписке детали этой публикации: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 704, 705.

³ Хрущев Н. С. Воспоминания. Т. 1. С. 86. Издание на английском языке: *Memoirs of Nikita Khrushchev* / Ed. S. Khrushchev; transl. by G. Shriver. University Park: Pennsylvania State University Press, 2004. Vol. 1. P. 80.

⁴ Хрущев Н. С. Воспоминания. М.: Московские новости, 1999. Т. 2. С. 58–59, 179.

взлет Берии демонстрировал, что владение грузинской культурой и знания о партийных корнях на Кавказе по-прежнему остаются ценными характеристиками для службы у Сталина. Хотя стареющий диктатор стремился преодолеть свою грузинскую идентичность, временами он к ней возвращался. Пока Сталин находился у власти, полная деперсонализация политики была невозможна. Его усилия по построению бюрократического государства в конце концов оказались подорваны самой системой, которая давала ему абсолютную власть и предоставляла особые полномочия его подчиненным.

Даже когда дружеское окружение Сталина было ликвидировано, тесно сплетенные этнические связи обнаружили свою прочность в изменчивом и непостоянном политическом окружении. Как и грузинские большевики до него, Берия, когда его назначили в Москву, привез своих ближайших помощников с Кавказа. Один из его заместителей, Степан Мамулов, армянин из Тбилиси, был назначен курировать систему ГУЛАГа. Другой армянин из Тбилиси, Богдан Кобулов, позже участвовал в организации осуществленных НКВД этнических депортаций из Крыма и с Северного Кавказа. Работая под руководством Берии, Владимир Деканозов (Деканозишвили) проводил чистки в Красной армии и в 1940 году курировал принудительное вхождение Литвы в состав Советского Союза. Помощники Берии из Грузии оказались назначены на ведущие посты по всему Советскому Союзу. Среди них были: Серго Гоглидзе, который стал начальником Управления НКВД СССР по Ленинградской области; Лаврентий Цанава, назначенный наркомом внутренних дел Белорусской ССР; Григорий Каранадзе, занявший пост наркома внутренних дел Крымской АССР; Алексей Саджая, возглавивший НКВД Узбекистана; Михаил Гвишиани, руководивший спецслужбами в Приморском крае; Амаяк Кобулов, брат Богдана Кобулова, заместитель наркома внутренних дел Украинской ССР¹. Поколение кавказских большевиков было истреблено, но на смену ему под руководством Берии пришло новое поколение. Осуществляя

¹ Этот перечень приводится в книге Эми Найт: *Knight A. Beria*. P. 91. Другие грузины — подчиненные Берии перечислены в семитомном труде Ю. Н. Афанасьева и других историков: *История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми т.* / Ред. совет: Ю. Н. Афанасьев, П. Грегори, Е. Даниелсон и др. М.: РОССПЭН, 2004–2005.

секретные операции НКВД по всему Советскому Союзу, группа Берии была не столь заметной, но не менее влиятельной в делах управления Советским государством.

Тем не менее отличия сети социальных связей Берии от тех, которые ей предшествовали, могут считаться символом политических перемен в более широком контексте. Слишком молодые, чтобы иметь опыт революционного подполья, помощники Берии представляли собой класс профессионалов, для которых государственная служба означала возможность карьерного роста¹. Большинство из них получили образование при новом строе и прошли ступени службы в усиливавшихся государственных органах внутренних дел. Скорее подчиненные, чем друзья, скорее бюрократы-исполнители, чем создатели нового государства, они приобрели значимость, когда Сталин стал опираться на органы внутренних дел, а не на партию, чтобы управлять страной в период после Большого террора². Как и старые большевики до них, помощники Берии признавали, что насилие иногда необходимо для достижения социализма, но, по-видимому, не были склонны связывать себя соображениями дружбы, братских уз и чести — для них это были устаревшие понятия, которые ассоциировались со старым режимом и к тому же являлись одной из возможных причин крушения предшествующего поколения партийных лидеров в ходе Большого террора³.

Грузины были не единственными, кто в качестве сферы карьерного роста выбирал органы государственной безопасности, — в рядах НКВД можно было обнаружить целый ряд других этнических сетей. Однако новые социальные связи внутри органов безопасности явно соответствовали возникающей иерархии советских народов. Если старые большевики сформировались в ходе «революции аутсайдеров», которая выдвинула

¹ См.: *Blauvelt T. K. March of the Chekists: Beria's Secret Police Patronage Network and Soviet Crypto-Politics // Communist and Post-Communist Studies. 2011. Vol. 44. № 1. P. 73–88.*

² Олег Хлевнюк доказывает, что НКВД обладал политической властью, в следующей работе: *Khlevniuk O. V. Stalin as Dictator: The Personalisation of Power // Stalin: A New History. P. 108–120.*

³ Дж. А. Гетти противопоставляет ценности старых большевиков и «полицейских кланов»: *Getty J. A. Practicing Stalinism.*

на ведущие властные позиции пестрый ряд мобильных групп разных национальностей, то в новых кланах внутри спецслужб предпочтение отдавалось русским, а также членам внутренних диаспор из союзных республик СССР. Поляки, латыши и немцы, теперь определявшиеся как «инонациональности», к 1939 году полностью исчезли из руководства НКВД. За период с 1937 по 1939 год численность евреев на ведущих постах НКВД сократилась с сорока двух до шести человек, тогда как численность русских и украинцев — возросла почти втрое, а грузин — более чем вдвое¹. Поскольку государство провозгласило победу над классовым врагом — таким, например, как кулаки, — теперь самым простым мерилом идейной лояльности стала национальность, и те народы, для кого не нашлось определенного места на карте СССР, начали считаться неблагонадежными.

Вплоть до конца сталинского правления и даже в разгар кампании по «борьбе с космополитизмом» внутренние диаспоры из республик СССР продвигались на видные политические позиции. Действительно, Берия, выдержав атаку на свое окружение (его членам поставили в вину мингрельскую лояльность, субэтническую и региональную по своему характеру, в отличие от более четко определяемой грузинской и советской лояльности), чуть было не стал наследником Сталина в качестве неоспоримого вождя Советского Союза, используя для этого свое положение главы органов внутренних дел². Но вскоре после смерти Сталина, последовавшей в 1953 году, Берия и его ближайшие помощники были поспешно отданы под суд и расстреляны по инициативе группы большевиков, опасавшихся за свою собственную безопасность. Это был последний эпизод насилия в отношении членов партии в истории Советского Союза; в нем отразился потенциальный риск консолидации власти в руках спецслужб, которые, по мнению многих членов партии — и по мнению самого населения, — чересчур усилились³. После Сталина и Берии наступило время новой, послевоенной элиты, преимущественно славянской, и это было удобнее, если учесть, что

¹ Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. М.: Звенья, 1999. С. 495.

² Knight A. Beria. P. 176–200.

³ Сходные наблюдения делает Бловелт: Blauvelt T. K. March of the Chekists.

большинство населения страны составляли русские. Грузины больше не появлялись на ведущих политических позициях — вплоть до 1985 года, когда Эдуард Шеварднадзе был назначен на пост министра иностранных дел СССР¹. Но даже когда управляемое Сталиным государство стало все больше напоминать Российскую империю, советская культура — еще более затейливым образом — оказалась оплетена социальной сетью грузинских кулинару и антрепренеров.

---

¹ Первый секретарь ЦК КП Грузинской ССР Василий Мжаванадзе, сторонник Хрущева, с 1957 по 1972 год был кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, но никогда не занимал министерских постов в центре страны и был известен как фигура республиканского уровня.

ГЛАВА 3. СЪЕДОБНАЯ САМОБЫТНОСТЬ

Неудивительно, что одна из наиболее известных речей Иосифа Сталина была произнесена в форме тоста. Весной 1945 года, 24 мая, командующие войсками победившей Красной армии были собраны в просторном Георгиевском зале Кремля и усажены за ломящиеся от угощений столы под сверкающими люстрами¹. В тот вечер был провозглашен тридцать один тост, но самым памятным стал последний. Сталин поднялся со своего места в центре главного стола и попросил позволения произнести заключительный тост, что вызвало бурные аплодисменты собравшихся офицеров. Подняв свой бокал, он начал вполне предсказуемым образом: «Я, как представитель нашего советского правительства, хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа, — и затем неожиданно добавил: — И прежде всего русского народа». Собравшиеся начали неистово кричать «Ура!». Сталин поблагодарил русский народ за его безграничное «доверие» и выпил за его здоровье под аплодисменты, которые, согласно стенографической записи, были бурными и продолжительными². На следующий день текст этого выступления опубликовали на первой полосе газеты «Правда», чтобы все советские граждане могли его прочесть³. Содержащееся в нем

---

¹ Это описание основано на картине М. И. Хмелько «Торжественный прием в честь представителей командования Красной Армии и Военно-Морского Флота, участвовавших в Великой Отечественной войне».

² Расшифровку стенограммы см. в: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1098; опубликована в кн.: *Невежин В. А.* Застольные речи Сталина. М.: АИРО-XX, 2003. С. 470–472.

³ Выступление товарища И. В. Сталина на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии // Правда. 1945. 25 мая. С. 1.

утверждение о первенстве русского народа обеспечило этому тосту центральное место в той части историографии, где рассматривается становление русского национализма, поощряемого государством.

Если содержание этого тоста часто подвергалось анализу, то его форму обычно оставляют без внимания¹. Форма тоста позволила Сталину соединить исповедальную доверительность с духом ликования, требуемым в данной ситуации². Как грузин, Сталин воспринимался гостями в качестве естественного тамады (грузинский термин, который несколькими годами раньше уже официально вошел в русский словарь³). Бесспорно, только нерусский мог провозгласить тост за русский народ. В устах русского такой тост нарушил бы нормы советского внутреннего интернационализма и церемониальные правила: вознесение хвалы собственному народу показалось бы шовинизмом, а поднятие бокала за него — проявлением самодовольства. Вместо этого тост за самый многочисленный народ Советской империи был провозглашен этнически иным почитателем, чья жизнь на протяжении долгого времени была связана с Россией.

Сталин управлял Советским Союзом так же, как руководил застольем; как главный тамада, он был авторитарным спичмейкером, знатоком человеческой природы и ее слабостей, царем имперского двора, при котором были соперничавшие фракции и ретивые честолюбцы⁴. Когда Сталин провозглашал тост за русский народ, а грузинская практика ведения застолья тамадой становилась советской практикой, это все больше и больше напоминало советский стол, уставленный грузинскими сырными пирогами (*хачапури*) и острым грузинским супом (*харчо*) в сопровождении грузинских вин и грузинской минеральной воды «Боржоми». Хотя свой бокал Сталин

¹ Анализ содержания тоста см. в кн.: *Brandenberger D. National Bolshevism*. P. 130–132; *van Ree E. The Political Thought of Joseph Stalin: A Study in Twentieth-Century Revolutionary Patriotism*. London: RoutledgeCurzon, 2003. P. 194–199.

² Сталин использовал специфическую практику грузинских тостов, с которой был, безусловно, хорошо знаком. Об этих практиках см.: *Chatwin M. E. Tamadoba: Drinking Social Cohesion at the Georgian Table // Drinking: Anthropological Approaches* / Eds. I. de Garine and V. de Garine. New York: Berghahn Books, 2001. P. 181–190.

³ Впервые этот термин появляется в советском толковом словаре русского языка в 1940 году: Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова и Б. М. Волина. М.: Советская энциклопедия, 1940. Т. 4. С. 650.

⁴ Этнографический анализ качеств, которыми должен был обладать тамада, см. в работе: *Mühlfried F. Banquets, Grant-Eaters, and the Red Intelligentsia in Post-Soviet Georgia // Central Eurasian Studies Review*. 2005. Vol. 4. № 1. P. 16–19.

поднял за русский народ, сам факт, что он произнес эту речь как тост в грузинском стиле, свидетельствует — советская культура по-прежнему строилась с участием нерусских народов.

Изучение становления Советской империи с кулинарной точки зрения позволяет определить, в какой степени государство продолжало продвигать бренд внутреннего интернационализма в повседневную жизнь своих граждан. Эта кампания, начавшаяся в 1930-х годах, повлекла за собой, с одной стороны, формирование потребительской культуры, основанной на внутреннем производстве дешевых копий импортных люксовых товаров, и, с другой стороны, поощряемое государством внедрение национальных традиций советских народов в сферу высокой культуры¹. Советские плановики не только начали производить собственное «Советское шампанское», но также стремились создать многонациональную кухню, в которой предпочтение отдавалось кулинарным практикам нерусских национальных республик. Попытки сформировать имперскую кухню имеют параллели в истории других империй: так, голландские колонисты переняли *рийстафель* («рисовый стол») как способ наглядно показать богатство и разнообразие индонезийских колоний с помощью тщательно продуманной сервировки; британское владычество над Индией привело к популяризации соуса *чатни* в империи и, постепенно, к распространению гибридных блюд, таких, например, как *тикка масала* — курица в сливочном соусе. В отличие от карри-хаусов в Британии национальные рестораны в Советском Союзе, разумеется, неустанно поддерживались самим государством². Как и Италия при Муссолини (другая империя XX века, стремившаяся к быстрой модернизации), Советское государство старалось проникнуть в дома своих граждан и трансформировать их повседневные привычки в сфере еды и напитков³. Однако если итальянские фашисты пропагандировали строгую диету, чтобы формировать стройное и здоровое тело,

¹ О первой из этих двух тенденций см.: Gronow J. Caviar with Champagne; о второй — см.: Martin T. Modernizing or Neo-Traditionalism? Ascribed Nationality and Soviet Primordialism // Stalinism: New Directions / Ed. Sh. Fitzpatrick. London: Routledge, 2000. P. 348–367.

² О проникновении индийской кухни в Британию см.: Bickham T. Eating the Empire: Intersections of Food, Cookery and Imperialism in Eighteenth-Century Britain // Past & Present. 2008. № 198. P. 71–109.

³ Helstosky C. Garlic and Oil: Politics and Food in Italy. Oxford: Berg, 2004. P. 63–126.

то новый советский рацион предлагал попробовать на вкус изобильное социалистическое будущее, поданное на стол во множестве национальных форм.

Создавая кухню, которая была бы «национальной по форме» и «социалистической по содержанию», Советское государство обеспечивало широкомасштабное внутреннее производство ингредиентов, характерных для разных национальных кухонь, и смело освящало своим авторитетом рецепты внутренних диаспор. Новый советский рацион включал не только русские щи, но и украинский борщ, узбекский плов, среднеазиатские дыни и кавказские апельсины. Водка, бесспорно, оставалась русским национальным напитком, но советские потребители также пили грузинское вино, армянский коньяк, а впоследствии и ликеры из Таллинна (тогда — Таллина) и Риги. Национальность, вместо того чтобы быть просто административной категорией, стала съедобной, а советскую культуру теперь можно было кусить за столом.

Некоторые народы внесли больший, чем другие, вклад в поощряемое государством развитие многонациональной советской культуры. В то время как идеология «дружбы народов» означала, что на советском столе должно быть зарезервировано место для блюд каждой титульной нации, идеологическое содержание и разносторонность, свойственная грузинской кухне, обеспечили ей преимущество. Экзотическая по своему этническому происхождению, с тщательно продуманными ритуалами и широким выбором блюд, грузинская кухня считалась не крестьянской, а скорее изысканной, подходящей для того советского среднего класса, который возник в 1930-х годах¹. Этому способствовало и то обстоятельство, что иконография грузинского стола — запечатленного такими дореволюционными грузинскими художниками, как Нико Пиросмани, — идеально соответствовала вниманию, которое уделялось теперь социалистическому изобилию². Грузинский стол, тесно уставленный посудой и предлагающий едокам широкий выбор блюд, поданных одновременно, с рогами для питья, до краев

¹ О вкусах и пристрастиях этого нового среднего класса см.: *Dunham V.* In *Stalin's Time: Middleclass Values in Soviet Fiction*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

² Самый известный художник Грузии конца XIX — начала XX века, Нико Пиросмани (1862–1918), создавал хрестоматийные образы грузинского застолья; некоторые из них он выполнял на заказ как вывески для тбилисских ресторанов и духанов.

наполненными грузинским вином, был похож на великолепный рог изобилия, наилучшим образом воплощавший представления социалистического реализма о неуклонно приближающейся утопии.

Многонациональность советского обеденного стола была по большей части составлена из прежде существовавших ингредиентов. Советские плановики не придумывали грузинских блюд с чистого листа и не изобретали ритуалов грузинского застолья, распространявшихся и обретавших популярность вместе с этими блюдами. Напротив, грузинская еда и напитки были сердцем тех практик, которые существовали задолго до Сталина и сформировали теперь более широкие советские потребительские привычки. Грузинские пиршества были щедрыми и в высокой степени подчиненными ритуалу; это были праздники потребления, непременно сопровождавшие дни рождения или похороны; ими отмечали встречи, устанавливали и крепили социальные связи и деловое партнерство. Количество и качество еды и напитков на грузинском пире соответствовали статусу гостя, и грузинский стол ломился под тяжестью великолепных блюд, которые без конца наполнялись заново. Пир (*супра*) вел тамада — гораздо больше чем просто распорядитель стола: он (за грузинским столом тамадой мог быть только мужчина) был оратором, посредником и миротворцем для гостей и выступал в демонстративной роли хозяина¹. Хороший тамада, искушенный в искусстве *тамадоба* (ведения застолья с помощью тостов), должен был чувствовать и направлять настроения и желания своих гостей, от ликования до ностальгии, но также и сохранять самоконтроль, невзирая на обильное количество вина, выпитого залпом из бокала, рога или большого сосуда. Обеды в Грузии были строго регламентированным ритуалом: число и тематика тостов были всем известны, а гендерные роли, как и почетные роли хозяина и гостя, — тщательно продуманы. Считалось, что грузинскую еду и напитки, изысканную кухню, чья этническая самобытность поддерживалась государством, наилучшим образом можно оценить лишь вместе с продуманными грузинскими

¹ Мужчины не только провозглашали тосты, но и вели полифоническое пение, которым сопровождалось грузинское пиршество. См.: Tsitsishvili N. «A Man Can Sing and Play Better than a Woman»: Singing and Patriarchy at the Georgian Supra Feast // *Ethnomusicology*. 1996. Vol. 50. № 3. P. 452–493.

ритуалами ведения стола, и вскоре русские не только включили в свой рацион пищу с периферии империи, но и стали поднимать тосты друг за друга на грузинский манер.

Развивая многонациональную культуру, государство было вынуждено полагаться на специалистов разных национальностей, выходцев из внутренних диаспор, которые извлекали выгоду из государственной политики, преследуя при этом собственные цели. Государственное поощрение грузинской кухни открыло новые возможности за пределами Грузинской ССР для грузинских поваров, рестораторов и других специалистов в сфере кулинарии. Переезжая с Кавказа в Москву, грузинская диаспора обеспечивала связь между культурой периферии и вкусами центра. История доминирования грузинской кухни позволяет понять, как официальная повестка советских учреждений видоизменялась под влиянием социальных сетей тех специалистов из внутренних диаспор, от которых зависела реализация этой повестки.

В настоящей главе рассматривается, как многонациональная структура советского общества выражалась в сфере материальной культуры и повседневной жизни — за обеденным столом. Здесь многонациональная сущность Советского Союза проявлялась сознательно, но при этом воспроизводилась под полным контролем государства. Способом, который напоминает диффузию норм личного поведения — центральное понятие теории «процесса цивилизации» социолога Норберта Элиаса, — но предполагает гораздо большую степень государственного вмешательства, грузинские блюда и напитки внедрялись в жизнь сталинского двора, а затем распространялись в нисходящем направлении: в элитные рестораны, рабочие столовые, на семейные кухни¹. Потребление грузинских блюд и напитков стало отличительной чертой тех советских граждан, которые продвигались вверх по социальной лестнице, — отчасти потому, что всем было известно о предпочтении самим Сталиным грузинских блюд, а также потому, что, вкушая блюда нерусской кухни, советские едоки приобщались к государственной политике

¹ Elias N. The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic Investigations / Eds. E. Dunning, J. Goudsblom, and S. Mennell; transl. by E. Jephcott. Oxford: Basil Blackwell, 2000. [На русском языке см.: Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования: В 2 т. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. — Примеч. пер.]

«дружбы народов»¹. Тем не менее популярность грузинской кухни пережила Сталина, и в более широкие слои советского общества эта кухня — в установившихся, продуманных культурных формах — пришла уже при Хрущеве. Важно подчеркнуть, что, хотя богатая кулинарная культура Грузии была усвоена гражданами всей Советской империи, легко идентифицируемое своеобразие грузинской кухни обеспечило ей центральное место среди новых форм проведения различий между советскими гражданами; эти формы могли быть обособлены от официальной жизни, а иногда и находились в оппозиции к ней.

ГРУЗИНСКАЯ КУХНЯ И ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОГО СРЕДНЕГО КЛАССА

Распространение изысканных блюд в Советском Союзе уходит своими корнями в середину 1930-х годов, когда новый советский средний класс — управленцы, бюрократы, офицеры НКВД, инженеры и привилегированные рабочие — начал ощущать потребность в более утонченной кухне². Кулинарные возможности были лишь одной из новых форм потребления, создававшихся по мере того, как государство вырабатывало подходящую систему материального поощрения для своих лояльных кадров. Создавались производственные линии по пошиву новых советских костюмов и платьев,

¹ О корреляции практик потребления пищи с классовыми устремлениями писал Пьер Бурдьё. См.: *Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste* / Transl. by R. Nice. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984. P. 176–200. [На русском языке см.: Бурдьё П. Различение: Социальная критика суждения / Пер. О. И. Кирчик // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 3. С. 25–48. — Примеч. пер.]

² Многие аналитики отмечали, что советский средний класс возник в 1930-х годах. Троцкий пренебрежительно окрестил его представителей «бюрократами»: *Trotsky L. The Revolution Betrayed* / Transl. by M. Eastman. Mineola: Dover Publications, 2004. [На русском языке см.: Троцкий Л. Д. Преданная революция. М.: НИИ культуры, 1991. — Примеч. пер.]; Милован Джилас назвал их «новым классом»: *Djilas M. The New Class. An Analysis of the Communist System*. New York: Praeger, 1957. [На русском языке см.: Джилас М. Новый класс. Нью-Йорк: Прегер, 1961. — Примеч. пер.] Среди них были так называемые выдвиженцы — специалисты, вышедшие из рабочего класса, которые, как доказывает Шейла Фицпатрик, в конечном итоге являлись главной заинтересованной стороной революции. Фицпатрик рассматривает место выдвиженцев в рядах нового советского среднего класса в своей работе: *Fitzpatrick Sh. The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1992. P. 1–15.

а также по выпуску советской парфюмерии, элитных автомобилей, диванов и абажуров. В 1934 году Елисеевский магазин, роскошный дореволюционный продуктовый магазин в Москве, был открыт заново под названием «Гастроном № 1» и предлагал покупателям тридцать восемь сортов колбасы, три сорта сыра, двести сортов конфет и выпечки, пятьдесят сортов хлеба, мясо в стеклянных холодильных установках и живую рыбу в контейнерах¹. Материальные блага, которыми пользовалась элита, и сопутствующие изображения материального изобилия должны были демонстрировать всем советским гражданам перспективы социалистического будущего и зримо воплощали часто повторявшийся сталинский лозунг того времени: «Жить стало лучше, жить стало веселее»².

Новое советское потребительское общество взращивалось как надеждами честолюбивой советской элиты, так и государственными усилиями по воспитанию идеологически верного чувства «культурности». Грузинская еда должна была стать достойной заменой европейской изысканной кухни. Точно так же как новое советское «шампанское» производилось теперь из винограда, выращенного на юге России, а армянский «коньяк» заменил своего французского тезку, так и грузинская кухня представляла собой отечественную и легкодоступную альтернативу французскому меню, которое прежде предлагали в лучших ресторанах царской России³. Тем не менее, в отличие от других заменителей дореволюционных люксовых товаров, грузинская еда являлась не второсортной копией, а подлинником — развитой кулинарной традицией с устоявшимся набором блюд.

Острые и тонкие вкусы грузинской кухни передавали средиземноморскую чувственность теплого климата республики и позволяли

¹ Fitzpatrick Sh. «Middle-Class Values» and Soviet Life in the 1930s // *Soviet Society and Culture: Essays in Honor of Vera S. Dunham* / Eds. T. L. Thompson and R. Sheldon. Boulder, CO: Westview Press, 1988. P. 25.

² В 1936 году Анастас Микоян четко зафиксировал начало соответствующих изменений государственной политики по отношению к алкоголю, заметив: «Весело стало жить, значит, и выпить можно, но выпить так, чтобы рассудка не терять и не во вред здоровью» (цит. по: Книга о вкусной и здоровой пище. М.: Пищепромиздат, 1953. С. 79).

³ Описание ресторанной культуры на закате Российской империи см. в кн.: McReynolds L. *Russia at Play: Leisure Activities at the End of the Tsarist Era*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2003. P. 196–210.

заполнить вакуум, созданный исчезновением французской кухни. Грузинский обед дал возможность небу советского человека ощутить целый букет развитых и узнаваемых вкусов: жареное, запеченное и тушеное мясо, разнообразные приправы, включавшие кориандр, шафран и другие редкие специи, нежные соусы, сочетавшие сладкий и пряный аромат со вкусом граната, грецкого ореха и чернослива. Некоторые из этих комбинаций вкуса и аромата считались уникальными особенностями местной кухни, тогда как другие экзотическими узлами были связаны с длительным влиянием персидских и турецких кулинарных обычаев на Кавказе. Впрочем, грузинская кухня, воспринятая Советским государством, была выработана в космополитичной среде дореволюционного Тбилиси, а также отражала европейские и русские пищевые пристрастия XIX века. Первая известная поваренная книга, написанная на грузинском языке и опубликованная Барбарой (Барбарэ) Джорджадзе в Тбилиси в 1874 году, в действительности была создана по образцу знаменитой русской кулинарной книги Елены Молоховец «Подарок молодым хозяйкам», написанной тринадцатью годами ранее. Среди рецептов Джорджадзе имелись описания грузинских, персидских и турецких блюд, а также русского жаркого и модных кушаний во французском стиле, таких как бланманже¹.

Блюда современной грузинской кухни подавались в ресторанах и духанах, которые приобрели популярность в Тбилиси конца XIX века. Под властью императорской России эти заведения стали значимым пространством социализации, переместив *супра* (что в буквальном смысле слова означает «скатерть») внутрь помещения. Вместо того чтобы возлежать вокруг скатерти, расстеленной на земле одного из тбилисских садов на открытом воздухе, обедающие горожане сидели вокруг ресторанного стола². Грузинские обеденные практики также претерпели в тот период серьезные изменения: все более длинные и формализованные тосты, провозглашаемые тамадой, воспринимались как исключительно национальная практика, даже если до XIX века подобных прецедентов

¹ Gorgiladze R. *Savoring Georgia: A Personal Journey through Time and Taste*. Tbilisi: Cezanne, 2013. P. 86, 136–139, 141.

² Manning P. *The Semiotics of Drink and Drinking*. London: Continuum Publishing Group, 2012. P. 175. Склонность устраивать *супра* в закрытом помещении возникла в конце XIX века и стала еще более распространенной в советский период.

практически не было¹. Сплетая разнообразные вкусы регионов Грузии воедино в городской среде, сопровождая вкусные блюда старым вином и коньяком, вырабатывая формы обеденных практик, тбилисские рестораны способствовали развитию кухни, которая осознавалась самими грузинами как национальная.

Грузинская кухня не была совершенно неизвестна русским гурманам на заре советской эпохи. По мнению историка Луизы Макрейнолдс, к концу XIX столетия в большинстве главных российских городов «был хотя бы один ресторан, названный на кавказский или среднеазиатский манер»². Как и в других европейских метрополисах, новые блюда и приправы из дальних владений позволяли обитателям центральных регионов императорской России совершать воображаемое путешествие и пробовать империю на вкус, не покидая своего комфортного дома. *Шашлык* — жаренное на углях мясо — появился в русском меню в XIX веке, вслед за российской экспансией на Кавказ, а грузинское рагу (*чахохбили*) уже было в ходу ко времени установления советской власти³. Чтобы способствовать распространению этих блюд, грузинские повара должны были найти работу в ресторанах российских городов или подавать еду на железных дорогах императорской России⁴. Поэтому к началу государственной кампании по продвижению многонациональной кухни грузины, бесспорно, успели лучше устроиться в Москве, чем кулинарные специалисты из других национальных республик.

Советская среда тем не менее создала новую инфраструктуру для распространения грузинской кухни. Первостепенное значение здесь имело создание в 1931 году для заведования системой «общепита» Главного управления по народному питанию в составе Наркомата снабжения СССР. Это управление выполняло двойную функцию:

¹ Harsha R. The Literary Origins of the Georgian Feast: The Cosmopolitan Poetics of a National Ritual (неопубл. статья, 2014). Автор полагает, что темы грузинских застолий могли быть заимствованы из русской романтической литературы.

² McReynolds L. Russia at Play. P. 204.

³ Rothstein H., Rothstein R. A. The Beginnings of Soviet Culinary Arts // Food in Russian History and Culture / Eds. M. Glants and J. Toomre. Bloomington: Indiana University Press. P. 177–194.

⁴ По мнению грузинского этнографа Вахтанга Чиковани, сезонная и длительная миграция жителей района Рача в Западной Грузии, работавших на российских железных дорогах в качестве пекарей и поваров, была достаточно типична для конца имперского периода. Источник: личные беседы с автором.

отвечало на массовые запросы и в то же время воспитывало массовые вкусы¹. Рецепты и блюда, после тщательного обсуждения одобренные управлением, находившимся в Москве, незамедлительно появлялись в кафе и столовых по всей стране — от Таллинна до Ташкента. В годы становления системы «общепита» это направление курировал Анастас Микоян, получивший образование в Тбилиси, а за его деятельностью пристально надзирал сам Сталин². В 1920-х годах «общепит» был предметом дебатов между «футуристами», которые ратовали за научные методы удовлетворения нужд общественного питания, и «традиционалистами», которые призывали к популяризации дореволюционной буржуазной кухни³. Планы футуристов, в том числе пропаганда вегетарианских суррогатов, произведенных фабричным способом, попали под огонь сталинской критики за то, что не учитывали массовых вкусов, а позиция традиционалистов, продвигавших дореволюционные рецепты, была несостоятельной, поскольку необходимые ингредиенты, зачастую редкие и поставляемые из-за рубежа, больше не были доступны⁴. Откликаясь на пришествие нового среднего класса, система общепита выбрала меню в духе социалистического реализма: проникнутое идеей материального изобилия и удовольствия от еды, но при этом предполагавшее использование отечественных продуктов.

По контрасту с практикой других империй, где еда с периферии предназначалась лишь для того, чтобы приукрасить основной рацион центра, новая советская кухня должна была целиком основываться на сочетании и смешении национальных меню на равных условиях, что должно было стать идеализированным отражением федералистской структуры Союза Советских Социалистических Республик. Авторы введения к главной советской кулинарной книге

¹ В этом смысле общепит работал над задачей «цивилизовать» советские вкусы — процесс, который, согласно Стефену Меннеллу, в течение столетий шел во Франции и Англии. См.: *Mennell S. All Manners of Food: Eating and Taste in England and France From the Middle Ages to the Present.* New York: Blackwell, 1985.

² О решающей роли Микояна см.: *Geist E. Cooking Bolshevik: Anastas Mikoian and the Making of the «Book about Delicious and Healthy Food»* // *Russian Review.* 2012. Vol. 71. № 2. P. 295–313.

³ Антон Мастеровой доказывает, что подобные дебаты по своей сущности были периодически возобновляющимися. См.: *Masterovoy A. Eating Soviet: Food and Culture in the USSR, 1917–1991.* Ph. D. diss. City University of New York, 2013.

⁴ *Geist E. Cooking Bolshevik.* P. 301.

не выделяли какую-либо одну национальную кухню в качестве важнейшего компонента, но, напротив, в равной мере расточали хвалы русским закускам, украинскому борщу и узбекскому плову¹. В течение краткого времени Советским государством поддерживалось даже развитие адаптированной еврейской кухни, хотя, как указывает один историк, официально одобренный рецепт супа с клецками из мацы, изготавливаемого без самой мацы, не имел аутентичного вкуса². Более продолжительной была кампания государственной поддержки кухни титульных национальностей союзных республик, а внутренние диаспоры получили доступ к каналам поставок продуктов, связывавшим рестораны и кафе в центре страны с республиканскими поставщиками ключевых ингредиентов.

Из всех этих внутренних национальных кухонь грузинская находилась в наиболее привилегированном положении, пользовалась самым энергичным покровительством со стороны кавказцев — лидеров Советского Союза и в наибольшей степени соответствовала массовым вкусам. Будучи «своими чужаками» на советской кухне, представители грузинской диаспоры помогали распространять самобытные кулинарные традиции своей родины и обеспечивали социальную нишу себе — как носителям специализированных знаний о традициях грузинской кухни. Их участие в создании многонационального советского рациона приносило им профессиональный успех и материальное благополучие, но иногда означало внесение изменений в национальные рецепты в соответствии с имперскими запросами.

Поставки к столу Сталина

Продвижение грузинских пиршественных традиций на государственном уровне началось с кремлевских залов и собственного стола Сталина. Трапезы со Сталиным были вождельной возможностью сделать политическую карьеру, но в то же время являлись опасными мероприятиями, участникам которых грозили состязания

¹ См. объемистую «Кулинарию» 1956 года, которая недавно была переиздана: Кулинария: Суперкнига для гурманов. М.: Воскресенье, 1996. С. 32.

² Geist E. Cooking Bolshevik. P. 304. Еврейские рецепты были опубликованы в следующем издании: Гутчина А. Б., Месропян С. И., Тамаркин В. М. 50 блюд еврейской кухни. М.: Госторгиздат, 1939.

в питии и тосты, полные зловещих намеков. Приближенным Сталина стоило бы прислушаться к предупреждению Ленина, который, говоря о грузинском революционере, будто бы заметил: «Этот повар будет готовить только острые блюда»¹. Хотя вкус и ассортимент грузинской кухни были привлекательны сами по себе, желание порадовать Сталина сделало грузинскую еду и напитки необходимыми компонентами любой встречи в верхах. За время долгого правления Сталина были налажены каналы поставок грузинских продуктов и напитков к кремлевскому столу; этими поставками руководили грузинские кулинарные специалисты, которых Великий Вождь зачастую отбирал лично. Вкусовые предпочтения и личная поддержка со стороны Сталина сыграли свою роль в выработке устоявшегося меню для советского общества, с возможностью выбора нескольких вариантов, и это меню по своей природе было явно грузинским.

Специфические практики потребления в какой-то мере были отличительной особенностью той кавказской группы, которая сопровождала Сталина на его пути к власти. Достигнув высокого положения в Москве, революционеры-кавказцы принесли с собой свои вкусовые привычки и региональные традиции пиршеств и гостеприимства. Проживая в начале 1930-х годов в Кремле, Авель Енукидзе мог зайти в кабинет Сталина с корзинами, полными грузинского вина и мандаринов, чтобы устроить спонтанную пирушку, на которой до рассвета пелись грузинские песни². За столом собирались члены группы, связанные историей своей революционной деятельности на Кавказе. Для Сталина и его товарищей-революционеров еда и питье были больше чем просто питанием — это были жизненно важные компоненты ритуалов близкого круга, выражавших лояльность и укреплявших политические и личные отношения.

Возникнув в начале 1930-х годов, широкая инфраструктура пиров упрочилась, распространившись от Москвы до Грузии, чтобы обеспечить аппетиты высших советских чиновников. Продовольственное снабжение «Холодной речки», уже упоминавшейся

¹ Слова В. И. Ленина цитируются по статье Л. Д. Троцкого: *Trotsky L. On Lenin's Testament* // *New International*. 1934. July. [На русском языке см.: *Троцкий Л. Д. Завещание Ленина* / Публ. Ю. Фельштинского // *Горизонт: Общественно-политический ежемесячник*. 1990. № 6 (475). С. 38–41. — *Примеч. пер.*]

² *Kun M. Stalin: An Unknown Portrait*. Budapest: Central European University Press, 2003. P. 288–289.

Сталинской дачи на Черноморском побережье Абхазии, было предметом государственной заботы и вовлекло первых должностных лиц страны в дело продовольственных поставок. Курируя строительство Сталинской дачи, Георгий Стуруа, помощник народного комиссара юстиции Закавказской Федерации, лично наблюдал за тем, чтобы на территории дачи было посажено пятьдесят апельсиновых деревьев¹. Сталин любил возделывать свои собственные апельсины и лимоны и содействовал развитию производства цитрусовых на Кавказе, поставив Микояна во главе системы снабжения в надежде, что региональные фрукты будут продаваться по всему Советскому Союзу². Делегации партийных лидеров региона, посещая дачу, привозили с собой в подарок еду и вино, поскольку обеды со Сталиным могли содействовать политической карьере. Нестор Лакоба, руководитель Абхазии, играл ключевую роль в управлении курортной сетью автономной республики, где по соседству обычно отдыхали другие политические деятели. Фотографии запечатлели Сталина на его черноморской даче сидящим за обеденным столом и работающим над грудой папок на фоне пышной субтропической растительности³. Для Сталина и других руководителей страны работа и досуг, обед и государственные дела были сплавлены воедино.

Покровительство Сталина помогло ускорить развитие той сети поставок грузинской еды и напитков, которая связывала специализированных грузинских производителей с политической элитой в Москве. Сталин любил вина своей родной Грузии, особенно полусладкое «Киндзмараули». В таких вопросах Великий Вождь был больше чем знаток; в 1936 году личное вмешательство Сталина сыграло решающую роль в организации производства «Советского шампанского»⁴. С молчаливого согласия Сталина Народный комиссариат пищевой промышленности Грузии открыл в Москве завод Самтреста (винодельческого треста при Народном комиссариате), снабжаемый грузинским виноградом для производства винной и коньячной продукции в советской столице. Напрямую в Кремль поставлялся широкий ассортимент вин и других спиртных напитков,

¹ Hoover Institution Archives. N. A. Lakoba Papers. Box 1: 43.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 765. Л. 75–76.

³ Hoover Institution Archives. N. A. Lakoba Papers. Box 3.

⁴ Виноград для производства «Советского шампанского» выращивался на юге России, в Грузии и Крыму. См.: *Gronow J. Caviar with Champagne*. P. 17–30.

включая любимое Сталиным «Киндзмараули» вместе с ящиками грузинской минеральной воды «Боржоми», грузинским сыром *сулгуни*, а также специфическими грузинскими травами и специями, необходимыми для приготовления грузинских блюд в Москве¹.

Немало грузин из Гори, родного города Сталина, прибыли в Москву, чтобы контролировать пищевую продукцию, предназначавшуюся для пиров в грузинском стиле в Кремле и на сталинской даче; все эти люди были тщательно отобраны самим Сталиным, ценившим сочетание личной верности и прекрасного знания грузинской кухни. Первым в Москву прибыл Александр Эгнаташвили, друг детства Сталина и бывший владелец сети ресторанов в Баку и Тбилиси, который в 1934 году стал офицером НКВД и заместителем начальника охраны Сталина, осуществляющим ведение домашнего хозяйства вождя². Под контролем Эгнаташвили в подмосковном Заречье было создано предприятие, напрямую занимавшееся поставками к кремлевскому столу. Производственная база совхоза «Заречье» включала в себя птицеферму, которая специализировалась на разведении индеек для грузинского национального блюда *сациви*, и огород, где выращивались овощи и травы, необходимые для приготовления блюд грузинской кухни. Был в Заречье и свой винный погреб; им заведовал Павел Русишвили, друг Эгнаташвили, знавший Сталина со школьных лет и в течение некоторого времени владевший в Грузии рестораном. Как и Эгнаташвили, Русишвили получил звание офицера НКВД и должен был обеспечивать поставку вин и продуктов из Грузии. Он также контролировал поставки мяса для Кремля, а иногда даже организовывал доставку отборных барашков напрямую из Грузии — для приготовления шашлыка. В помощь ему Эгнаташвили привез из Гори еще двоих друзей, один из которых занимался поставками вина, а другой — продовольствия³.

Услуги, которые предоставляли эти грузинские кулинарные специалисты, обеспечивали им беспрецедентный доступ к Сталину, что беспокоило прочих искателей благоволения вождя. Назначение

¹ Charkviani K. Gantsdili da naazrevi, 1906–1994. Tbilisi: Merani, 2004. S. 410.

² Логинов В. Тени Сталина: Генерал Власик и его соратники. М.: Современник, 2000. С. 23–27. Детали биографии Александра Эгнаташвили почерпнуты из интервью с его дочерью — Этери Эгнаташвили и его внучатой племянницей — Тинатин Эгнаташвили.

³ Интервью автора с Этери и Тинатин Эгнаташвили.

Эгнаташвили и Русишвили на высокие посты в НКВД вызывало особенное раздражение у Никиты Хрущева. В своих воспоминаниях он критически характеризует карьерное восхождение Эгнаташвили, который выдвинулся как поставщик продуктов к столу Сталина и в конце концов, в годы Второй мировой войны, был произведен в звание генерал-лейтенанта. Подчеркивая правильность своего собственного пути как революционера, Хрущев был раздражен тем, что Эгнаташвили, бывший грузинский «духанщик», теперь сидит с ним за одним столом и обращается к нему как к равному¹. Однако если быстрый карьерный рост Эгнаташвили и был удивителен, то сам факт, что он и Русишвили заняли посты в системе НКВД, не был столь уж необычен. Поскольку сфера государственной торговли, важной частью которой являлось распределение продовольствия, одновременно обладала важным практическим значением и вызывала подозрения с идеологической точки зрения как потенциальный источник коррупции, НКВД отводилась роль куратора торговых операций, особенно в советской столице². Кроме того, вероятно, НКВД столь пристально интересовался кулинарной сферой еще и потому, что страх Сталина быть отравленным превратил продуктовые поставки в дело государственной важности. Несмотря на свой карьерный рост в системе НКВД, Эгнаташвили заслужил двусмысленное прозвище «кролик», поскольку Сталин заставлял его быть также своим личным дегустатором³.

Когда представители элиты собирались за столом, Сталин выполнял роль хозяина, декларируя свои кулинарные предпочтения и навязывая собственный выбор окружающим. В своих мемуарах Микоян вспоминает, что Сталин любил придумывать и затем специально заказывать блюда собственного изобретения для приглашенных к обеду гостей. Так, советский лидер создал блюдо, в котором сочетались баклажаны, помидоры, картофель, черный перец, лавровый лист и кусочки баранины, — кушанье, которое он украсил

¹ Хрущев Н. С. Воспоминания. Т. 2. С. 55–56.

² Osokina E. *Our Daily Bread: Socialist Distribution and the Art of Survival in Stalin's Russia* / Ed. K. Transchel; transl. by G. Bucher. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 2001. P. 184–188. [Оригинал на русском языке: Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: РОССПЭН, 1999. С. 179–183. — Примеч. пер.]

³ Montefiore S. S. *Young Stalin*. P. 317–319.

кинзой и назвал «Арагви» в честь известной реки в Грузии. Микоян признавал, что это блюдо, вдохновленное грузинской кухней, и в самом деле было довольно вкусным¹. Обеды у Сталина обычно перемежались тостами в грузинском стиле и иногда завершались грузинскими песнями и танцами².

Обедать со Сталиным было жизненно необходимо для политического успеха, но означало участвовать в грузинских застольных ритуалах. Эти ритуалы соблюдались даже после того, как многие грузинские старые большевики погибли в ходе чисток, а поведение гостей претерпело эволюцию от праздничного духа товарищества до подхалимского соперничества. Микоян, один из немногих выходцев с Кавказа, переживших чистки, чувствовал себя не таким растерянным на этих непрерывных пирах в грузинском стиле, как другие, не имевшие отношения к указанному региону. Армянского революционера не удивляло то, что Лаврентий Берия ел свежую зелень руками, как было принято на Кавказе. Подобным же образом, хотя Микоян и был удивлен ростом потребления алкоголя на этих собраниях, он не придавал особого значения рассказу Сталина о том, как отец научил его пить еще ребенком, макая палец сына в стакан с вином и заставляя сосать этот палец. Хрущев же, незнакомый с Кавказом и местными традициями виноградарства, испытывал отвращение к поведению Берии за столом и полагал: именно тот факт, что отец Сталина давал вино маленькому сыну, позже довел того до пьянства³. Тем не менее Хрущев и другие представители сталинского ближнего круга, когда им приходилось обедать с Великим Вождем, делали все, что было в их силах, чтобы симитировать практики застолья в грузинском стиле.

Приезжавшие в Москву зарубежные гости были шокированы тем, насколько важны стали эти бесконечные пиршества для деятельности Советского государства. Югославский коммунист Милован Джилас описывал тщательно организованные ужины, продолжавшиеся по шесть часов и более, с позднего вечера до четырех-пяти часов утра. Вспоминая пережитое, он писал: «Ели и пили не спеша, под непринужденный разговор, который от шуток и анекдотов

¹ Микоян А. И. Так было. С. 353–354.

² Там же. С. 353.

³ Хрущев Н. С. Воспоминания. Т. 2. С. 118.

переходил на самые серьезные политические и даже философские темы. На этих ужинах в неофициальной обстановке приобретала свой подлинный облик значительная часть советской политики»¹.

Согласно Джиласу, Сталин был непревзойденным мастером тоста. Советский вождь использовал форму тоста, чтобы льстить, убеждать, журить, а также выражать личную ностальгию и затрагивать политические вопросы. Трещина между советской и югославской компартиями временно уменьшилась, когда Джилас согласился выпить за Красную армию, хотя Сталин, как грузин, был недоволен, что Джилас собрался поднять в связи с этим тостом бокал с пивом². Молотов рассказывал Джиласу о том, как Сталин во время войны, обедая с Уинстоном Черчиллем, поднял тост за разведчиков, что было завуалированной шпилькой в адрес британского лидера, поскольку, с точки зрения Сталина, Черчилль проиграл Галлиполийское сражение из-за нехватки достоверной информации³.

При Сталине тосты стали принятой формой произнесения речи в среде советской элиты. Тщательно продуманные тосты, затрагивающие политические темы, произносились даже на частных семейных встречах на дачах советских партийных лидеров. Дочь Сталина, Светлана Аллилуева, вспоминала, как Климент Ворошилов, важный член Политбюро, во время небольших обедов с ней и своей женой в кругу семьи часто вставал и произносил длинные формальные тосты; она помнила, что так делал и Николай Шверник, председатель Президиума Верховного Совета СССР⁴. Практика провозглашения подобных тостов продолжалась до самой смерти Сталина.

Покровительство вождя позволило внедрить грузинские кулинарные практики в более широкий контекст советской культуры, придав советской кухне неповторимый грузинский вкус. Грузинская

¹ *Djilas M. Conversations with Stalin / Transl. by M. B. Petrovich. New York: Harcourt, Brace and World, 1962. P. 75–77. [На русском языке см.: Джилас М. Беседы со Сталиным // Джилас М. Лицо тоталитаризма: Сборник / Пер. с серб.-хорв. М.: Новости, 1992. С. 60. — Примеч. пер.]*

² *Ibid. P. 111. [На русском языке см.: Там же. С. 81–83. — Примеч. пер.]* Грузины считают пиво неподходящим напитком для произнесения тостов — в отличие от вина и крепких спиртных напитков. Произнести тост с бокалом пива в руке в Грузии можно только в знак сарказма.

³ *Ibid. P. 115. [На русском языке см.: Там же. С. 85. — Примеч. пер.]*

⁴ *Аллилуева С. И. Только один год. С. 348–349.*

кулинарная книга была в числе первых национальных поваренных книг, опубликованных в Советском государстве, что говорило о благосклонном отношении к этой кухне со стороны центрального руководства; эта книга, включавшая сто рецептов, была вдвое толще, чем любое другое подобное издание в тот период¹. К концу 1930-х годов грузинская еда и напитки заняли видное место в меню советских ресторанов и ассортименте специализированных магазинов. В результате членам советской элиты, желавшим сделать карьеру, были навязаны вкусы и обеденные практики сталинского Кремля. Тогда же грузинские кулинары нашли для себя новые возможности в Москве, используя двойную выгоду — и от государственной поддержки, и от растущего массового спроса.

ОБЩЕПИТ В СОВЕТСКОЙ СТОЛИЦЕ

В одном анекдоте советских времен рассказывалось, как два грузина выходят из «Арагви», самого знаменитого грузинского ресторана в СССР, расположенного в центре Москвы. Заметив монументальную статую недалеко от входа в ресторан, один грузин поворачивается к другому и спрашивает: «Генацвале, кто это такой красивый, такой стройный на коне сидит?»² Другой отвечает: «Неужели не знаешь? Это же основатель Москвы Юрий Долгорукий!» В ответ первый грузин восклицает: «Какой замечательный человек! Прекрасный город построил вокруг нашего ресторана»³. Оставим пока в стороне сложившуюся в советские времена репутацию грузин как хвастунов и заметим, что ресторан «Арагви», открывшийся в 1940 году, на самом деле появился на четырнадцать лет раньше, чем знаменитый памятник Юрию Долгорукому. Во время сталинской реконструкции советской столицы, в конце 1930-х годов, для ресторана выделили первоклассное место — два этажа в здании

¹ Похлебкин В. В. *Кухня века*. М.: Полифакт, 2000. С. 177. Другие кулинарные книги: Гутчина А. Б., Месропян С. И., Тамаркин В. М. 50 блюд еврейской кухни; *Схиртладзе В. И.* 100 блюд грузинской кухни. М.: Госторгиздат, 1940; Месропян С. И. 50 блюд азербайджанской кухни. М.: Госторгиздат, 1940.

² Генацвале — грузинское ласковое обращение, которое стало расхожим выражением в русских анекдотах и шутках про грузин.

³ Версия этого анекдота советских времен воспроизведена в статье, посвященной истории статуи основателя Москвы: Степовой Б. Юрий Долгорукий выбрал Свободу // *Известия*. 2007. 7 сентября.

на улице Горького, главной магистрали столицы¹. После Второй мировой войны, а особенно в годы «оттепели» ресторан стал образцом советского общепита и центром распространения грузинской кухни в широких кругах советской элиты.

Делающие карьеру члены партии входили в двери «Арагви», чтобы увидеть роскошное подобие Грузии, в стиле социалистического реализма ярко воплощенное для клиентуры со всего Советского Союза. Стены были украшены гигантскими фресками, щедрыми красками изображающими сельскохозяйственное изобилие южной республики и назидательно, в деталях воспроизводящими ритуалы грузинского застолья. Ресторан состоял из двух главных залов: Восточного, украшенного с использованием грузинских национальных мотивов, и Мраморного, в котором часто проводились официальные церемонии². Перед гостями выступал ансамбль грузинских музыкантов, а по особым случаям — грузинский танцевальный коллектив³. Вдоль второго уровня Мраморного зала шел нарядно украшенный балкон, с которого открывался вид на расположенные внизу столы. Ресторан «Арагви» был одновременно и местом, где новая советская элита могла предаваться официально одобренному демонстративному потреблению, и идеальным помещением для личных встреч. Главный уровень ресторана был открытым, и те, кто обедал на балконе Мраморного зала, могли разглядывать посетителей, находящихся внизу, а на верхнем уровне были столы, расположенные в скрытых нишах, и несколько отдельных кабинетов, один из которых часто посещал Лаврентий Берия⁴.

Сам ресторан воплощал собой расширение практики пышных банкетов в грузинском стиле, проходивших в Кремле и на сталинских дачах. Директор «Арагви» — Лонгиноз Стажадзе, уроженец

¹ Сегодня улица Горького вновь носит свое дореволюционное название — Тверская. Подробнее о сталинской реконструкции советской столицы см.: *Colton T. J.* Moscow: Governing the Socialist Metropolis. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995.

² *Кикнадзе Н. С.* Из опыта моей работы в ресторане «Арагви». М.: Госторгиздат, 1951. С. 2.

³ Таким особым случаем было, например, празднование столетия со дня рождения В. И. Ленина. См.: Центральный государственный архив города Москвы [далее — ЦГА Москвы]. Отдел хранения документов после 1917 года [далее — ОХД]. Ф. 429. Оп. 1. Д. 1323. Л. 50.

⁴ История отдельных кабинетов была подробно рассказана Вячеславом Галустьяном, который в 2006 году руководил реконструкцией помещений ресторана «Арагви». — Интервью автора с В. Галустьяном. Москва, 26 июля 2006 года.

грузинского района Рача, — до того был поваром Сталина¹. Как и другие ответственные за продовольственные поставки к сталинскому столу, Стажадзе получал звания в НКВД, дослужившись в конце концов до полковника². Учитывая такие связи с Кремлем, посетители ресторана, наслаждавшиеся едой в главных залах, возможно, задавались вопросом, кто из членов советского правительства пирует в это время в отдельном кабинете или наблюдает за ними, оставаясь невидимым, с балкона второго яруса. Притом что архитектура ресторана напоминала посетителям о внутренней партийной иерархии и бдительном взгляде тех, кто наверху, близость к власти была в то же время одной из главных притягательных особенностей «Арагви». Более того: когда этот ресторан открылся, в столице имелась лишь горстка действующих ресторанов, и «Арагви» стал одним из тех немногих мест, где честолюбивая элита могла насладиться плодами своих трудов на благо партии и вместе с тем продемонстрировать свое новое социальное положение, культивируя подходящий ему изысканный вкус³.

Хотя ресторан обслуживал советскую столицу, формально он работал под эгидой Министерства торговли (до 1946 года — Народного комиссариата торговли) Грузинской ССР. Архивные источники и в Москве, и в Тбилиси хранят молчание о том, в какой степени открытие ресторана могло быть инициативой учреждений Грузинской ССР, но позволяют судить, что Министерство торговли Грузии курировало прямые поставки из южной республики в «Арагви» вина, сыра, мяса, овощей, минеральной воды, трав и специй⁴. Также источники показывают, что предпринимались усилия по решению более общей проблемы: по официальному

¹ Goldstein D. *The Georgian Feast: The Vibrant Culture and Savory Food of the Republic of Georgia*. Berkeley: University of California Press, 1999. P. 10–11.

² Об этом рассказывает в интервью Натела Мунтикова-Чачибая, выросшая в кругах грузинской политической элиты в Москве. См.: Беседы с Нателой Мунтиковой // Славянская Европа. URL: www.slavic-europe.eu/index.php?option=com_content&task=view&id=130&Itemid=1. Последнее посещение 4 марта 2010 года.

³ С одобрения Сталина «Арагви» был также одним из немногих ресторанов в Москве, продолжавших работать в годы Великой Отечественной войны, согласно интервью с Шамилем Хаджимуратовичем Умертаевым, который трудился в «Арагви» с 1961 по 1996 год и постепенно дорос до должности помощника шеф-повара. Умертаев работал вместе с Н. Кикнадзе. — Интервью автора с Шамилем Умертаевым. Москва, 30 июня 2008 года.

⁴ ЦГА Москвы. ОХД. Ф. 224. Оп. 1. Д. 147. Л. 23–26.

оформлению торговли этими товарами между Грузией и Россией, что выразилось в директиве народного комиссара торговли Грузии от 1941 года, предписывавшей, чтобы грузинские производители не посылали в Москву собственных представителей, а действовали через сеть чиновников наркомата¹. В условиях этой напористой торговой политики, осуществляемой на республиканском уровне, ресторан успешно стал представительным органом грузинского Министерства торговли в советской столице и той рекламной витриной, где советской публике демонстрировалось сельскохозяйственное изобилие Грузии.

Потребности Москвы в грузинских блюдах с готовностью удовлетворяли грузинские кулинарные специалисты, поступившие на работу в «Арагви». Стажадзе, директору ресторана, помогал работавший в должности его заместителя Владимир Джишкариани, уроженец Западной Грузии². Коллектив поваров ресторана также прибыл из Грузии. Шеф-повар — Николай Кикнадзе, родившийся в маленькой западногрузинской деревне, — сделал карьеру в ресторанах Кутаиси и Тбилиси, прежде чем приехать в Москву и поступить на работу в ресторан «Европа»³. Уволившись из «Европы», чтобы готовить блюда своей родной Грузии в «Арагви», он стал инициатором кулинарного развития ресторана и, как мы далее увидим, ведущей фигурой в деле распространения грузинской кухни через государственную систему общественного питания. Интересно заметить, что и Стажадзе, и Джишкариани, и Кикнадзе встретили революцию уже взрослыми людьми и, по всей видимости, работали в ресторанах и кафе эпохи нэпа, а может быть, и в ресторанах царских времен, получив опыт приготовления блюд как грузинской, так и европейской кухни. Все трое проживали в советской столице на постоянной основе⁴.

Как первый ресторан Советского Союза в национальном стиле, «Арагви» стал флагманом стремительного развития советской

¹ Центральный государственный архив новейшей истории Грузии. Ф. 2006. Оп. 1. Д. 403. Л. 34–49.

² РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 5. Д. 448. Л. 40–41.

³ Основные автобиографические сведения о персонале ресторана «Арагви» см.: Там же. Д. 447. Л. 39–54. История профессиональной карьеры Кикнадзе изложена в следующей статье: Польский М. Воспитание в труде // Общественное питание. 1963. № 4. С. 11–14.

⁴ РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 4. Д. 448. Л. 40–41.

ресторанной культуры после Второй мировой войны¹. Многие другие республики последовали примеру Грузии: Армянская ССР открыла в Москве ресторан «Арагат», Азербайджанская ССР — ресторан «Баку», а Узбекская ССР — ресторан «Узбекистан». Созданные по образцу «Арагви», эти рестораны предоставляли посетителям узнаваемые национальные формы угощения и развлечений; пока посетители ели, для них играли «народные ансамбли», их обслуживали официанты, одетые в «национальные костюмы», и окружал искусно выполненный декор с использованием «национальных мотивов». Воспроизводя логику Советского государства, которое способствовало развитию своих внутренних диаспор, эти рестораны превращали этнических гостей в хозяев имперской столицы. Воплощая собой имперское разнообразие, они в советской метрополии воспроизводили напоказ каждую республику в миниатюре. Затем, в годы «оттепели», они сыграли решающую роль в превращении Москвы в международный центр притяжения для зарубежных гостей, когда государство энергично стремилось создать своеобразные витрины советских достижений для туристов, приезжавших, например, для участия в VI Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве в 1957 году.

Продолжавшаяся государственная политика по поддержке многонациональной культуры, сложившаяся в сталинский период, и относительная скудость выбора привели к тому, что «Арагви» сохранял свое завидное положение даже в периоды политической турбулентности. Так, он пережил смерть Сталина и последовавшую за ней волну десталинизации, хотя и не обошлось без существенных перемен в управлении рестораном. Стажадзе, того директора, который когда-то являлся личным поваром Сталина, вначале уволили, а затем арестовали по обвинению в коррупции, как и его заместителя². Николаев, новый директор и этнический русский, поднял вопрос о закрытии отдельных кабинетов ресторана, которые

¹ О развитии советской кухни в послевоенный период см.: Похлебкин В. В. Кухня века. С. 263–284.

² Аресты, произведенные в то время, были, вероятно, частью кампании по смещению в «Арагви» руководства сталинского периода и по укреплению контроля над рестораном со стороны центральных органов. Об этом упоминается в журнале «National Review»: американская редакция журнала оплакивала уход руководителей прекрасного ресторана, где можно было «позабыть тоску, которой полна Россия, под звуки кавказских оркестров» (National Review. 1959. Vol. 7. № 15. P. 7).

прежде часто посещал Берия и другие члены сталинского ближнего круга; тем не менее в конечном итоге кабинеты сохранились¹. Связи ресторана с Министерством торговли Грузии также были поставлены под вопрос, поскольку Главное управление винодельческой промышленности инициировало ревизию всей сети Самтреста и его московского завода, выявив многочисленные случаи недобросовестного контроля и технических нарушений². В конце 1959 года «Арагви» был наконец выведен из подчинения Министерства торговли Грузии и передан под контроль Мосресторантреста, который курировал около семидесяти ресторанов в Москве, в том числе и национальные³. Передача «Арагви» Мосресторантресту, безусловно, подрывала его автономию и прямые связи с поставщиками из Грузии. Однако шеф-повар ресторана Николай Кикнадзе, как ведущий специалист по грузинской кухне, сохранил свой пост и увеличил свое влияние в системе общественного питания.

Несмотря на то что бывшие связи со сталинским Кремлем стали при Хрущеве скорее недостатком, а созвездие ресторанов в советской столице заметно росло, «Арагви» оставался исключительно популярным. Своим успехом он был по большей части обязан сохраняющемуся влиянию шеф-повара Кикнадзе, который усовершенствовал множество грузинских блюд, чтобы удовлетворить растущий общественный спрос на ресторанное питание. Если Николаев и череда последующих русских директоров руководили отношениями ресторана с Мосресторантрестом, то Кикнадзе оставался сердцем основной деятельности ресторана. Шеф-повар был знаменит своим коронным блюдом — цыпленком табака, при приготовлении которого тушка молодой курицы сплющивается под прессом, а затем жарится под тяжелым грузом. Адаптировав рецепт в соответствии с русскими вкусами, Кикнадзе заменил острый перец, использовавшийся в его родной Западной Грузии, и чаще всего подавал жаркое с *ткемали* — грузинским кислым сливовым соусом, а не с более традиционным грузинским чесночным соусом, *ниорцкали*⁴. Согласно

¹ ЦГА Москвы. ОХД. Ф. 224. Оп. 1. Д. 147. Л. 23–26.

² РГАЭ. Ф. 8546. Оп. 1. Д. 1244. Л. 45–112.

³ ЦГА Москвы. ОХД. Ф. 224. Оп. 1. Д. 147. Л. 23–26; Общественное питание в Москве (краткий справочник). М.: Московский рабочий, 1962. С. 21.

⁴ Этим своим рецептом Кикнадзе поделился в журнале «Общественное питание» за 1961 год (№ 2. С. 28). О приготовлении цыпленка табака в грузинском стиле см.: Goldstein D. The Georgian Feast. P. 102–103.

Николаеву, к началу 1960 года ресторан готовил восемьсот порций цыпленка табака в день¹. По словам Кикнадзе, это блюдо «покорило» Москву². Конечно, были и другие популярные блюда; советский журналист едва мог сдержать восхищение, описывая более тридцати различных блюд, предлагаемых в «Арагви»: «И кто не знает, с каким удовольствием едят москвичи знаменитые шашлыки или „сациви из кур“, осетрину на вертеле или сыр „сулгуни“?»³ Ежедневно перед рестораном выстраивались длинные очереди, прежде чем гости занимали там места, чтобы пообедать или поужинать⁴. К 1962 году среднегодовой оборот «Арагви» составлял почти два миллиона рублей⁵. В фирменном магазине ресторана продавали шашлык навынос для посетителей, которые не смогли попасть внутрь⁶.

В «Арагви» Кикнадзе помог вырастить целое поколение русских поваров, умеющих готовить грузинские блюда⁷. После того как в начале 1960-х годов он ушел на пенсию, эти повара взяли его дело в свои руки. Разумеется, несмотря на передачу ресторана Мосресторантресту и передачу знаний русским поварам, судьба «Арагви» по-прежнему была связана с Грузией. Для приготовления некоторых блюд ресторан пользовался услугами предприятий, находившихся за пределами Москвы. Они поставляли ему мясо и овощи, а специальная фабрика в окрестностях Рязани производила для ресторана сыр сулгуни. И конечно, «Арагви» по-прежнему зависел от постоянных поставок грузинских вин, минеральной воды и специй через грузинские торговые сети⁸.

Грузинские специалисты и поставки из Грузии требовались также и для других, недавно открывшихся грузинских ресторанов, которые пытались подражать успеху «Арагви» и имитировали его образцы при приготовлении и сервировке своих блюд⁹. Грузинские

¹ ЦГА Москвы. ОХД. Ф. 224. Оп. 1. Д. 147. Л. 23–26.

² Петров М. Сотни кушаний на любой вкус // Общественное питание. 1957. № 1. С. 56.

³ Там же.

⁴ Интервью автора с Шамилом Умертаевым.

⁵ ЦГА Москвы. ОХД. Ф. 453. Оп. 1. Д. 1632. Л. 145–162.

⁶ Там же. Ф. 224. Оп. 1. Д. 245. Л. 1–7.

⁷ Среди них был и Умертаев, этнический татарин из Москвы. О влиянии Кикнадзе см.: Тэсс Т. Воспитание вкуса // Общественное питание. 1958. № 1. С. 16–21.

⁸ Интервью автора с Шамилом Умертаевым.

⁹ Общественное питание в Москве. С. 21, 28–29.

повара были привлечены к развитию ленинградского ресторана «Кавказский» и московского ресторана «Кура», который, как и «Арагви», получил свое имя по названию реки в Грузии¹. Некоторые фирменные блюда «Арагви», такие как цыпленок табака или острый грузинский суп харчо, стали настолько популярны, что перешли в меню других, негрузинских ресторанов столицы. Хотя не в каждом ресторане Москвы работал грузинский повар, грузинские блюда требовали специальных ингредиентов; в отсутствие связей с грузинскими производителями, жаловался директор ресторана «Советский», их харчо, приготовленное без кинзы и ткемали из Грузии, было в лучшем случае «пародией» на оригинальное блюдо².

Грузинские вина и минеральная вода были в числе самых популярных напитков, производившихся в Советском Союзе, и считались необходимыми компонентами меню любого грузинского ресторана. Хотя государство первоначально препятствовало потреблению алкоголя, грузинскому вину все чаще воздавали хвалы на самом высоком уровне. Выступая на митинге в Тбилиси в 1960 году, Хрущев провозгласил: «Вино является украшением стола, и надо его больше производить, но пить, конечно, следует в меру»³. Бутылки вина из южной республики были украшены роскошными пейзажами щедрой грузинской сельской местности и стилизованным шрифтом, подражающим оригинальному грузинскому алфавиту, — в напоминание о том, что связь с грузинской землей делает грузинскую кухню аутентичной и что «грузинская марка» определяется особыми качествами климата и почвы этого южного края.

Советские хозяева быстро заметили, что «Арагви» притягивает иностранных гостей как магнит и те, кажется, искренне впечатлены грузинской кухней. Отужинав в «Арагви» в 1947 году, Джон Стейнбек написал: «...еда — такая же, как в Грузии, — на наш вкус, самая лучшая в России»⁴. Затем, в 1950 году, о ресторане написали в статье журнала *Time* — под заглавием «Россия: где пообедать». Автор

¹ Владимирев Е. День в «Кавказском» // Общественное питание. 1958. № 11. С. 32–34.

² ЦГА Москвы. ОХД. Ф. 224. Оп. 1. Д. 277. Л. 44–45.

³ Цит. по: Анисимов Б. Как правильно подбирать вина к блюдам // Общественное питание. 1961. № 7. С. 44–46.

⁴ Steinbeck J. A Russian Journal. New York: Penguin, 1948. P. 208. [На русском языке см.: Стейнбек Дж. Русский дневник / Пер. с англ. Е. Р. Рождественской; предисл. Л. А. Жуховицкого. М.: Мысль, 1990. С. 140. — *Примеч. пер.*]

статьи замечал, что среди московских национальных ресторанов «Арагви» по-прежнему остается лучшим, а прочие, такие как «Баку», «Арарат» и «Узбекистан», являются не более чем «подражателями» «оригинального шикарного ресторана коммунистической Москвы, а именно „Арагви“»¹. С высокой оценкой, которую грузинские блюда получили у зарубежных гостей, были согласны советские официальные лица. Николаю Кикнадзе поручили представлять Советский Союз на Всемирной выставке в Брюсселе в 1958 году («Экспо-58»), которая стала обширной ареной состязания в уровне жизни между капиталистическим лагерем и социалистическим. Кикнадзе возглавил команду поваров, присланных из ресторана «Россия»; приготовленный под его руководством ассортимент блюд советской кухни (с явным грузинским акцентом) принес его команде Гран-при². Грузинские блюда стали главным элементом советского стола, который сервировали для иностранных гостей, съедобным воплощением советской политики толерантности и дружбы народов и диаспор, из которых слагался Советский Союз.

Государство использовало грузинскую кухню в своих целях, но не могло полностью контролировать то, каким образом посетители «Арагви» интерпретируют опыт обильных трапез в этом ресторане. В конце 1960-х годов «Арагви» стал «культовым местом» и любимым пристанищем актеров Московского Художественного театра. Актер и бард Владимир Высоцкий, по словам бывшего помощника шеф-повара, был практически «постоянным посетителем» ресторана³. Высоцкий, как и другие представители советской интеллигенции того времени, оказался очарован той праздничной атмосферой и теми традициями произнесения тостов, которые встретил за грузинским столом и о которых с нежностью вспоминал в ностальгическом стихотворении «Теперь я буду сохнуть от тоски»⁴. Неудивительно, что именно этот ресторан был выбран местом проведения обеда, который давала в 1979 году Ассоциация

¹ Russia: Where to Dine // Time. 1950. June 12. URL: www.time.com/time/magazine/article/0,9171,812656,00.html. Последнее посещение 4 марта 2010 года.

² Польский М. Воспитание в труде. С. 11–14.

³ Интервью автора с Шамилем Умертаевым.

⁴ Стихотворение было написано в 1969 году и позже положено на музыку. См.: Высоцкий В. Сочинения: В 2 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. Е. Крылова. 7-е изд. Екатеринбург: КРОК-центр, 1995. Т. 1. С. 231.

американских издателей (ААР) и на котором присутствовали ведущие советские интеллектуалы и диссиденты, в том числе Андрей Сахаров, Василий Аксенов, Владимир Войнович и Раиса Орлова¹.

Несмотря на прошлое ресторана, связанное с эпохой сталинизма, его непревзойденная роскошь, интимность его затемненных уголков и отдельных кабинетов, его популярность среди художественной элиты Советского Союза и яркая, праздничная грузинская атмосфера придавали ему тот богемный дух, который иногда казался не вполне советским. Это было место, где генералы могли вплотную столкнуться с артистами или, в брежневский период, с «теневыми дельцами», которые собирались в служебных помещениях ресторана². Меняющаяся клиентура «Арагви» в некотором смысле отражала соответствующую эволюцию советской элиты, многие представители которой хотели бы видеть себя независимыми от государственной власти, если не находящимися в оппозиции к ней. Исключительное развитие грузинской кухни, единственной в своем роде на той кулинарной сцене, где слишком часто преобладали пресные вкусы и холодная казенная обстановка, наделило ее богатым набором практик и символов, которые могли использоваться самыми разными посетителями ресторана и проникаться новыми смыслами.

Интересно, однако, что залы «Арагви» оставались закрытыми для большинства советских граждан не только потому, что обеды там были слишком дороги, но и потому, что сам ресторан пользовался чрезвычайной популярностью: по словам бывшего заместителя директора, «было почти невозможно заказать столик в выходные дни, если только у вас не было нужных знакомств или связей»³. Московская ресторанный сеть, возможно, и разрослась в послевоенный период, но ее рост по-прежнему отставал от массовых потребностей миллионного города. «Арагви» обслуживал меняющуюся советскую элиту, но оставался недоступным для большинства. Тем не менее, отчасти благодаря усилиям его грузинского шеф-повара Николая Кикнадзе, ресторан вдохновил массовую популяризацию грузинских блюд через общепит — государственную сеть общественного питания.

¹ Refugees: Free at Last // Time. 1981. September 28. URL: www.time.com/time/magazine/article/0,9171,953131-1,00.html. Последнее посещение 4 марта 2010 года.

² Bialer S. The Soviet Paradox: External Expansion, Internal Decline. New York: Knopf, 1986. P. 90.

³ Интервью автора с Шамилем Умертаевым.

ГРУЗИНСКИЕ БЛЮДА ДЛЯ МАСС

Несмотря на то что обильные застолья в «Арагви» наполнились новым смыслом благодаря авторитетным столичным артистам и интеллектуалам, государством были предприняты значительные усилия по демократизации советской изысканной кухни. В послевоенный период, а особенно в хрущевскую эпоху, качество жизни становилось все более значимой ареной соревнования двух систем в ходе холодной войны¹. Советскому государству необходимо было продемонстрировать, что оно может идти наравне с капиталистическим Западом в деле создания новых возможностей потребления, доступных не только элите, но и широким массам. Общепит, с его системой рабочих столовых и продовольственных магазинов, успешно удовлетворял только базовые потребности в питании, на самом элементарном уровне, — но даже при этом для него были характерны дефицит, плохой сервис, скучное повторение одних и тех же блюд. Государственные чиновники проявляли повышенное внимание к претензиям советских потребителей, отражаемым в письмах-жалобах и жалобных книгах. Стремясь удовлетворить общественные запросы, чиновники обратились к грузинской кухне с ее устоявшимся ассортиментом блюд и развитыми каналами поставок. Ниша, которую впервые создали для грузинских кулинаров в 1930-х годах, заметно расширилась, когда руководители общепита решили сделать грузинский гастрономический опыт доступным на массовом уровне. Обещания «хорошей жизни» при социализме теперь стали означать, что скоро каждый сможет позволить себе питаться как советская элита, а у этой элиты определенно было особое пристрастие к грузинским блюдам.

С кулинарной точки зрения между сталинским и постсталинским периодами можно во многом выявить поразительную преемственность; стремление демократизировать элитную кухню при Хрущеве повлекло за собой не отказ от практик сталинской элиты, но, напротив, более широкое распространение этих практик. Как и раньше, советская кухня воспринималась в качестве многонациональной, а быть «культурным» по-прежнему означало быть способным

¹ О тенденциях развития советского послевоенного общества см.: *Zubkova E. Russia after the War: Hopes, Illusions, and Disappointments, 1945–1957* / Transl. and ed. H. Ragsdale. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1998.

оценить по достоинству кухни народов СССР. Как и в ресторане, акцент на национальное разнообразие в меню рабочих столовых был также практическим способом расширить ассортимент блюд, изготовленных из доступных ингредиентов, поскольку продукты союзных республик должны были направляться на удовлетворение нужд внутреннего потребления и международного представительства. Обдумывая обращение к делегатам конференции работников общественного питания в 1957 году, заместитель министра торговли написал: «Советская кулинария необычайно богата и разнообразна. В ее арсенале множество всемирно известных блюд — в том числе русские закуски и пироги, украинские борщи, грузинские шашлыки, азербайджанские пити, узбекские пловы и многие другие национальные блюда». Обращаясь к собравшимся на конференции, он призвал их: «Возвеличивайте достоинства советской кулинарии!»¹

И вновь грузинская кухня оказалась первой среди равных на советском столе. Она была не просто любимой кухней элиты, питавшейся в «Арагви», — она была также кухней безусловно советской. Некоторое время всерьез подумывали о том, чтобы внедрять в массы китайскую еду, но потенциальный риск, связанный с продвижением национальной кухни страны социалистического лагеря, не входящей в состав Советского Союза, сделался очевидным после советско-китайского конфликта². В годы «оттепели» и после нее общепит де-факто оказался платформой для массового распространения грузинской еды, ставшего возможным благодаря уже существовавшим каналам поставок и диаспорным сетям специалистов, которые ранее готовили блюда грузинской кухни для московской элиты. В силу своих особых знаний грузинские повара и другие специалисты работали в системе общепита, чтобы продвигать в массы свое собственное видение грузинской кухни, а Грузия, как и прежде, служила важнейшей продуктовой базой.

Плановики общепита эпохи «оттепели», хотя их меню несло на себе явный отпечаток сталинского периода, подчеркивали преимущества «современной передовой технологии» и техники массового

¹ РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 5. Д. 452. Л. 87. Упоминание заместителем министра характерных блюд кухни каждой республики примечательно тем, что следует формулировке из книги «Кулинария». См.: Кулинария: Суперкнига для гурманов. С. 32.

² Об обсуждении сотрудниками общепита сравнительных достоинств китайской кухни см.: РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 5. Д. 454. Л. 125–126.

производства, способных популяризировать грузинскую кухню и дать массам материальное изобилие¹. Они начали с шашлыка — кавказского блюда, которое уже было принято публикой на самом широком уровне. Руководство общепита стремилось сделать это мясо, приготовленное на углях, доступным повсеместно. По всему Советскому Союзу открывались недорогие учреждения общественного питания, специализирующиеся на приготовлении шашлыка и известные как «шашлычные»; считалось, что они будут достойными пунктами питания для проголодавшихся рабочих и станут легким способом накормить население продуктами массового производства. Хотя шашлычные существовали в системе общепита еще с 1930-х годов, при Хрущеве их количество значительно возросло благодаря четким указаниям XX съезда партии, состоявшегося в 1956 году. Там — на том самом съезде, где Хрущев в своей «секретной речи» разоблачал пороки сталинизма, — был дан заметный импульс развитию национальной кухни сталинской родины, Грузии, поскольку партия заявила о поддержке «мероприятий по улучшению работы предприятий общественного питания» и призвала увеличивать количество специализированных учреждений питания, таких как шашлычные². Вероятно, эти решения не считались противоречащими друг другу, поскольку грузинская кухня была приравнена к изысканной, а ее политический подтекст был подвластен изменениям. Вскоре после этого чуть ли не в каждом московском квартале появилась своя «шашлычная на углу». В некоторых из них, например в той, о которой писали в журнале «Общественное питание» за 1963 год, в дополнение к самому шашлыку посетителям также предлагали широкий выбор грузинских блюд, включая *лобио* (набиравшее все большую популярность грузинское блюдо из бобовых, удобное для массового производства) и острый суп *харчо*³.

Модернизированное фирменное блюдо «Арагви», цыпленок табака, проделало подобный путь из залов элитных ресторанов

¹ Значимость технологий и техник промышленного производства подчеркивалась во введении к изданию «Книги о вкусной и здоровой пище» 1952 года. См.: Книга о вкусной и здоровой пище. М.: Пищепромиздат, 1952.

² РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 5. Д. 445. Л. 9–10.

³ Поскольку кинза по-прежнему оставалась дефицитным продуктом, теперь в приготовлении харчо стали использовать готовые смеси специй или соусы.

в городские кафе, рабочие столовые и на домашние столы. Кикнадзе сам раскрыл секрет наиболее знаменитого блюда своего ресторана на страницах журнала «Общественное питание» в начале 1961 года¹. Вскоре была изобретена технология, необходимая для массового производства этого кушанья. Спустя несколько выпусков в том же журнале был представлен аппарат, позволявший готовить «одно из любимых блюд посетителей ресторанов» в более скромных заведениях — причем жарить курицу не индивидуально, как в «Арагви», а целыми партиями, и приправлять гораздо быстрее — с помощью специально разработанного «ароматизатора»². Еще через два года на одном из московских заводов стали изготавливать простые сковороды с прессами, которые позволяли готовить от одной до четырех порций цыпленка табака в средней столовой или даже дома³.

Популяризация изысканных блюд, требующих для своего приготовления редких ингредиентов, иногда была весьма недешевым предприятием. В конце концов чиновники общепита нашли практичное решение: наладить массовое производство грузинских соусов, которые напоминали бы подлинные вкусы южной республики и не представляли бы затруднений при перевозке и продаже. Самым популярным был ткемали, грузинский сливовый соус, которым обычно приправляли шашлык и цыпленка табака. Соус стал предметом долгого обсуждения на Всесоюзном совещании работников общепита в 1950 году. Отвечая заместителю министра торговли, сказавшему, что «недостающие пряности в значительной мере могут быть восполнены более широким применением различных соусов», Николай Кикнадзе, присутствовавший на конференции как представитель ресторана «Арагви», предложил начать с грузинского сливового соуса. На следующий год в Тбилиси было произведено 50 тонн ткемали для потребителей со всего Советского Союза⁴. К началу 1960-х годов ткемали был вполне доступен в шашлычных и магазинах, где его можно было приобрести для домашней кухни; к концу десятилетия рядом с ним продавались острый томатный

¹ Кикнадзе Н. Так готовят блюдо «цыплята-табака» // Общественное питание. 1961. № 2. С. 28.

² Жаровня и ароматизатор для цыплят табака // Общественное питание. 1961. № 12. С. 38.

³ Жаровня с прессом // Общественное питание. 1963. № 12. С. 57.

⁴ РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 5. Д. 419. Л. 98, 120–121.

соус *сацебели* и ароматный грузинский ореховый соус, использовавшийся для сациви¹. Эти соусы с их звучащими на иностранный лад грузинскими названиями стали в СССР общепотребительными. Грузинские производители, в свою очередь, нашли завидную нишу, производя новые приправы для советского стола.

Формирование многонациональной кулинарной культуры на массовом уровне было основано на идее интеграции разнообразных кулинарных традиций со всего Советского Союза. Если специалисты по национальной кухне рассматривались как обладатели особых знаний, то новая тенденция демократизации кулинарии означала, что теперь они должны были сделать свою национальную культуру общедоступной, превратив ее в товар, пригодный для общественного потребления. Один из авторов журнала «Общественное питание», характеризовавший роль Кикнадзе в продвижении грузинской культуры, писал:

Работники советской кулинарии утверждают по праву, что кулинария в нашей стране никогда не была и не будет замкнутой, изолированной частью национальной культуры. Взаимное проникновение и взаимное обогащение у нас только приветствуется, и самые тонкие знатоки рецептуры национальных блюд отнюдь не делают из своих рецептов «тайн», не хранят их в секрете, передавая этот секрет только «избранным» преемникам².

Если отказ поделиться рецептом блюда расценивался как подозрительная скрытность, то государственное поощрение многонациональной кухни можно было бы охарактеризовать как скрытое имперское принуждение. Хотя этнические гости стали хозяевами в национальных ресторанах советской столицы, от них требовалось делиться своими знаниями и передавать свое культурное наследие преимущественно русской публике, что грозило сделать обмен ролями между хозяевами и гостями лишь временным явлением.

Несмотря на это обстоятельство, возможность приобрести известность в масштабах империи, предоставляемая государственной инфраструктурой общественного питания, была довольно

¹ Соусы холодные // Общественное питание. 1967. № 7. С. 32–33.

² Тэсс Т. Воспитание вкуса. С. 16–21.

заманчива, и многие грузинские кулинарные специалисты охотно ею воспользовались. Например, Николай Кикнадзе с сознанием долга обучал своих подчиненных-негрузин тонкостям грузинской кухни. Он был активным участником конференций работников общепита и представлял грузинскую кухню за рубежом на международных выставках¹. Именно благодаря широкому освещению его рецептов в печати он приобрел массовую аудиторию и в конечном итоге оказал самое глубокое влияние на советскую кулинарию.

Участие Кикнадзе в издании самых известных советских кулинарных книг привело его рецепты на обычную советскую кухню и наполнило домашнее приготовление пищи в советской семье грузинскими вкусами. Предоставленные Николаем Кикнадзе грузинские рецепты заняли заметное место в советской книге «Кулинария» 1956 года издания, которая, возможно, была наиболее амбициозной попыткой запечатлеть этническое разнообразие нового советского рациона и которую часто называют «Сталинской кулинарией», поскольку к изданию она была подготовлена в поздний сталинский период, хотя опубликована — уже после смерти вождя². Энциклопедическая по своему содержанию, эта кулинарная книга была поделена на несколько разделов: в главном из них, занимавшем большую часть книги, перечислялись основные рецепты, в то время как особый раздел, меньший по объему, представлял рецепты «национальных блюд», сгруппированные по республикам. В числе национальных блюд грузинских было больше, чем из любой другой республики³. Растущую роль грузинской кухни отражал и тот факт, что многие из этих блюд перечислялись также в основном разделе, причем большинство — под оригинальными грузинскими названиями⁴.

¹ Кикнадзе Н. Учить и воспитывать // Общественное питание. 1957. № 3. С. 1–3; Польский М. Воспитание в труде. С. 11–14.

² Книга точно отражала напряженную политическую атмосферу той эпохи, когда была издана. Введение к ней было посвящено защите кулинарного искусства и доказательству, что оно является не «барским гурманством буржуазии», а необходимым условием как удовольствия от еды, так и рационального питания. См.: Кулинария: Суперкнига для гурманов. С. 1–6.

³ В разделе «Национальные блюда союзных республик» было 43 грузинских рецепта. На втором месте по количеству национальных блюд оказалась армянская кухня, представленная 29 рецептами. На странице, открывающей раздел «национальных блюд», была представлена фотография шашлыка. См.: Там же. С. 942.

⁴ Из 43 грузинских блюд 10 рецептов были включены и в «Национальные блюда», и в основной раздел.

Иллюстрации к кулинарной книге показывают, что грузинская кухня по-прежнему отождествлялась с материальным изобилием и кулинарной изысканностью. Изображение грузинского стола с пятью бутылками вина на шесть столовых приборов, щедрые порции шашлыка на шампурах, свешивающиеся с тарелок, две бутылки «Боржоми», длинные батоны грузинского хлеба и гигантская ваза со свежими фруктами в центре стола выглядели как воплощение рога изобилия¹. Несмотря на содержащиеся в кулинарной книге призывы к умеренности в потреблении алкоголя, возле каждого столового прибора было изображено четыре отдельных бокала для разных вин и других спиртных напитков (а также для минеральной воды), которые следовало употреблять в ходе трапезы. Кулинарная книга стала неизменным атрибутом советских учреждений общественного питания и домашней кухни, способствуя продвижению грузинской еды в массы и широкому распространению рецептов Кикнадзе.

Тот же Кикнадзе предоставил рецепты и для самого известного советского кулинарного сборника — для «Книги о вкусной и здоровой пище». Впервые опубликованная в 1939 году, эта книга стала доступна большинству читателей лишь в послевоенный период. В 1952 году она была переиздана значительно большим тиражом, в большем формате и с добавлением тридцати двух роскошных цветных иллюстраций, после чего наконец достигла миллионов советских кухонь². Хотя в нее вносили небольшие изменения в 1955, 1961, 1965, 1974, 1978, 1981, 1989 и 1990 годах, по своей структуре, подаче информации и логике она оставалась документом зенита сталинского периода, формировавшим — с помощью все тех же приемов — отношение масс к еде. Если «Кулинария» была адресована скорее профессиональным поварам, то «Книгу о вкусной и здоровой пище» написали специально для «домашней хозяйки» — как настольное руководство по приготовлению для семьи «вкусной и здоровой пищи» с использованием «разнообразного и богатого ассортимента» продуктов³. Кулинарная

¹ Кулинария: Суперкнига для гурманов. С. 968.

² В своей работе «Cooking Bolshevik» Гейст отмечает, что с 1952 по 1955 год было выпущено 2,5 миллиона экземпляров нового издания «Книги о вкусной и здоровой пище» и что печатали ее в Восточной Германии, чтобы обеспечить высокое качество полиграфии. См.: Geist E. Cooking Bolshevik. P. 311–312.

³ От издателя // Книга о вкусной и здоровой пище. 1952. [С. 5.] Это краткое предисловие воспроизводилось в изданиях 1953 и 1961 годов.

книга была гендерным проектом, нацеленным на передачу «экспертных знаний» кулинарных специалистов — преимущественно мужчин — на кухню, где заправляют женщины. И при этом также побуждала домашних хозяек взять на себя ведущую роль в деле прививания членам семьи вкуса к разнообразным советским национальным кулинарным тенденциям. Молчаливо подразумевалось, что, как и посетители ресторана «Арагви», эти идеальные домохозяйки принадлежат к числу продвигающихся по карьерной лестнице городских жителей, имеющих доступ к широкому набору продуктов и достаточное время для приготовления пищи по сложным рецептам¹. Наряду с традиционными русскими блюдами, такими как щи, говяжьи котлеты и грибы в сметане, современная советская домохозяйка должна была знакомить свою семью с *чанахи* (ароматным грузинским рагу из ягненка), *лобио* (грузинским блюдом из бобовых), к которому подавать измельченные грецкие орехи, или, для менее смелых, с грузинской версией русского супа солянки под названием «солянка по-грузински» — этническая специфика этого блюда заключалась в добавлении красного вина и чеснока². В издании «Книги о вкусной и здоровой пище» 1965 года количество грузинских рецептов, по сравнению с изданием 1952 года, почти удвоилось; возможно, это отражало растущий спрос на включение в домашний рацион изысканных национальных блюд³.

Кикнадзе был далеко не единственным грузином в системе общепита, рекламирующим достоинства грузинской кухни. Многие другие, кроме него, продолжали занимать высокие позиции в этой системе в постсталинский период, а умение готовить оставалось, как и прежде, полезным транспортируемым навыком для новых волн грузинских мигрантов, поскольку потребность в грузинской кухне возрастала. В 1956 году грузин можно было обнаружить во главе Ташкентского треста ресторанов, как и во главе многих самых известных московских учреждений питания, в том числе незадолго

¹ О предполагаемой аудитории этой кулинарной книги см.: Geist E. *Cooking Bolshevik*. P. 309.

² В изданиях «Книги о вкусной и здоровой пище» 1952, 1961 и 1965 годов перечислено лишь немного русских и грузинских рецептов.

³ Основываясь на сравнении содержания двух изданий «Книги о вкусной и здоровой пище» — 1952 и 1965 годов, можно заключить, что число блюд, которые стоит с уверенностью определять как грузинские, возросло с 11 до 18.

до того открывшегося кафе «Дружба» на Кузнецком Мосту¹. На следующий год этнический армянин из Тбилиси встал во главе Мосресторантреста, а Всесоюзный научно-исследовательский институт холодильной промышленности Министерства торговли СССР, занимавшийся развитием технологий приготовления пищи, возглавил грузин из Кутаиси². Множество грузинских поваров продолжали дореволюционную традицию работы в ресторанах на российских железных дорогах и в некоторых случаях успешно переходили из региональных депо в московские рестораны³. В самой столице грузин был главой Треста железнодорожных ресторанов и буфетов Министерства торговли СССР⁴. Кроме того, в 1960-х годах система общепита начала поддерживать практику обменов, в ходе которых грузинские повара приезжали в города других советских республик, чтобы обучать своих коллег искусству приготовления грузинских блюд. В ходе такого обмена группа грузинских поваров прибыла в киевские столовые, чтобы помочь коллегам из украинской столицы подготовиться к праздничным Дням грузинской кухни. В результате в меню киевских столовых появились шашлык по-грузински, рагу чахохбили и сырный пирог хачапури⁵.

Результаты постсталинской кулинарной революции в общепите были неоднозначны. В меню столовых появлялись вкус, стиль и национальный колорит, но хронический дефицит продуктов сохранялся, а общепитовское исполнение грузинских блюд часто не соответствовало тем образам грузинской кухни, которые вставали со страниц советских кулинарных книг. Тем не менее — пусть даже рестораны, шашлычные и столовые страдали от дефицита и часто производили продукцию по заведомо более низким стандартам, чем те, что устанавливались на конференциях работников общественного питания и отражались на страницах соответствующего журнала, — советское общество было приучено к грузинской пище

¹ РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 5. Д. 444. Л. 22–138. Грузины в особенности способствовали созданию растущей сети шашлычных. Пример тому см.: Бикке Р. Мастер восточных блюд // Общественное питание. 1963. № 8. С. 44–46.

² РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 5. Д. 447. Л. 250; Д. 448. Л. 142.

³ Бикке Р. Мастер восточных блюд. С. 44.

⁴ Хубелашвили М. Подмосковный обком КПСС обсуждает вопрос об улучшении обслуживания... // Общественное питание. 1968. № 6. С. 21–22.

⁵ Финкель М. В столовых Киева — грузинские блюда // Общественное питание. 1967. № 10. С. 45.

и выработало вкус к ней¹. Советские граждане искали новых способов удовлетворить свою потребность в грузинских блюдах за пределами столовых и перенимали национальные традиции грузинского застолья в своих домах.

ГРУЗИНСКИЕ РЕЦЕПТЫ И РИТУАЛЫ В СОВЕТСКИХ ДОМАХ

Такие рестораны, как «Арагви», были дороги и недоступны многим гражданам. Московские шашлычные часто бывали переполнены, а рабочие столовые не позволяли расслабиться, поскольку времени на еду порой отводилось совсем немного, не более пятнадцати минут². Для большинства советских граждан не оставалось лучшего способа насладиться экзотическими вкусами грузинской кухни и приватными ритуалами грузинского застолья, чем перенести их в собственный дом. Грузинские блюда обрели еще более личный смысл для тех советских людей, кто сам готовил их по рецептам Кикнадзе и подавал к столу с грузинскими винами и соусами массового производства. Грузинская кухня сохраняла устойчивую этническую репутацию экзотической еды для праздничного стола, которую лучше всего вкушать под тосты тамады. В период «оттепели» и в последующие годы грузинская культура гостеприимства, в которой гость считался почти сакральной фигурой, а за столом произносились проникновенные речи, оказалась идеально подходящей для семейной жизни граждан Советского Союза, где самыми задушевными моментами были встречи друзей, собиравшихся в квартирах друг у друга и сидевших тесным кругом за кухонным столом, рассказывая истории из жизни, поднимая тосты и отмечая за едой и напитками важные события³.

Историку трудно проследить механизмы проникновения грузинской кулинарии из одной семьи в другую. Тем не менее очевидно, что по крайней мере некоторые советские граждане перенимали

¹ Подробнее о постоянных проблемах общепита см.: РГАЭ. Ф. 465. Оп. 1. Д. 203. Л. 1–120.

² Там же. Ф. 7971. Оп. 5. Д. 430. Л. 150–163.

³ О культуре встреч за кухонным столом см.: Reid S. E. The Khrushchev Kitchen: Domesticating the Scientific-Technological Revolution // *Journal of Contemporary History*. 2005. Vol. 40. № 2. P. 289–316.

традиции грузинского стола путем прямого контакта с грузинской диаспорой Советского Союза. Грузинские студенты, учившиеся в Москве, привозили со своей родины продукты и рецепты, которыми делились с русскими однокурсниками. Кулинарная слава Грузии обычно шла впереди них; одна грузинка, учившаяся в престижном медицинском институте в советской столице, вспоминала, что русские однокурсницы постоянно просили ее готовить грузинские блюда для групповых мероприятий, и отмечала, что если на вечеринке оказывался грузинский студент-юноша, то он практически всегда должен был исполнять обязанности тамады¹. Когда обычай вести застолье с помощью тамады распространился за пределы Грузии, эта роль на свадьбе или дне рождения чаще всего отводилась лучшим друзьям и армейским товарищам виновников торжества². Однако грузины, безусловно, славились как самые глубокие знатоки церемонии, и грузинский распорядитель стола оставался образцом для всех, претендовавших на роль тамады. В своих воспоминаниях советский поэт Евгений Долматовский хвалит приятеля-негрузина за то, что тот держался за столом как настоящий «грузинский тамада»³. Вероятно, с грузинским обычаем провозглашения тостов Долматовский и другие члены московского литературного и артистического сообщества познакомились из первых рук благодаря участию в бесчисленных культурных событиях и конференциях, когда в Москву приезжали грузинские интеллектуалы и артисты и когда праздники то и дело завершались долгими торжественными банкетами⁴.

В то время как грузинские блюда в 1960-х годах входили в обиход советских семей, актеры и эстрадные артисты, в большинстве своем те из них, что были грузинами, также способствовали распространению — через массовую культуру — ритуалов грузинского застолья. В дальнейшем к этим сюжетам стали обращаться и те

¹ Интервью автора с «Т.» (респондент пожелал сохранить анонимность). Москва, 17 июля 2006 года.

² Pesmen D. *Russia and Soul: An Exploration*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2000. P. 172.

³ Долматовский Е. Было: записки поэта. М.: Советский писатель, 1975. С. 403.

⁴ На одном подобном банкете стенографист зафиксировал целую серию тостов, провозглашенных грузинскими участниками мероприятия, — и ответных тостов со стороны русских хозяев. См.: Российский государственный архив литературы и искусства [далее — РГАЛИ]. Ф. 962. Оп. 21. Д. 35. Л. 16–28.

советские артисты, которые сами грузинами не были, но которых привлекала атмосфера ресторана «Арагви», становившаяся все более богемной¹. Репрезентации грузинского застолья варьировали от почти этнографического изображения грузинских деревенских пирушек в фильме Отара Иоселиани «Листопад» («*გიორგობის თვე*», 1966) до невероятно популярной кинокомедии Леонида Гайдая «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика» (вышедшей на экраны в 1967 году), где грузинские тосты трактовались в юмористическом ключе — как своего рода местная одержимость. Если черно-белый фильм Иоселиани был тепло, как шедевр кинематографического искусства, принят советской интеллигенцией, то фильм Гайдая с его эксцентричной трактовкой грузинских застольных ритуалов достиг гораздо более широкой аудитории. Сцены грузинского застолья появлялись также в фильмах грузинского режиссера из Москвы, Георгия Данелии, чья кинокартина 1969 года «Не горюй!» завершалась изображением пышного пира, устроенного для умирающего старика. Данелия построил сцену пиршества как инверсию грузинского обычая поднимать тосты в память усопших: в фильме умирающий просит произнести эти тосты, пока он еще жив и может их услышать. Грузинский режиссер наполнил свою картину образами столов, ломящихся от яств его родины, изображениями длинных тостов, которые провозглашают, поднимая рог с вином, и долгих застолий, перемежающихся песнями и танцами.

Фильм Данелии помог превратить Вахтанга Кикабидзе, актера и музыканта, сыгравшего роль тамады в кульминационной сцене пира, в звезду советского экрана. Кикабидзе, в свою очередь, содействовал популяризации института *тамадоба* своей песней «Пей до дна», которая была по сути и застольной песней, и своеобразным наставлением для советских слушателей в грузинском искусстве провозглашения тостов. Согласно этой песне, роль тамады предписывается «древним законом» Кавказа. За столом каждый должен делать то, что просит тамада, и пить «до дна». В своей песне Кикабидзе воспроизводил последовательность тостов грузинского застолья: за встречу, за объятия друзей, за хозяина, его дом и семью, за красавиц, за усопших и за здоровье живых и, наконец, за родину. Здесь Кикабидзе явно избегал этнической исключительности:

¹ Интервью автора с Шамилем Умертаевым.

хотя в представлениях советской аудитории он был тесно связан с Грузией, упоминание родины в этой песне допускало свободу трактовки — слово «родина» можно было интерпретировать и как «весь Советский Союз», и в национальном ключе. По существу, ни в одной строке песни он не называл имени своей родной республики. Тем самым Кикабидзе переосмысливал грузинский обычай тостов, воспевая его как традицию, которая может и не быть специфически грузинской, то есть превращая в подходящую для всех практику. Даже те советские граждане, которые никогда не встречали ни одного грузина, были знакомы с традициями грузинского застолья, представленными в творчестве Кикабидзе и других деятелей грузинской культуры.

Распространение грузинской кухни было следствием не только того, что из родной республики приносила грузинская диаспора, но и того, что выносили из визитов в Грузию советские туристы. Развитие туристической инфраструктуры Грузии в постсталинский период дало возможность обычным советским гражданам ощутить вкус грузинской «хорошей жизни»¹. В советских путеводителях республику рекламировали как место оздоровительного отдыха и приключений, щедрую и изобильную землю, открытую для всех граждан социалистических стран². По тем же причинам Грузия была также центром кулинарного туризма. Одной из первых достопримечательностей, которые видели советские туристы, прибывая в Тбилиси, была огромная алюминиевая статуя «Матери-Грузии», возвышающаяся над городом³. В одной руке у нее была чаша с вином, чтобы приветствовать друзей, а в другой — меч, чтобы давать отпор врагам. Таким образом, статуя одновременно ассоциировалась с воинской культурой Грузии и с ее традицией гостеприимства, отмеченной в советских туристических журналах, где утверждалось, что «с незапамятных времен нет большего удовольствия для грузина», чем «принимать в своем доме гостей». Гостеприимство

¹ О развитии советского внутреннего туризма в предшествующий период см.: Gorsuch A. E. «There's No Place Like Home»: Soviet Tourism in Late Stalinism // *Slavic Review*. 2003. Vol. 62. № 4. P. 760–785.

² См., например: Chiburdanidze D. 50 Years of Georgia // *Travel in the USSR*. 1971. Vol. 2. № 21. P. 19–21.

³ Футуристическая статуя «Матери-Грузии» была воздвигнута в 1958 году, в ознаменование 1500-й годовщины основания Тбилиси.

означало накрытые столы на грандиозных банкетах для туристов, перед которыми выступали грузинские певцы и танцоры.

Советских туристов в Грузии встречала широкая сеть ресторанов. Эти учреждения действовали в рамках всесоюзной сети общепита, но пользовались значительной региональной автономией. На конференциях работников общественного питания в Москве представители Грузии регулярно просили предоставить им особые льготы по обслуживанию туристов, приезжающих в республику «со всех концов Советского Союза», и выступали против ограничений мест продажи вина¹. По числу учреждений системы общественного питания Грузия опережала любую другую республику, а в соответствии с планами расширения этой системы, выдвинутыми в конце 1950-х — начале 1960-х годов, должна была уступать по количеству заведений общепита только России и Украине². Кроме того, лучшие рестораны Грузии демонстрировали такой уровень качества и роскоши, который редко можно было встретить за пределами Москвы и Ленинграда. В 1965 году журнал «Общественное питание» выпустил специальный номер, посвященный исключительно Грузии и подробно характеризовавший ее морские курорты, рестораны для туристов и элегантные кафе на главной улице Тбилиси — проспекте Руставели³. Авторы журнальных статей уверяли, что самые великолепные рестораны Тбилиси могут «соревноваться... с любым европейским рестораном»⁴.

Грузия, влекущая своих гостей прочь от холодного климата и будничных реалий, характерных для жизни большинства советских граждан, изображалась как земля легкодоступных чудес. Одна из статей в «Общественном питании» рассказывала о Марго Апциаури и Омаре Лебанидзе, которые днем работали в столовой, а вечером исполняли традиционные грузинские танцы в тбилисском Доме культуры⁵. Помимо танцующих работников общепита, Грузия была также родиной группы столетних певцов из Абхазии, чьи песни могли служить рекламой преимуществ здорового грузинского

¹ РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 5. Д. 472. Л. 123.

² Там же. Д. 453. Л. 155.

³ Рассказываем о Грузии // Общественное питание. 1965. № 6. С. 1–36.

⁴ Дементьева М. Труд и красота: Грузинские впечатления // Общественное питание. 1965. № 7. С. 15–16.

⁵ Имерилишвили А. И труд, и песня // Общественное питание. 1965. № 6. С. 28–29.

рациона питания. Неудивительно, что советским туристам хотелось увезти домой частицу грузинской кулинарной культуры. В одном из самых крупных ресторанов Тбилиси посетителям вручали брошюру, в которой детально воспроизводились рецепты трех самых популярных блюд ресторана, включая цыпленка табака¹. Другие советские гости могли позаимствовать рецепты при личном контакте с грузинами; когда путешественники возвращались домой, эти блюда становились частью их обычного домашнего меню. Ольга Гринкруг, выросшая в семье российских евреев, вспоминала, что двумя «фирменными блюдами» ее матери были хачапури и чахохбили; оба рецепта та привезла в Москву из поездки в Тбилиси².

За пределами туристических маршрутов традиция грузинского домашнего застолья при непосредственном знакомстве с ней не всегда представляла в исключительно позитивном свете. Гости, останавливаясь в Грузии, иногда встречались за грузинским столом с такими явлениями, которые на вкус советского человека были странными или даже отталкивающими. Спектр эмоций, выражаемых грузинским тамадой, мог быть привлекательным для одних и неприятным для других. По словам болгарского гостя, «короткие речи, которые он (грузинский тамада. — Э. С.) произносил перед этими взрослыми усатыми мужчинами, напоминали нашу манеру разговаривать с детьми и симпатичными девушками»³. Гостей, привыкших к более расслабленному стилю российских тостов, могли приводить в замешательство строгие правила поведения за грузинским столом: только тамада мог провозглашать тосты, вино ни в коем случае нельзя было потягивать понемногу — пить только во время тостов, а их произнесение и чоканье бокалами следовали в определенном порядке. В Грузии жестко определена была не только роль тамады, но и гендерные роли за столом: зачастую мужчины пировали, а женщины подавали на стол, и для женщины было бы неприемлемым произнести тост⁴. Хотя традиции застолья, характерные для этой республики, обеспечили широкий простор творчеству диаспоры грузинских кулинаров, работавших в советских

¹ Ресторан «Арагви». Тбилиси: Министерство торговли ГССР, [б. г.].

² Гринкруг О. Куриная слепота // Большой город. 2007. № 192. URL: <http://www.bg.ru/article/7072/>. Последнее посещение: 17 января 2012 года.

³ Васил Цонев (Неделя. № 533). Цит. по: Travel in the USSR. 1971. Vol. 2. № 21. P. 20.

⁴ См.: Tsitsishvili N. «A Man Can Sing and Play Better than a Woman».

городах, подобные традиции — при знакомстве с ними в местном контексте — могли иногда вызывать раздражение.

Поскольку смыслы материальной культуры множественны и изменчивы, пища и питье на грузинский манер могли восприниматься в одних случаях как одобрение политики многонационального Советского государства, а в других — как отказ от советских ценностей¹. Хотя государство приветствовало материальное изобилие и рекламировало Грузию в качестве направления кулинарного туризма, но, когда речь заходила о грандиозных показных застольях в южной республике, тогда проводилась четкая линия между празднованием и идеологически подозрительной расточительностью. Советское руководство часто критиковало огромные расходы денег на грузинские свадьбы и на грузинские поминки как «вредную традицию» и в сатирической форме изображало публичное состоятельное потребление огромного количества еды и напитков на грузинском *супра* как нежелательную особенность культуры². При своей безусловной склонности во все вмешиваться, государство тем не менее никогда не могло полностью взять под контроль разнообразное использование грузинской кухни или темы тостов, за которые грузины поднимали бокалы.

Совершая путь от родной деревни Николая Кикнадзе в Западной Грузии до центра Москвы, от сталинского пиршественного стола до семейной советской кухни, грузинская еда претерпевала изменения. Цыпленок табака потерял оттенки своего вкуса, а такие блюда, как сациви из индейки, традиционно подававшееся к новому году столу в Грузии, были вырваны из культурного контекста и стали блюдами для круглогодичного потребления³. Грузинские застольные ритуалы также изменились. Хотя практика ведения застолья с помощью тамады стала общесоюзной, ритуалы этих застолий

¹ Маннинг пишет о «дисемии» (двойственности смысла) *супра*, замечая, что он мог представлять собой предположительно «аполитичное» пространство или же воспроизводить политическую логику Советского государства. См.: Manning P. The Semiotics of Drink and Drinking. P. 149–150.

² См. материалы дискуссии, развернувшейся в 1979 году в Центральном комитете Коммунистической партии Грузинской ССР, по поводу борьбы с «вредными традициями»: Архив МВД Грузии. Отдел II. Ф. 14. Оп. 117. Д. 337. Л. 104–110. О деталях изображения *супра* с государственной точки зрения см.: Manning P. The Semiotics of Drink and Drinking. P. 148–176.

³ Советские повара также часто заменяли дефицитную индейку обычной курицей.

оказались иными, чем в самой Грузии. Порядок и тематика тостов стали делом личного выбора. Обычай российского тамады на свадебном застолье организовывать игры и забавы для гостей мог бы оскорбить в глазах грузин чувство приличия. Хотя распространение грузинской кухни имело отношение к грузинской диаспоре Советского Союза, связь между ними никогда не была устойчивой. Поощряемая некогда государством и распространяемая членами диаспоры, грузинская кулинарная культура начала жить собственной жизнью, выйдя за пределы узкой группы людей, обладающих специальными знаниями, и войдя в дома советских граждан. Грузинская еда стала теперь скорее частью советской имперской культуры, нежели исключительной принадлежностью одного народа, однако потребление этой еды все в большей мере выходило за рамки контроля со стороны государства. С самого начала кампании по созданию многонационального рациона питания государство было вынуждено опираться на уже существовавший набор национальных ингредиентов. Но по мере того как эти национальные продукты становились общедоступными, государству все труднее было контролировать то, как именно их используют и какими неожиданными способами их комбинируют советские потребители.

И все же преобладание за обеденным столом четко идентифицируемых грузинских практик застолья обеспечивало постоянную нишу для этнических грузин — кулинаров, которые по-прежнему были специалистами в деле адаптации грузинской кухни для советской публики. Грузия, далекая республика, представленная за пределами своих границ небольшой диаспорой, внесла заметный вклад в создание разнообразной советской кухни, отвечавшей запросам советской идеологии, желаниям советской публики и отражавшей сущность Советского Союза как ярко выраженной многонациональной империи. С ходом времени смысловые коннотации грузинской кухни могли меняться, но с тех пор, как она появилась в Кремле при Сталине, превратилась в элитную форму изысканной еды на волне возвращения роскоши в конце 1930-х годов и была популяризирована для масс в постсталинский период, она никогда не утрачивала значимости.

По мере своего распространения культура грузинского застолья оказалась подвержена деформациям, но, даже когда она стала общесоюзной, ее «национальная форма» оставалась узнаваемой

и по-прежнему определяла практики потребления на массовом уровне. Песня советского эстрадного артиста Вахтанга Кикабидзе, казалось бы, совсем не похожа на тост, произнесенный Сталиным, но и в этой песне, и в этом тосте воплотился тот дух доверительности, который вырос из грузинской традиции *тамадоба*. Благодаря ритуалам провозглашения тоста, доставке продуктов из Грузинской ССР и труду грузинских кулинаров повседневные привычки миллионов советских граждан необратимо изменились.

ГЛАВА 4. ЭТНИЧНОСТЬ НА ЭСТРАДЕ

Под стремительную барабанную дробь на сцене московского Концертного зала имени П. И. Чайковского с двух сторон появились грузинские танцоры. Каждого танцора-мужчину, одетого в черную чоху (верхнюю одежду кавказского воина) и вооруженного кинжалом, сопровождала женщина-танцовщица в ослепительно-белом платье, ее голову покрывала шелковая вуаль, а лицо обрамляли две длинные черные косы. Мужчины и женщины образовали на сцене черно-белые линии — сначала параллельные, потом спиральные; мужчины двигались вперед, прижав одну руку к груди, а другую вытянув в сторону, женщины же кружились, опустив чуть отведенные от тела кисти рук, и как будто плыли по сцене — движения их ног были незаметны под длинными платьями.

Внезапно ряды мужчин и женщин сомкнулись в кольцо. Как только один из танцоров-мужчин вышел в центр круга, музыка, только что зажигательная, стала гипнотической; барабан и дудуки (кавказский деревянный духовой инструмент) повторяли выразительную меланхоличную мелодию. Мужчина двигался по сцене на пальцах, стремительно перебирая ногами в такт барабану, при этом верхняя часть его тела оставалась неподвижной, а лицо — совершенно спокойным. Наконец, оказавшись рядом с одной из танцовщиц, мужчина поклонился, приглашая ее на танец. Она грациозно пришла в движение, плывя кругами по сцене с прямой осанкой, но опущенными глазами; жесты ее рук напоминали утонченную персидскую учтивость. Все ближе они друг к другу; мужчина следует

за женщиной, а она ускользает от него, и наконец они движутся вперед совершенно синхронно, при этом ни разу не соприкоснувшись¹.

Это выступление Ансамбля народного танца Грузии, состоявшееся 21 марта 1958 года, ознаменовало первый день грандиозной декады (фестиваля) грузинского искусства и литературы, которая проводилась в советской столице². Национальные костюмы и танцы воспринимались советскими идеологами как символическое воплощение национального характера, но лишь в немногих случаях национальное начало выступало столь живо, как в этом парном танце, название которого, *картули*, означало попросту «грузинский»³. Грузинский хореограф Давид Джавришвили говорил, что *картули* — это «танец-роман», выразительное напоминание о грузинских ценностях: «красоте, находчивости и ловкости»⁴. Советские критики характеризовали репертуар грузинских танцоров как «многоцветный», «яркий» и «волнующий»; по их словам, представление было проникнуто знойным солнцем родной земли исполнителей и «принесло радость» в сердца москвичей. Ссылаясь на общепринятые представления о грузинском национальном характере, критики писали, что танцоры «захватывали зрителя горячим, неудержимым темпераментом, солнечным сверканием»⁵.

Эмоциональное представление на сцене и сердечный его прием зрителями были проявлением наступившей в советской политической жизни «оттепели», которая стимулировала развитие постсталинистской массовой культуры, живой и яркой⁶. На сцене и экране «оттепель» породила новый стиль советского искусства. Если

¹ Это описание основано на видеозаписи выступления Грузинского национального балета «Сухишвили», где воспроизводится оригинальная хореография танца: Georgian National Dance Company. Tbilisi: Sukhishvili LTD, 2008.

² Декада грузинского искусства и литературы в Москве: Сборник материалов. Тбилиси: Заря Востока, 1959. С. 626–627.

³ В программе выступления танцевального ансамбля грузинский термин был приведен в кириллической транслитерации.

⁴ Джавришвили Д. Грузинские народные танцы. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1958. Цит. по: Татарадзе А. Пять грузинских танцев. Тбилиси: Хеловнеба, 1981. С. 5.

⁵ Лебанидзе Г., Николаев А. Красочный праздник весны и дружбы // Правда. 1958. 2 апреля. С. 1–2.

⁶ Название этого периода пришло из одноименной повести Ильи Эренбурга: Эренбург И. Оттепель: Повесть. М., 1954. Об истории термина см.: Bittner S. V. The Many Lives of Khrushchev's Thaw: Experience and Memory in Moscow's Arbat. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2008. P. 1–13.

в поздний сталинский период художественная жизнь была подчинена тщательно разработанным жестким идеологическим формулам, то годы «оттепели» оказались отмечены импровизацией и открытостью. Хотя высшие государственные награды по-прежнему присваивались за высокую производительность труда, независимое художественное творчество завоевывало все больший авторитет и государственную поддержку; также «оттепель» открыла новые возможности для заграничных путешествий и международного культурного обмена, поскольку советское руководство стало использовать артистов, музыкантов и танцоров как посланников народной дипломатии в годы холодной войны. Советскую литературу оживили молодые голоса и смелые обращения к теме сталинского прошлого; советские музыканты заимствовали и адаптировали западный джаз и рок; расширяющиеся возможности радиовещания и возникновение телевидения сформировали новую аудиторию и новые массовые запросы — точно так же как в Западной Европе и Соединенных Штатах того времени¹.

В контексте «оттепели» грузинская культура оказалась весьма востребованным товаром. Диаспора грузинских музыкантов, певцов и танцоров обеспечила южной республике непропорционально большую роль в формировании советской культуры и в представительстве многонациональной культуры СССР за рубежом. В 1959–1960 годах грузинские гастролирующие артисты по сравнению с артистами других советских республик дали в Советском Союзе наибольшее количество концертов в пропорции к небольшой численности населения своей родной республики и заняли третье место по общему количеству концертов, уступив в этом отношении только исполнителям из России и Украины². Опираясь на новые зарубежные веяния, грузинские артисты превратили советскую эстраду («малую сцену», на которой обычно исполнялась популярная музыка) в новаторское художественное пространство, где фольклорные мотивы сочетались с электрогитарами и ритмами рок-н-ролла³. К концу

¹ См.: *Evans C. From Truth to Time: Soviet Central Television, 1957–1985. Ph. D. diss. University of California, Berkeley, 2010.*

² РГАЛИ. Ф. 3162. Оп. 1. Д. 26. Л. 3.

³ Понятие «эстрада» включало в себя широкий спектр популярных жанров сценического искусства и противопоставлялось «большой сцене», где представлены классические жанры. См.: *Stites R. Russian Popular Culture: Entertainment and Society Since 1900. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 16–22.*

1960-х годов грузинские эстрадные исполнители давали в России больше концертов, чем представители любого другого народа Советского Союза, и вдвое больше — чем артисты из Украины и Белоруссии, вместе взятые¹.

По аналогии с успехами грузинской диаспоры в политической жизни и за накрытым столом, можно сказать, что эти сценические представления пользовались успехом, поскольку чуждость в них уравнивалась близостью. Как грузинские рестораторы смогли представить свою этническую самобытность в съедобной форме, которая вызывала аппетит у потребителей со всего Советского Союза, так и грузинские артисты преуспели в хореографическом воплощении своего национального характера через серию выразительных движений под самобытную музыку². Грузинское сценическое представление с его тщательно продуманным репертуаром, более широким, чем у других народных ансамблей, оставляло простор для разнообразных интерпретаций; грузинский танец, например, мог быть прочтен как форма национального протеста или как прославление советской власти³. Грузинские артисты опирались на хорошо развитые тбилисские учреждения культуры, где научились мастерски сочетать различные аспекты русской и грузинской культур. В отличие от большинства других республиканских культурных центров эти учреждения были старше самого Советского Союза, пользовались особой заботой со стороны государства в сталинскую эпоху и получили большую степень автономии в годы «оттепели». Советская публика приняла — а иногда даже имитировала — хореографию и музыкальность грузинских коллективов, относясь к ним как к плоду давней культурной традиции, а не как к искусственному

¹ В 1969 году грузинские эстрадные коллективы дали в России 316 концертов — больше, чем коллективы из Белоруссии (199 концертов), Литвы (164), Украины (98), Армении (74) и других республик. См.: РГАЛИ. Ф. 3170. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–57.

² Суфьян Жемухов и Чарльз Кинг ввели термин «этнокинетика» (ethnokinetics) для описания тех форм «человеческого движения, которые на локальном уровне классифицируются как существенно важные для обозначения принадлежности к коллективу». Грузинский танец в этом смысле слова свидетельствовал о принадлежности к сообществу, но также нес в себе важный набор значений для чужаков. См.: Zhemukhov S., King C. Dancing the Nation in the North Caucasus // *Slavic Review*. 2013. Vol. 72. № 2. P. 287–305.

³ Антрополог Сьюзен А. Рид описывает танец как текст, обладающий разнообразным «полисемантическим» значением. См.: Reed S. A. The Politics and Poetics of Dance // *Annual Review of Anthropology*. 1998. Vol. 27. P. 503–532.

продукту, созданному исключительно в целях поддержки государственной политики. Хотя от грузинских артистов требовалось лишь воплощать позитивный образ родной республики перед советской и международной аудиторией, они были также компетентными самоэтнографами, стремящимися определять условия репрезентации родной культуры и использующими советскую сцену для приобретения экономического и культурного капитала¹.

Культурное влияние грузинской диаспоры в годы «оттепели», пусть даже основанное на уже существовавших шаблонах, могло вызывать удивление, по крайней мере с политической точки зрения. Десталинизация, определяющая характеристика того периода, имела особо значимые последствия для грузин и Грузинской ССР. В своем секретном докладе на XX съезде КПСС 25 февраля 1956 года Хрущев заключил описание преступлений сталинизма саркастическим упоминанием о Сталине как о «великом сыне грузинского народа», заметив, что именно так «любили называть грузины своего земляка»². Содержание речи быстро распространилось в Грузии, причем в форме преувеличенных слухов. Многие жители южной республики боялись, что весь их народ станет козлом отпущения за эксцессы сталинизма и что грузинские выдвиженцы потеряют желанные возможности делать карьеру за пределами Грузинской ССР. Члены грузинской элиты считали, что их детям больше не разрешат поступать в лучшие университеты Москвы; грузинские офицеры опасались, что их будут увольнять с военной службы, освобождая посты для этнических русских, а некоторые даже пророчили высылку с родины, боясь, что сталинская логика коллективной ответственности народов теперь, по принципу отщипывания, будет применена к тому народу, к которому принадлежал Великий Вождь³. На волне таких слухов третья годовщина смерти

¹ О репрезентациях национального как об особой форме власти см.: *Shay A. Choreographic Politics: State Folk Dance Companies, Representation, and Power*. Middletown, CT: Wesleyan University Press, 2002.

² Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы / Сост.: В. Ю. Афиани и др.; редкол.: К. Аймермахер и др. М.: РОССПЭН, 2002. С. 97.

³ *Blauvelt T. Status Shift and Ethnic Mobilisation in the March 1956 Events in Georgia // Europe-Asia Studies*. 2009. Vol. 61. № 4. P. 651–668. О слухах относительно возможных депортаций участники протестных выступлений 1956 года в Грузии рассказывают в интервью, собранных в книге Льва Лурье и Ирины Маляровой: *Лурье Л., Малярова И. 1956 год. Середина века*. СПб.: Нева, 2007. С. 146.

Сталина — 5 марта 1956 года — стала поводом для массовых демонстраций в Тбилиси и других городах Грузии. Протесты были подавлены силами советских войск, что привело к гибели по меньшей мере двадцати одного человека в одном только Тбилиси¹. Тем не менее решение Советского государства расширить финансовую поддержку грузинской культуры, принятое после протестов, может быть интерпретировано как своеобразный компромисс с грузинской общественностью и — в более широком плане — как знак продолжения политики поддержки многонациональной культуры². В некотором смысле рост культурного влияния должен был компенсировать потерю политического авторитета, который совсем недавно имели грузинские кланы.

Изучение грузинского культурного влияния в период «оттепели» позволяет выдвинуть некоторые новые гипотезы о взаимосвязи этого периода с предшествующим и последующим десятилетиями. Во-первых, при обращении к грузинской культуре становится ясно, что многие культурные явления «оттепели» уходили корнями в сталинское прошлое или даже в последние годы Российской империи, — это подтверждает правоту тех исследователей, которые описывают «оттепель» как эпоху творческих интерпретаций, а не абсолютных новаций³. Во-вторых, стиль и содержание грузинских эстрадных представлений позволяют понять, что «оттепель» была временем не только усвоения зарубежных влияний, но также сопутствующей эволюции и трансформации советского внутреннего интернационализма, поскольку к использованию художественных направлений, возникших за пределами Советского

¹ Точное число жертв среди гражданского населения является предметом дискуссий, хотя в секретном докладе КГБ Грузии говорится о 21 убитом и 54 раненых. См.: Архив МВД Грузии. Отдел I. Ф. 6. Д. 159. Л. 19–26.

² Идея культурных уступок находит подтверждение в работе Р. Сунни: *Suny R. G. The Making of the Georgian Nation*. P. 304.

³ Идея о существовании культурной преемственности между «оттепелью» и сталинской эпохой или даже дореволюционной Россией согласуется с некоторыми выводами, представленными в следующей работе: *The Thaw: Soviet Society and Culture during the 1950s and 1960s* / Eds. D. Kozlov and E. Gilburd. Toronto: University of Toronto Press, 2013. Другие исследователи подвергали критике саму концепцию «постсталинского общества», поскольку находили связующие нити между эпохой позднего сталинизма и периодом, наступившим после смерти вождя. См., например: *Fürst J. Stalin's Last Generation: Soviet Post-War Youth and the Emergence of Mature Socialism*. Oxford: Oxford University Press, 2010.

Союза, исполнители подходили избирательно. Наконец, история грузинской диаспоры на советской сцене заставляет обратить внимание на достаточно долгий период художественных экспериментов, который успешно продолжался и в 1970-х годах — по крайней мере, в сфере советской популярной музыки¹. Отмечая гибкость и устойчивость репертуара грузинских коллективов, в этой главе мы выявим его исторические истоки в Грузии, проследим, как он развивался силами тех деятелей культуры, которые при Сталине освоили умение добиваться государственной поддержки, и рассмотрим, как более молодое поколение популярных советских артистов в годы «оттепели» и в последующий период вдохнуло в этот репертуар новую жизнь.

ИМПЕРСКИЙ ФУНДАМЕНТ И СТАЛИНСКИЙ ПАТРОНАТ

Вдохновленный выступлением труппы грузинских актеров тбилисского Государственного театра имени Шота Руставели, впервые приехавшей в Москву на гастроли в 1930 году, российский театральный критик в обобщенной форме выразил идеал многонациональной культуры нового социалистического государства, написав: «Представители национальных республик вовсе не наши „гости“, а вместе с нами являются хозяевами нашей страны, где устарели слова „центр“ и „окраина“»². Революция обещала устранить дистанцию между центром и периферией, отбросить прежние этнические иерархии и создать новое общество равенства. Советское руководство настойчиво продвигало культуру окраин страны, что должно было знаменовать собой демонстративный разрыв с Российской империей и существенно отличалось от практики других имперских государств. Если европейская колониальная администрация в Африке и Азии была склонна усматривать в туземных песнях и танцах нечто подозрительное с политической и моральной точки зрения и часто запрещала их или низводила в сферу ориентальной

¹ Идея «долгой оттепели» в музыке подтверждается наблюдениями Питера Шмельца: *Schmelz P. J. Such Freedom, If Only Musical: Unofficial Soviet Music during the Thaw*. Oxford: Oxford University Press, 2009. Шмельц, впрочем, в большей степени уделяет внимание композиторам-экспериментаторам, чем популярной музыке.

² Вырезки из русскоязычной прессы собрал актер Акакий Хорава: Центральный государственный архив новейшей истории Грузии. Отдел литературы и искусства. Ф. 212. Оп. 1. Д. 58.

экзотики, то советская власть отводила нерусским песням и танцам центральную роль, считая это важной характеристикой нового порядка¹. Сталинское государство побуждало нерусские культурные элиты из союзных республик обращаться к национальным темам в популярной литературе, музыке, кино и живописи. Размывая границы между фольклорной культурой и классической, границы, которые часто препятствовали распространению культуры нерусских народов, фольклорные оперы, симфонии и балеты становились элементом нового советского художественного канона.

Поскольку эти нерусские формы музыкальной культуры пользовались столь энергичной поддержкой государства, они порой рассматривались исследователями как неаутентичные конструкты советской эпохи, создававшиеся и внедрявшиеся по принципу «сверху вниз». Музыковед Марина Фролова-Уолкер подчеркивает роль центра в создании национальных консерваторий и различных музыкальных практик, особенно в республиках Средней Азии, куда «направляли архитекторов, преподавателей инструментальной музыки и вокала, композиторов, либреттистов и так далее, жестко координируя их деятельность из Москвы, — примерно так же, как могли бы направить коллектив российских инженеров и рабочих на строительство гидроэлектростанции в среднеазиатской республике»². Впрочем, такое заключение справедливо в отношении не каждой национальной республики. Если в Киргизской ССР своей оперной труппы не было вплоть до 1942 года, то в Грузии оперный театр открылся задолго до революции — в 1851 году. Еще до образования Советского Союза грузины и армяне создавали оперы на своих национальных языках — своего рода гибридные произведения, где смешивались национальный и классический европейский стили³. Более того, хотя развитие национальных музыкальных форм могло координироваться и поощряться Советским государством, национальная интеллигенция с энтузиазмом принимала эти формы и использовала их разными способами, в том

¹ Reed S. A. The Politics and Poetics of Dance. P. 506–507.

² Frolova-Walker M. Russian Music and Nationalism: From Glinka to Stalin. New Haven, CT: Yale University Press, 2007. P. 314.

³ Первой армянской оперой в Российской империи стала опера Армена Тиграняна «Ануш», написанная в 1912 году и тогда же поставленная на сцене силами любительской труппы. См.: Grout D. J., Williams H. W. A Short History of Opera. New York: Columbia University Press, 2003. P. 672.

числе и в Средней Азии¹. Пусть на них и воздействовали преобладавшие в центре течения, национальные художественные формы по своей сути были памятниками культуры, укорененными в местной почве и отражающими культурную и историческую логику родного языка и местного контекста; вопреки указанию, что советская культура должна быть «национальной по форме, социалистической по содержанию», форма и содержание, когда речь шла о художественной продукции, были неразрывно связаны и влияли друг на друга.

Репертуар грузинских эстрадных исполнителей ассоциировался с самобытными практиками повседневной жизни грузин и с присущим ей эмоциональным стилем экспансивного поведения. Антропологи Марс и Альтман считают, что грузинские мужчины в особенности жили «вечно напоказ», соперничая друг с другом за статус посредством чрезмерных проявлений потребления и гостеприимства². Эта театральность естественным образом привела к возникновению такого социального института, как грузинский театр, а пению, которым сопровождалось потребление еды и напитков во время *супра*, легко можно было придать форму стандартизированного репертуара. Разумеется, в сфере искусства, и в том числе эстрады, заметные роли отводились и женщинам-грузинкам. В какой-то мере эта тенденция отражала общепринятую структуру распределения гендерных ролей в Советской стране, где женщины были в большей степени вовлечены в культурную жизнь, чем в политическую³. Впрочем, подобная тенденция в равной мере опиралась и на длительную грузинскую культуру участия женщин в представлениях на театральной сцене и в концертных залах⁴.

¹ О профессиональных музыкантах советских времен в Средней Азии см.: Levin T. C. *The Hundred Thousand Fools of God: Musical Travels in Central Asia* (and Queens, New York). Bloomington: Indiana University Press, 1996.

² Mars G., Altman Y. *The Cultural Bases of Soviet Georgia's Second Economy*. P. 548–549.

³ Советской культурой много лет руководила Екатерина Фурцева, превратившая Министерство культуры СССР в «женское царство» на фоне остальных государственных учреждений, где доминировали мужчины. См.: Senelick L. «A Woman's Kingdom»: Minister of Culture Furtseva and Censorship in the Post-Stalinist Russian Theatre // *New Theatre Quarterly*. 2010. Vol. 26. № 1. P. 16–24.

⁴ В первые годы советской власти грузинка Тамара Церетели приобрела репутацию «самой талантливой исполнительницы цыганских песен». См.: MacFayden D. *Songs for Fat People: Affect, Emotion, and Celebrity in the Russian Popular Song, 1900–1955*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2002. P. 29–32.

Стиль исполнения, которого обычно придерживались грузинские артистки, — страстный, но сдержанный — был призван уравнивать исполнительскую манеру их партнеров-мужчин либо существовал самостоятельно; при этом грузинки исполняли песни и носили костюмы, которые отвечали сложившимся в России представлениям об экзотическом искусстве или же свидетельствовали о древних корнях грузинской культуры.

Этот самобытный репертуар с его мужской и женской формами культивировался художественным сообществом Грузии позднего имперского периода, что было частью той же самой революции в местной культуре, которая повлияла на национальные чувства первых грузинских большевиков. В конце XIX века в среде тбилисской и кутаисской интеллигенции наблюдался всплеск интереса к любым проявлениям грузинской культуры, включая полифоническое пение, свойственное грузинской народной песне, и широкий спектр танцев, характерных для разных регионов Грузии. Повторное открытие и изобретение народной культуры были частью более обширного процесса — роста национального самосознания по всей Российской империи. Однако грузинская аристократия в большей степени, чем другие националистически настроенные интеллектуалы, имела доступ не только к источникам национального вдохновения, но также к российскому императорскому двору и — в более широком смысле — к высокой культуре Российской империи. Эта особенность разительно отличала грузин от украинцев, чье дворянство было русским, от народов Прибалтики, где дворяне в большинстве своем были немцами, не говоря уже о мусульманском населении Кавказа и Средней Азии, практически не участвовавшем в культурной жизни российского двора. Первыми среди грузин, к середине XIX века, в культурную жизнь Москвы и Санкт-Петербурга вписались грузинские дворяне; затем, в конце имперского периода, их примеру последовали поднимавшиеся по социальной лестнице профессионалы, которые учились в российских консерваториях и выступали на российской сцене.

Народные песни и танцы современной Грузии — как в символическом, так и в реальном смысле — развивались в пространстве между центрами российской имперской культуры, с одной стороны, и горами и деревнями Грузии — с другой. Эту тенденцию наглядно иллюстрирует история профессионального становления

грузинского композитора поздней имперской эпохи, Захария Палиашвили. После обучения в Московской консерватории у Палиашвили проявился страстный интерес к народным песням его родной земли. В 1903 году он совершил путешествие в отдаленный грузинский горный регион — Сванетию, где собирал редкие народные песни. Сочетая этнографическую компетентность со знанием музыкальных форм высокой культуры Российской империи, Палиашвили создавал сочинения для хора и оркестра, основанные на грузинских народных мотивах¹. Кульминацией его творческой работы стала грузинская опера «Абесалом и Этери», история трагической любви, разыгрываемая в традиционных грузинских костюмах и включающая множество народных танцев, которые — в том числе и *картули* — позднее появятся на советской сцене.

В советских ансамблях песни и танца грузинский репертуар, развивавшийся в имперский период, был отшлифован для всеобщей аудитории. Выступления этих ансамблей основывались на развитой культурной мифологии, согласно которой танец является наиболее стихийным и глубоко личным воплощением национального духа. По словам Игоря Моисеева, основателя и руководителя Государственного ансамбля народного танца СССР,

в танце, как и в песне, раскрывается душа народа... В танце находит свое выражение характер и темперамент народа, его отношение к окружающему миру, духовная и материальная культура. Каждый народ создает свое самобытное искусство танца. Каждому народу присущи свой танцевальный язык, оригинальная форма выражения, манера, пластика, координация.

Иллюстрируя эти рассуждения, Моисеев обратился к грузинскому танцу как к очевидной противоположности танца российского, утверждая: «Как отличны, например, русские танцы от грузинских... понятно всем народам, независимо от их национальной и расовой принадлежности»². Акцентируя эти различия, чтобы сделать свои выступления доходчивее для новой аудитории, грузинские ансамбли напрямую обращались к сокровищнице популярных

¹ Торадзе Г. Композиторы Грузии. Тбилиси: Хеловнеба, 1973. С. 169–174.

² Моисеев И. Душа народа в танце // Вечерний Тбилиси. 1967. 12 июня.

этнографических знаний о Грузии, почерпнутых из литературы времен Российской империи¹. В художественной литературе грузинские мужчины обычно изображались как воины и умелые наездники. Грузинский Ансамбль народного танца также использовал эту тему, поставив несколько композиций, в которых мужчины представляли в жаркой битве как мастера акробатического шоу, и танец «Джигиты», посвященный прославленному мастерству кавказской верховой езды². Основываясь на литературных образах, восходивших к Михаилу Лермонтову и затем популяризированных в дореволюционных лубочных романах, постановщики часто изображали грузинских женщин как неземных принцесс; этот эффект усиливался костюмами танцовщиц и грациозной манерой скользить по сцене³.

Выросшие на базе имперских театров, любительских обществ народной песни и танца, а также на базе Тбилисской консерватории, тесно связанной с художественной жизнью Москвы, грузинские коллективы в 1930–1940-х годах оказались в центре внимания; из неславянских форм песни и танца их выступления пользовались наибольшим успехом. Если первая декада национального искусства в Москве, прошедшая в марте 1936 года, была посвящена украинской культуре, то вскоре — уже в 1937 году — последовала грузинская декада; при этом Грузия опередила, например, Азербайджан (чья декада состоялась в 1938 году), Армению (1939), Киргизию (1939) и Белоруссию (1940)⁴. Хотя Казахстан провел свою декаду национального искусства немного ранее, в мае 1936 года, но все же Казахский оперный театр был создан только в 1933 году, а награжден престижным орденом Ленина — лишь в 1958-м, тогда как Грузинский

¹ Об истоках этих представлений см.: *Layton S. Russian Literature and Empire*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994; *Ram H. The Imperial Sublime: A Russian Poetics of Empire*. Madison: University of Wisconsin Press, 2003.

² Танец «Джигиты» был представлен на сцене в 1968 году. См.: РГАЛИ. Ф. 3162. Оп. 1. Д. 769. Л. 6–7.

³ Лермонтов в стихотворении «Тамара» создал чарующий образ прекрасной, но коварной грузинской царицы. Илья Ильф и Евгений Петров включили аллюзию на стихотворение Лермонтова в свой сатирический роман «Двенадцать стульев» (М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1959), который вышел в свет в 1928 году. Об образе грузинской аристократки в массовой литературе см.: *Brooks J. When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1985. P. 214–245.

⁴ *Martin T. The Affirmative Action Empire*. P. 443; *Frolova-Walker M. Russian Music and Nationalism*. P. 313–314.

театр оперы и балета удостоился этой награды примерно в период первой декады грузинского искусства. С учетом непрестанного надзора государства за сферой культуры символический характер последовательности декад национального искусства и престиж официальных наград были в высшей степени значимы и для советских сценических коллективов, и для их аудитории.

В тот период грузинская культура существенно выигрывала и от покровительства со стороны высокопоставленных патронов. Сталин и другие грузины, ставшие ведущими политическими фигурами, принимали особенно активное участие в руководстве культурной жизнью своей родины. Сталин неоднократно одобрительно отзывался о грузинских фольклорных ансамблях и грузинской опере и сам был известен как исполнитель грузинских песен, пусть и на любительском уровне. Будучи хорошо осведомлен о вкусах Сталина, Лаврентий Берия лично курировал подготовку к первой декаде грузинского искусства, состоявшейся в 1937 году¹. Другие высокопоставленные грузинские политики покровительствовали отдельным группам артистов. Авель Енукидзе, секретарь Центрального исполнительного комитета СССР, лично помогал организовать московские гастроли Грузинского государственного театра имени Шота Руставели в 1930 году. Покровительство Енукидзе носило демонстративный характер; на фотографиях, опубликованных в официальной прессе, партийный лидер был запечатлен прогуливающимся под руку с директором театра Александром (Сандро) Ахметели². Отчасти благодаря таким покровителям грузинские артисты играли центральную роль в деле создания многонациональной советской культуры под руководством государства. Тем не менее едва ли грузинские ансамбли песни и танца получили бы столь весомую поддержку, если бы их репертуар не был так отшлифован в самом начале советского периода.

Преемственность культурных практик имперской эпохи и сталинского политического патроната можно проследить на примере биографий Ильи (Илико) Сухишвили и Нино Рамишвили, основателей Ансамбля народного танца Грузии, который изумлял московскую

¹ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 21. Д. 35. Л. 29–30.

² Из газетных вырезок, собранных Акакием Хоравой (см.: Центральный государственный архив новейшей истории Грузии. Отдел литературы и искусства. Ф. 212. Оп. 1. Д. 58). Подробнее об этих гастролях см.: Гастрольная поездка 1-го гостеатра Грузии имени Руставели. Тбилиси: Государственное изд-во ССРГ, 1930.

публику во время декады грузинской культуры 1958 года. Муж и жена, выступавшие в танцевальном дуэте, использовали патронат, чтобы развивать имперское наследие грузинской песни и хореографии. Как и предшествующее поколение деятелей культуры, Сухишвили свободно ориентировался и в грузинской, и в русской культуре¹. Родившийся в 1907 году, он работал как танцор и хореограф в московском Большом театре с 1931 по 1936 год, а затем вернулся в родную Грузию, чтобы участвовать в постановке оперы «Кето и Котэ» на сцене Грузинского театра оперы и балета. Созданная композитором Виктором Долидзе на основе написанной в XIX веке пьесы Авксентия Цагарели «Ханума», опера представляла собой легкую социальную сатиру на дореволюционный Тбилиси, где обитают разорившиеся, но гордые дворяне, богатые купцы, пронырливые свахи и веселые *кинто* — торговцы-разносчики и трикстеры грузинского рынка. Опера, в которой мастерски сочетались грузинская народная культура и космополитическая восприимчивость грузинской интеллигенции, прославилась изображением песен и танцев на грузинском застолье, базаре и свадебном пиру. Хореографом постановки был Сухишвили, а декорации выполнил Ладо Гудиашвили, художник, несколько лет проживший в Париже среди ведущих мастеров художественного авангарда². Дирижировал спектаклем Евгений Микеладзе, выпускник Ленинградской государственной консерватории, ставший впоследствии одной из ведущих фигур грузинского артистического мира³.

Сухишвили и его жена, знаменитая танцовщица из известной грузинской семьи, были не только умелыми интерпретаторами

¹ Эта характеристика жизни и творческой карьеры Сухишвили частично основана на его мемуарах, написанных на грузинском языке: *Sukhishvili I. Mogonebebi*. Tbilisi, 2008.

² В Париже Гудиашвили тесно общался с российскими художниками-авангардистами Натальей Гончаровой и Михаилом Ларионовым, а также с итальянским художником Амедео Модильяни.

³ Осуществленная Евгением Микеладзе постановка «Кето и Котэ» пережила его самого, погибшего в годы Большого террора. Пьеса Цагарели обрела второе сценическое рождение в 1970-х, когда уроженец Тбилиси Георгий Товстоногов, сын русского дворянина и грузинской певицы, исполнительницы классического репертуара, поставил на сцене Большого драматического театра в Ленинграде музыкальную комедию по этой пьесе под оригинальным названием «Ханума». О Товстоногове см.: *Smeliansky A. The Russian Theatre After Stalin* / Transl. by P. Miles. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 13–15.

самобытной национальной культуры, но и эффективными антрепренерами, искусно действовавшими в советском политическом контексте. В 1945 году, 12 июня, в соответствии с декретом Центрального комитета Коммунистической партии (большевиков) Грузинской ССР (или ЦК КП(б) ГССР) вышла директива Управления по делам искусств при Совете министров Грузинской ССР о создании Ансамбля народного танца Грузии, который стал ведущим советским фольклорным коллективом. Согласно директиве при Грузинской государственной филармонии создавалась группа из сорока танцоров, а руководителем ансамбля назначили Сухишвили¹. Эта группа была одним из самых многочисленных народных ансамблей в Советском Союзе и одним из первых фольклорных коллективов, созданных на постоянной основе и удостоенных фиксированной институциональной принадлежности. Отметим, что знаменитый хореографический ансамбль русского народного танца «Березка» был учрежден только в 1948 году². Таким образом, даже в поздний сталинский период, когда государство допускало некоторые проявления русского национализма, грузинская культура по-прежнему пользовалась политической поддержкой — не в последнюю очередь благодаря усилиям деятелей культуры и партийных лидеров, работавших в Грузии.

Действуя под эгидой Грузинской государственной филармонии, Сухишвили и Рамишвили могли рассчитывать на существенную государственную поддержку, особенно на республиканском уровне. Сухишвили был не только известным танцором, работавшим в Большом театре, но и членом партии; уже в 1946 году он напрямую обращался с письменной просьбой к Кандиду Чарквиани, первому секретарю ЦК КП(б) Грузинской ССР, требуя дополнительных дней для гастролей своего ансамбля, обеспечения особого гастрольного вагона и разрешения освободить двух ведущих танцоров от службы в Советской армии. Всего через год после создания ансамбль получил приглашения на гастроли в Москву, Ленинград, Ригу, Таллинн и другие города. Обращаясь к руководству Коммунистической партии Грузии за разрешением принять эти приглашения,

¹ Центральный государственный архив новейшей истории Грузии. Отдел литературы и искусства. Ф. 2. Оп. 3. Д. 27. Л. 229.

² Надеждина Н. С берегов Куры // Вечерняя Москва. 1967. 24 февраля.

Сухишвили, не колеблясь, взывал к национальной гордости членов партии, утверждая, что «совершенно необходимо... дать возможность широкого показа населению нашей страны грузинского народного танца»¹. Но столь тесные связи с властью предержащей не были лишены своего риска. Рамишвили оказалась вынуждена скрывать, что среди ее родственников были ссыльные грузинские меньшевики, — на это однажды во время встречи с ней в 1930-х годах зловеще намекнул Берия². В отличие от своего мужа она никогда не пыталась вступить в партию — вероятно, надеясь таким образом избежать возможной проверки.

Успешно лавируя в политическом ландшафте сталинского Советского Союза, Сухишвили и Рамишвили развивали художественный стиль, созданный более ранним поколением грузинских артистов. В выступлениях ансамбля продолжались традиции, возникшие в период возрождения грузинской народной музыки в конце XIX века, и использовался опыт работы Сухишвили в Большом театре, что просматривалось в подчеркнута балетной координации движений танцоров³. Костюмы для этого ансамбля разрабатывал еще один грузинский деятель искусства, глубоко чувствовавший оттенки российской высокой культуры, — Симон (Солико) Вирсаладзе, который впоследствии был главным художником Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова. Будучи гибридным продуктом национальной и имперской культур, Ансамбль народного танца Грузии в движении и костюмах передавал сложную и этнографическую этнографию Кавказа.

Ансамбль под руководством Сухишвили и Рамишвили, обладая исключительным уровнем мастерства, включал в свой репертуар замысловатые субэтнические и региональные вариации, окрашивая каждую из них в свои особые цвета. В дополнение к парному танцу *картули* репертуар труппы включал также *хевсурули* — танец грузинских горцев, часть хореографической «Хевсурской сюиты», где по сюжету схватку между мужчинами из горной деревни прерывает женщина, бросая наземь между воинами свой головной

¹ Архив МВД Грузии. Отдел II. Ф. 14. Оп. 20. Д. 177. Л. 27.

² Как она рассказывала, на кремлевском банкете в конце 1930-х годов Берия заметил, что все члены семьи Рамишвили были «меньшевики», которых «надо было расстрелять» (*Sukhishvili I. Mogonebebi*. С. 31).

³ РГАЛИ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 3111. Л. 1–14.

платок, а за этим внезапно следует акробатическая битва на кинжалах между танцорами-мужчинами. Другие танцы отражали городскую повседневность дореволюционного Тбилиси: танец *карачохели* изображал *кинто* в черно-белой одежде, вдохновенно демонстрирующих свои шутки и хитрости, чередуемые с тостами и сценками кутежа. Каждому танцу соответствовали особые костюмы, выполненные по эскизам Вирсаладзе и передающие разнообразие регионов Грузии — от цветных одежд жителей Аджарии, грузинского Черноморского побережья, до длинных бурок и мохнатых папах горных пастухов с севера Грузии.

Адаптация и кодификация национальной хореографии, поставленной на службу Советской империи, подразумевала организацию представлений преимущественно для русской публики. Тем не менее такие артисты, как Сухишвили и Рамишвили, были искренне преданы делу внедрения грузинских фольклорных традиций в сферу высокой культуры и ради достижения этой цели с готовностью боролись за новую аудиторию и дальнейшую государственную поддержку. Отстаивая свои интересы в советский период истории, грузинские ансамбли песни и танца обеспечили своей национальной культуре всесоюзную известность, а своим артистам — престиж и материальные выгоды.

ПЕРЕСМОТР ГРУЗИНСКОГО РЕПЕРТУАРА ПОСЛЕ СМЕРТИ СТАЛИНА

Ансамбли грузинской песни и танца обеспечили себе место на советской сцене, опираясь на уже существовавшие традиции. Конечно, с учетом особого покровительства со стороны сталинского государства их известность можно расценивать и как отражение властных позиций Сталина и Берии, как отражение особого статуса Грузии в советской имперской иерархии. Поэтому в массовых протестах, которыми встретили в Грузии в 1956 году десталинизацию, выразилось и немалое беспокойство о том, какое место займет грузинская культура в постсталинском государстве.

Когда десятки тысяч грузин вышли на улицы Тбилиси, их объединяли и память о смерти Сталина, и энергичная защита грузинской национальной культуры. Собравшиеся толпы пели грузинские песни, из которых одни считались любимыми песнями Сталина,

а другие явно выражали националистические идеи — например, «Дидеба», государственный гимн меньшевистской Грузии¹. Василий Мжаванадзе, незадолго до того назначенный первым секретарем ЦК Компартии Грузинской ССР (карьеру он сделал на Украине, под началом Никиты Хрущева), предпринял попытку успокоить толпу, обратившись к ней с примирительной речью. Попытка тем не менее оказалась, по рассказу очевидца, на грани провала, когда Мжаванадзе начал свое выступление с русского слова «товарищи», ненадолго переключился на неуверенную грузинскую речь, а затем, сказав всего лишь несколько слов, опять вернулся к русскому языку. Эдуард Шеварднадзе, который в то время был главой комсомольской организации Кутаиси, рассказывал, что плохое владение Мжаванадзе родным языком вызвало у собравшейся толпы саркастический смех². Поддержка самобытного языка и культуры Грузии была той идеей, которая сплачивала довольно хаотичное объединение протестующих, имевших самые разнообразные политические взгляды.

Доклад, составленный Центральным комитетом КПСС в Москве по итогам массовых демонстраций, содержал детально описанные примеры более агрессивных проявлений национализма в Грузии — включая обращенные к этнически русским «оккупантам» призывы покинуть республику и угрозы насилием в адрес русских и армянских жителей Грузинской ССР³. Согласно докладу, во многих случаях местные партийные чиновники терпимо относились к таким националистическим лозунгам и даже молчаливо поддерживали их. После насильственного подавления протестов Центральный комитет рассмотрел ряд возможных ответных мер в связи с кризисом в Грузии, но в конечном итоге пошел на уступки, состоявшие в том, чтобы умиротворить националистические настроения путем государственной поддержки грузинской культуры. Большинство местных партийных чиновников в Грузии сохранили свои посты, хотя их действия теперь подвергались усиленному надзору со стороны центра; так, в 1962 году из партии исключили

¹ Об этом пении говорилось в донесении КГБ, отправленном в Москву и опубликованном в работе Лурье и Маляровой: *Лурье Л., Малярова И.* 1956 год. С. 156–158.

² См. интервью с Эдуардом Шеварднадзе: Там же. С. 137–138.

³ Российский государственный архив новейшей истории [далее — РГАНИ]. Ф. 5. Оп. 3. Д. 60.

нескольких членов региональной партийной организации в Аджарии, поскольку они штрафовали друг друга за использование в повседневной речи русских слов вместо грузинских эквивалентов¹. В то же время энергично продвигались те идеологически приемлемые формы грузинской культуры, которые были понятны всесоюзной аудитории. Ансамбль народного танца Грузии под руководством Сухишвили и Рамишвили выступал на центральных сценах страны в ходе декады грузинского искусства, проходившей в 1958 году, и даже был снова приглашен в Москву, чтобы выступить в 1961 году на XXII съезде КПСС². Хотя некоторые члены партии могли быть недовольны тем, что нерусское население по-прежнему сохраняет свое влияние, государство в тот период действительно стало более широко продвигать идею многонациональной культуры³. Это решение было одновременно идеологическим и стратегическим: помимо беспорядков в Грузии, партии пришлось иметь дело с последствиями народного восстания 1956 года в Венгрии и с угрозой активизации националистических настроений в республиках Прибалтики⁴.

Таким образом, идея внутреннего разнообразия советской культуры пережила сталинизм и фактически даже стала шире пропагандироваться. В первые годы после смерти Сталина наблюдалось быстрое увеличение числа фестивалей национального искусства, «праздников дружбы», выступлений артистов из национальных республик на открытых эстрадах в парках и в заводских цехах⁵. Хотя Москва по-прежнему считалась, по словам одного грузинского артиста, «городом ведущих мастеров сцены», подобные фестивали проводились теперь по всему Советскому Союзу, что было частью

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 222. Л. 38–46.

² Центральный государственный архив новейшей истории Грузии. Отдел литературы и искусства. Ф. 80. Оп. 1. Д. 1020.

³ О сторонниках русского национализма в рядах партии см.: *Митрохин Н.* Русская партия: Движение русских националистов в СССР 1953–1985 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

⁴ О событиях марта 1956 года в Грузии в более широком контексте см.: *Smith J.* Red Nations: The Nationalities Experience in and after the USSR. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 200–204.

⁵ Например, Дни культуры и искусства Советской Грузии в Москве, состоявшиеся в 1967 году (см.: *Прекрасная культура советской Грузии // Вечерний Тбилиси.* 1967. 14 июня).

возобновленного процесса художественного обмена, стимулировавшего распространение культуры за пределами столицы¹. Также предпринимались попытки более равномерно распределять ресурсы между республиками и поднять другие национальные ансамбли на высокий уровень, достигнутый грузинскими коллективами. Пользуясь обновленной государственной поддержкой, танцоры из Азербайджана отправлялись на гастроли на Дальний Восток, хоры из Белоруссии давали концерты в Ташкенте, а в радиоэфире звучали симфонии, основанные на армянских народных мелодиях.

Внутренний интернационализм теперь был также более тесно переплетен с деятельностью государства на ниве народной дипломатии. Хотя период «оттепели» справедливо ассоциируется с растущей популярностью западного джаза и рока в Советском Союзе, культурный обмен шел и в противоположном направлении — свою роль в этом играли советские ансамбли песни и танца. В 1950-х годах танцы народов СССР вызывали неподдельный интерес за рубежом; появление в социалистических странах Восточной Европы фольклорных ансамблей, созданных по советскому образцу, было предсказуемым, — но подобные народные коллективы возникли также в Греции, на Филиппинах, в Мексике, Турции и Иране². Даже в Соединенных Штатах в 1958 году с успехом прошло турне Ансамбля народного танца СССР под руководством Игоря Моисеева, и этот коллектив выступил в телевизионном шоу Эда Салливана³.

Хотя советское руководство стремилось сбалансировать модель многонациональной культуры, оказывая все большую поддержку другим национальностям, грузинский сценический репертуар был более развит и доказал свою способность адаптироваться к меняющимся потребностям государства. В числе неславянских танцев ансамбля Игоря Моисеева только грузинский танец «Хоруми» отличался этнографической достоверностью: в отличие от узбекского танца «Хлопок» или вдохновленного азербайджанскими мотивами танца «Чабаны» он носил национальное название и выглядел аутентичным даже в исполнении ансамбля, большинство артистов

¹ Важную роль Москвы отмечал грузинский театральный режиссер Роберт Стурца, выступая на фестивале грузинской культуры в советской столице в 1982 году (см.: Дни Грузии в Москве. Тбилиси: Хеловнеба, 1982).

² Shay A. Choreographic Politics. P. 10.

³ Ibid. P. 59.

которого были русскими¹. Грузинская культура с ее давними художественными корнями и широким диапазоном форм могла быть представлена как вневременная и при этом безусловно современная по своей актуальности. Игорь Стравинский в 1966 году писал, что грузинское полифоническое пение является «традицией активного исполнения музыки, идущей от древности», но тем не менее для музыкального мира оно может дать «больше, чем все приобретения новой музыки». Грузинские ансамбли охотно воспользовались этой похвалой со стороны одного из ведущих советских композиторов и цитировали Стравинского в своих рекламных публикациях².

В годы «оттепели» выступления ансамбля под руководством Сухишвили и Рамишвили стали непременным атрибутом официальных церемоний внутри страны и средством демонстрации гармоничного содружества советских народов перед зарубежной аудиторией. Помимо незабываемых выступлений в московском Большом театре и в миланском Ла Скала, труппа принимала участие в идеологически окрашенных советских праздничных мероприятиях и к 1971 году ежегодно давала 20–30 концертов в колхозах, 10–20 — на строительных площадках и 20–30 — в советских «промышленных регионах»³. Притом что ансамбль был важной советской организацией, им успешно руководила семейная династия Сухишвили — Рамишвили, и в Грузии в обыденной речи его часто называли «Сухишвилеби» (семья Сухишвили). Сын Илико Сухишвили и Нино Рамишвили, Тенгиз Сухишвили, стал членом ансамбля в 1953 году, когда ему было двенадцать лет; после ухода родителей на заслуженный отдых он начал руководить ансамблем, в который к тому времени поступила его жена, а затем — и их дети⁴.

Успех труппы Сухишвили и Рамишвили становился стимулом для создания новых коллективов. В Грузии на региональном уровне возникали новые ансамбли песни и танца, и даже небольшие

¹ Об истории ансамбля Игоря Моисеева и его репертуаре см.: *Шамина Л., Моисеева О. Театр Игоря Моисеева*. М.: Театралис, 2012.

² Интервью с И. Стравинским // *Советская музыка*. 1966. № 12. С. 132; слова Стравинского цитируются в рекламном буклете ансамбля «Рустави» — см.: Центральный государственный архив новейшей истории Грузии. Отдел литературы и искусства. Ф. 44. Оп. 3. Д. 24.

³ Центральный государственный архив новейшей истории Грузии. Отдел литературы и искусства. Ф. 80. Оп. 1. Д. 1020.

⁴ Там же.

группы добивались всесоюзной известности. В 1968 году грузинский композитор Анзор Эркомаишвили вместе с Ревазом Мориладзе, региональным чиновником из сферы культуры, основал ансамбль песни и танца за пределами Тбилиси, в промышленном городе Рустави¹. Ансамбль «Рустави», как и коллектив под руководством Сухишвили и Рамишвили, опирался на дореволюционные музыкальные традиции. Эркомаишвили был наследником длинной династии музыкантов и интеллектуалов дореволюционных времен, собиравших и исполнявших народные песни сельской Грузии². Он был тесно связан с тбилисским сообществом музыкантов, игравших классическую музыку, поскольку в 1961 году основал грузинскую вокальную группу «Гордела» под эгидой Грузинской филармонии. Эркомаишвили был не только композитором, но также ученым, профессором, специализирующимся в сфере этномузыковедения, что служило гарантией аутентичности исполнения грузинских народных песен. Ансамбль под руководством Эркомаишвили, начавший с выступлений в Грузии, успешно гастролировал по всему Советскому Союзу. В 1976 году, менее чем через десять лет с момента основания, ансамбль выступал в Кремлевском дворце. Ведущий солист этого коллектива, Гамлет Гонашвили, впоследствии стал самым известным исполнителем традиционных грузинских песен в Советском Союзе³.

К концу 1960-х — началу 1970-х годов грузинские ансамбли почти ежегодно выступали в каждой советской республике, а сама Грузинская ССР принимала на сценах и в концертных залах ансамбли народной песни и танца со всего Советского Союза⁴. Приблизительно в то же самое время советские граждане охотно комментировали хореографическое воплощение национального характера в другой сфере, которая с появлением телевидения привлекла еще большую аудиторию, — в футболе⁵. На поле грузинские футболисты

¹ Там же. Ф. 44. Оп. 3. Д. 24.

² Там же. Об истории своей семьи он написал в мемуарах: *Erkomaishvili A. khma utснаuri*. Tbilisi: Sakartvelo, 1999.

³ Центральный государственный архив новейшей истории Грузии. Отдел литературы и искусства. Ф. 44. Оп. 5. Д. 16, 72.

⁴ РГАЛИ. Ф. 3170. Оп. 1. Д. 102. Л. 1–53.

⁵ О советском футболе в телевизионную эру см.: *Edelman R. Playing Catch-Up: Soviet Media and Soccer Hooliganism, 1965–75 // The Socialist Sixties: Crossing Borders in the Second World / Eds. A. E. Gorsuch and D. Koenker. Bloomington: Indiana University*

смогли воплотить отчетливо этнический стиль игры, построенный на тех же «красоте, находчивости и ловкости», которыми славился грузинский танец. Грузинский футбол и грузинский танец имели общую мифологию, которую использовали и учредители спортивных команд, и хореографы. Официальный буклет тбилисской футбольной команды «Динамо» содержал дружеские шаржи на звезд грузинского футбола, где те поют во время акробатических прыжков за мячом; один из шаржей изображал Автандила Гогоберидзе, бомбардира команды, делающим характерные для *картули* движения и балансирующим при этом на мяче¹. Сам Гогоберидзе поощрял подобные изображения, описывая грузинский стиль игры как страстный, родственник балету, как атлетическую форму искусства. «Вдохновение», писал Гогоберидзе, нужно «не только поэтам и артистам — оно нужно каждому», и своим успехом тбилисское «Динамо» обязано свойственной игрокам «любви к импровизации»². Сравнение грузинского футбола с танцем имело и обратную силу: во время декады грузинского искусства 1958 года в Москве Ансамбль народного танца под руководством Сухишвили и Рамишвили представил зрителям новый номер, изобретательная хореография которого включала проходы танцоров с мячом, ассоциируемые с «красивой игрой»³. Грузинский футбол предстал как новое воплощение врожденного артистизма грузин и способствовал дальнейшей популярности репертуара грузинских коллективов.

Грузинская национальная хореография все в большей степени предназначалась не только для внутренней, но и для зарубежной аудитории — в связи с тем, что в восточноевропейских странах

Press, 2013. P. 268–286; Zeller M. «Our Own Internationale», 1966: Dynamo Kiev Fans Between Local Identity and Transnational Imagination // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2011. Vol. 12. № 1. P. 53–82.

¹ Думбадзе Н., Карчава М., Болквадзе З., Пирцхалава Г. «Динамо» Тбилиси. Тбилиси: Союз журналистов Грузии, 1960.

² Гогоберидзе А. С мячом за тридевять земель. Тбилиси: Союз журналистов Грузии, 1965. С. 57–58.

³ Декада грузинского искусства и литературы в Москве. С. 247. Термин «красивая игра» вошел в международную лексику после победы сборной Бразилии на чемпионате мира по футболу 1958 года — как приблизительный перевод португальского выражения «jogo bonito» (см.: *Giulianotti R. Football: A Sociology of the Global Game*. Cambridge: Polity Press, 1999. P. 26). С точки зрения многих советских комментаторов, грузинский стиль игры напоминал «красивую игру» успешных южноамериканских команд.

советского блока проводились фестивали «дружбы», а достижения советской культуры стали рекламироваться в Азии, Африке и Латинской Америке как часть советской модели развития¹. Ориентируясь на эту зарубежную аудиторию, руководители советских музыкальных коллективов собрались в ноябре 1960 года, чтобы обсудить реорганизацию и усиление Госконцерта — центральной государственной концертной организации Советского Союза. По их словам, они стремились «способствовать укреплению и расширению культурного сотрудничества между СССР и зарубежными странами... и показывать народам этих стран достижения многонациональной по форме и социалистической по содержанию культуры Советского Союза»². Партийных чиновников обязывали содействовать пропаганде творчества советских артистов и музыкантов, а Госконцерту было дано указание тесно сотрудничать с Министерством культуры, чтобы повысить качество концертных выступлений за пределами Советского Союза³.

В Восточной Европе грузинские коллективы должны были подтверждать тезис советской пропаганды о процветании культуры национальных меньшинств в централизованном социалистическом государстве; в развивающихся странах те же коллективы должны были служить опровержением критических заявлений, что советское влияние — это не более чем новая форма европейского империализма. Грузины — легко идентифицируемая этническая общность, наглядно воплощающая собой переплетение разнообразных культур на Кавказе, — могли представлять нерусские народы СССР на международных культурных мероприятиях и фестивалях или же участвовать в более адресной культурной дипломатии. Советское руководство, отвечавшее за сферу культуры, посылало ансамбли армянской песни и танца выступать в Ливане, где существовала значительная армянская диаспора, а азербайджанские ансамбли — в Иран, где азербайджанцы составляли самое многочисленное национальное меньшинство⁴. Грузинские ансамбли выступали не только перед родственными им этническими группами (например, перед лазами, проживавшими на Черноморском побережье

¹ РГАЛИ. Ф. 3162. Оп. 1. Д. 297. Л. 1–72.

² Там же. Д. 33. Л. 1.

³ Там же. Л. 2–8.

⁴ Там же. Д. 1471. Л. 1–50.

Турции) — они успешно создавали в своих этнографических представлениях собирательный образ Кавказа. В Турции грузинские народные ансамбли пели песни на лазском языке (близкородственном грузинскому), а также на абхазском и черкесском, адресуясь к двум другим группам кавказских народов, представленным в Турции значительным по численности населением¹. Настороженно относясь к тем советским диаспорам, чья родина находилась за пределами Советского Союза, советские чиновники не колеблясь использовали собственных эстрадных артистов разных национальностей, чтобы привлекать симпатии диаспор в зарубежных странах.

Благодаря высокому уровню своего профессионализма грузинские ансамбли имели возможность выезжать на гастроли также в страны Западной Европы и в Соединенные Штаты — привилегия, которую могли получить столичные коллективы (например, ансамбль под руководством Моисеева), но которой редко удоставались республиканские ансамбли. В 1970-х годах ансамбль под руководством Сухишвили и Рамишвили давал концерты в ФРГ, Австрии, Бельгии, Нидерландах и Швейцарии². Грузинский ансамбль «Гордела» в 1974 году гастролитировал по США и выступил с серией концертов в Карнеги-холле; на всех концертах аудитория аплодировала исполнителям стоя³. В докладе для Госконцерта, написанном по итогам тура одним из грузинских руководителей ансамбля, было оптимистически замечено: «Несмотря на языковой барьер, американская публика сделала все, чтобы выразить свое теплое отношение к артистам и к Советской стране»⁴. Артисты ансамбля даже были приглашены на ужин, устроенный Джорджем Баланчиным, знаменитым грузинским эмигрантом, который получил профессиональную подготовку в Мариинском театре Санкт-Петербурга и стал одним из основателей труппы «Нью-Йорк Сити Балле». Как и в случае гастролей коллектива в Турции, между строк доклада просматривались противоречия политики Советского Союза по отношению к своим диаспорам: тот факт, что грузинский ансамбль свободно путешествовал по миру, тогда как множество

¹ РГАЛИ. Ф. 3162. Оп. 1. Д. 755. Л. 16–21; Д. 1675. Л. 11.

² Там же. Оп. 2. Д. 1198. Л. 1–4.

³ Там же. Д. 68. Л. 3–4.

⁴ Там же. Л. 4.

евреев были лишены права эмигрировать из СССР, побудил Лигу защиты евреев, штаб-квартира которой находилась в США, организовать пикеты возле нескольких концертных залов¹.

Признанием репутации, которую в условиях холодной войны приобрела за рубежом грузинская культура, стало то, что в 1977 году грузинская народная песня «Чакруло» оказалась в числе музыкальных произведений, чьи записи были отправлены в космос на космическом аппарате «Вояджер»; миссией данного аппарата было передать информацию о человеческой цивилизации «братьям по разуму» во Вселенной². Грузинские певцы и танцоры, которых теперь можно было увидеть во всем мире и даже услышать в космосе, в течение всего этого периода сохраняли прочную институциональную поддержку в своей родной республике. В Тбилиси членам государственных ансамблей выделяли квартиры в центре города и предоставляли для репетиций лучшие помещения. Грузинская ССР обеспечивала завидную базу для грузинской диаспоры деятелей в сфере культуры и могла способствовать дальнейшим новациям в культурном репертуаре.

ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ СЦЕНИЧЕСКОГО ФОЛЬКЛОРА

С конца 1950-х годов грузинская популярная музыка в мире советской эстрады все более вовлекалась в соревнование с зарубежной культурой. Притом что ансамбли народной песни и танца пользовались покровительством государства как коллективы истинно советских мастеров культуры, партийные идеологи были не столь уж уверены в том, как следует относиться к джазу, року и популярным в дореволюционной России цыганским песням. В годы «оттепели», когда росло влияние новых форм популярной музыки, эстрадные артисты Советского Союза, специализировавшиеся в этническом репертуаре, заимствовали западные ритмы джаза и рока и сочетали их с национальными темами. Тем самым они участвовали в создании устойчивых, но открытых для инноваций форм многонациональной эстрадной музыки, приемлемых с идеологической точки зрения и в то же время популярных у советской аудитории.

¹ Там же. Л. 5.

² Торадзе Д. Яркое музыкальное произведение // Вечерний Тбилиси. 1976. 26 октября.

Частым предметом дискуссий между советскими концертными организациями была неоднозначная позиция государства по отношению к рок-н-роллу. Этот жанр первоначально игнорировали, пока наконец в годы «оттепели» советские идеологи не признали, что «эстрада... основательно вошла в быт» советских граждан¹. Поскольку запретить музыкальный стиль было невозможно, рок следовало сделать советским, и это означало, что в него надо привнести советские фольклорные мотивы. В соответствии с логикой внутреннего интернационализма глава Госконцерта заявил в 1966 году, на встрече с организаторами концертов: «Наша эстрада должна иметь свое собственное лицо, которое... могло бы противопоставить развитие эстрадного искусства в наших [социалистических] странах влиянию западного искусства»². Чтобы вдохнуть советскую идентичность в популярную музыку, такую как рок, существовал проверенный способ: пронизать эту музыку этническими мотивами и связать с культурой народов Советского Союза. Данная практика опиралась на уже существовавшую систему организаций в сфере национальной культуры и была воспринята артистами из национальных республик с большим интересом.

Историки, занимающиеся изучением советской культуры, вплоть до недавнего времени проводили резкую разграничительную линию между живой, творческой, интернациональной художественной культурой периода «оттепели» и — подавленной, однообразной и изолированной культурной жизнью в эпоху брежневского застоя³. Тем не менее, проводя столь четкое различие между периодами, обычно упускают из виду, что брежневское время характеризовалось расцветом популярной музыки, не говоря уже о бурно разрастающейся теневой экономике и о выходе

¹ РГАЛИ. Ф. 3162. Оп. 1. Д. 297. Л. 47.

² Там же. Д. 298. Л. 17.

³ Стайтс в своей работе «Массовая культура в России» прослеживает различия между хрущевской «весной» (с 1953 по 1964 год) и «брежневскими культурными войнами» (с 1964 по 1984 год): *Stites R. Russian Popular Culture*. Катерина Кларк приходит к сходному заключению — что отставка Хрущева в октябре 1964 года знаменовала «конец эпохи культурной либерализации»: *Clark K. The Soviet Novel: History as Ritual*. Bloomington: Indiana University Press, 2000. P. 234. [На русском языке см.: Кларк К. Советский роман: история как ритуал / Пер. с англ.; под ред. М. А. Литовской. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2002. С. 201. — *Примеч. пер.*]

на экраны мудрых и ироничных фильмов¹. Вместо того чтобы стагнировать после состоявшейся в 1964 году отставки Хрущева, мир советской эстрады только выиграл от логистической децентрализации и благодушного пренебрежения в брежневскую эпоху. Хотя в годы «оттепели» наблюдалось возраставшее влияние зарубежных музыкальных стилей, это была также эпоха агрессивной политики государства в сфере культуры. Хрущев делал громкие заявления о том, какие формы искусства он принимает или не принимает, публично пожаловавшись, например, в 1963 году: «Бывает такая музыка [джазовая], от которой тошнит, возникают колики в желудке...»² Даже в первые годы «оттепели» предпринимались попытки усилить государственный контроль над бессистемной советской концертной деятельностью — теперь эстрадные представления были теоретически подчинены централизованному контролю со стороны Госэстрады, государственной организации, — и увеличить возможности государства влиять на музыкальную продукцию. Брежнев, напротив, был не склонен придавать большое значение своим музыкальным предпочтениям, и относительная небрежность централизованного контроля сделала возможным то, что появились новые покровители музыкальных коллективов, в том числе такие, как предприятия и высшие учебные заведения.

В брежневский период советская публика толпой ломилась на выступления азербайджанских джазовых исполнителей Вагифа Мустафа-заде и Рафика Бабаева, которые часто выступали вместе

¹ В своей работе «Советский роман» Кларк фокусирует внимание, что естественно, на литературе. Нэнси Конди также настаивает на первостепенной важности литературы, замечая при этом, что сам термин «оттепель» был взят из литературного произведения. См.: *Condee N. Cultural Codes of the Thaw // Nikita Khrushchev / Eds. W. Taubman, S. Khrushchev, and A. Gleason. New Haven, CT: Yale University Press, 2000. P. 138–159.* Тем не менее, если использовать понятие «оттепель» как метафору культурной либерализации в более широком смысле и вовлечь в сферу исследования кинематограф, музыку и изобразительное искусство, это потребует новых хронологических рамок — важное замечание, которое делает Шмельц (*Schmelz P.J. Such Freedom, If Only Musical*).

² *Starr F.S. Red and Hot: The Fate of Jazz in the Soviet Union. New York: Limelight Editions, 1985. P. 270.* [На русском языке см.: Хрущев Н. С. Высокая идейность и художественное мастерство — великая сила советской литературы и искусства // Хрущев Н. С. Высокое призвание литературы и искусства. М.: Правда, 1963. С. 167–234. — Примеч. пер.]

с азербайджанскими эстрадными певцами Рашидом Бейбутовым и Муслимом Магомаевым, сочетавшими модальный лад азербайджанского музыкального стиля *мугам* с джазовыми ритмами и инструментальной. Другие, в особенности младшее поколение, вступившее во взрослую жизнь в конце 1960-х и в 1970-х годах, следили за творчеством белорусской фольклорной рок-группы «Песняры», участники которой выступали в красочных сценических нарядах из синтетической ткани, напоминавших национальный белорусский костюм. Официально признанные и не признанные группы из Эстонии, игравшие прогрессивный рок, добились культовой популярности, исполняя композиции на эстонском и русском языках¹. Как можно видеть, многие популярные музыкальные исполнители были нерусскими; к тому же самые новаторские в художественном отношении фестивали рока и джаза нередко проводились не в центре страны, а в Баку, Риге, Таллинне, Ереване или Тбилиси. Иногда в столицах союзных республик деятелям культуры предоставлялось больше творческой свободы, вдобавок там артистам достаточно было заключить договор только с республиканской концертной организацией (в отличие от Москвы, где приходилось иметь дело с соперничающими организациями всероссийского и столичного уровня — Росконцертом и Москонцертом²). В союзных республиках также были свои национальные школы исполнителей, в том числе и более развитого уровня, чем российские. Например, в 1920–1930-х годах в независимой Эстонии появился свой джаз-банд — один из первых в Европе; после присоединения государств Прибалтики к Советскому Союзу эстонские музыканты получили признание в мире советского джаза³. Такая ситуация была типична и для социалистических стран Центральной Европы, например для Венгрии, чьи артисты, опираясь на традиции ночных клубов и театров межвоенного Будапешта, стали ведущими эстрадными исполнителями

¹ В их числе были такие группы, как «Апельсин», «Караван», «Радар», «Рок-Отель» и «Рух»; см. о них: Troitsky A. Back in the USSR: The True Story of Rock in Russia. London: Omnibus Press, 1987. [На русском языке см.: Троцкий А. Рок в Союзе: 60-е, 70-е, 80-е. М.: Искусство, 1991. — Примеч. пер.]

² Два концертных агентства, базировавшиеся в Москве, постоянно вступали в конфликты. См., например: ЦГА Москвы. ОХД. Ф. 429. Оп. 1. Д. 2169. Л. 1–4.

³ Starr F. S. Red and Hot. P. 229–230.

в Советском Союзе¹. Тем не менее Госконцерт по-прежнему делал упор на пропаганду музыки народов СССР.

В Грузии было множество артистов, свободно ориентирующихся как в фольклорной культуре своей республики, так и в имперской культуре советской столицы. Благодаря этому культурному билингвизму грузины доминировали в мире эстрады во всех ее формах — от баллад и дореволюционных романсов до джаза, грузинского фольклорного рока и психоделической рок-оперы. Грузинские артисты не только творчески перерабатывали привычные формы национальных эстрадных представлений, но и, по словам чиновников от культуры, умело придерживались «очень тонкой, тем не менее вполне четкой художественной грани» между идеологически допустимым и недопустимым, чем обеспечили себе заметное место на советской эстраде². В обмен на соблюдение принципов советской культурной политики их альбомы выпускали большими тиражами и предоставляли им доступ к огромной аудитории государственного радио- и телевидения.

К концу 1960-х годов Грузинская филармония содержала небольшое число вокально-инструментальных ансамблей (ВИА), которые были советским ответом рок-бандам. Притом что по сути это была попытка государства ассимилировать наиболее угрожающие аспекты рок-музыки, вокально-инструментальные ансамбли обрели истинную популярность; на их деятельность в равной мере влияли западная музыка, фольклорные традиции и творчество маститых советских композиторов³. Участники ВИА стали официально признанными эстрадными звездами, которых можно было увидеть в кино и в передачах советского телевидения. Они вносили вклад

¹ Когда в 1972 и 1973 годах грузинская эстрадная группа «Иверия» приезжала с гастролями в Венгрию, руководитель группы сообщал, что они были тепло приняты венгерской публикой — самыми суровыми критиками, поскольку «в Венгрии выступают лучшие исполнители эстрадного жанра со всего мира» (РГАЛИ. Ф. 3162. Оп. 1. Д. 1410. Л. 56–59).

² Фраза из статьи, опубликованной в астраханской газете «Волга» от 15 сентября 1965 года и одобрительно процитированной на совещании руководителей концертных организаций (см.: Там же. Д. 297. Л. 16).

³ Страстные поклонники подпольного советского рока в большинстве своем саркастически отзывались о музыке советских ВИА, считая их искусственно насажденными, идеологически одобряемыми и чересчур сентиментальными. Тем не менее рок-критик советского периода Артемий Троицкий признает, что альбомы группы Стаса Намина «Цветы» были «первыми советскими рок-пластинками»

в формирование эстрадной культуры, которая была одновременно прогрессивной в художественном отношении и ностальгически привязанной к фольклору народов СССР.

Самый известный эстрадный коллектив Грузии, «Орэра», стал также и первым вокально-инструментальным ансамблем, официально зарегистрированным в Советском Союзе. Группа была неформально создана в том же, 1958-м году, когда Ансамбль народного танца Грузии вышел на сцену в ходе декады грузинского искусства в Москве. Основателями «Орэры» были молодые студенты Тбилисского государственного педагогического института иностранных языков: Роберт Бардзимашвили (руководитель ансамбля, изучавший в институте французский язык), Теймураз Давитая (студент, ранее уже добившийся известности как исполнитель грузинских танцев) и их сокурсник Зураб Яшвили. Вскоре к ансамблю присоединился еще один студент Института иностранных языков — Вахтанг Кикабидзе, а также Нани Брегвадзе, получившая профессиональную подготовку в Тбилисской консерватории как пианист и вокальный исполнитель. Бардзимашвили предложил название группы — непереводимое радостное восклицание, часто звучащее в припеве грузинских народных песен. В первые годы существования коллектива его руководителем был Бардзимашвили, вокалист, который играл на клавишных инструментах и на гитаре. Давитая вторил ему также на гитаре, а Яшвили играл на клавишных и гармонике. Кикабидзе начинал как ударник, но со временем стал одним из ведущих вокалистов коллектива. Нани Брегвадзе — единственная женщина в ансамбле — исполняла вместе с группой более медленные произведения, пела джаз, народные песни, а также классические русские романсы¹.

Поначалу ансамбль «Орэра» исполнял перед студентами песни западных музыкантов, например Луи Армстронга, чьи записи невозможно было найти в Советском Союзе². Вскоре участники группы расширили свой репертуар, включив в него классические

и что «по звуку и натуральности голосов они отличались от конвейерного потока продукции ВИА». См.: Troitsky A. Back in the USSR. P. 32–33. [На русском языке см.: Троицкий А. Рок в Союзе. С. 40. — *Примеч. пер.*]

¹ Ансамбль «Орэра»: Веб-сайт. URL: <http://www.orera.reclama.ru/history.htm>. Последнее посещение 22 апреля 2010 года.

² Интервью автора с Вахтангом Кикабидзе. Тбилиси, 26 ноября 2008 года.

грузинские народные песни, обогащенные джазовыми мотивами, а также песни на языках, которые они изучали в институте, — на французском, итальянском и английском. Группа, возникшая как неформальная, в 1961 году была официально зарегистрирована в качестве вокально-инструментального ансамбля под эгидой Грузинской государственной филармонии. При столь скромном начале своей истории ансамбль стал одним из самых популярных коллективов на советских концертных площадках; его успех положил начало взлету Кикабидзе и Брегвадзе — будущих звезд советской культуры.

Репертуар ансамбля «Орэра» отражал разнообразие музыкальных влияний, испытанных его участниками, самобытное музыкальное наследие Тбилиси и новые запросы советской аудитории. Кикабидзе вырос в тесной квартире в историческом квартале грузинской столицы, расположенном неподалеку от горы Мтацминда, на склонах холма, откуда открывался вид на город. Хотя его мать была потомком династии Багратиони, правившей Грузией вплоть до XIX столетия, жила она скромно. После гибели отца в годы Великой Отечественной войны Кикабидзе рос в относительной бедности. Как и многие другие грузины его поколения, он постоянно встречался со своими друзьями на лестничной площадке, где они по очереди играли на гитаре и подражали исполнению песен в стиле рок и джаз — у одного из них был приемник, ловивший эфир «Голоса Америки»¹. Помимо рока и джаза, Кикабидзе с детства пел традиционные грузинские застольные песни, городские народные песни Тбилиси и популярные песни-баллады военного времени, входившие в репертуар таких советских певцов, как Марк Бернес, Леонид Утесов и Клавдия Шульженко.

Нани Брегвадзе, подруга детских лет Кикабидзе, выросшая в том же квартале, также испытала разнообразные музыкальные влияния. Ее мать, Ольга Микеладзе, была пианисткой-любительницей из грузинской дворянской семьи, а бабушка по материнской линии и тетя являлись профессиональными певицами. Если Кикабидзе жадно впитывал музыкальную культуру тбилисских улиц с их гитарами, шарманками и застольными песнями, то Брегвадзе с ранних лет училась игре на фортепиано и исполняла для гостей цыганские песни и русские романсы — что, как и резная дореволюционная

---

¹ Там же.

мебель, придавало их дому атмосферу аристократического салона. Маленькая Брегвадзе, усвоив уроки бабушки и тети, старательно драпировалась в шаль и устраивала концертное представление перед гостями¹. Все участники ансамбля «Орэра» с детства пели на русском и грузинском языках; многие вышли из известных грузинских семейств, где по-прежнему лелеяли традиции высокой культуры дореволюционной России. Такое свободное владение многими языками и разнообразными музыкальными стилями было созвучно государственной политике поддержки внутреннего интернационализма.

Используя элементы всесоюзной эстрадной культуры и опыт выступлений грузинских народных коллективов, ансамбль «Орэра» удачно сочетал на своих концертах виртуозное исполнение песен на множестве языков и умение создавать яркие представления. Мужчины — участники ансамбля, хотя и были одеты в яркие пиджаки по последней советской моде, время от времени пускались на сцене в традиционную грузинскую пляску. Далее представление могло перейти в более современный регистр — обычно при участии бэк-вокалистов, танцоров, пианиста и саксофониста². Ансамбль перемежал песни в стиле джаз и рок с грузинским полифоническим пением а капелла и время от времени замедлял темп, когда звучали баллады в исполнении Нани Брегвадзе, одетой в расшитое блестящими платьем, вызывавшее ассоциации с эпохой джаза³.

Концертные программы ансамбля «Орэра» с конца 1960-х годов многое позволяют понять об этой гибридной форме музыкального эстрадного представления, сохранявшего элементы самобытной национальной культуры. В качестве одного из первых концертных номеров ансамбль обычно исполнял жизнерадостную песню «У девушек наших». Автором песни был Георгий Цабадзе, грузинский композитор-песенник и сотрудник Грузинской филармонии, чей легкий и лиричный стиль полюбился грузинской аудитории; впоследствии Цабадзе стал известен широкой советской публике благодаря песням для кинофильмов, в том числе для популярного мюзикла «Мелодии Верийского квартала», действие которого происходит в старом Тбилиси. Песня «У девушек наших» была предсказуемой

¹ Интервью автора с Нани Брегвадзе. Тбилиси, 5 ноября 2008 года.

² РГАЛИ. Ф. 3162. Д. 1411. Л. 1–13.

³ Это описание основано на выступлении ансамбля, запечатленном в фильме 1970 года «Орэра, полный вперед!».

по содержанию: в ней пелось о девушках с верными сердцами и непревзойденной красотой. Большой оригинальностью отличалась аранжировка: положенные на бодрый джазовый ритм, большинство слов песни были на грузинском языке, а название и финальный куплет — на русском. Подобная аранжировка делала грузинскую музыку доступной для широкой аудитории¹. Другие песни в репертуаре ансамбля в большей степени опирались на грузинские фольклорные традиции. Исполнявшаяся на грузинском языке песня «Адандали», анонсированная в программе как серия музыкальных «картинок старого Тбилиси», представляла собой композицию, основанную на городских песнях тбилисских улиц². В аранжировке ансамбля традиционная грузинская барабанная дробь сочеталась с более современными звуками трубы, а джазовый орган имитировал звуки ручной шарманки, популярной в дореволюционном Тбилиси. В ходе этого номера каждый из мужчин — участников ансамбля поочередно пел, хлопал в ладоши и исполнял быстрый танец, воскрешавший образы бойких рыночных торговцев и разносчиков старого Тбилиси. После этих энергичных танцев, часто заставлявших публику аплодировать в такт исполнителям, композицию завершало виртуозное, гармоничное пение а капелла³. Другие песни пробуждали сходное чувство ностальгии по народному искусству, причем не всегда грузинскому. Исполнение песни Григория Пономаренко и Геннадия Колесникова «Тополя» требовало чисто славянской сентиментальности: в ней пелось о юношеской любви, которую символизировали шумящие листвой тополя. Музыканты «Орэры» на двух гитарах аккомпанировали исполнению, в то время как все участники ансамбля слаженно выводили грустную повторяющуюся мелодию⁴.

Выступления группы часто завершала песня Реваза Лагидзе «Тбилисо», которая в программах на русском языке называлась «Песня о Тбилиси»⁵. Это произведение — признание в любви, обращенное к грузинской столице, — стало, наверное, второй по

¹ РГАЛИ. Ф. 3162. Оп. 1. Д. 755. Л. 16–18. Описание песни основано на грамзаписи ансамбля «Орэра», сделанной в 1967 году и составляющей часть диска «ВИА Орэра» (фирма «Мелодия», 2008).

² РГАЛИ. Ф. 3162. Оп. 1. Д. 1411. Л. 10.

³ Из выступления ансамбля в фильме «Орэра, полный вперед!».

⁴ Описание песни основано на грамзаписи ансамбля «Орэра», сделанной в 1967 году и составляющей часть диска «ВИА Орэра».

⁵ РГАЛИ. Ф. 3162. Оп. 1. Д. 529. Л. 7.

известности грузинской мелодией в Советском Союзе после песни «Сулико», завоевавшей популярность в 1930-х годах с одобрения Сталина. Текст «Тбилисо» говорил о неизменном месте Грузии в представлениях советских людей, а грузинская столица описывалась как «край солнца и роз». Исходя из образного ряда, привычного для советской аудитории, солнце можно было отождествить с теплом и сиянием, а розы — с романтикой, страстью и, возможно, соблазном. Описывая любовь грузин к их родной столице, автор стихов восклицал: «Тбилисо... без тебя я как без сердца». Для большинства советских слушателей текст песни звучал вполне убедительно, особенно когда ее исполняла Брегвадзе, которая вела сольную партию, а мужчины — участники группы слаженно вторили ей и негромко аккомпанировали на музыкальных инструментах¹.

К концу 1960-х ансамбль «Орэра» непрерывно гастролировал по всему Советскому Союзу, часто выступал в Москве, дал в Ленинграде менее чем за месяц тридцать концертов². В 1967 году удостоился чести представлять Советский Союз перед международным музыкальным сообществом на Всемирной выставке «Экспо-67» в Монреале³. Секрет успеха «Орэры» заключался в репертуаре. Когда ансамбль выступал в странах Восточного блока, например в Болгарии, то создавал облик Советского Союза, проникнутый симпатией к западной культуре, — исполняя песни о дружбе народов на французском языке; когда же в 1968 году ансамбль выступал в Турции, то пел народные песни на языках местных национальных меньшинств — абхазов и черкесов, равно как и популярные песни на турецком языке⁴. Подобные специализированные репертуарные списки напоминали адресную культурную дипломатию грузинских ансамблей песни и танца, выступавших за рубежом.

Успех «Орэры» породил множество подражателей и дочерних проектов; среди них был ансамбль «Иверия», который исполнял

¹ Описание песни основано на грамзаписи ансамбля «Орэра», сделанной в 1973 году и составляющей часть диска «ВИА Орэра».

² РГАЛИ. Ф. 3164. Оп. 1. Д. 617. Л. 52. Тридцать концертов ансамбль дал с 25 ноября по 18 декабря 1970 года; такое количество концертов позволяет судить, как высока была популярность «Орэры» у зрителей и каким напряженным был гастрольный график.

³ Ансамбль «Орэра»: Веб-сайт. URL: <http://www.orera.reclama.ru/history.htm>. Последнее посещение 28 апреля 2011 года.

⁴ РГАЛИ. Ф. 3162. Оп. 1. Д. 529. Л. 7; Д. 755. Л. 16.

музыку скорее в стиле рок, чем джаз, но по примеру своей предшественницы черпал вдохновение и в грузинских народных традициях¹. В свою очередь, певица Нани Брегвадзе собственным успехом в ансамбле создала себе прочную славу, привнося в выступления «Орэры» аспекты высокой культуры. Поскольку она была единственной женщиной в составе ансамбля и обычно исполняла сольные партии в сопровождении мужского бэк-вокала, в 1970-х годах ей оказалось достаточно просто начать самостоятельную певческую карьеру. Обладая ярко выраженной грузинской внешностью и именем, она приобрела известность как исполнительница русских романсов — жанра, в котором прежде доминировали цыганские исполнители². Брегвадзе вместе с грузинской пианисткой Медеей Гонглиашвили объехала с гастролями весь Советский Союз и стала любимицей советской публики. Ее выступления посещал сам Брежнев, который, по рассказам, любил этот эмоциональный музыкальный жанр³. Помимо чарующего голоса, притягательность Брегвадзе состояла и в ее умении создавать атмосферу аристократической элегантности, передававшей утонченность высокой культуры поздней Российской империи. Этот образ дополнительно усиливали официальные программки ее концертов. Например, в буклете, изданном для концерта в Москве в 1970 году, подчеркивались дворянские корни Гонглиашвили и Брегвадзе. На фотографии цвета сепии Гонглиашвили была запечатлена сидящей за роялем с резными деталями в стиле барокко на фоне восточного ковра и паркетного пола, а Брегвадзе стояла рядом в более эффектной позе — опираясь локтем о крышку рояля, склонив голову на руку и томно глядя на зрителя, а ее платье струилось до самого пола. Фотографии создавали впечатление некоторой интимности, как если бы эти две женщины давали камерный концерт для одного-единственного слушателя. На обороте обложки был помещен фотопортрет Нани Брегвадзе, снятой крупным планом, в ожерелье и жемчужных серьгах, со взглядом, полным сознания своих чар⁴.

¹ «Иверия» способствовала дальнейшему развитию жанров многонациональной советской культуры, создав рок-оперу «Свадьба соек», которая стала основой советского телевизионного музыкального фильма, вышедшего на экраны в 1984 году.

² Интервью автора с Нани Брегвадзе.

³ Гончарова О. Быть Нани Брегвадзе // Телевидение и радио. 2005. № 14. URL: <http://www.tvr.khv.ru/number/2005/14/arh.html>. Последнее посещение 28 апреля 2011 года.

⁴ Буклет хранится в архиве: РГАЛИ. Ф. 3055. Оп. 1. Д. 563. Л. 1–2.

Планируя концерты, Бреговдзе никогда не забывала, что ее аудитория по большей части была русской. В интервью она заметила: «В России ты не можешь просто петь на грузинском языке. Как грузинка ты можешь спеть две-три песни на грузинском, которые людям будет приятно слушать, но им нужно что-нибудь понятное». Она вспоминала, что поначалу ее романсы не были интересны авторитетным лицам в музыкальной среде, поскольку воспринимались как пережитки дворянского быта, однако жанр был настолько востребован публикой, что постепенно романсов становилось все больше в ее репертуаре¹. В конце 1970-х — начале 1980-х годов певица ежегодно давала десятки концертов в Москве и во время этих гастролей обычно жила в гостинице «Москва», рядом с Кремлем². Хотя Бреговдзе часто общалась с грузинскими музыкантами и певцами, постоянно работавшими в Большом театре, она была поражена тем, что стала знаменитостью в России. По ее словам, даже самых известных актрис и певиц в Грузии никогда не узнают на улицах, а в России «мужчины и женщины здороваются и подходят к тебе, когда узнают»; в Москве преданные фанаты ждали ее у гостиницы после концертов. Бреговдзе дорожила тем уважением, с которым к ней относилась русская интеллигенция, ценившая в ее лице оригинального исполнителя, чье творчество одобряется на официальном уровне, но при этом является новаторским в художественном отношении и пробуждает образ исчезнувшей Российской империи.

Если профессиональная карьера Бреговдзе соответствовала ее классическому музыкальному образованию и сдержанному стилю, свойственному грузинским женщинам-исполнительницам, то другой солист «Орэры», Вахтанг Кикабидзе, в большей степени воплощал жизнеутверждающую культуру грузинского пиршества, хотя сохранял и космополитическую художественную восприимчивость, присущую ему как наследнику грузинского аристократического рода. Сочетая то и другое начала в своих песнях, Кикабидзе исполнял их с фирменной щербатой улыбкой, в харизматичной манере негромкого проникновенного пения, сделавшей его признанной звездой советского кино и телевидения. Так, в телевизионной передаче конца 1960-х годов Кикабидзе и другие участники «Орэры»

¹ Интервью автора с Нани Бреговдзе.

² ЦГА Москвы. ОХД. Ф. 429. Оп. 1. Д. 3223. Л. 6–8, 38, 67.

исполняли джазовую версию сложной в музыкальном отношении гурийской народной песни на фоне берега Москва-реки и Ленинских гор¹. Снятый в Грузии телевизионный фильм «Орэра, полный вперед!», широко транслировавшийся в 1970 году, показывал, как Кикабидзе и остальные участники группы путешествуют по всему миру, исполняя песни на грузинском, русском, французском, итальянском, испанском и английском языках.

Получив, как уже отмечалось, главную роль в фильме «Не горюй!» (1969) грузинского режиссера-москвича Георгия Данелии, Кикабидзе на экране пел, танцевал и провозглашал тосты, доказав, что владеет мастерством убедительной актерской игры. В 1977 году он вновь снялся у Георгия Данелии — на этот раз в трагикомедии «Мимино». В новом фильме Кикабидзе играл роль незадачливого, но гордого грузинского летчика, Валентина Мизандари, который покидает родную Грузию, чтобы попытаться счастья в Москве, но вместо того навлекает на себя череду злоключений. Мизандари являл собой в фильме архетипический образец кавказца-простака². Данелия, который родился в Грузии, но вырос и получил образование в Москве, добавил сюжету остроты, поместив своего наивного героя в советскую столицу, чтобы с его помощью показать — с оттенком грустной иронии — и российскую, и грузинскую жизнь. Роль Мизандари Данелия писал специально для Кикабидзе, и оба они использовали свое знание Грузии и опыт жизни в Москве, чтобы убедительно изобразить персонажа, оказавшегося между родным восточногрузинским горным селом и бурной жизнью советской столицы³. По ходу съемок сценарий переделывали, чтобы лучше отразить реалии жизни в Грузии, насколько оба они ее знали. Первоначально фильм задумывался как музыкальная комедия, где Кикабидзе смог бы проявить свои певческие таланты⁴. Однако уже в процессе съемок артисту показалась нереалистичной сцена,

¹ Гурийские народные песни отличаются удивительно сложной полифонической структурой, которая при первом прослушивании может показаться почти неблагозвучной.

² Брюс Грант прослеживает долгую историю архетипа простака в следующей работе: *Grant B. The Captive and the Gift: Cultural Histories of Sovereignty in Russia and the Caucasus*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2009. P. 137–143.

³ Данелия рассказывает историю сотрудничества с Кикабидзе в своих мемуарах: *Данелия Г. Тостуемый пьет до дна*. М.: Эксмо, 2006. С. 217–218.

⁴ См. документацию по производству фильма: РГА ЛИ. Ф. 2944. Оп. 4. Д. 3892. Л. 1–3.

где его персонаж, Мизандари, должен был идти по лесу и громко петь, — грузинскому горцу надлежало вести себя с подобающим достоинством. Учтя этнографические наблюдения Кикабидзе, героя сделали более сдержанным, хотя он поет и танцует в соответствующем этническом стиле, когда возникает подходящая ситуация, например во время сцены банкета в московской гостинице¹.

В конечном итоге фильм превратился из мюзикла в комедию, чей лиризм скрывался в ироничных диалогах с характерным акцентом. Тем не менее экспрессивная песня, сопровождающая титры в начале фильма, — «Чито гврито» («Птичка-невеличка») — добавила ему популярности. Текст песни принадлежал известному поэту Петру Грузинскому и был положен на оркестровую музыку в фольклорном стиле, написанную советским грузинским композитором Гией Канчели. После выхода фильма Кикабидзе продолжал исполнять эту песню — например, спел ее для новогодней телепередачи 1981 года². Перед выступлением он объяснил собравшимся в студии зрителям, не знавшим грузинского языка, что песня связана с его родной землей. То была песня о личной ностальгии по детству в Грузии, о чувстве, которое он хотел разделить с советской публикой. Музыкальная структура этого произведения делала его особенно подходящим для русской аудитории: после того как Кикабидзе исполнял каждый куплет на грузинском языке, русская публика могла с легкостью подхватить припев, построенный на повторении слов «чито гврито, чито маргалито» («птичка-невеличка, птичка-жемчужинка»).

Фильм «Мимино», снятый для всесоюзной аудитории, но претендовавший на особую художественную убедительность для грузинской публики, стал широко известным примером грузинской кинопродукции и в то же время предлагал необычный взгляд на советскую жизнь — глазами членов грузинской диаспоры. Наивность Мизандари сочеталась со строгим кодексом чести, который был воплощением благородства по сравнению с поведением многих из персонажей, окружающих главного героя. Но этот же кодекс приводил к недоразумениям, поскольку отражал жесткие

¹ Дanelия Г. Тостуемый пьет до дна. С. 217–218.

² Это выступление доступно онлайн: Вахтанг Кикабидзе — Чито-гврито. YouTube video, 4:39. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=4rlxdkFwrho>. Последнее посещение 16 августа 2010 года.

нормы патриархальной жизни родной деревни Мизандари, расположенной в горах Грузии. Современная многонациональная Москва представляла в фильме красочной и соблазнительной, но при этом лихорадочно беспокойной и неприютной в сравнении с провинциальной отсталостью и, одновременно, человеческой теплотой грузинского районного центра Телави. Согласно замечкам режиссера фильма, «Мимино» доказывал, что «у каждого человека должно быть свое место на земле»¹. Со временем Мизандари понимает, что его дом — в Грузии, несмотря на редкие знаки внимания со стороны привлекательной русской стюардессы и искушение быть пилотом международных авиалиний и летать на авиалайнере в Берлин. В конечном итоге фильм стал любовно выполненным портретом чарующей, но непредсказуемой Грузии, в котором творчески обограивались существующие о ней представления.

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВНУТРЕННЕЙ ДИАСПОРЫ

Несмотря на то что грузинская культурная продукция славилась в Советском Союзе как узнаваемо этническая, она всегда представляла собой сложную смесь, в создание которой внесли свою лепту грузинские культурные течения позднего имперского периода, советские учреждения культуры и, наконец, ожидания преимущественно русской аудитории. В конечном итоге в рамках политики внутреннего интернационализма успех определялся умением преподнести свою инаковость так, чтобы это соответствовало запросам Советского государства и общества. Если советские чиновники от культуры использовали грузинское искусство в политических целях, то грузинские деятели культуры, в свою очередь, извлекали пользу из государственной поддержки, добиваясь известности для себя и для грузинского репертуара в той сфере, в которой специализировались. Даже когда они, отвечая ожиданиям советской и зарубежной аудитории, демонстрировали открытость и гибкость, значительная часть их репертуара все же исполнялась на грузинском языке. Этим грузинские артисты отличались от большинства еврейских артистов Советского Союза эпохи «оттепели», которые выступали исключительно на русском языке и зачастую позиционировали себя как

¹ РГАСПИ. Ф. 2944. Оп. 4. Д. 4092. Л. 3.

наследники русской интеллигенции¹. Это же отличало грузинские творческие коллективы от, например, эстонских, которые могли быть превосходными джазменами, но в чьем творчестве этнические мотивы были приглушены. Напротив, грузинские эстрадные артисты исполняли звучные, энергичные, колоритные песни и танцы, полные самобытной экспрессии, используя свою инаковость, чтобы достичь профессионального успеха и возможности представлять свой народ за пределами южной республики.

Действительно, за пределами Грузии существовала лишь одна официальная организация, которая могла представлять всю грузинскую диаспору Советского Союза: Ансамбль грузинского танца и школа при ансамбле, находившиеся в Москве и основанные в годы «оттепели». История ансамбля восходит к 1955 году, когда к Ревазу Джаниашвили, выпускнику Московского электромеханического института, обратились комсомольские работники с просьбой помочь военнослужащим подготовиться к праздничному концерту. Среди солдат было немало выходцев с Кавказа, которые, как и Джаниашвили, выросли на грузинских песне и танце. Два года спустя Джаниашвили принял участие в создании ансамбля грузинского танца «Колхида» и детского грузинского танцевального коллектива «Иверия» в столице Советского Союза².

Танцевальный коллектив под руководством Джаниашвили предоставил членам грузинской диаспоры возможность передать своим детям практики грузинской музыки и танца. Костюмы для ансамбля шили в Тбилиси, а сама танцевальная студия в Москве сформировала библиотеку, посвященную истории и культуре Грузии³. Члены коллектива часто ездили в Грузию, чтобы обучаться грузинским танцам и выступать перед грузинской публикой⁴.

¹ О стремлении советских евреев принять на себя роль наследников русской интеллигенции см.: *Slezkine Y. The Jewish Century*. P. 233–234. [В русском переводе: *Слѣзкин Ю. Эра Меркурия*. С. 300–302. — *Примеч. пер.*] Тани доказывает, что типичный сценарий еврейской самопрезентации сохранялся в годы «оттепели» как часть пронизанного идиш «мифа старой Одессы», хотя этот миф был еврейским лишь подспудно и его все больше разделяли не только евреи. См.: *Tanny J. City of Rogues and Schnorrers*. P. 131–132.

² Ансамбль «Колхида»: Официальный веб-сайт. URL: <http://tbilisi-trip.narod.ru/Kolkida.html>. Последнее посещение 16 августа 2010 года.

³ См.: Дни Грузии в Москве.

⁴ Гулашвили В. «Колхида» рождена в Москве // *Вечерний Тбилиси*. 1968. 9 марта. С. 3.

Танцевальный ансамбль стал неизменной принадлежностью культурного ландшафта Москвы и к 1982 году дал около 1200 концертов, 33 раза выступал в телевизионных программах и получил более 200 различных наград¹. Когда в том же году Москву посетила делегация артистов из Грузии, ее члены были восхищены выступлением детского танцевального коллектива «Иверия», участники которого столь мастерски исполняли грузинские танцы, что их можно было принять за детей из грузинских городов — «Чиатуры или Гори, Телави или Зугдиди»². Хотя любые организационные структуры внутренних диаспор Советского Союза только в том случае имели право на существование, если занимались исключительно культурой и искусством, — наличие в Москве официально признанного национального ансамбля и детского коллектива означало, что грузинское сообщество имеет такое место, где можно встречаться, завязывать и упрочивать разнообразные личные и профессиональные отношения.

Обладая уникальной возможностью доступа на советскую сцену, члены грузинской диаспоры обрели влияние, выходившее далеко за пределы их родной республики. Они претендовали на исключительную роль интерпретаторов живой национальной культуры, которая была принята широкой советской аудиторией и пользовалась государственной поддержкой, даже когда несколько переступала грань идеологически дозволенного. Тем не менее репертуар грузинской самопрезентации, который в тот период достиг своего расцвета, вскоре выплеснулся за рамки официально санкционированной эстрады и пришел на советский рынок.

¹ См.: Дни Грузии в Москве.

² Там же.

ГЛАВА 5. ПРИЕЗЖИЕ ЗА ПРИЛАВКОМ

Осенью 1968 года, 22 октября, на берегу реки Цхенисцкали, неподалеку от города Абаша в Цхакаевском районе Западной Грузии, было найдено тело молодого человека. Погибшего, одетого в темный костюм и белую шелковую рубашку, связанного по рукам и ногам, с привязанным к нему грузом — тяжелой металлической деталью от трактора, не удалось сразу опознать. Уведомив местные власти, тело отправили в морг для судебной экспертизы. Специалисты быстро обнаружили дополнительные детали, позволившие уточнить картину насильственной смерти молодого человека: у него отсутствовали два зуба, а синяки на шее свидетельствовали о вероятном удушении. Жертву по-прежнему невозможно было опознать, и, поскольку его лицо было распухшим и обезображенным, судебные эксперты могли только констатировать, что это «неизвестный мужчина примерно 30–35 лет»¹. После тщательных поисков следователи из Цхакаевского районного отдела прокуратуры смогли обнаружить лишь одну потенциальную улику в нагрудном кармане пиджака жертвы: маленький чек на покупку бензина, который, согласно печати на нем, был выписан в Волгограде, российском городе, находившемся почти в 500 километрах от места трагедии.

Несколько недель спустя Шота Джвебенава поправлял здоровье после ноябрьских праздников в роскошных Сандуновских банях в центре Москвы. Уроженец Западной Грузии, Джвебенава вел

¹ Материалы по этому преступлению были собраны в уголовном деле, составленном КГБ Грузинской ССР. Об обнаружении тела см.: Архив МВД Грузии. Отдел I. Ф. 6. Д. 29174-74. Т. 1. Л. 8–9.

шикарную жизнь в советской столице, спекулируя валютой и торгуя запрещенными товарами. Осуществляя свои операции в долларах и золотых монетах, он был завсегдатаем лучших ресторанов и часто приводил друзей из Грузии и свою подругу, танцовщицу из фольклорного ансамбля «Березка», поужинать в «Седьмом небе», вращающемся высотном ресторане на Останкинской телебашне. Пусть и живущий далеко от своей родины, он сохранял тесные контакты с друзьями и семьей в Западной Грузии, принимал их на правах хозяина, когда они приезжали в Москву, помогал приобрести в столице дефицитные люксовые товары и постоянно обменивался с ними личной и профессиональной информацией, представлявшей обоюдный интерес и сулившей выгоду. Также Джвобенаву пользовался своими связями внутри московского грузинского сообщества. Хотя грузинская диаспора была многоликой и состояла из разных социальных слоев, ее члены обменивались информацией друг о друге и делились опытом выживания в советском метрополисе. В частности, мингрелы из Западной Грузии, к числу которых принадлежал и Джвобенаву, славились тем, что сохраняют между собой тесные связи; их объединяла самобытная региональная культура и уникальный диалект грузинского языка¹.

В тот день в Сандуновских банях Джвобенаву встретил земляк из Западной Грузии, который в Москве работал инженером². Сидя вместе с Джвобенавой в богато украшенной парилке, инженер пересказывал последние слухи, услышанные им во время недавней поездки домой в Грузию. Он сообщил, что на берегу реки возле родного города Джвобенавы был обнаружен труп. Также он рассказал своему приятелю, что после тщательного расследования тело удалось наконец опознать: это был Роман Чургулия, еще один уроженец Западной Грузии, который уезжал учиться в Волгоград

¹ Многие уроженцы Западной Грузии являются мингрелами. В СССР мингрелы считались особой национальностью до 1930 года, когда при проведении переписи их объединили в одну группу с грузинами. Вопрос о том, можно ли выделять особый мингрельский язык, близкородственный грузинскому, или же он представляет собой диалект грузинского, остается дискуссионным. После 1938 года любые публикации на мингрельском были запрещены, и ко времени событий, описываемых в этой главе, мингрельский язык считался скорее неформальным диалектом, на котором говорят в домашнем кругу и со знакомыми. Мингрелов можно отличить по их фамилиям, которые обычно оканчиваются на *-ия* или *-ава*, а не на *-дзе* («сын такого-то») или *-швили* («дитя такого-то»).

² Архив МВД Грузии. Отдел I. Ф. 6. Д. 29174-74. Т. 15. Л. 109-130.

и после окончания вуза работал шофером на российской фабрике, производившей товары народного потребления. Инженер отметил, что вероятный подозреваемый — Александр Бедия, начальник Цхакаевского районного отдела Министерства внутренних дел. Бедия, по-видимому, считал молодого Чургулию виновным в смерти его, Бедии, сына, погибшего в драке в Волгограде несколькими месяцами раньше, и многие жители Цхакаевского района помнили, как безутешная жена Бедии на похоронах сына требовала отмщения. Вскоре по московскому грузинскому сообществу широко распространились слухи об обстоятельствах убийства Чургулии, включая и жуткую подробность о том, что жена Бедии вырвала у жертвы волосы, причем пока тот был еще жив¹.

По мере того как эти детальные рассказы об убийстве распространялись по неформальным каналам общения московских грузин, советские правоохранительные органы, действовавшие как в России, так и в Грузии, сумели подобраться к вероятным преступникам. Было установлено, что подозреваемый, Бедия, приехал в Волгоград со своими коллегами, попросил Чургулию проехать с ним в машине, а затем привез обратно в Западную Грузию, где Бедия и его сообщники связали молодого человека и бросили в реку. Волгоградское отделение МВД испробовало множество различных способов установить личность сообщников Бедии, в том числе этническое профилирование потенциальных грузинских подозреваемых, прочесывание списков пассажиров и проживавших в гостиницах «с целью установления лиц грузинской национальности», находившихся в городе во время убийства Чургулии². Работники правоохранительных органов допросили множество грузин, проживавших в Волгограде, включая тех, кто приехал учиться в вузах города в начале или середине 1960-х годов, и одного из сокурсников Чургулии по вечернему факультету Института советской торговли³.

Стенограммы допросов, проведенных сотрудниками правоохранительных органов, проливают свет на повседневную жизнь грузинской диаспоры в российском городе конца 1960-х годов, обрисовывая облик группы, связанной общностью происхождения

¹ Архив МВД Грузии. Отдел I. Ф. 6. Д. 29174-74. Т. 15. Л. 124-125.

² Там же. Т. 2. Л. 75-76.

³ Там же. Т. 11. Л. 110.

и семейными знакомствами в Западной Грузии, совместными торжествами и надеждами на взаимную помощь. Эта группа включала элитных студентов-медиков, но среди них был и всеобщий любимец, менее склонный к наукам Чургулия. Незадолго до своей смерти он, по-видимому, нашел дополнительный источник доходов, нелегально торгуя на городском рынке вином из Грузии и товарами с той фабрики, где работал¹. Так же как Джвобенавы и его деловые партнеры в Москве, грузины в Волгограде поддерживали тесные связи с родиной и регулярно обменивались новостями обо всем, что там происходит.

Едва успев начаться, следствие оказалось под угрозой. У Джвобенавы был установлен контакт с Бедией и другими сотрудниками-грузинами из отдела МВД Цхакаевского района, которые часто посещали его в Москве. Эти местные гранды не смущаясь использовали свои служебные возможности, чтобы помогать друзьям и коллегам. Однажды они предупредили Джвобенаву, что московская милиция вышла на его след по делу о валютных спекуляциях; в другой раз они якобы изготовили особый поддельный паспорт, который позволял их грузинскому знакомому, занимающемуся подпольной торговлей, жить в любом выбранном им российском городе². Однако те должностные злоупотребления, которые позволял себе Бедия, фактически заходили намного дальше. Позже вскрылось, что он занимался делами, связанными с нелегальным оборотом оружия и незарегистрированными транспортными средствами, заплатил огромную взятку, чтобы его сын смог поступить в медицинский институт в Волгограде, и воспользовался помощью своих друзей из МВД Грузии при похищении и убийстве Романа Чургулии, которого считал виновным в смерти своего сына. Неудивительно, что, как только тело Чургулии было опознано, коллега Бедии из КГБ Грузии немедленно заподозрил его и сообщил об этом собственному начальству³. В ответ Бедия поручил своему

¹ Там же. Л. 112.

² Там же. Т. 15. Л. 113, 126.

³ Там же. Т. 16. Л. 71. Министерство внутренних дел (МВД) и Комитет государственной безопасности (КГБ) были разными учреждениями: задачей первого было поддержание внутреннего порядка, второй же занимался государственной безопасностью, вопросами, связанными с подрывной идеологической деятельностью, а также внутренним и международным шпионажем.

сообщнику выкрасть секретные материалы, связанные с расследованием его дела, из сейфа в здании КГБ Грузии и уничтожить их¹.

Когда обнаружилась пропажа секретных документов, КГБ бросил на расследование все свои ресурсы. К нему были подключены сотрудники из штаб-квартиры КГБ в Москве, а также агенты КГБ республиканского уровня из Тбилиси, чтобы противостоять тому влиянию на местных сотрудников правоохранительных органов в Западной Грузии, которое имел Бедия. Похитив сверхсекретные документы, тот грубо нарушил священный и неприкосновенный информационный режим Советского государства. Бедия и его сообщники один за другим были арестованы и обвинены в серии преступлений, в том числе и в убийстве Чургулии. Джвобенавы, которого предупредили, что власти его разыскивают, бежал из Москвы в свой родной город Гегечкори в Западной Грузии, но вскоре после возвращения в Москву, в середине 1969 года, был вызван на допрос². Неясно, обвиняли ли его в каком-либо преступлении; следователи в большей степени интересовались имеющимися у него сведениями о преступной деятельности Бедии и, возможно, были готовы закрыть глаза на участие Джвобенавы в нелегальной торговле в обмен на информацию об убийстве и о похищении государственных секретов Бедией и его подручными.

Сотрудники КГБ составили подробное, двенадцатитомное уголовное дело, включавшее описание собранных доказательств и детальное изложение хода допросов, и выдвинули обвинение против тех, кто, согласно этим документам, был замешан в преступной деятельности. Страницы данного уголовного дела позволяют утверждать, что в эпоху позднего социализма неформальные социальные связи между грузинами иногда были более действенны, чем государственные структуры, если речь шла об обмене информацией и получении доступа к дефицитным ресурсам. Предприниматели из числа грузинской диаспоры поддерживали тесные связи со своей родной Грузией, где личные отношения с местными должностными лицами и общая атмосфера терпимости к подпольной экономической деятельности создавали уникальную возможность для извлечения взаимной выгоды. Обладая гибкой системой региональных, социальных и семейных

¹ Архив МВД Грузии. Отдел I. Ф. 6. Д. 29174-74. Т. 17. Л. 47-55.

² Там же. Т. 15. Л. 126.

связей, они к обоюдной пользе делились информацией и ресурсами. Тот факт, что о деталях убийства Чургулии Джвებенава, будучи в московских банях, узнал еще до того, как эта информация стала доступной официальному следствию, не был простым совпадением.

Грузинская диаспора располагала всем необходимым, чтобы воспользоваться новыми экономическими возможностями брежневской эпохи. Являясь членами тесно сплетенного сообщества, грузинские предприниматели имели доступ к редким товарам, на производстве которых специализировались их земляки; на рынке, умело играя на этнических различиях, они тщательно вырабатывали узнаваемый экзотический грузинский стиль и пересекали границы национальных сообществ, когда это было необходимо, чтобы провернуть обоюдовыгодное дело и продать свои товары советским потребителям любого этнического происхождения. Унаследовав сложившиеся навыки и формы репрезентации национальных различий, эти предприниматели тем не менее отличались в некоторых важных отношениях от прошлых поколений грузинской диаспоры. В противоположность грузинским артистам, они реже были выходцами из Тбилиси; их больше интересовала личная выгода и влияние на местном уровне, чем участие в культурной жизни центра страны. В какой-то мере их происхождение и жизненная позиция отражали важные перемены в Грузии и в Москве, произошедшие после смерти Сталина. Быстрый политический успех революционеров-большевиков, поднявшихся из грузинской глубинки на вершины власти в молодом Советском государстве, едва ли можно было повторить. Столкнувшись с политическими ограничениями, грузинская диаспора, вышедшая на сцену в брежневскую эпоху, предпочла использовать в своих интересах официальную советскую экономику. Их деятельность — ею меньше руководили из Москвы — никогда полностью не соответствовала интересам центра. Но сладкие плоды грузинского экономического успеха стали в большей степени отдавать горечью. Если знание советской экономики и способность действовать в принимающем — преимущественно русском — обществе помогали грузинам в период относительной экономической либерализации добиться успеха, то методы, которыми они действовали, и их заметное экономическое преуспевание делали их потенциальным объектом преследования и выявляли растущую напряженность внутри Советской империи диаспор.

ГРУЗИНСКАЯ ДИАСПОРА И БРЕЖНЕВСКАЯ «МАЛАЯ СДЕЛКА»

На первый взгляд, правление Леонида Брежнева было временем экономического застоя. Однако за официальными экономическими показателями скрывался рост процветающей «второй» (или «теневой») экономики, которая неожиданно возникла из официальной и в некоторых случаях служила ей опорой¹. Государство смотрело на теневую экономику с безразличием, но постепенно стало воспринимать ее как неизбежность. Литературовед Вера Данэм предложила понятие «большая сделка» применительно к удовлетворению государством материальных запросов нового советского среднего класса при Сталине². В свою очередь, экономист Джеймс Р. Миллар доказывал, что бурно развивающаяся теневая экономика в эпоху Брежнева стала возможна благодаря «малой сделке» между советским руководством и городским населением страны³. «Малая сделка» подразумевала большую терпимость по отношению к мелкой частной экономической деятельности, легальной и нелегальной, поскольку это давало возможность обеспечить потребителями товарами быстро растущее и повышающее свои запросы советское население, не проводя каких-либо существенных институциональных реформ⁴. Если «большая сделка» повлекла за собой масштабные структурные перемены и изменения ценностей, соответствовавшие ожиданиям формирующейся советской буржуазии, то «малая» означала допустимость экономического обмена на микроуровне⁵.

¹ Термин «вторая экономика» (second economy) был введен в научный оборот экономистом Грегори Гроссманом в статье, ставшей классической: Grossman G. The Second Economy of the USSR // *Problems of Communism*. 1977. Vol. 25. № 5. P. 25–40. Гроссман использует этот термин по отношению к экономической активности, направленной на получение личной прибыли, — в рамках советской системы такая активность была либо незаконной, либо формально легальной, но «идеологически чуждой» советскому строю.

² Dunham V. In Stalin's Time.

³ Millar J. R. The Little Deal: Brezhnev's Contribution to Acquisitive Socialism // *Slavic Review*. 1985. Vol. 44. № 4. P. 694–706.

⁴ Торговля в небольших масштабах никогда полностью не исчезала в Советском Союзе. В работе Джулии Хесслер рассматривается история торговли в первые десятилетия советской власти: Hessler J. A Social History of Soviet Trade: Trade Policy, Retail Practices, and Consumption. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004.

⁵ Millar J. R. The Little Deal. P. 694–697.

«Развитой социализм», как его часто называл Брежнев, также может быть описан как «стяжательский социализм»; то, что мог приобрести человек, зависело не только от доступа к растущей городской торговле, но и от родственных связей и «сетей дружеского взаимобмена», с помощью которых распространялись дефицитные товары¹. Возможности, созданные «малой сделкой», ни в коей мере не были равномерно распределены между членами общества.

«Малая сделка» имела важные последствия для многонациональной Советской империи. На местном уровне она привела к возрастанию контроля за экономической деятельностью в союзных республиках и позволила различным диаспорам выдвинуться на первый план в новых сферах. В условиях дефицитной экономики и отсутствия правового регулирования диаспорные сообщества наиболее успешно овладели умениями доставать нужные товары и обеспечивать соблюдение неформальных соглашений. Азербайджанские предприниматели закрепили за собой рынок фруктов и овощей, евреи и армяне смогли занять ключевые экономические позиции в качестве посредников-перекупщиков из числа национальных меньшинств, а чеченцы приобрели репутацию тех, кто умеет силой заставить выполнить взятые обязательства. Этническая сущность советской теневой экономики часто в карикатурной форме отражалась в советских анекдотах, где обыгрывались стереотипы и гипертрофировались реальные культурные различия². Разумеется, в сфере советской теневой экономики репутация человека, способного достать редкие товары или склонного к насилию, могла стать формой капитала. Экономическая активность, следовательно, была связана не только с возможной прибылью, но и с умением преподнести себя должным образом.

Немногие группы из числа советских диаспор имели столь заметные позиции, как грузины, чтобы воспользоваться экономическими возможностями «малой сделки». В то время как социальные связи значили больше, чем когда-либо, связи грузинской диаспоры оказались легко адаптируемыми к реалиям экономического обмена в сумрачном мире теневой экономики. Грузины представляли собой закрытое сообщество, сплоченное особым языком, непонятным

¹ Термин «стяжательский социализм» предложен Милларом. См.: Ibid. P. 697.

² Об анекдотах на этнические темы см.: *Draitser E. A. Taking Penguins to the Movies: Ethnic Humor in Russia*. Detroit: Wayne State University Press, 1998.

для посторонних; в то же время большинство из них говорили по-русски, а многие — в том числе сын Бедии и жертва убийства, Чургулия, — и учились в российских вузах¹. Они, как Джвобенана, комфортно устраивались в российском окружении, но при этом поддерживали контакты, связывавшие их с грузинской родиной. Эти связи укреплялись за счет норм взаимовыгодного обмена, допустимого поведения и кодекса чести, признаваемых всеми и опирающихся на силовое принуждение.

Умение грузинской диаспоры использовать свою инаковость как для внутренних, так и для внешних целей оказалось эффективным в условиях советской теневой экономики. В грузинской культуре поощрялась способность рисковать, но этика грузин-предпринимателей была очень далека от «духа капитализма», описанного социологом Максом Вебером: деньги делали для того, чтобы позволять себе роскошные демонстративные траты и тем самым укреплять свои позиции внутри грузинского сообщества². Потребность открыто демонстрировать свои ценности окружению делала эти неформальные социальные группы весьма мобильными, поскольку каждый их член стремился превзойти другого и повысить собственный престиж в качестве потенциального патрона. Например, умение московского предпринимателя Джвобенаны напоить и накормить своих гостей из Грузии и обеспечить их дефицитными товарами позволяло ему расширять собственное влияние в сети социальных контактов. В этих кругах прозаические детали экономического обмена превращались в своеобразный ритуал, воспринимаемый как доказательство дружбы и социальная обязанность. Этот внешний аспект грузинской экономической деятельности хорошо вписался и в более широкий советский контекст, представляя собой более демонстративную и стилизованную версию *блата* — российской

¹ Русский язык был в Грузии вторым языком, а грузинский — главным в официальной и частной жизни (возможно, в большей степени, чем местный национальный язык в любой другой советской республике). Тем не менее большинство грузин, особенно образованных и амбициозных, свободно говорили по-русски.

² Марс и Альтман описывают грузин как «азартных предпринимателей, уделяющих большое внимание тратам и демонстрации богатства» (Mars G., Altman Y. The Cultural Bases of Soviet Georgia's Second Economy. P. 555). О «духе капитализма» см.: Weber M. The Protestant Ethic and the «Spirit» of Capitalism. New York: Penguin, 2002. [На русском языке см.: Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденоко; коммент. А. Ф. Филиппова. М.: Прогресс, 1990. — Примеч. пер.]

практики обмена одолжениями с друзьями и коллегами¹. Безусловно, эти практики достаточно легко приживались за пределами Грузии, поскольку их дополняло повсеместное знакомство с обширным репертуаром грузинской самопрезентации за пиршественным столом и на сцене.

Как члены внутренней диаспоры, грузинские предприниматели извлекали выгоду также из связей с региональными должностными лицами и руководителями в самой Грузии. Для таких, как Александр Бедия, собственные социальные и семейные обязательства были гораздо важнее должностных обязанностей. Он использовал свое положение в правоохранительных органах, чтобы помогать Джвобенаве в его подпольной экономической деятельности, и распоряжался государственными ресурсами, чтобы отомстить за смерть своего сына. В его случае, как и в случае многих других грузин, вовлеченных в теневую экономику, личные интересы и профессиональные возможности были тесно сплетены друг с другом². В эпоху «малой сделки» использование официального положения для извлечения личной выгоды было распространено в Грузии в беспрецедентных масштабах, особенно в те годы, когда республикой руководил первый секретарь ЦК КП Грузии Василий Мжаванадзе. Несмотря на то что он пришел к власти как доверенное лицо Хрущева в южной республике, Мжаванадзе пережил отставку своего покровителя и выстроил опору собственной власти за счет центра. Только в 1972 году он был наконец снят с должности — из-за распространившейся в его ближнем кругу коррупции и нарочитой демонстрации богатства. Тем не менее в условиях уникальной экономической системы Советского Союза, где государство настаивало на внутренней экономической самодостаточности и отказывалось существенно корректировать цены, некоторые весьма востребованные сельскохозяйственные товары оставались дефицитными, что

¹ Блат приобретал особую важность по мере роста теневой экономики в брежневский период. См.: *Ledeneva A. D. Russia's Economy of Favours: Blat, Networking, and Informal Exchange*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. [На русском языке см., например: *Леденева А. В. Личные связи и неформальные сообщества: трансформация блата в постсоветском обществе* // Мир России. 1997. Т. 6. № 4. С. 89–106. — Примеч. пер.]

² Марс и Альтман пишут о «слиянии работы и частной жизни» в грузинской системе социальных связей: *Mars G., Altman Y. The Cultural Bases of Soviet Georgia's Second Economy*. P. 555.

обеспечивало практически монопольные позиции грузинам, вовлеченным в производство этих товаров в пределах СССР.

Поскольку деятельность в сфере теневой экономики в брежневскую эпоху была нелегальной, но относились к ней по большей части терпимо, архивные сведения о вовлеченности грузинских предпринимателей в теневую экономику заведомо неполны. Экономическая деятельность становилась предметом расследования, только если действия грузинских сообществ выходили за рамки негласных условий «малой сделки». Таким образом, архивные документы позволяют в равной степени судить как об условиях «малой сделки», так и о системе социальных связей грузинских предпринимателей. Наиболее очевидным ограничителем экономической активности был вопрос масштабов: на мелкую торговлю режим закрывал глаза, в то время как крупные экономические операции преследовались¹. Но существовали также и социальные ограничители. Предполагалось, что теневики (участники системы теневой экономики) должны придерживаться представлений о справедливости и приблизительном советском эгалитаризме: наслаждаться экономическим успехом следовало с должной скромностью, а тем немногим, кто имел привилегии, подобало их скрывать. Грузинские предприниматели эпохи позднего социализма с их этнической самобытностью, для которых осуществление сложных рискованных схем и нарочитая демонстрация богатства означали социальный престиж, смотрели на жизнь иначе.

КУЛЬТИВАЦИЯ ГРУЗИНСКОГО БРЕНДА

Трудно отделить известность неформальных грузинских торговцев от той особой роли, которую играла Грузия в официальной экономике Советского Союза. Политика советского внутреннего интернационализма заставляла отдавать предпочтение товарам, произведенным внутри страны, — так же как и культурной продукции внутренних диаспор. Грузии в относительно автаркической советской экономической системе принадлежала доминирующая роль в выращивании чая, табака и цитрусовых; широкой известностью пользовались производимые там вина и минеральные воды. Эти

¹ Millar J. R. The Little Deal. P. 698.

товары в сознании советских граждан были неразрывно связаны со сложившимся в официальной культуре образом Грузии как субтропического рая. В результате грузинские товары стали ассоциироваться с роскошью и изобилием и заняли центральное место в социалистических мечтах о «хорошей жизни». Задолго до эпохи «малой сделки» грузинская территория и сельскохозяйственная продукция, которая там производилась, стали успешным брендом, который активно продвигали грузинские специалисты, художники и дизайнеры, работавшие в тесном сотрудничестве с государством, а это означало, что ресурсы, которые позже стали доступны грузинским предпринимателям, обладали не только материальной, но и символической ценностью.

Изначально развитие сельского хозяйства в Грузии пользовалось особым вниманием со стороны советской власти. Поскольку построение социализма в одной стране подразумевало, что все товары, каких только смогут пожелать советские граждане, должны производиться в пределах государственных границ, регион Закавказья, сердцем которого была Грузия, с его теплыми внутренними территориями и субтропическим морским побережьем рассматривался как идеальное место для выращивания специфических сельскохозяйственных культур. Включив в свой состав южную республику, Советская империя унаследовала систему местной научной и технической экспертизы, сотни виноградников и виноделен, ботанические сады и соответствующие научные учреждения в Батуми и Сухуми. Тропический климат обычно ассоциируется с вывозом ценных товаров, который осуществляется при помощи структур колониального или постколониального иерархического господства, но Грузия считалась не тропической в полном смысле слова, а скорее субтропической («субтропический» — переходная категория между тропическим климатом и умеренным, которая была впервые введена Российским императорским сельскохозяйственным обществом, а затем воспринята Советским государством, стремившимся к развитию внутренних ресурсов страны и экономическому равенству регионов)¹. Термин «субтропический» едва ли можно

¹ О колониальном измерении в производстве, например, сахара см.: Mintz S. *Sweetness and Power: The Place of Sugar in Modern History*. New York: Viking, 1985. О том, что понималось под словом «субтропики» в царской России, см. журнал Батумского сельскохозяйственного общества «Русские субтропики», публиковавшийся

считать в полном смысле слова частью российского колониального дискурса: этот термин с самого начала использовался грузинскими учеными, чтобы обосновать претензии Грузии на привилегированное место в Российской и Советской империи и привлечь туда государственные инвестиции.

В поисках доступа к необходимым товарам советские плановики работали в тесном сотрудничестве с грузинскими специалистами и управленцами практически с того момента, как Красная армия вошла в Тбилиси. Одна из их первых забот состояла в том, чтобы найти замену 72 тысячам тонн чая, которые дореволюционная Россия ввозила из-за границы для широко распространившегося ритуала чаепития¹. Характерно, что Государственная плановая комиссия (Госплан) была вынуждена предоставить относительную свободу действий грузинским производителям чая, лишь бы они предприняли все необходимое для производства этого товара. Госплан даже предложил ради получения требуемого сырья разрешить грузинским производителям чая заключать договоры с производителями чая в Китае и Индии, а также вести торговлю на лондонском рынке².

В бурные годы первой пятилетки (1928–1932) столичные руководители требовали быстрого роста производства чая, цитрусовых и лаврового листа в Грузии. Чтобы курировать развитие прибрежных регионов Западной Грузии, они обращались к местным специалистам, а когда специалистов не доставало — организовывали обучение новых. Территория Ботанического сада в приморском городе Батуми в 1925 году была расширена, чтобы сделать его центром изучения субтропических сельскохозяйственных культур³. В 1930 году в западногрузинском городе Махарадзе был учрежден Всесоюзный научно-исследовательский институт чая и субтропических культур, с филиалами на Черноморском побережье. Грузинские специалисты с самого начала участвовали в профессиональной деятельности этих новых учреждений и со временем возглавили их, поскольку

в 1912–1913 годах; о разведении субтропических культур в другом городе Черноморского побережья Кавказа, Сочи, см.: *Conterio J. Inventing the Subtropics: An Environmental History of Sochi, 1929–36* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2015. Vol. 16. № 1. P. 91–120.

¹ Грузия — основная база субтропического хозяйства СССР / Министерство сельского хозяйства Грузинской ССР. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1971. С. 3.

² РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 15. Д. 377. Л. 36.

³ Грузия — основная база субтропического хозяйства СССР. С. 14.

руководителей местных филиалов обычно назначали местные же комитеты компартии Грузии¹. Кроме того, Всесоюзный комитет по субтропикам (Субтропком) обычно возглавлялся грузинами и нанимал на работу преимущественно грузинских специалистов. Немалую роль играл и фактор политического патроната, поскольку развитие субтропических культур пользовалось особым вниманием ведущих политических фигур Грузии, особенно Лаврентия Берии².

Важно отметить, что Грузия никогда не рассматривалась плановыми органами центра как чистый лист — скорее она виделась им как регион, обладающий определенной культурой, которая «воплощает» особый путь экономического развития. У тех, кто направлял экономическую политику из центра страны, существовало убеждение, что местные сельскохозяйственные традиции дают грузинам преимущества в производстве культур, на выращивании которых специализируется этот регион. В 1924 году представители Госплана, путешествуя по региону, отметили, что практически в каждом доме делают вино и что «культура винограда, не говоря уже о том, что благодаря тысячелетнему ее существованию в этом районе, население сжилося с нею, приобрела исключительное значение»³. Подобные выводы указывали на тот факт, что различные продукты советского производства живут своей собственной, особой «социальной жизнью»⁴. В Узбекистане развитие хлопковых плантаций требовало лишь неквалифицированного труда для сбора урожая, а затем хлопок могли увозить куда-нибудь в другое место для дальнейшей обработки. В Сибири были свои нефтяные и газовые предприятия, но они рассматривались скорее как царство техники, чем как сфера особого национального опыта; более того, лишь только месторождение начинали эксплуатировать, топливо сразу же могло добываться с минимальным участием местного населения. Напротив, большинство грузинских продуктов нуждалось в тщательном

¹ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 40. Д. 3316. Л. 1–193.

² Подборка переписки Берии и Сталина о развитии сельского хозяйства Грузии опубликована в следующем издании: *Correspondence Between Lavrenty Beria and Joseph Stalin* / Eds. V. Guruli and O. Tushurashvili // *Archival Bulletin*. 2008. № 3, appendix. P. 4–106.

³ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 15. Д. 377. Л. 17.

⁴ Обращаясь преимущественно к капиталистической экономике, хотя и не только к ней, Аппадурай доказывает, что товары имеют свою «социальную жизнь», достойную исследования. См.: *Appadurai A. The Social Life of Things*.

выращивании и уходе, а грузинское вино местного производства приобретало дополнительную ценность и аутентичность. Может быть, социалистический рай субтропического сельского хозяйства и возник изначально в воображении плановиков из Москвы, но работали в этом раю по большей части грузины.

В послевоенный период значение товаров из Грузии еще более возросло. Если во второй половине 1930-х годов наблюдался рост покупательной способности нового советского среднего класса, то теперь миллионы жителей Советского Союза, которые понесли жертвы в военное время, были убеждены, что имеют право на компенсацию¹. Многие ожидали, что Советское государство предоставит своим гражданам такие же потребительские возможности, как и у жителей Западной Европы и Соединенных Штатов. Способность режима обеспечить более широкий и разнообразный выбор товаров, таким образом, стала важна для его легитимности в собственной стране и престижа за рубежом. В результате жизненно важное значение приобрела специализация Грузии на производстве пользующихся спросом товаров. Республика должна была в конечном итоге обеспечить производство 95% всего чая и 90% цитрусовых, выращиваемых в Советском Союзе, а также увеличить производство вин, наиболее популярных в социалистическом государстве².

Экономические показатели свидетельствуют о быстром развитии послевоенной Грузии. Государственные закупки грузинского винограда по сравнению с довоенным уровнем (36 тонн в 1940 году) выросли к 1965 году до 245 тонн³. Аналогичным образом, закупки цитрусовых почти удвоились: в 1940 году они составляли 23,3 тонны, а в конце 1960-х достигли в среднем 41,7 тонны в год⁴. За тот же период закупки сортового чайного листа из Грузии возросли более чем вчетверо (с 51,3 тонны в 1940 году до 231 тонны в год в среднем в конце 1960-х)⁵. Выпуск товаров, производимых в Грузии, также увеличился, в том числе винных изделий — более

¹ См.: Zubkova E. *Russia after the War*.

² Народное хозяйство СССР, 1972 / Центральное статистическое управление СССР. М.: Статистика, 1973. С. 350–352.

³ Народное хозяйство Грузинской ССР за 60 лет / Центральное статистическое управление Грузинской ССР. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1980. С. 245.

⁴ Грузия в цифрах / Центральное статистическое управление Грузинской ССР. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1985. С. 60.

⁵ Грузия в цифрах [1985]. С. 60.

чем в два раза (с 1,7 миллиона децилитров в 1940 году до 4,2 миллиона децилитров в 1965-м), а минеральной воды — более чем в пять раз (с почти 12 миллионов литров в 1940 году до приблизительно 63 миллионов литров в 1965-м). Земельные площади, отведенные под выращивание сельскохозяйственных культур, на которых специализировалась Грузия, существенно расширились, а эти продукты, в свою очередь, стали определяющими для развития грузинской экономики в целом¹. К началу 1960-х годов 28% всей сельскохозяйственной продукции Грузии составлял чай, 22% — виноград, 19% — цитрусовые и другие фрукты и 3% (небольшую, но значимую долю) — табак².

Товары, производимые в Грузии, успешно рекламировались государством далеко за пределами границ Грузинской ССР, и, возможно, самым ярким средством рекламы был Павильон Грузинской ССР на Выставке достижений народного хозяйства в Москве. Примечательной особенностью павильона, представлявшего собой миниатюрное воплощение субтропического рая Советской Грузии, был его фасад в дворцовом стиле: восемнадцатиметровой высоты, декорированный с использованием грузинских мотивов, поддерживаемый колоннами и обрамляемый живыми пальмами. В ходе хрущевской кампании по десталинизации из павильона убрали все символы, прославлявшие Грузию как родину Сталина, но экспозиция грузинских экзотических продуктов была еще более расширена³. Войдя в оранжерею павильона, расположенную за огромными витражными панелями, посетители могли видеть чайные кусты, апельсиновые и лимонные деревья, виноградные лозы, пальмы и бамбук⁴. В трех просторных выставочных залах посетители могли оценить вкус грузинских вин, чьи названия звучали на иностранный манер: «Ркацителы», «Мцване», «Цоликаури», не говоря уже о таких марках, как «Хванчкара» и «Киндзмараули», которые слыли любимыми винами Сталина и по-прежнему входили

¹ Грузия в цифрах / Центральное статистическое управление Грузинской ССР. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1969. С. 7.

² Грузия в цифрах / Центральное статистическое управление Грузинской ССР. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1965. С. 37.

³ Павильон «Грузинская ССР»: Путеводитель. 1939; Выставка достижений народного хозяйства СССР: Путеводитель. М.: Государственное научно-техническое изд-во машиностроительной литературы, 1959. С. 44–47.

⁴ Выставка достижений народного хозяйства СССР. С. 44.

в число вин, наиболее востребованных советским покупателем. Выставочная экспозиция, подготовленная грузинами, возглавлявшими «Главвино» (советскую организацию, которая занималась вопросами производства вин), подробно знакомила с процессом изготовления красного столового вина из Кахетии, охарактеризованного как «наиболее популярное вино в Советском Союзе»¹. Хотя в павильонах других республик также демонстрировалось сельскохозяйственное изобилие (даже когда обнаружить там природное изобилие было труднее), в грузинских природных богатствах чудилось нечто мифическое, и это ощущение усиливала настенная диорама возле входа в павильон, изображающая «Пламенную Колхиду» как напоминание посетителям, что Советская Грузия когда-то была землей Золотого Руна, за которыми плавали Язон и его спутники-аргонавты из греческого мифа².

Выставку оживляло присутствие реальных грузин, которые по обыкновению участвовали в особых мероприятиях и церемониальных Днях Грузинской ССР, почти каждый год проводившихся на ВДНХ³. На VI Всемирном фестивале молодежи и студентов в 1957 году представители Грузии подавали, за пределами павильона, посетителям вино и предлагали сигареты из грузинского табака последнего урожая, маркированные датой и местом события⁴. ВДНХ была ключевым звеном в планах организаторов, стремившихся «превратить Москву в город праздника», и грузинские танцоры играли заметную роль в фестивальных мероприятиях, исполняя традиционные «народные танцы», а также новые танцы, посвященные экономическому развитию, например вдохновленный садоводством «Танец детей-цветов»⁵. В других местах посетители могли оценить по достоинству «Танец шелка», «Танец хлопка» или «Танец таксистов»; в каждом случае экономическая деятельность превращалась в демонстрацию экономического изобилия⁶.

¹ РГАЭ. Ф. 8546. Оп. 1. Д. 923. Л. 36.

² Павильон «Грузинская ССР». М.: Государственное изд-во сельскохозяйственной литературы, 1954. С. 5–9.

³ Грузинская Советская Социалистическая Республика на ВДНХ СССР. М.: ВДНХ СССР, 1972. С. 19.

⁴ РГАСПИ. Ф. М-3. Оп. 15. Д. 95. Л. 53.

⁵ Там же. Л. 7.

⁶ Там же. Л. 49–57.

Грузины были вовлечены как в производство, так и в продажу своих товаров. Павильон Грузинской ССР был построен архитекторами из южной республики; грузинские художники разрабатывали дизайн товарных этикеток, который должен был соответствовать имперским вкусам. Например, коробки с грузинским чаем содержали доступный экзотический товар, ориентированный на всесоюзное потребление; помещая на них слова «Грузинский чай», дизайнеры подчеркивали национальное происхождение чая, а не его вкус. Хотя на чайных этикетках обычно приводились надписи только на русском языке, они были выполнены стилизованным кириллическим шрифтом, напоминавшим грузинский алфавит, и этикетки были украшены изображениями грузинской горной местности — ландшафта, воспетого в романтических произведениях русских поэтов и писателей XIX века, хорошо известных советским читателям. Украшением других этикеток служили изображения субтропического Черноморского побережья Грузии и его знаменитых продуктов, особенно цветов. Разумеется, существовала неизбежная взаимозависимость между грузинскими художниками, которые работали над дизайном товарных упаковок, подчеркивающим определенный тип национальной экзотики, и ожиданиями покупателей за пределами Грузии. Тем не менее акцент на инаковости не был просто навязан извне.

Грузины также играли ведущую роль в сфере распределения и торговли. Грузинские предприниматели в 1960-х и 1970-х годах могли находить новаторские и иногда нелегальные способы доставлять свои товары потребителю, но официально санкционированные каналы поставок, связывавшие производителей в Грузии с рынками в российских городах, существовали задолго до брежневской эпохи. Поставками к столу Сталина ведали грузинские специалисты, а знаменитый грузинский ресторан «Арагви» в Москве, как уже отмечалось, вплоть до конца 1950-х годов работал под эгидой Министерства торговли Грузинской ССР. Стремясь сделать товары производства своей республики более доступными для российских покупателей, грузины открывали производственные объекты в центре, в том числе винодельческие заводы в Москве и Ленинграде, которыми управлял Самтрест — грузинский союз производителей вина — и которые производили десятки тысяч бутылок вина и коньяка из винограда, поставляемого грузинскими совхозами.

Искушение использовать официальные торговые сети для получения личной выгоды присутствовало всегда, хотя его проявления какое-то время держали под контролем за счет жесткой сталинской дисциплины. Тем не менее уже при Сталине руководство Самтреста попало под следствие за хищения и растраты. В 1949 году на собрании руководства Главвина главный советник юстиции Министерства пищевой промышленности в деталях рассказал о крупномасштабных пропажах винограда и алкогольной продукции, которые, по всей видимости, произошли в ходе перевозок, по пути на заводы Самтреста в Москве и Ленинграде; еще больше было потеряно при отправке готовой продукции с заводов¹. В первые годы после смерти Сталина деятельность грузинских директоров Самтреста стала вызывать еще большую критику; в 1955 году все руководство Самтреста было смещено со своих постов по обвинению в хищении государственной собственности в целях личного обогащения². Однако в архивных материалах эпохи «малой сделки» практически невозможно обнаружить сведения об открытых обсуждениях злоупотреблений. Грузинские частные торговцы в этот период могли более свободно извлекать свою выгоду из существовавшей экономической инфраструктуры, которая связывала грузинские колхозы и совхозы с предприятиями и каналами распределения в российских городах.

Несмотря на рост производства в послевоенной Грузии, спрос по-прежнему превышал предложение. В частности, было трудно приобрести цветы, особенно в зимние месяцы³. В 1966 году в стенограмме всесоюзного совещания в Министерстве сельского хозяйства СССР со стыдом было отмечено, что из-за дефицита цветов советского производства Москве в предшествующем году пришлось ввозить срезанные цветы и цветочные луковицы из-за границы в обмен на твердую валюту⁴. В докладе о деятельности колхозов и совхозов Грузии, направленном в министерство почти десять лет спустя, отмечалось, что производством цитрусовых «еще

¹ РГАЭ. Ф. 8546. Оп. 1. Д. 547. Л. 49–50.

² Там же. Д. 1244. Л. 1–11.

³ Трудно найти данные о точном количестве выращиваемых тогда цветов, поскольку цветоводство в экономической статистике редко выделялось в особую категорию и чаще рассматривалось как отрасль садоводства.

⁴ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 35. Д. 60. Л. 282–283.

далеко не удовлетворяются потребности населения в этой ценнейшей продукции»¹.

Поскольку в эпоху «малой сделки» возможности неформальной торговли, за рамками официальных сетей распределения, явно возросли, на рынках по всему Советскому Союзу появилось множество грузин. У некоторых из них имелись хорошо налаженные контакты с официальными грузинскими предприятиями; другие в нужный момент наполняли свои чемоданы товарами, которые были легко доступны в Грузии, и ехали на своих автомобилях в российские города или покупали авиабилеты на рейс Тбилиси — Москва. Тот период характеризовался ростом количества личных автомобилей, а благодаря развитию сети авиаперевозок в 1960-х годах перелет из Грузии в Россию занимал менее трех часов и по стоимости был доступен большинству советских граждан².

Появление грузин на рынках городов России вело к менее срежиссированному и более проблемному взаимодействию с местным населением, чем контакты с посетителями ВДНХ. Диктуя свои мемуары в конце 1960-х годов, Хрущев заметил, что его охранники жалуются: «Везде грузины. Везде они спекулируют»³. Реальное общение не всегда оправдывало представления россиян о Грузии и грузинах: в ходе таких контактов последние использовали устоявшийся репертуар грузинской самопрезентации, но придерживались его не во всем, а в оборот вовлекались товары, не всегда соответствовавшие ожиданиям от грузинского бренда. Русский писатель Виктор Астафьев в одном из произведений, посвященном дорожным впечатлениям, описывает встречу с торговцем, которого, несмотря на национальное происхождение, «и грузином-то не поворачивается язык назвать» из-за его дурного поведения. Торговец, как пишет Астафьев, был похож на бесчисленное множество тех грузин, каких теперь можно встретить повсюду: «Как обломанный, занозистый сучок на дереве человеческом, торчит он по всем российским базарам, вплоть до Мурманска и Норильска,

¹ Там же. Оп. 40. Д. 3316. Л. 181.

² Об автомобильной культуре в Советском Союзе см.: Siegelbaum L. H. *Cars for Comrades: The Life of the Soviet Automobile*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2008.

³ Хрущев Н. С. Воспоминания. Т. 2. С. 59; на английском языке: *Memoirs of Nikita Khrushchev* / Ed. S. Khrushchev; transl. by G. Shriver. University Park: Pennsylvania State University Press, 2004. Vol. 2. P. 63.

с пренебрежением обдирая доверчивый северный народ». Даже если горожане были прежде знакомы с грузинами — реальными или воображаемыми, — они никогда не видели никого похожего на этих бойких предпринимателей с сельской окраины Советского Союза, на тех, о ком Астафьев сказал: «Жадный, безграмотный <...> везде он распоясан...»¹ Презрительные комментарии Астафьева явно отдают русским шовинизмом, но в это время в самой Грузии происходили важные перемены, под влиянием которых практика экономических связей, коренившаяся в южной республике, принимала все более агрессивный характер.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ В СОВЕТСКОМ «РАЮ»

Различия между Грузией и другими регионами Советского Союза, а также между грузинами и другими советскими гражданами чаще всего описывали в терминах климата и культуры. Никита Хрущев, когда диктовал в конце 1960-х годов свои мемуары, явно ставил на первое место климат. Пытаясь объяснить засилье грузин, которые «везде спекулируют», Хрущев вспоминал «Грузию, райский уголок Советского Союза, где растут цитрусы». Он предупреждал, что мифическое изобилие Грузии может обернуться пагубной стороной, и замечал, что «там много соблазнов для спекулянтов: тепло, виноград, много человеческих прелестей». Предложенное им объяснение заметной роли грузинских торговцев сводилось скорее к особенностям климата, чем к вопросам культуры; он даже сделал следующее допущение: «Если бы там жили люди другой нации, то те же пороки стали бы присущи этой другой нации... если бы русские там жили, то они делали бы то же самое»².

В то же время Грузия рассматривалась как территория самобытной культуры, очерченная внутренними границами; в постсталинскую эпоху эти границы стали еще резче благодаря политическим и экономическим практикам, целью которых было усиление контроля на местах. В анекдоте, относящемся, по всей видимости,

¹ Астафьев В. П. Ловля пескарей в Грузии // Наш современник. 1986. № 5. С. 125. Этот отрывок в английском переводе приводится в следующей работе: Draitser E. A. Taking Penguins to the Movies. P. 37.

² Хрущев Н. С. Воспоминания. Т. 2. С. 59; на английском языке: Memoirs of Nikita Krushchev. Vol. 2. P. 63.

к брежневским временам, приводился шуточный текст объявления по громкоговорителю на Тбилисском железнодорожном вокзале об отправлении поезда «из Тбилиси в СССР»¹. Для советских туристов, приезжавших в тропический рай, привлекательность Грузии заключалась в том, что она, казалось, существовала за пределами советских реалий. Они видели вывески и документы на грузинском языке, богатый выбор сельскохозяйственной продукции, которую на севере можно было достать лишь с большим трудом, наблюдали более высокий уровень жизни и красочную городскую повседневность Тбилиси. Даже те россияне, которые постоянно проживали в Грузии, иногда чувствовали себя скорее приезжими в зарубежной стране, чем гражданами СССР в одной из союзных республик. Казалось, что здесь по иным правилам строятся социальные взаимоотношения, профессиональная деятельность и в целом политика на республиканском уровне.

Хотя в Советском Союзе брежневского периода взятки и блат были распространены повсеместно, в анекдотах про коррупцию в Грузии подчеркивалось, что здесь она практикуется открыто, в соответствии с четкими неписаными правилами. В одном анекдоте рассказывалось о незадачливом приезде из России, который следовал на своем автомобиле по Военно-Грузинской дороге и был остановлен грузинским сотрудником автоинспекции. Тот велел русскому написать — «на грузинском языке» — объяснительную записку о том, почему он превысил скорость, хотя для водителя грузинский язык, разумеется, был чужим и он не умел ни говорить на нем, ни писать. Подумав, русский протянул автоинспектору несколько купюр, на что тот отреагировал следующим образом: «А говоришь, не умеешь, — вот уже половину написал»². Хотя в подобных анекдотах грузинская коррупция изображалась «с дружелюбным лицом», в них также подчеркивалось, что жертвами вымогательства могут стать русские и тем самым может быть опрокинута предполагаемая имперская иерархия.

В повседневной жизни инаковость Грузии иногда могла вызывать раздражение. Некоторые русские, проживавшие в Тбилиси, выражали свое крайнее недовольство тем, что к ним не относятся с должным почтением или, хуже того, что они чувствуют себя

¹ Draitser E. A. Taking Penguins to the Movies. P. 41–42.

² Анекдоты от... и до... / Под ред. В. В. Куликова. СПб.: Кристалл, 1998. С. 476–477.

гражданами второго сорта в советской республике, которую считают своей. В советской литературе, посвященной «дружбе народов», русские описывались как исторические покровители и защитники Грузии, а ведущая роль русского народа стала еще более подчеркиваться на официальном уровне после победы в Великой Отечественной войне¹. Тем не менее в послевоенный и постсталинский периоды Грузия в этническом смысле сделалась даже более «грузинской», чем прежде, что отчасти было связано с миграцией из нее русских². В то время как Политбюро ЦК КПСС в Москве стало по своему составу еще более славянским, руководство южной республики оставалось в большинстве своем грузинским, что соответствовало сохраняющемуся стремлению Москвы править, опираясь на местные элиты³. К 1970 году грузины составляли 76% членов республиканской коммунистической партии⁴. Эти особенности и становились основанием для недовольства русских; в их жалобах отражались также широко распространенные представления, что сама власть в Грузии в высшей степени персонализирована, а государственные ресурсы контролируются грузинами с помощью неформальных связей.

Представители других проживавших в республике этнических меньшинств, особенно армяне, были солидарны с русскими в их жалобах на грузинское доминирование. В письме, отправленном в ЦК КПСС в разгар протестного движения 1956 года, офицер вооруженных сил Г. В. Сухиасов, армянин, проживавший в Тбилиси, жаловался на дискриминацию со стороны грузин. Больше всего его задевало то, что грузины, по его словам, заняли все руководящие позиции в республике, тогда как армяне и русские могут рассчитывать лишь на работу под началом грузин. Вопреки предполагаемому имперскому распределению ролей, «большинство рабочих»

¹ О влиянии советской идеологии на историографию Кавказа см.: *Tillett L. The Great Friendship*.

² Миграция русских из Грузии была частью общей тенденции этнической гомогенизации южных республик. См: *Silver B. D. Population Redistribution and the Ethnic Balance in Transcaucasia // Transcaucasia*. P. 373–395.

³ Как отмечает Джереми Смит, с 1971 года и вплоть до смерти Брежнева все вновь назначенные члены Политбюро были славянами: семь русских и один украинец. См.: *Smith J. Red Nations*. New York: Ballantine Books, 1976. P. 217.

⁴ Коммунистическая партия Грузии в цифрах (1921–1970 гг.) (Сборник статистических материалов). Тбилиси, 1971. С. 176, 265; цит. по: *Suny R. G. The Making of the Georgian Nation*. P. 314.

в республике составляют русские и армяне, в то время как «директор, секретарь парткома, месткома и прочее руководство — одни грузины»¹. Он отмечал, что нельзя найти ни одного «учреждения, предприятия, учебного заведения, где бы директором или начальником был бы негрузин». Еще больше его возмущало то, что грузины могут обходить правила, пользуясь поддержкой руководства, которое для них является «своим», и наконец — это было хуже всего — считают себя по праву рождения лучшими, чем представители других этнических групп: «И многие такие руководящие товарищи-грузины искренне верят, что они лучше, умнее и способнее товарищей других национальностей и что командовать [имеют] право только одни они, ибо [они] в Грузии, где они люди первого сорта, а все другие — нечто вроде второго сорта»².

В других подобных письмах выражался протест против дискриминации русских и звучали жалобы на «недостаток уважения» к русским женщинам со стороны грузинских мужчин³. Не только жившие в Тбилиси русские чувствовали, что нарушены их представления об имперской иерархии, — туристы, покидавшие тесные квартиры в России ради отпуска на черноморских курортах Абхазии, видели, что прибрежные утесы застроены внушительными двух- и трехэтажными частными домами, возведенными — легально и нелегально — на средства от торговли цитрусовыми, чаем, табаком и вином на российских рынках⁴.

Хотя государственный контроль над колхозами — и особенно над личными приусадебными участками колхозников — везде был не слишком эффективным, грузинские колхозы в своей экономической деятельности переступали черту дозволенного даже в период «малой сделки»⁵. Поскольку было понятно, что на рынке цены

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 60. Л. 79–85.

² Там же. Л. 79–85.

³ Конкретные примеры см.: Там же. Л. 93–94; ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 107. Д. 185. Л. 6–7.

⁴ О том, как строительство этих роскошных домов освещалось в прессе, см.: Дельцы и тунеядцы в курортных городах // Правда. 1963. 3 августа. С. 3. Тот факт, что местные власти часто закрывали глаза на подобные явления, освещался в отчете Центрального комитета Коммунистической партии Грузинской ССР за 1964 год. См.: Архив МВД Грузии. Отдел II. Ф. 14. Оп. 39. Д. 265. Л. 61–87.

⁵ О явно недостаточном государственном контроле над колхозами в целом и грузинскими колхозами в особенности см.: Grossman G. The Second Economy of the USSR. P. 25–28.

заведомо выше, чем у государства, грузинские сельскохозяйственные культуры все в больших масштабах выращивались на личных приусадебных участках и продавались частными торговцами. Согласно докладу Министерства сельского хозяйства СССР, к середине 1970-х годов 40% грузинского винограда выращивалось на личных участках. В докладах было также зафиксировано, что качество чая и табака, закупаемых государством, заметно снизилось — вероятно, потому, что лучший чай и табак теперь продавали частные торговцы¹.

Нетипичные по советским представлениям статистические доклады, поступавшие из Грузии, тревожили плановиков Москвы. В докладе от 1965 года было отмечено, что в предшествующем году 25,7% трудоспособного населения Грузии было занято не в государственных предприятиях промышленного и сельскохозяйственного производства, а в той сфере, которую государство именovalo «личным подсобным хозяйством»; этот показатель был гораздо выше, чем средний по Советскому Союзу, составлявший 17,2%². Характерно, что в период с 1960 по 1971 год Грузия по темпам роста национального дохода занимала среди республик СССР третье место снизу — и при этом в 1970 году средний сберегательный вклад в Грузии почти в два раза превышал средние показатели по всему Советскому Союзу³.

Посещая грузинские колхозы, представители власти находили все больше поводов для беспокойства. Вокруг колхозов рыскали спекулянты, покупавшие у колхозников продукты, чтобы перепродать их на российских рынках. В адресованной Центральному комитету КПСС справке о положении дел в Абхазии за 1962 год говорилось, что более двух тысяч колхозников в регионе не принимают участия в «общественно полезном труде»⁴. Источником беспокойства для руководства становились не только «вредные элементы», роящиеся вокруг колхозов, но и сами колхозники, чье поведение также было далеко от идеала. В справке за 1976 год, адресованной Коммунистической партии Грузии, содержалось требование

¹ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 40. Д. 3316. Л. 118–122.

² Там же. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 185. Л. 5–6.

³ Народное хозяйство СССР 1922–1972: Юбилейный статистический ежегодник. М., 1972. С. 360; цит. по: *Suny R. G. The Making of the Georgian Nation*. P. 304.

⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 222. Л. 68–69.

обратить внимание на несанкционированное использование наемного труда в абхазских колхозах: пока сами колхозники занимались извлечением личной выгоды, на их рабочих местах в колхозе за плату трудились другие люди¹. Чтобы избежать нежелательного вмешательства центральной власти и превратить руководителей, посещавших Черноморское побережье Грузии, в своих политических покровителей, грузины использовали кавказские практики угощения гостей. В справке за 1959 год, направленной в ЦК КПСС, был затронут этот вопрос применительно к Абхазии:

Устройство различных банкетов и угощений руководящих работников имеет в республике широкое распространение, что способствует созданию обстановки благодушия, беспринципности в работе, при этом делаются всяческие попытки объяснить такую щедрость абхазскими обычаями, хотя все банкеты и угощения устраиваются за счет государства, колхозов или собираются деньги с инициаторов этого угощения².

В советской экономике с характерным для нее дефицитом еда и напитки имели реальную экономическую ценность, а их использование в кавказских ритуалах гостеприимства должно было наглядно показать, какое богатство можно заработать на взаимовыгодных сделках между центром и периферией³. По мнению грузина, связанного с советской строительной индустрией, некоторые из роскошных особняков, возведенных на Черноморском побережье Абхазии, принадлежали ведущим советским руководителям и директорам предприятий. Неприкосновенность собственности гарантировалась; для новых обитателей особняков устраивали пиршества местные чиновники и предприниматели, которым важно было заручиться покровительством и поддержкой в Москве⁴.

Недостаток контроля, превративший Грузию в базу нелегальной торговли сельскохозяйственной продукцией, сделал ее питательной

¹ Архив МВД Грузии. Отдел II. Ф. 14. Оп. 52. Д. 720.

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 124. Л. 79.

³ Можно с уверенностью сказать, что абхазские обычаи гостеприимства и традиции поить и кормить гостей были очень близки соответствующим обычаям грузин и других народов Кавказа.

⁴ Интервью автора с «С.» (респондент пожелал сохранить анонимность). Тбилиси, 4 ноября 2008 года.

почвой для всевозможных подпольных предпринимателей. Степень общественной терпимости к нелегальному предпринимательству всегда была здесь относительно высока. По воспоминаниям тех, кто жил в этой южной республике на закате советского периода, в 1960-х годах многие грузины не считали хищение государственных ресурсов серьезным преступлением — до той поры, пока расхититель ведет себя в соответствии с неформальными культурными нормами обязательств и приличий¹. Это было частью общей тенденции: современники из России и других регионов СССР вспоминают, что терпимое отношение к тому, чтобы воровать у государства, было тогда распространено в Советском Союзе повсеместно². И все же нигде более во всем Союзе схемы хищения и нелегального использования государственных ресурсов не воспринимали с такой терпимостью и даже восхищением, как среди советских грузин. Хотя предприниматели руководствовались в основном соображениями прибыли, многие грузины потворствовали присвоению богатств государства, центр которого был территориально далеким и становился все в большей степени русифицированным. Слухи о дерзких экономических схемах и демонстрациях богатства часто сулили в кругах грузин скорее престиж, чем порицание, позволяя предпринимателям находить последователей среди друзей, родственников и знакомых и обеспечивая им возможность завязывать контакты за пределами Грузинской ССР. Но, расширяя сферу своего влияния, эти предприниматели, безусловно, и увеличивали риск привлечь к себе внимание центральных властей.

ГРУЗИНСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СЕТИ И ИХ ПРЕДЕЛЫ

В 1970-х годах Константин Симис, старший научный сотрудник Института советского законодательства Министерства юстиции, в рукописи, написанной в Москве и изданной позже за рубежом, описывал Советский Союз как государство, где «права и обязанности граждан... определяются не Конституцией или каким-либо

¹ Интервью автора с «Д.» (респондент пожелал сохранить анонимность). Тбилиси, 4 ноября 2008 года.

² Об отношении к коррупции в Советском Союзе см.: *Staats S. K. Corruption in the Soviet System // Problems of Communism*. 1972. № 21. P. 40–47.

писаным законом, но целым комплексом неписаных правил, которые, хотя нигде не публикуются, прекрасно известны всем советским гражданам»¹. Условия «малой сделки» были выработаны именно таким образом — как молчаливое соглашение между государством, частными торговцами и городским населением Советского Союза. Пока неформальная торговля велась в допустимых пределах, государство хранило молчание — и точно так же безмолвны архивные материалы того периода. Государство проявляло беспокойство и инициировало появление соответствующих документов только в случае, когда, с точки зрения чиновников, нарушались границы допустимого. О том, где начинаются и кончаются эти границы, иногда можно было спорить, но в конечном итоге они определялись и охранялись с помощью избирательного применения существовавшего на тот момент советского законодательства. Тем самым государство стремилось «уक्रотить» неформальные сети обмена, когда они слишком разрастались, подрывали принципы центрального контроля или выходили за пределы государственных рубежей — или же когда предприниматели своим поведением демонстрировали открытое пренебрежение советской идеологией.

Показательный тому пример — дело Александра Бедии. КГБ вмешался лишь тогда, когда дело вышло за пределы отдельно взятой республики, особенно когда похищение Бедией секретных документов нарушило централизованную систему контроля и помешало всевидящему комитету исполнять свои надзорные функции². Если бы не был найден труп на берегу реки — не была бы выведена на чистую воду сеть грузин, вовлеченных в нелегальную деятельность. Если бы режим секретности КГБ не был нарушен коррумпированным сотрудником правоохранительных органов — в распутывании дела не был бы задействован огромный потенциал государства в области слежки и уголовного преследования. Сведения о нелегальных местах жительства, поддельных паспортах и о частной жизни грузинских спекулянтов в Москве — все эти второстепенные

¹ Simis K. USSR: The Corrupt Society. New York: Simon and Shuster, 1982. P. 23–24.

² «Паноптизм» (всепроницающий взгляд) считается одним из важнейших принципов современной пенитенциарной системы. См.: Foucault M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison. New York: Vintage Books, 1995. P. 195–228. [В русском переводе: Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. С. 285–334. — *Примеч. пер.*]

детали, не имевшие прямого отношения к делу Александра Бедии, скрупулезно фиксировались следователями. Дополнительные обвинения, возможно, были нужны как способ вынудить сообщников Бедии к признанию; этот метод предположительно использовался наряду с хорошо отработанной КГБ техникой: брать показания у самых разнообразных лиц, а затем использовать несовпадения в показаниях и обвинять подозреваемых в намеренном введении следствия в заблуждение¹. Вероятно, поэтому Джвებенава не понес наказания за свои экономические преступления — ему лишь угрожали предъявлением обвинения в лжесвидетельстве, чтобы побудить выдать информацию о жестоком убийстве, совершенном Бедией, и о предпринятой последним краже секретных материалов из сейфа КГБ².

С еще большим рвением КГБ вмешивался, если торговцы из сферы советской теневой экономики в своих операциях пересекали государственные границы. Уголовные дела, возбужденные КГБ Грузинской ССР по итогам серии рейдов, предпринятых в 1972 и 1974 годах, проливают свет на усилия по пресечению деятельности международных контрабандных группировок грузинских моряков, которые тайком ввозили товары в страну, чтобы потом продать их на советских рынках. В числе перемещенных контрабандным путем значились золотые монеты и иностранная валюта, чайные сервизы, женские шарфы «зарубежного производства», японские шейные платки и жевательная резинка «Ригли»³. Для грузинских моряков было типичным привозить из рейсов несколько предметов одежды, приобретенных за рубежом, в качестве подарков для друзей, родственников и коллег⁴. Тем не менее в КГБ были убеждены, что существуют и лучше организованные контрабандистские шайки, которые действуют в большем масштабе.

¹ Отказ или уклонение от дачи показаний, а также заведомо ложные показания являлись преступлениями против правосудия, предусмотренными в статьях 182 и 181 Уголовного кодекса РСФСР соответственно. Этот метод ведения следствия, безусловно, не был уникальным изобретением сотрудников правоохранительных органов СССР, хотя неоднократно применялся во время расследования по делу Бедии.

² Архив МВД Грузии. Отдел I. Ф. 6. Д. 29174-74. Т. 15.

³ Список этих товаров приводится в нескольких делах. См.: Там же. Д. 29150-72 (1971-1972), 29156-72 (1972), 29195-75 (1974).

⁴ Например, один моряк привез платье, приобретенное в Гибралтаре, для знакомой, которая обещала ему взамен коньяк. См.: Там же. Д. 29156-72. Л. 28.

Получив инсайдерскую информацию, сотрудники КГБ задержали несколько крупных партий контрабандных товаров, прибывших в грузинский порт Поти на Черном море. Эти товары были приобретены грузинскими моряками в иностранных портах, в одном случае — при содействии болгарского экипажа другого корабля. Арестовав и допросив моряков, вовлеченных в нелегальный ввоз товаров через советские границы, сотрудники КГБ затем требовали от них на допросах детальных сведений о масштабах деятельности контрабандистов в Грузии.

В наиболее тщательно расследованном случае КГБ выявил круг людей, не имевших постоянной работы, но располагавших загадочным источником стабильного поступления золотых монет. Среди них был Абрам Элишакашвили, грузинский еврей, по последнему официальному месту работы — «мастер по изготовлению мороженого» в ресторане на одном из железнодорожных вокзалов в Западной Грузии¹. В последние годы, по словам одного из свидетелей, Элишакашвили «всегда можно было увидеть на базаре в Поти», где он продавал и покупал контрабандные товары. «Абрашка», как его называли на рынке, платил тысячные суммы грузинским морякам, чтобы они взамен привозили золотые монеты и потребительские товары. Монеты он оставлял себе, а товары распространял через своих сообщников, которые продавали их туристам на ялтинском курорте, или же сбывал через «местных цыганок» в Кутаиси. У него было несколько помощников из его родной деревни, расположенной на западе Грузии; все они были грузинскими евреями, хотя их социальные связи включали и этнических грузин². Один из этих помощников работал вместе с Элишакашвили в официальной торговой системе железной дороги в 1950-х годах, когда они только начали вовлекаться в контрабандную торговлю. Некоторые из сообщников Элишакашвили, участвовавшие в его операциях, позже выехали в Израиль, и это было воспринято как показатель, что

¹ Там же. Д. 29150-72. Т. 3. Л. 2.

² Грузинские евреи принадлежали к сообществу, которое проживало в Грузии более двух тысяч лет. Члены этого сообщества говорили на грузинском как на родном языке, носили фамилии с грузинскими окончаниями и во многом придерживались тех же культурных традиций, что и их грузинские соседи. См.: *Chichinadze Z., Chikovani V. kartveli ebralebi sakartveloshi*. Tbilisi: Metsniereba, 1990 (На русском языке: *Чичинадзе З. Грузинские евреи в Грузии* / [Подгот. к изд. и послесл. В. Чиковани]. Тбилиси: Б.и., 1990. — *Примеч. пер.*)

и сам Элишакашвили в ближайшем будущем планировал эмигрировать. Возможно, золотые монеты были нужны ему именно для того, чтобы иметь запас легко конвертируемой валюты при выезде из страны¹.

В папках, где хранится данное дело, не указан ни характер, ни источник сведений, благодаря которым власти были предупреждены о прибытии контрабандных товаров. Может быть, Элишакашвили привлек к себе внимание следствия из-за связей с членами грузинского еврейского сообщества, которые недавно эмигрировали из страны. Возможно также, что данное дело было одним из проявлений повсеместного закручивания гаек в сфере нелегальной экономической деятельности, которым сопровождалась в тот год отставка первого секретаря ЦК Коммунистической партии Грузии Мжаванадзе. Как бы то ни было, этот случай и подобные ему показывают, что КГБ мог быстро мобилизовать свои ресурсы, когда торговцы пересекали государственные границы, доставляя контрабандные товары в Советский Союз или же вывозя их контрабандой обратно за рубеж (как, возможно, Элишакашвили рассчитывал поступить со своими золотыми монетами). Государственные границы должны были оставаться такими же неприкосновенными, как и режим информации. В рамках серии репрессивных мер против контрабандистов глава следственного отдела КГБ Грузии предложил, чтобы всех моряков более тщательно проверяли, прежде чем отправить в заграничное плавание, и чтобы во время стоянок в заграничных портах им разрешалось проводить на берегу лишь ограниченное время и притом в дневные часы².

Негативное внимание прессы и протесты российских учреждений и предприятий также побуждали грузинские власти принимать меры против торговцев в сфере теневой экономики. В 1967 году, 16 мая, Совет министров Грузинской ССР обсуждал нелегальную торговлю цветами, которую вели грузины на московских рынках. Доклад Совета министров Грузии был подготовлен по специальному запросу первого секретаря Коммунистической партии Грузии Мжаванадзе в ответ на многочисленные жалобы Московского горсовета, на письма, опубликованные в центральных и местных российских газетах, а также на протесты московского государственного

¹ Архив МВД Грузии. Отдел I. Ф. 6. Д. 29150-72. Т. 4. Л. 47.

² Там же. Д. 29195-75. Т. 2. Л. 180-183.

торгового предприятия «Цветы»¹. Согласно докладу, с того момента как Московский горсовет разрешил цветоводам реализовывать свою продукцию непосредственно на улицах Москвы, грузины начали доминировать на цветочном рынке, продавая цветы по высоким ценам. Эти грузины сами цветоводством не занимались, а были людьми «без определенных занятий», которые перевозили «большие партии цветов» многочисленными челночными авиарейсами из Тбилиси в Москву. Имелась информация, что во избежание растущего общественного недовольства продажей цветов по ценам, в три-четыре раза превышающим государственные, грузинские предприниматели для продажи своего товара в Москве «нанимают за определенное вознаграждение местных граждан». Кроме того, московское предприятие, занимавшееся торговлей цветами, подало жалобу о том, что вследствие нелегальных продаж столь огромного количества цветов из Грузии оно недополучило 800 тысяч штук цветов, которые заказывало в этой республике в ноябре — декабре 1966 года. Проблема сохранялась и в текущем году: в первые четыре месяца 1967 года Грузия не выполнила обязательств по поставке 1 миллиона штук цветов, которые должны были быть поставлены по официальному договору московского предприятия с Центральным союзом потребительских обществ Грузии (*Цекавишири*)².

В том, что касается истинных масштабов нелегальной торговли цветами, архивные данные могут быть дополнены зарисовками повседневной жизни из советской литературы того времени. В романе, опубликованном в ФРГ в 1977 году, русский еврей, писатель-эмигрант Эфраим Севела затронул вопросы цветочного бизнеса, описывая деятельность своего персонажа — грузина по имени Вахтанг:

На Кавказе, где и зимой лето, цена одному цветку от силы — копейка, в Москве самое меньшее — рубль. Прибыль — стократная. Рейс самолетом Тбилиси — Москва и обратно — шестьдесят рублей. Вахтанг упаковует, спрессует в два чемодана сорок тысяч единиц цветов. Это сорок тысяч рублей. Состояние. Расходы — билет в два конца да сотня-другая на девиц и рестораны. Ну, еще пару сот милиции да инспектору, чтобы не лезли не в свое дело. Все остальное — прибыль³.

¹ Там же. Отдел II. Ф. 14. Оп. 42. Д. 318. Л. 10–12.

² Там же. Л. 10–11.

³ Севела Э. Остановите самолет — я слезу! Munich: F. Zeuner, 1977. С. 22–23.

Для советских граждан было немыслимо прийти на вечеринку, торжество или дружеский обед без букета цветов, но Советский Союз имел не так уж много регионов, где климат позволял вырастить достаточно цветов для удовлетворения нужд советского потребителя. Архивные данные подтверждают, что торговля цветами была крупномасштабной отраслью теневой экономики и привлекала внимание республиканских властей Грузии, хотя в конечном счете грузинские лидеры воздержались от суровых репрессивных мер по борьбе с несанкционированной торговлей. Напротив, Совет министров Грузинской ССР распорядился, чтобы Центральный союз потребительских обществ Грузии рассмотрел возможность открытия в Москве официального магазина для продажи цветов из южной республики напрямую потребителям¹.

Торговля цветами была не единственным примером толерантного отношения местных чиновников к нелегальной экономической деятельности. Под руководством первого секретаря ЦК Коммунистической партии Грузии Мжаванадзе теневые предприниматели стали особенно заметны в грузинском обществе — они строили новые дома, устраивали роскошные празднества, занимались благотворительностью². Некоторые предприниматели создавали подпольные предприятия, где использовали государственные ресурсы для выпуска дешевых потребительских товаров³. Эти «бизнесмены» или «дельцы» (по-грузински — *сакмосанеби*) обогащались не только за счет реализации типично грузинской продукции, но и благодаря тому, что выявляли и производили менее роскошные «нишевые товары», на которых обычно специализируются «меньшинства-посредники»⁴. Зачастую такие дельцы официально числились управленцами среднего звена на фабриках, а на самом деле заправляли на этих фабриках несанкционированным производством товаров народного потребления и распространяли их для продажи по всему Советскому Союзу.

¹ Архив МВД Грузии. Отдел II. Ф. 14. Оп. 42. Д. 318. Л. 12.

² Интервью автора с «С.».

³ О грузинских подпольных предпринимателях и преступном мире 1970-х годов см.: Раззаков Ф. Бандиты семидесятых, 1970–1979. М.: Эксмо, 2008.

⁴ Слово «дельцы» было неофициальным термином, поскольку сам частный бизнес находился под запретом. Этот термин тем не менее использовался в устной речи и иногда появлялся в архивных документах, когда предпринимателей обвиняли в крупных экономических преступлениях; см.: Bonacich E. A Theory of Middleman Minorities.

Наиболее знаменитым дельцом того периода был Отар Лаишвили, вовлеченный в нелегальное производство самых разнообразных предметов повседневного спроса — от пляжных тапочек до свитеров и плащей. К концу 1960-х годов Лаишвили возглавлял обширную производственно-торговую сеть и, если верить слухам, зарабатывал миллионы рублей, продавая свои товары по доступным ценам по всему Советскому Союзу. В Грузии он создал предприятия, которые производили нелегальную продукцию из государственных материалов, тогда как в России его сообщники занимались продажей этой продукции и следили за выплатой взяток сотрудникам правоохранительных органов¹. Как писала газета «Труд», Лаишвили часто ездил в Москву, где мог «накрывать тысячные столы», если его любимая футбольная команда, тбилисское «Динамо», выигрывала матч². Операции, которыми руководил Лаишвили, достигали такого масштаба, что их нелегко было скрыть. Впрочем, у него не было особых причин для беспокойства в Тбилиси, где чиновники старательно закрывали глаза на его деятельность. Говорили, что Лаишвили сделал несколько ценных подарков супруге первого секретаря ЦК Коммунистической партии Грузии Мжаванадзе, украинке по имени Виктория, которая прославилась роскошными вечеринками для друзей и своим «салоном», так что некоторые тбилисские остряки называли период расцвета теневых богатств и коррупции грузинской «викторианской эпохой»³.

Падение Лаишвили совпало с отставкой Мжаванадзе в 1972 году и с карьерным взлетом Эдуарда Шеварднадзе, который в качестве министра внутренних дел Грузии возглавил антикоррупционную кампанию против множества грузинских «рублевых миллионеров», связанных с Мжаванадзе⁴. В 1972 году Шеварднадзе в секретном докладе отмечал, что ему удалось добиться прогресса в раскрытии подпольных цехов Лаишвили⁵. Стараясь найти тон, который

¹ О деятельности Лаишвили пишет Ф. Раззаков в книге «Бандиты семидесятых».

² Статья в газете «Труд» цитируется журналистом Хедриком Смитом, который в те годы путешествовал в Грузию. См.: *Smith H. The Russians*. P. 128.

³ Викторию также иногда называли «царица Тамара» — в честь прославленной средневековой грузинской правительницы (см.: *Clark W. A. Crime and Punishment in Soviet Officialdom: Combating Corruption in the Political Elite, 1965–1990*. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1993. P. 53–55).

⁴ *Smith H. The Russians*. P. 129–130.

⁵ Архив МВД Грузии. Отдел II. Ф. 14. Оп. 45. Д. 457. Л. 9–14.

заведомо пришелся бы по нраву его начальству в Москве, мечтавшему обуздать грузинскую теневую экономику, Шеварднадзе подчеркивал пагубное влияние подпольной продукции не только на Грузию, но и в целом на «экономическую основу Советского государства».

В докладе Шеварднадзе, возможно, имелся в виду самый прозаичный нишевой товар производства цехов Лазишвили — легко транспортируемые разноцветные сетчатые капроновые сумки («авоськи»). Сама банальность этого конкретного товара говорит о специфике советской теневой экономики. Эти сумки были столь широко востребованы, поскольку дефицит в официальных торговых сетях заставлял советских граждан всегда носить с собой хозяйственную сумку — в расчете на то, что вдруг где-то поступят в продажу нужные товары. Расследование, предпринятое Шеварднадзе, выявило, что Лазишвили по крайней мере в одном случае использовал 460 килограммов государственного нейлона, чтобы произвести 30 тысяч сумок общей стоимостью 57 тысяч рублей¹. Поскольку эти сумки производились из похищенного государственного сырья и продавались по доступным ценам через торговые сети, которые возглавлял Лазишвили, они гарантированно приносили подпольному предпринимателю солидную прибыль. Как отмечал в своем докладе Шеварднадзе, в Грузии существовало по меньшей мере двенадцать подпольных цехов, занятых производством авосек. Однако та самая командная экономика, которая порождала дефицит и длинные очереди, не могла справиться с проблемой потребительского спроса, которую решал Лазишвили.

Будучи теневым предпринимателем с широкими политическими связями, Лазишвили вел комфортный образ жизни между Тбилиси и Москвой. Он был членом партии и, хотя не имел высшего образования, официально числился заместителем директора лаборатории на крупнейшем заводе по производству синтетических материалов². Когда следствие, предпринятое Шеварднадзе, набрало обороты, Лазишвили решил бежать в Москву, где, по слухам, надеялся заручиться протекцией Романа Руденко, генерального прокурора Советского Союза. Сотрудники КГБ, во главе которого тогда стоял Юрий

¹ Архив МВД Грузии. Отдел II. Ф. 14. Оп. 45. Д. 457. Л. 10.

² Там же.

Андропов, арестовали Лазишвили якобы в приемной Руденко; как и в случае Бедии, КГБ вмешался и одержал победу в потенциальном споре с другим советским правоохранительным учреждением¹. Тем не менее в конце концов грузинский предприниматель успешно воспользовался своими связями в высших эшелонах советской власти². Хотя он попал под суд, а его дело освещалось советской прессой как показательное, он избежал смертной казни и был приговорен к пятнадцатилетнему сроку тюремного заключения, часть которого провел в медицинской клинике. Далее дело спустили на тормозах. Мжаванадзе был тихо смещен с поста первого секретаря ЦК Коммунистической партии Грузии и кандидата в члены Политбюро. Как следует из протокола заседания Центрального комитета КПСС, отставленный грузинский лидер был «освобожден от обязанностей кандидата в члены Политбюро» и отправлен на пенсию «по возрасту»; решение по этому «организационному вопросу» было принято единогласно, без упоминаний о злоупотреблениях властью со стороны Мжаванадзе, хотя само умолчание о долгом периоде его партийной работы и о его заслугах, демонстрируемое Брежневым, возможно, служило формой неявного осуждения³. Ни одного из сообщников Лазишвили, находившихся в Москве, не тронули, да и другие дельцы, действовавшие за пределами Грузии, избежали наказания — даже после того, как в конце 1972 года Шеварднадзе стал первым секретарем ЦК Коммунистической партии Грузинской ССР. Тем не менее подпольные предприниматели в Грузии умерили свою активность и особенно публичную демонстрацию богатства, по крайней мере на несколько последующих лет.

Со временем инициированная Шеварднадзе антикоррупционная кампания пошла на спад, притом что массовая потребность в грузинских товарах сохранялась и многие жители республики по-прежнему благосклонно относились к дельцам. К концу 1970-х годов закручивание гаек начиналось, только если ЦК Коммунистической партии Грузии и грузинский Совет министров принимали очередное решение о «борьбе со спекуляцией и хищениями социалистической собственности» или если соответствующие указания

¹ Эти сведения об аресте Лазишвили приводятся в книге Кларка: Clark W. A. *Crime and Punishment in Soviet Officialdom*. P. 155.

² О связях Лазишвили с советскими чиновниками см.: Simis K. *USSR*. P. 66–68.

³ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 280. Л. 62.

поступали из центра¹. Ответом на такие решения становился внезапный всплеск активности правоохранительных органов, который должен был продемонстрировать, что намеченные цели достигнуты, а задачи выполнены. Стимулы для нелегальной торговли и подпольного производства сохранялись, и, несмотря на попытки Шеварднадзе через публикации в газетах и выпуски телепередач привлечь общественное внимание к проблеме коррупции, секретные доклады Министерства внутренних дел Грузии свидетельствуют, что грузинское общество по-прежнему терпимо относилось к экономическим преступлениям — тревожная тенденция, сигнализирующая об отступлении от советских ценностей, которые предположительно разделялись всеми². Даже могущественное советское государство не могло взять под свой контроль все грузинское общество и не проявляло соответствующей политической воли.

По всем признакам теневая экономика продолжала развиваться. Справки о периодических операциях правоохранительных органов дают некоторое представление о масштабах неформальных торговых сетей Грузии в тот период, хотя историки могут только догадываться о размахе той деятельности в сфере теневой экономики, которая ускользнула от внимания властей или же терпимо воспринималась ими. Справка за 1980 год содержит детальное описание крупных и, по-видимому, хорошо организованных групп нелегальных торговцев и производителей, вовлеченных в перевозку контрафактного грузинского вина в Пермскую область Российской Федерации³. В производстве, отгрузке и продаже контрафактного вина, согласно справке, участвовало по меньшей мере пять групп, в каждую из которых входило от одиннадцати до девятнадцати человек. К сожалению, в справке приведены лишь немногие детали биографий лиц, вовлеченных в подпольный бизнес, но указано, что эти лица, вероятно, были связаны с управленцами из сферы

¹ Архивы ЦК Коммунистической партии Грузинской ССР свидетельствуют, что подобные резолюции принимались примерно раз в пять лет, — см. резолюции от 1963, 1968, 1974 и 1979 годов: Архив МВД Грузии. Отдел II. Ф. 14. Оп. 39, 44, 49, 119. Другие подобные резолюции были приняты в 1972 и 1982 годах, когда происходили перемены во власти.

² Там же. Оп. 52. Д. 720. Озабоченность государства подобными общественными настроениями проявляется в середине 1960-х годов, когда эти тенденции впервые были упомянуты в официальном докладе (см.: Там же. Оп. 39. Д. 409. Л. 132–149).

³ Там же. Оп. 119. Д. 1142. Л. 1–14.

легальной экономики, через которых и получали сырье для производства вина. Как сообщалось в справке, они сосредоточили в своих руках «солидные суммы» денег в результате производства вина из сырья, похищенного в «особо крупных размерах». Властные органы, по всей видимости, лишь тогда обратили внимание на эти теневые операции, когда несколько россиян отравились и даже умерли из-за потребления фальсифицированного продукта. Несмотря на официальную политику закручивания гаек, в справке отмечалось, что несколько человек, вовлеченных в подпольные операции, взято под стражу, остальные же еще не привлечены к ответственности, а одному из задержанных удалось каким-то образом бежать, впрочем ненадолго.

Еще одна кампания против нелегальной торговли грузинской сельскохозяйственной продукцией была предпринята в 1982 году¹. Справки, в которых освещается ход этой кампании, свидетельствуют о продолжавшемся росте нелегальных грузинских торговых сетей. Широкий размах операции правоохранительных органов, возможно, объяснялся ростом влияния Юрия Андропова, который ближе к концу этого года сменил Брежнева на посту генерального секретаря ЦК КПСС. Действуя по указаниям Центрального комитета партии, который выражал глубокую озабоченность хищениями сельскохозяйственной продукции и потребительских товаров, Министерство внутренних дел Советского Союза и соответствующее министерство Грузинской ССР объединили усилия в стремлении выявить правонарушения «на всех стадиях сельскохозяйственного производства». В ходе серии рейдов, которые на этот раз были развернуты по всему Советскому Союзу, удалось арестовать грузинских «спекулянтов», действовавших на колхозных рынках в Москве, Днепропетровске, Риге, Львове и других крупных городах. Операция, направленная против нелегальной торговли, позволила арестовать пятьдесят грузинских спекулянтов в одном только Ленинграде, где они пытались продать 35 тонн сельскохозяйственной продукции на сумму 44 тысячи рублей. В целом кампания по борьбе с нелегальной торговлей повлекла конфискацию более 10 тысяч тонн сельскохозяйственной продукции на сумму более 400 тысяч рублей; вся эта продукция предназначалась для

¹ Там же. Оп. 123. Д. 361. Л. 64–68.

продажи через сети теневой экономики. В результате кампании число дел о нелегальной торговле, переданных в суд в первые восемь месяцев 1982 года, было на 10% выше, чем в предшествующем году. После смерти Брежнева, последовавшей в ноябре того же года, Андропов предпринял мощные усилия по пресечению коррупции на всех уровнях, жестко ограничив, если не полностью отменив условия «малой сделки».

Согласно материалам под грифом «секретно», подготовленным ЦК Коммунистической партии Грузии, республике по-прежнему предстояла большая работа по искоренению теневой торговли¹. В этих материалах приводились сведения о том, что в прошлом году «любители легкой наживы», как их здесь поименовали, пытались продать 300 тонн грузинских фруктов и овощей, в том числе 120 тонн — на различных рынках по всему Советскому Союзу. Составитель материалов призывал проявлять особую бдительность по отношению к «тунеядцам», паразитирующим на «здоровом теле общества». Он предупреждал о новых тенденциях, которые не предвещают ничего хорошего для антикоррупционной кампании, в том числе и о том, что подпольные предприниматели действуют все более открыто; этот фактор составитель связывал с опасным уровнем терпимости грузинского общества по отношению к нелегальной экономической деятельности.

Будучи грузином, составитель материалов указывал, что кампания против спекуляции необходима для защиты репутации его народа. Он отмечал, что «бескомпромиссная борьба со спекулянтами, вывозившими сельхозпродукты за пределы Грузии, подняла авторитет нашей республики в стране, восстановила ее доброе имя». Он даже назвал борьбу со спекулянтами «делом чести для каждого гражданина Советской Грузии».

Возможно, такие высказывания отвечали требованиям центра, но также они были созвучны и продолжавшимся в грузинском обществе дебатам о социально приемлемых границах экономической деятельности. Чтобы понять обстановку, в которой шли эти дебаты, и оценить обеспокоенность составителя материалов «добрым именем» Грузии, необходимо бросить взгляд за пределы архивных

¹ Материалы к обсуждению Закрытого письма ЦК КПСС «Об усилении борьбы с хищениями социалистической собственности, взяточничеством, спекуляцией» // Там же. Л. 103.

источников. Успех грузин в сфере теневой экономики и склонность грузинских предпринимателей к нарочитой демонстрации своих богатств принесли им широкую известность, которая не только отражала, но иногда и превышала степень их фактического экономического влияния. Во множестве советских анекдотов грузины фигурировали как собирательный образ всех этнически иных торговцев с Кавказа на советских рынках, и не важно, были ли эти торговцы на самом деле грузинами, армянами или азербайджанцами. Учитывая заметную роль грузинской диаспоры в советской политической и культурной жизни, сценарий предполагаемого поведения грузин в таких анекдотах был более предсказуем, чем у представителей других этнических групп¹. Чтобы анекдот имел успех, его следовало рассказывать, имитируя грузинский акцент — манеру речи, хорошо знакомую всем советским гражданам по публичным трансляциям выступлений Сталина. Можно спорить, о ком анекдоты на этнические темы способны поведать больше — о тех, кто является объектом шутки, или же о тех, кто эту шутку рассказывает². Тем не менее анекдоты про грузин отражали, пусть даже и в кривом зеркале, значимые культурные различия между русскими и грузинами.

Фигурирующая в анекдотах озабоченность грузин вопросами престижа и демонстративного потребления была некоторым преувеличением тех качеств, которые действительно имели существенное значение для функционирования социальных связей между грузинами. В одном анекдоте грузин, живущий в России, покупает малолитражный автомобиль «Запорожец» — самый дешевый из производимых тогда в Советском Союзе, а на следующее утро обнаруживает, что автомобиль у него угнали. На другой день он покупает такой же автомобиль (каким-то образом избежав длительного ожидания, с которым приходилось сталкиваться большинству советских граждан) и оставляет на приборной доске записку, адресованную потенциальным угонщикам: «Дайте хоть немного покататься». Проснувшись наутро, он обнаруживает возле своего дома роскошный автомобиль «Волга» с запиской: «Катайся,

¹ О «грузинах» как о собирательном наименовании этих групп см.: *Draitser E. A. Taking Penguins to the Movies*. P. 37.

² Такая мысль выдвинута в статье Кристи Дэвис: *Davies C. Ethnic Jokes, Moral Values and Social Boundaries // British Journal of Sociology*. 1982. Vol. 33. № 3. P. 383–403.

дорогой, но не позорь нацию»¹. В другом подобном анекдоте грузинский студент пишет домой в Грузию родителям, что учеба идет хорошо, только он чувствует себя «неудобно», потому что, мол, все мои русские друзья ездят в институт на автобусе, и только я — на собственной машине. На это его родители отвечают: «Сынок, зачем тебе выделяться? Будь как все. Пойди и купи себе автобус»². По общему мнению, богатство грузинских предпринимателей выражалось в дорогих покупках напоказ и тратах, которые были немыслимы — даже если и возможны — для тех, кто не принадлежал к системе грузинских социальных связей.

В некоторых случаях реальное поведение грузин, преуспевавших в сфере теневой экономики, напоминало — или, возможно, имитировало — эту анекдотическую экстравагантность. Грузинский писатель Ираклий Иосебашвили, обращаясь к позднему советскому периоду, рассказывает, что его отчим с друзьями, вовлеченными в нелегальную торговлю и спекуляцию, приходили на свадьбы «с карманами, набитыми деньгами». По словам Иосебашвили, «они танцевали с невестой и осыпали ее дождем из купюр. Они горстями бросали деньги музыкантам, и те играли как сумасшедшие. А поздней ночью, когда половина гостей уже разошлась, они садились вокруг стола и с улыбками чистого наслаждения на лицах жгли пачки денег на огне»³. Этот рассказ отсылает к устоявшемуся тропу грузинского изобилия, но также свидетельствует, что нарочито иррациональное уничтожение советских денег могло служить наглядной демонстрацией богатства и статуса, хотя та манера, в которой это делалось, могла показаться советским гражданам, и в том числе некоторым советским грузинам, расточительной и оскорбительной.

¹ Анекдоты. Грузия — страна миллионеров / Под ред. А. И. Уральского. М.: Светлана, 1996. С. 4. Коллекция анекдотов, представленная в этой книге, посвящена исключительно грузинам.

² Дрейцер (*Draitser E. A. Taking Penguins to the Movies*. P. 44) приводит этот анекдот в английском переводе по следующему изданию: Барский Л. А. Это просто смешно! или Зеркало кривого королевства. М.: Х. Г. С., 1994. С. 191–192. Другие варианты этого анекдота см. в кн.: Раскин И. Энциклопедия хулиганствующего ортодокса. СПб.: Эхо, 1995. С. 160–161; Анекдоты. Грузия — страна миллионеров. С. 29.

³ *Iosebashvili I. Chronicles of a Soviet Capitalist (Part 1 of 2)* // *Guernica*. 2009. November 1. URL: http://www.guernicamag.com/features/soviet_capitalist/. Последнее посещение 17 сентября 2014 года.

Советский Кавказ

Грузинская Советская Социалистическая Республика

Илл. 1 (Введение). Грузинский солдат Мелитон Кантария (слева) держит советское Знамя Победы, рядом стоит русский солдат Михаил Егоров (справа). Знамя было водружено над Рейхстагом в Берлине. Российский государственный архив кинофотодокументов

Илл. 2 (Глава 1). Вид с Военно-Грузинской дороги на Дарьяльское ущелье и реку Терек. Эта узкая горная дорога была главным путем между Россией и Грузией. Фотография конца XIX века. Библиотека Конгресса (США)

Илл. 3 (Глава 1). Открытие памятника русско-грузинской дружбе в Москве в 1983 году. Монумент изображает переплетенные грузинские и русские буквы. Возвышаясь в центре Москвы, он подчеркивал многонациональный характер советской столицы. Фотография с балкона соседнего дома. Центральный государственный архив города Москвы, Центр хранения электронных и аудиовизуальных документов Москвы

Илл. 4 (Глава 1). Грузинские танцоры выступают на ВДНХ в Москве в 1967 году. За рядами зрителей виден фонтан «Дружба народов» с его статуями, представляющими титульные нации республик Советского Союза. Российский государственный архив кинофотодокументов

Илл. 5 (Глава 2). Кавказская группа в 1926 году. Сталин сидит в середине, в окружении Анастаса Микояна (слева) и Серго Орджоникидзе (справа). Национальный архив Грузии

Илл. 6 (Глава 2). Серго Орджоникидзе тепло приветствует в Москве политическую делегацию с Кавказа в 1925 году. Шалва Элиава стоит вторым справа. Российский государственный архив кинофотодокументов

Илл. 7 (Глава 2). Серго Орджоникидзе со своей русской женой, Зинаидой Орджоникидзе (Павлуцкой). Национальный архив Грузии

Илл. 8 (Глава 3). Постановочная фотография конца XIX века, изображающая группу грузинских мужчин во время пира (супра). Библиотека Конгресса (США)

Илл. 9 (Глава 3). Шеф-повар накрывает на стол для изысканного банкета в «Арагви» в 1965 году. Центральный государственный архив города Москвы, Центр хранения электронных и аудиовизуальных документов Москвы

Илл. 10 (Глава 3). Женщины на грузинском винном заводе, участницы производства грузинских вин для советского стола. 1970 год. Национальный архив Грузии.

Илл. 11 (Глава 4). Лейла Думбадзе и Тенгиз Утмелидзе исполняют картули с Ансамблем народного танца Грузии в 1960 году. Национальный архив Грузии

Илл. 12 (Глава 4). «Орэра», первый советский вокально-инструментальный ансамбль. Выступление в Москве в 1972 году. На переднем плане поэт Вахтанг Кикабидзе. Российский государственный архив кинофотодокументов

Илл. 13 (Глава 4). Нани Брегвадзе выступает для собрания влиятельных грузинских культурных деятелей в 1970 году в Тбилиси, в доме скульптора и художника, Зураба Церетели. Режиссер Эльдар Шенгелая сидит крайним слева, Церетели — крайним справа. Национальный архив Грузии

Илл. 14 (Глава 5). Первый секретарь ЦК Компартии Грузии В.П. Мжаванадзе (справа на переднем плане) принимает в Тбилиси в 1971 году Л.И. Брежнева. Национальный архив Грузии

Илл. 15 (Глава 5). Кавказский торговец, продающий виноград и гранаты, пытается привлечь покупателей на московском рынке в 1965 году. Центральный государственный архив города Москвы, Центр хранения электронных и аудиовизуальных документов Москвы

Илл. 16 (Глава 6). Грузинская виртуозная пианистка Элисо Вирсаладзе в 1975 году. Национальный архив Грузии

Илл. 17 (Глава 6). Грузинский режиссер Оtar Иоселиани на съемках фильма «Жил певчий дрозд» в Тбилиси в 1970 году. Национальный архив Грузии

Илл. 18 (Заключение). Памятник грузинскому большевику Серго Орджоникидзе в Тбилиси, обезображенный краской после подавления советскими войсками протестных выступлений 9 апреля 1989 года. Национальный архив Грузии

В других анекдотах шокирующая демонстрация грузинского богатства увязывалась воедино с широко распространенной в Грузии практикой взяточничества. Считалось общеизвестным, что высшее образование в этой республике было коррумпированным; в одном из анекдотов рассказывалось, как молодой грузин за деньги поступает в консерваторию, хотя на вступительном экзамене не может угадать ни одной ноты¹. В другом анекдоте сообщается, что на устном экзамене «все билеты проданы»². Действительно, в некоторых слоях грузинского общества, где экономический обмен был возведен в ранг ритуала, а достаток считался достоинством, платить за получение высшего образования не казалось таким уж страшным нарушением закона и моральных принципов. Так, Бедия дал взятку, чтобы его сын поступил в институт в Волгограде, а грузинские моряки, доставлявшие в Советский Союз контрабандные товары, пытались убедить следователей, что делали это только затем, чтобы платить за учебу своих детей³. Однако другие грузинские студенты стремились поступать в российские вузы официальным путем, и их, без сомнения, задевали подобные анекдоты, подрывавшие их репутацию в вузе.

Анекдоты дополняют официальные документы тем, что показывают, как успехи грузин воспринимались и обсуждались в советском обществе. Разумеется, в анекдотах часто преувеличивалась степень грузинского экономического влияния, неверно трактовался контекст грузинской культуры в целом и игнорировались различия взглядов внутри самой Грузии. Но общие представления были не столь уж ошибочными и являлись не просто продуктом имперского воображения. Фактически то, о чем умалчивают анекдоты, не менее важно, чем содержащиеся в них преувеличенные описания богатства грузин. Например, в советских анекдотах практически никогда не упоминаются женщины-грузинки. Их отсутствие отражает реалии миграции: хотя, безусловно, женщины были представлены среди членов диаспоры и иногда играли важную роль в системе грузинских экономических связей, все же более распространенной была практика, когда именно мужчины-грузины покидали родину,

¹ Анекдоты. Грузия — страна миллионеров. С. 18; см. также: Раскин И. Энциклопедия хулиганствующего ортодокса.

² Анекдоты. Грузия — страна миллионеров. С. 17.

³ Архив МВД Грузии. Отдел I. Ф. 6. Д. 29195-75. Т. 1. Л. 95-98.

чтобы работать, учиться или поставлять грузинскую сельскохозяйственную продукцию на рынок.

Анекдоты, где обыгрывается озабоченность грузин вопросами престижа и нарочитая демонстрация грузинскими предпринимателями своего богатства, воспринимались как постыдные и грузинскими чиновниками, боровшимися с коррупцией, и теми представителями грузинского общества, которые не хотели, чтобы их ассоциировали с подобными практиками. Отношение грузин к видной роли их земляков в советской теневой экономике варьировало в диапазоне от гордости до презрения, иногда сочетавшихся друг с другом, и включало множество промежуточных оттенков. Рассказывают, что Эдуард Шеварднадзе жаловался на закрытом партийном собрании в 1970-х годах: «Когда-то грузины были известны всему миру как народ воинов и поэтов, а теперь они известны как мошенники»¹. Некоторые представители тбилисской интеллигенции терпимо относились к нелегальной экономической деятельности, но ограничивали свои контакты с подпольными предпринимателями. Соседская лояльность означала, что университетские профессора могут здороваться с предпринимателями, проживающими на той же улице, однако были бы смущены, если бы торговцы-теневики пришли к ним домой поужинать в «приятной компании»². Грузинская культура поощряла умение человека рисковать и его способность обеспечивать членов своей сети социальных контактов, но это не обязательно относилось к повседневным деталям торговли. Поэтому солидные предприниматели-грузины иногда нанимали представителей других этнических групп, чтобы те продавали их товары на советских рынках; тем самым предприниматели дистанцировались от менее привилегированных сельских грузинских торговцев, которые ездили на север, набивая чемоданы и багажники сельскохозяйственной продукцией³.

В грузинской культуре богатство считалось лишь средством для достижения престижа; сам по себе экономический успех еще не означал почета. В соответствии с этим моральные устои в Грузии по-прежнему имели первостепенное значение даже для тех, кого

¹ Цит. по: *Simis K. USSR*. P. 53.

² Интервью автора с «С.».

³ Интервью автора с «Т.».

государство относило к числу преступников. Считалось, что можно быть честным, даже нарушая закон, поскольку советское правосудие расценивалось как произвол. Видный представитель грузинской организованной преступности Джаба Иоселиани предположительно послужил прототипом Лимоны Девдариани, персонажа тюремного романа грузинского писателя Нодара Думбадзе «Белые флаги». В этом романе Девдариани предстает как честный вор со своими моральными устоями¹. Двойственное отношение Думбадзе к закону, возможно, стало следствием того, что он пережил в детстве как сын «врагов народа», — его отец, местный партийный функционер, и мать были арестованы в ходе Большого террора в 1937 году и реабилитированы лишь в 1956-м². В то же время роман может быть воспринят и как отражение реального доминирования грузин среди советских «воров в законе», элиты преступного мира, связанной особым кодексом поведения³.

Грузинские воры в законе отказывались от сотрудничества с официальными властями, но при этом считалось, что они специализируются на проведении неформальных третейских судов — *гарчева*, как их называли по-грузински, — между соперничающими криминальными группировками и предпринимателями⁴. По существу, это был еще один аспект вовлеченности грузинской диаспоры в советскую теневую экономику. Связи грузинских воров в законе простирались по всему Советскому Союзу, а их речь представляла собой гибридную смесь русского, идиш и грузинского жаргона; они принадлежали к всесоюзной криминальной субкультуре, но оставались самобытной группой внутри нее. По оценке правоохранительных органов, к концу советского периода грузины составляли от 30 до 50% всех советских воров в законе, и их даже можно было подразделить на три региональные группы: тбилисскую — из столицы Грузии, сухумскую — из черноморского порта Сухуми

¹ *Dumbadze N. Tetri bairaghebi*. Tbilisi: Merani, 1973.

² О жизни и творчестве Думбадзе см.: Митин Г.А. Он видел солнце: человек и общество в романах и рассказах Нодара Думбадзе. М.: ИМЛИ РАН, 2002.

³ Воров в законе как лидеры преступного мира появились в советском ГУЛАГе не позднее 1930-х годов. Их дальнейшая эволюция рассматривается в следующей работе: Varese F. The Society of the Vory-v-Zakone, 1930s-1950s // *Cahiers du Monde Russe*. 1998. Vol. 39. № 4. P. 515-538.

⁴ Slade G. *Reorganizing Crime: Mafia and Anti-Mafia in Post-Soviet Georgia*. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 49.

и кутаисскую — из второго по величине грузинского города, репутация которого в преступном мире была столь высока, что даже отразилась в поговорке «Для воров Одесса — мама, Ростов — папа, а Кутаиси — сынок»¹.

Иоселиани, вероятный прототип персонажа романа Думбадзе, был, пожалуй, самым знаменитым грузинским вором в законе. Уроженец Тбилиси, он заслужил уважение в своей среде нежеланием сотрудничать с властями, безудержной склонностью к риску, верностью друзьям и живым остроумием. Будучи впервые арестован за грабеж в 1942 году (в шестнадцатилетнем возрасте), он совершил дерзкий побег из грузинской тюрьмы и направился в Ленинград, где по фальшивым документам поступил на отделение восточных языков Ленинградского государственного университета². Преподаватели отмечали его как перспективного студента, но он продолжал вести преступный образ жизни. В 1956 году Иоселиани и группа его грузинских сообщников выдали себя за бригаду мастеров по ремонту телевизоров, чтобы получить доступ в дом ленинградского ювелира, накопившего немалую коллекцию золотых часов, бриллиантовых колец и твердой валюты. Однако в тот раз ограбление пошло не по плану, и два сообщника Иоселиани были обвинены в убийстве жены ювелира, пытавшейся им помешать. Хотя самого Иоселиани в соучастии в убийстве не обвиняли, он был приговорен к двадцатипятилетнему сроку тюремного заключения за участие в деятельности «вооруженной банды»; наказание было столь суровым, поскольку на процессе он отказался давать показания против своих сообщников³. После серии юридических проверок в 1965 году Иоселиани было позволено вернуться в Грузию, отчасти благодаря коллективной просьбе, которую подписали ведущие деятели культуры республики⁴. Последующая его карьера — это удивительный

¹ Перечень известных воров в законе см. в кн.: Подлесских Г., Терешонок А. Воров в законе: бросок к власти. М.: Художественная литература, 1994; перечень грузинских воров в законе см. в кн.: Глонти Г., Лобжанидзе Г. Воров в законе: профессиональная преступность в Грузии. Тбилиси: Полиграф, 2004. С. 191–206. Поговорка о городах цит. по: Slade G. Reorganizing Crime. P. 100.

² Джанашия В. Грузия осталась без понятий // Коммерсант. 2003. 5 марта. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/369449>. Последнее посещение 17 сентября 2014 года.

³ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 28. Д. 3282. Л. 21–26.

⁴ Его перевели в грузинскую тюрьму благодаря просьбе, подписанной народным артистом СССР Серго Закариадзе и народной артисткой Грузинской ССР Медеей Джапаридзе.

пример того, как тщательно подходили к вопросам самопрезентации некоторые грузинские криминальные элементы: в буквальном смысле столь же тщательно, как и к экономическим деталям обмена. Освободившись из тюрьмы в России и переехав в Тбилиси, бывший заключенный в конце концов стал профессором Грузинского театрального института, защитив докторскую диссертацию на тему «Комические маски грузинского театра». В то же время, понаблюдав за тем, какую прибыль получают дельцы в его родной Грузии, Иоселиани, по слухам, стал убеждать советских воров в законе играть более активную роль в официальной советской экономике¹.

ЭТНИЧЕСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И ВНУТРЕННИЕ КОНФЛИКТЫ СОВЕТСКОЙ ИМПЕРИИ

Хедрик Смит, репортер «Нью-Йорк таймс», путешествовавший по Советскому Союзу в середине 1970-х годов, приводит такой анекдот, популярный у россиян в тот период:

Один простой грузин... летел рейсом «Аэрофлота» в Москву, когда вдруг в кабину пилотов ворвался террорист и, размахивая пистолетом, потребовал, чтобы самолет летел в Лондон. Пилот поменял курс, но вскоре в кабину ворвался другой террорист, с двумя пистолетами, и приказал, чтобы пилот повернул в Париж. Снова смена курса. Наконец появляется поджарый смуглый грузин с бомбой в руках и заявляет: «Поверни этот самолет обратно в Москву, или я взорву его!» Пилот повинуетя и меняет курс в третий раз. Когда они приземляются в Москве, первых двух угонщиков самолета увозят в тюрьму, а простого грузина с почетом встречает делегация высокопоставленных чиновников. «Скажите нам, товарищ, — с ноткой недоверия спрашивает сановник, — почему вы повернули самолет из Парижа обратно в Москву?» «А что мне делать в Париже с пятью тысячами гвоздик?» — отвечает грузин².

¹ Есть сведения, что в 1982 году в Тбилиси Иоселиани председательствовал на всесоюзном съезде воров в законе, убеждая лидеров криминального мира отказаться от их традиционного презрения к участию в официальной экономической деятельности. Этот человек, сотканный из противоречий, вероятный босс криминального подполья, в конце концов стал лидером военизированной группировки «Мхедриони» и ключевой фигурой грузинской политики 1990-х годов. См.: Глonti Г., Лобжанидзе Г. Воры в законе. С. 79–84.

² Smith H. The Russians. P. 126–127.

В этом анекдоте содержался намек на несколько важных характеристик нелегальной торговли грузин в советский период. Во-первых, эта торговля осуществлялась в относительно закрытом обществе, граждане которого, возможно, хотели бы уехать за границу, но не могли и где командная экономика порождала странные стимулы делать деньги на продаже таких прозаических товаров, как гвоздики. Во-вторых, по причине вовлечения грузин в нелегальную торговлю Москва была для таких предпринимателей городом возможностей, а не просто столицей репрессивного государства. В-третьих, высокопоставленные чиновники часто закрывали глаза на нелегальную экономическую активность грузин: в анекдоте, несмотря на намерение грузина нелегально торговать цветами, его чествуют власти, в то время как двух других угонщиков самолета отправляют в тюрьму.

Благодаря уникальной роли Грузии в политэкономической системе Советского Союза, признанному грузинскому национальному бренду и сложившемуся культурному репертуару перед предпринимателями, торговавшими грузинскими товарами по всей стране, открывались многочисленные возможности. В отличие от других так называемых меньшинств-посредников, таких как евреи и армяне, грузинские предприниматели часто сохраняли связь с землей, где выращивалось большинство необходимой им продукции, — связь, жизненно важную для того, чтобы они могли поставлять эту востребованную продукцию на советские рынки¹. Эта связь также была неотъемлемой составляющей реализации товаров: грузинские торговцы превращали в товар субтропическое изобилие грузинской земли, выставляя обаяние ее уникального климата и культуры на рынки по всему Советскому Союзу. Грань между легальной и нелегальной экономиками Грузии — как и различия между предпринимателями и государственными чиновниками Грузинской ССР — часто оказывалась зыбкой. Цветы, выращенные в грузинском совхозе, могли быть нелегально проданы в Москве, вино, произведенное на грузинском заводе, могло незаконно поступить в продажу в Сибири, а урожай цитрусовых, собранный в грузинском колхозе, мог неожиданно расцветить зимний рынок в Ленинграде.

¹ Bonacich E. A Theory of Middleman Minorities; об ориентированных на рынок «меркурианцах» и их отношении к ориентированным на скотоводство и земледелие «аполлонийцам» см.: Slezkine Y. The Jewish Century. [В русском переводе: Слэзкин Ю. Эра Меркурия. — Примеч. пер.]

«Малая сделка» открыла перед грузинскими предпринимателями новые возможности. Однако по существу она представляла собой непрерывный процесс торга, а тот факт, что ее условия были негласными, позволял ослабить идеологическую и имперскую напряженность, но не устранял ее полностью. Те предприниматели, чьи операции становились чересчур масштабными, слишком бросающимися в глаза или подрывающими принципы центрального контроля, подвергались преследованиям, но вопрос, где именно пролегают границы допустимого, всегда оставался дискуссионным. Как и следовало ожидать, контроль со стороны центральных органов ослабевал по мере удаления от Москвы, что и проявилось в Грузии в период правления первого секретаря ЦК грузинской компартии Василия Мжаванадзе; этнические и лингвистические особенности, свойственная предпринимателям склонность к риску и практика экономического обмена через сети социальных связей сформировали, действуя в совокупности, уникальный облик этого уголка Советского Союза, который казался почти заграничным. Как шутили современники, это была не Грузинская Советская Социалистическая Республика, а скорее «ФРГ» — «Федеративная Республика Грузия», где уровень жизни и степень свободы не только превосходили московские, но и были предположительно сопоставимы с Западной Германией¹.

Товары и услуги, предлагаемые грузинской диаспорой, пользовались высоким спросом советских граждан. Эти поставки создавали пространство для более широкой экономической автономии, если не для самостоятельности, в самой Грузии. Но в Советской империи, где централизованная власть была сосредоточена в Москве, проблески независимости Грузинской ССР и экономический успех ее диаспоры нарушали имперский порядок, особенно с тех пор, как империя начала подчеркивать ведущую роль русского народа. Центральные плановые органы рассматривали Грузию как надежного поставщика субтропических товаров, однако реально их политика вела к постепенному установлению местного контроля над производством и поставками этих товаров — тенденция, повлекшая (по крайней мере, так могло казаться) зримую колонизацию

¹ В этой шутке обыгрывалось название Федеративной Республики Германии, капиталистической соперницы социалистического блока; см.: *Draitser E. A. Taking Penguins to the Movies*. P. 42.

российских рынков грузинскими торговцами. Говорили, что грузины в Грузии живут как короли, а в Москве — как князья; их экономический успех выглядел особенно поразительным, поскольку был достигнут уже после нескольких десятилетий правления Сталина, самого знаменитого представителя грузинской диаспоры.

Разумеется, в сфере бурно развивавшейся теневой экономики действовали не только грузины. В эпоху «малой сделки» миллионы советских граждан использовали личные связи, бартерный обмен и взятки, чтобы доставать дефицитные товары и получать необходимые или желаемые услуги. Использование общественной собственности ради личной наживы и умение полагаться на личные, а не официальные отношения — иными словами, коррупция — при Брежневе были неотъемлемой частью всей советской системы, от бюрократа самого низкого ранга или руководителя предприятия до зятя самого генерального секретаря¹. Тем не менее многим тогда казалось, что небольшие, этнически самобытные диаспоры, умеющие создавать эффективные сети социальных и экономических связей, лучше приспособлены к этой системе, чем русские, составлявшие большинство населения. Успех грузин в экономической сфере был очевиден, даже если государство и пыталось обуздать его крайние проявления посредством мер контроля и наказаний. Несмотря на возрастающее преобладание представителей славянских народов в составе Политбюро, некоторые русские выражали беспокойство в связи с тем, что по степени своего экономического влияния они превращаются в граждан второго сорта даже в РСФСР. В анекдоте того времени звучал полушутливый риторический вопрос: «Может ли грузин купить „Волгу“?», на который следовал ответ: «Может. Но зачем ему столько воды?»² Подразумевалось, что сама «матушка Русь» скуплена чужаками.

В определенной степени сами грузины стали жертвой своих успехов в советской теневой экономике. Подобная судьба — участь многих диаспор, играющих заметную роль в экономической жизни,

¹ Зять Брежнева, Юрий Чурбанов, действуя в сговоре с республиканскими министрами Узбекской ССР, сделал состояние на продаже государству многих тысяч тонн узбекского хлопка, не существовавших в реальности. См.: Clark W. A. Crime and Punishment in Soviet Officialdom. P. 185–187.

² Цит. по: Draitser E. A. Taking Penguins to the Movies. P. 54; вариант этого анекдота см. в кн.: Анекдоты. Грузия — страна миллионеров. С. 11.

хотя прочная связь грузинских экономических сетей с родиной означала, что саму грузинскую землю и ее богатства также стали воспринимать иначе. К концу брежневской эпохи появились явные признаки девальвации грузинского бренда в силу того, что он ассоциировался с подпольными предпринимателями. В статье, опубликованной в газете «Известия» в феврале 1982 года, даже говорилось о необходимости «вернуть былую славу грузинского чая»¹. Из-за коррупции на грузинских чайных плантациях прославленный грузинский чай к тому времени приобрел репутацию некачественного продукта.

Другая статья, опубликованная примерно в тот же период в газете «Правда», сообщала, что покупатели выстаивают длинные очереди ради приобретения индийского чая, который ввозили из-за границ Советского Союза, чтобы восполнить дефицит грузинского чая². Российский историк еды Вильям Похлебкин вскоре после распада Советского Союза даже высказал предположение, что грузины намеренно саботировали производство чая, поскольку считали, что оно становится все менее выгодным; согласно Похлебкину, Грузия была «балованной дочерью» Советского Союза, не желавшей выращивать чай ради общего блага и стремившейся к «безбедному существованию за счет напряженной работы и ресурсов других республик, и в первую очередь РСФСР»³. Таким образом, неспособность грузин оставаться в границах желаемого репертуара и поддерживать марку грузинских товаров расценивалась как форма предательства интересов империи.

Экономический успех грузин обеспечило само Советское государство и присущие Советской стране особенности: северное географическое положение, экономика, зависящая от товаров внутреннего производства, идеология, которая подчеркивала национальную специфику, и, наконец, инфраструктура, обеспечившая высокую мобильность внутренней диаспоры, сплоченной узами семейного

¹ Возродим былую славу грузинского чая // Известия. 1982. 5 февраля. С. 3.

² Что за чай без аромата? // Правда. 1982. 23 марта. С. 3.

³ Похлебкин В. В. Чай и водка в истории России. Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1995. С. 288. Книга большей частью основана на другом труде Похлебкина (Похлебкин В. В. Чай, его история, свойства и употребление. М.: Пищевая промышленность, 1968), хотя в более раннем издании отсутствует критика в адрес Грузии; вероятно, советской цензуре эти выпады показались бы слишком резкими.

родства, дружбы и привязанности к родной земле. Тем не менее многие грузинские предприниматели стали смотреть на государство как на что-то не вполне свое, как на структуру, из которой можно извлечь выгоду и которая при этом ограничивает их экономические возможности, а не способствует их реализации. Эти настроения отражали растущее чувство фрустрации среди нерусского населения Советского Союза. Критические оценки Советской империи находили особый отклик в среде грузинской интеллигенции, стремившейся вырваться из отведенной ей роли, поскольку эта роль хотя и приносила известность в масштабах империи, но ставила под угрозу национальную самобытность.

ГЛАВА 6. ЗА ГРАНЬЮ ЭТНИЧЕСКОГО РЕПЕРТУАРА

На свадьбе гуляли художники, актеры и врачи — дети элитных семей интеллигенции Советской Грузии. После застолья в тбилисском ресторане, продолжавшегося всю ночь, утром 18 ноября 1983 года компания отправилась в аэропорт. Они сели на самолет «Аэрофлота», летевший рейсом 6833, — один из многих, летавших каждый день между Грузией и Россией. Невеста, Тинатин Петвиашвили, студентка Тбилисской академии художеств, и жених, Герман (Гега) Кобахидзе, молодой успешный киноактер, сообщили членам семьи, что собираются провести медовый месяц в окружении каналов и театров Ленинграда в обществе своих близких друзей — художников Давида Микаберидзе и Гии Табидзе, а также студента Сосо Церетели, учившегося вместе с Тинатин в Академии художеств. Братья Каха и Паата Ивериели, медики, учившиеся в Москве, сели в самолет вместе с друзьями, чтобы их проводить.

То, что на первый взгляд казалось невинной выходкой, на самом деле было безнадежной и крайне трагичной попыткой захватить самолет и утнать его за границу — попыткой, обреченной практически с самого начала¹. Присутствовавшие на свадьбе гости не были стойкими диссидентами — это была компания артистов и интеллектуалов, входивших в относительно привилегированную

---

¹ Изложение истории попытки угона самолета основано на материалах следственного дела КГБ Грузинской ССР (см.: Архив МВД Грузии. Отдел I. Ф. 6. Д. 8309).

богемную субкультуру грузинской интеллектуальной элиты. Они обдумывали план бегства из Советского Союза в квартире, стены которой расписали изображениями американского флага и где слушали «Роллинг Стоунз» и «Лед Зеппелин». На фотографиях, сделанных за месяцы и недели до угона самолета, можно видеть, как они гуляли по улицам Старого Тбилиси, одетые в американские синие джинсы, и курили импортные сигареты, подаренные друзьями и родственниками, имевшими официальные контакты за рубежом¹. После инцидента с угоном самолета, оглядываясь в прошлое, многие представители грузинской интеллигенции могли усмотреть в злосчастной попытке побега из Советского Союза отголосок снятого в 1973 году фильма Эльдара Шенгелая и Резо Габриадзе «Чудаки» — фантастической истории о юном идеалисте и пожилым математике, которые, будучи заключены в подземную тюремную камеру, мечтают о свободе и задумывают невероятный побег на причудливой летающей машине.

План состоял в том, чтобы подождать, пока самолет не наберет высоту, а затем потребовать, чтобы пилоты изменили курс и приземлились в Турции, где беглецы надеялись найти убежище на американской военной базе. Хотя они тайком пронесли на борт небольшие пистолеты и пару ручных гранат, но оказались не готовы к тому, что на входе в кабину пилотов столкнутся с вооруженным сопротивлением. Практически сразу Гия Табидзе был убит, а Каха и Паата Ивериели — ранены. Последовавшая перестрелка привела к гибели нескольких членов экипажа и пассажиров, попавших под перекрестный огонь. Вместо того чтобы выполнить требования угонщиков, летчик заложил крутой вираж над Тбилиси и в итоге посадил самолет обратно на взлетную полосу. Когда стало ясно, что отчаянная попытка побега провалилась, Давид Микаберидзе покончил с собой. Советские спецназовцы, специально присланные из Москвы, взяли самолет штурмом, изрешетив салон пулями, и арестовали уцелевших гостей перелетной свадьбы.

Само это событие и смертные приговоры, вынесенные большинству угонщиков самолета, шокировали интеллигенцию Советской Грузии. После быстрого расследования Гега Кобахидзе, братья

¹ Фотографии и видеоматериалы группы были показаны в документальном фильме Зазы Русадзе «Бандиты», снятом в 2003 году и проникнутом сочувствием к персонажам.

Ивериели и Теймураз Чихладзе — бывший киноактер, называвший себя «отец Теодор» и считавшийся духовным наставником группы, — были расстреляны в поле за пределами Тбилиси. Хотя казнь осуществили втайне, в грузинской интеллектуальной и художественной среде новости распространились быстро. Попытка Важи Ивериели, известного врача, добиться смягчения участи сыновей оказалась безрезультатной, несмотря на его личное знакомство с первым секретарем Коммунистической партии Грузии Эдуардом Шеварднадзе¹. Не отвратила казни и тесная дружба Геги Кобахидзе с Ираклием Чарквиани, внуком Кандида Чарквиани, долгое время возглавлявшего Коммунистическую партию Грузии. Из-за попытки угона самолета приостановились съемки нового фильма Тенгиза Абуладзе «Покаяние»: фильм, посвященный идеологически опасной теме, подвергся тщательной критической проверке, потому что Кобахидзе, молодожен и лидер угонщиков, должен был играть в этом фильме роль внука диктатора Варлама Аравидзе.

Интеллигенция Советской Грузии, как и российская, представляла собой свободную коалицию интеллектуалов, исповедовавших эклектическую смесь идеологических убеждений². Стремясь максимально увеличить степень своей независимости, они применяли самую разнообразную тактику в отношениях с Советским государством, которое и финансировало, и ограничивало их художественные и интеллектуальные стремления. В большинстве случаев члены грузинской интеллигенции не высказывали откровенной критики в адрес государства или по поводу общественных недостатков; вместо этого большинство из них искали надежно защищенных «оазисов», где можно было бы предаваться собственным интеллектуальным интересам, или же выражали свои критические настроения в косвенной форме — как «полудиссиденты», разочаровавшиеся в системе, но не желающие терять своих профессиональных

¹ Почти два десятилетия спустя решение применить к угонщикам смертную казнь все еще оставалось точкой расхождения между интеллигенцией и Шеварднадзе. В 2001 году грузинский писатель Давид (Дато) Турашвили написал пьесу «Поколение джинс», в основу которой были положены эти события. Позже он переработал пьесу в роман. См.: *Turashvili D. Jinsebis taoba*. Tbilisi: Bakur sulakauri, 2008. [На русском языке см.: *Турашвили Д. Побег из СССР*. Харьков: Книжный клуб «Клуб семейного досуга», 2014. — Примеч. пер.]

² О русской советской интеллигенции см.: *Zubok V. Zhivago's Children: The Last Russian Intelligentsia*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009.

позиций¹. Даже будущие угонщики самолета не заявляли публично о своем политическом недовольстве и решили силой вырваться из Советского Союза, лишь отбросив все другие возможные пути эмиграции в качестве нереалистичных². Захват ими советского самолета был редким примером рискованного публичного протеста, осуществленного группой грузинских интеллектуалов и людей искусства.

Соблазнительно было бы сравнить этот инцидент с делом Дымшица — Кузнецова: в июне 1970 года группа советских граждан, преимущественно евреев, которым было отказано в выездных визах, составила заговор с целью угона самолета из Ленинграда за границу. Или с делом Бразинских: в октябре 1970 года литовцы, отец и сын, захватили советский самолет в Грузии и угнали его в Турцию³. Но, в отличие от советских евреев, грузины не стремились эмигрировать на историческую родину — они бежали на Запад, который представляли себе весьма расплывчато. Более того, и наименование «порабощенный народ», которое широко использовалось литовскими диаспорами за пределами Советского Союза, едва ли подходило к грузинам⁴. Грузия, в отличие от Литвы, была одной из республик — основательниц СССР, а грузины как диаспора находились в авангарде большевистской революции.

С учетом относительного успеха грузинской диаспоры при советской власти, может показаться странным, каким образом разочарование грузинской интеллигенции могло зайти столь далеко, что привело к попытке угона самолета. Грузины активно участвовали в строительстве советской государственной системы; за столом и на сцене они создавали многонациональную культуру, определявшую советский образ жизни; на рынке получали доход, предоставляя

¹ Zubok V. Zhivago's Children. P. 322–323.

² Архив МВД Грузии. Отдел I. Ф. 6. Д. 8309. Л. 189–200.

³ Рассказ участника инцидента с попыткой угона самолета в Ленинграде см. в кн.: Кузнецов Э. Мордовский марафон. М.: Эксмо, 2008; о деле Бразинских см.: Архив МВД Грузии. Отдел I. Ф. 6. Д. 7020.

⁴ В резолюции Конгресса США от 17 июля 1959 года Грузия вместе с Литвой были официально признаны «порабощенными народами». Однако литовская диаспора за пределами Советского Союза была более многочисленной, чем грузинская, сформировалась относительно недавно, а ее представители проживали в основном в Соединенных Штатах. В результате литовская диаспора с большим энтузиазмом восприняла это решение и отреагировала на него такими публикациями, как, например: Vaitiekunas V. A Survey of Developments in Captive Lithuania in 1965–1968. New York: Committee for a Free Lithuania, 1969.

покупателям востребованные товары и услуги. Если грузины столь умело раскидывали сети своих социальных связей, чтобы использовать к собственной выгоде культуру, репутацию и уникальное географическое положение своей родины, почему же дети привилегированных грузин попытались бежать из Советского Союза?

Эпизод с угонем самолета свидетельствовал о более широком недовольстве в среде грузинской интеллигенции, воодушевленной своими успехами, но удрученной теми ограничениями, которые налагала на нее Советская империя. Поздний советский период был не только временем экономических и социальных перемен под покровом инертной официальной экономики, но и эпохой бурной интеллектуальной жизни на фоне однообразных политических лозунгов и бюрократической политической культуры¹. Советский Союз превратил сельское, в большинстве своем неграмотное, общество в один из наиболее образованных народов мира, но сами достижения советской интеллигенции, казалось, лишь усиливали ее недовольство партийными функционерами, которые управляли страной и за которыми оставалось окончательное решение, когда речь шла об интеллектуальных проблемах. По мере того как художественная интеллигенция достигала нового уровня мастерства в области высокой культуры, а технические специалисты раздвигали границы советской науки, они обнаруживали, что их успех приправлен горечью из-за запретов в сфере творческого самовыражения, научных исследований и заграничных поездок. Претензии партии на монопольное владение истиной пошатнулись с окончанием эпохи сталинизма; после «оттепели» разрыв между партийными функционерами и интеллектуалами стал еще глубже. Осмелевшие ученые вновь получили авторитет благодаря своим экспертным знаниям, а разочарованные интеллектуалы отвернулись от политической жизни, чтобы найти более аутентичные формы самовыражения в живописи, кино и литературе.

Озабоченность проблемами аутентичности находила особый отклик у внутренних диаспор Советского Союза, которые в тот

¹ О неизменной, казалось бы, сущности публичного дискурса в поздний советский период см.: Yurchak A. *Everything was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006. [На русском языке см.: Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / Пер. с англ.; 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2016. — Примеч. пер.]

период обрели большую уверенность и самосознание. Подготовив высокообразованные национальные кадры для нужд государственной политики внутреннего интернационализма, Советская империя в конечном итоге породила своих интеллектуальных оппонентов. Советское государство обеспечило каждую республику оперным театром и печатным станком, утвердило пантеон деятелей национальной литературы, спонсировало национальные киностудии. Деятелей искусства, входивших в штат учреждений национальной культуры, приглашали учиться в Москву, а государственная инфраструктура культурного обмена позволяла им путешествовать по всему Советскому Союзу. Эти усилия были направлены на то, чтобы поставить национальную культуру на службу революционным целям советского социализма. Но, хотя эта система давала деятелям культуры возможность обрести всесоюзную известность, она требовала, чтобы национальная культура была понятной для имперской аудитории, что означало необходимость придерживаться устоявшегося этнического репертуара, легко переводимого на русский. Хотя привычный репертуар инаковости по-прежнему исполнялся национальными артистами на советской эстраде и этническими предпринимателями на советском рынке, он стал раздражать многих представителей национальной интеллигенции как шаблонная форма их родной культуры, замкнутая в тесные рамки, проникнутая духом компромисса, укрощенная и прирученная.

В тот период, когда и российские интеллектуалы втайне были озабочены сохранением культурной аутентичности при советской власти, грузинские интеллектуалы с большей готовностью обращались к национальной культуре для выражения своего недовольства. Русских интеллигентов той эпохи, беспокойных представителей амбициозного национального ядра Советской империи, можно было разделить на «левых либералов», исповедовавших универсальные ценности, и «русских патриотов», стремившихся восстановить связь с русской землей и черпавших вдохновение в русской деревне и русском православии¹. Среди грузинских же интеллигентов, напротив, как правило, обращались к национальной тематике представители любой части политического спектра. Даже если они перемещались по всему Советскому Союзу, то в большинстве своем поддерживали

¹ Термины из книги В. Зубока: *Zubok V. Zhivago's Children*. P. 226–258.

связи с культурными учреждениями Грузии, которые были выразителями национальных традиций и вносили вклад в сохранение национальной самобытности. Будучи заметной диаспорой, грузины не могли укрыться от критических замечаний в адрес своей нации; будучи представителями нерусского меньшинства — чувствовали, что их национальная культура нуждается в большей защите. Но, выражая национальное начало, грузинская интеллигенция озвучивала более широкие интеллектуальные запросы многонациональной империи, охваченной переменами.

В этой главе внимание фокусируется на двух сферах искусства позднего советского периода, в которых грузинская интеллигенция была наиболее значимой: на классической музыке и кинематографе, — чтобы на их примере осветить более общие тенденции интеллектуальной жизни. Первая из этих сфер, царство высокой культуры, предоставляла возможность выйти за рамки типично грузинского культурного репертуара, не отказываясь при этом от национальной аутентичности; вторая, национально-самобытная художественная среда, использовала грузинскую культуру для утверждения творческого авторского подхода и для тонкой социальной критики. В тот период диаспора грузинских музыкантов вышла на лидирующие позиции в Большом театре и Московской консерватории, а получившие профессиональную подготовку в Москве деятели кино — такие, как Эльдар и Георгий Шенгелая, Отар Иоселиани и Тенгиз Абуладзе, — придавали острой интеллектуальной критике национальное обрамление, выражая настроения советской интеллигенции в целом. В этой главе, прослеживая ход грузинской интеллектуальной жизни с конца 1960-х годов до последних лет советской власти, мы постараемся выявить, каким образом благоговение перед высокой культурой и ироничное восприятие застоя стали предвестниками прямого участия в политической жизни и националистических требований времен перестройки.

ВЫСОКАЯ КУЛЬТУРА: СТРЕМЛЕНИЕ К ВИРТУОЗНОСТИ

В годы застоя советские деятели искусства и интеллектуалы достигли новых высот мастерства в сфере высокой культуры — в официально санкционированных видах искусства и науки. Хотя и подавляя открытое выражение политических настроений, государство

по-прежнему заботилось о культурных и интеллектуальных достижениях, особенно в сфере классической музыки и в прикладной науке, и позволяло существовать оазисам интеллектуального творчества в тех областях, которые не имели прямого отношения к политической жизни. Подозрительно воспринимая инакомыслящих интеллигентов, государство поощряло развитие культуры и прогресс науки как идеал для всех советских граждан. Идеологические позиции государства в этом отношении реально разделялись многими советскими интеллигентами, претендовавшими на роль ведущих носителей знаний и культуры. Профессионализм в сфере высокой культуры имел свои границы: ее канон был в основном классическим, привязанным к конкретным художественным формам и определенным областям знания. Внутри этих рамок советские интеллектуалы достигали высокой степени виртуозности и находили личное пространство для творчества, что было логичным финалом развития системы, внешний облик которой остался неизменным.

Высокая культура давала грузинам возможность выйти за пределы ярко выраженного национального культурного репертуара. В Советском Союзе поощряли фольклорные формы национальной культуры, но при этом пестовали высокую культуру как венец достижений человечества. Более того, хотя в советском контексте особенно отмечались достижения русской культуры, высокая культура выступала как в большей степени интернациональный феномен, который в определенном отношении мог раздвигать границы внутреннего интернационализма и даже подразумевать космополитизм. Она была связана с устоявшимися общеевропейскими традициями и давала советским интеллектуалам доступ к подлинной «классике», а не только к тем ее аналогам, которые можно было найти в пределах Советского Союза. Канон советской высокой культуры, унаследованный в основном от имперского периода отечественной истории, включал Баха и Моцарта наряду с Чайковским, Шекспира и Гёте наряду с Пушкиным. Он возвеличивал гениальность во всех ее проявлениях, от искусства до науки, независимо от государственных границ.

Хотя в своих попытках сформировать единый советский народ государство добилось лишь сомнительного успеха, оно эффективно выработало общее понимание высокой культуры, которую свято

читла интеллигенция всех советских республик. Советская высокая культура пышно расцветала прежде всего в многонациональных Москве и Ленинграде, а также в институтах, университетах и консерваториях за пределами центра страны, например в сибирском Академгородке, основанном в 1957 году рядом с Новосибирском, Тартуском университете в Эстонии и Тбилисской консерватории в Грузии¹. Первый из этих трех был создан в советскую эпоху, два последних базировались на интеллектуальном и художественном фундаменте, заложенном еще до революции.

В постсталинский период в советской политической жизни стали доминировать этнические русские, однако дети нерусских профессионалов, поднимавшиеся по социальной лестнице, обретали чувство принадлежности к империи благодаря причастности к высокой культуре. Чтобы войти в эту землю обетованную, требовалось свободное владение русским языком; вместе с тем такие этнические меньшинства, как евреи, армяне и грузины, ранее добившиеся заметного положения в политической жизни, были непропорционально широко представлены и в советской высокой культуре². При этом, если евреи и армяне опирались на исторический опыт своих диаспор, заимствуя русскоязычную культуру принимающего общества и не акцентируя свое национальное происхождение, то грузины нашли собственный способ сочетать космополитические чаяния с чувством принадлежности к европейской культурной традиции.

Заметная роль грузин в советской высокой культуре, хотя и выходила за пределы чисто национальной репрезентации, имела долгие исторические традиции и глубокие корни в Грузинской Республике. Грузинская интеллигенция комфортно чувствовала себя, участвуя — при посредстве русской культуры — в европейской художественной и интеллектуальной жизни; эти процессы, начавшиеся в XIX веке, хорошо вписались в советский контекст, в условиях которого произведения мировой художественной литературы были известны в русском переводе, а преподавание в высших учебных заведениях велось в основном на русском языке. В то же время по-прежнему считалось, что образованные грузины должны свободно

¹ Об особенностях Тартуского университета, обеспечивших ему выдающееся положение, см.: *Beecher D. I. Ivory Tower of Babel*.

² О профессиональных успехах московских армян и их достижениях в сфере высокой культуры в поздний советский период см.: *Арутюнян Ю. В. Армяне-москвичи*.

владеть родным языком и обращаться к уникальному культурному наследию своего народа. В отличие от других национальных групп, стремившихся к доступу в храм советской высокой культуры, — из которых самой заметной группой были советские евреи — грузинские интеллектуалы могли провозглашать себя (не только в символическом, но иногда и в реальном смысле слова) наследниками грузинских поэтов и музыкантов из дворянской среды, активно участвовавших в интеллектуальной жизни Российской империи XIX века. Могли грузинские интеллектуалы выступать и в качестве наследников древней культурной традиции, которая славилась не только устными народными сказаниями, подобными, например, армянскому эпосу «Давид Сасунский», но и поэмой Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» — упомянутым выше эпическим произведением грузинского поэта XII века, поэта, который, по мнению советских ученых, предвосхитил Данте¹. Если грузинскую высокую культуру, наряду с другими советскими национальными культурами, и взрастило Советское государство, то она тем не менее представляла не имитацией, созданной в советскую эпоху, а живой традицией, обоснованно претендующей на собственное место в каноне европейской высокой культуры.

Растущее влияние грузин в советской художественной и интеллектуальной жизни, наиболее ярко проявившееся в сфере классической музыки, но также заметное в науке и медицине, было подготовлено предшествующими успехами грузин в советской политической жизни, экономике и официально санкционированных формах советской многонациональной культуры. Дети партийных функционеров и предпринимателей воспитывались в атмосфере, поощрявшей достижение высокого уровня культуры, который давал им возможность сравняться по политическим и экономическим успехам с родителями. Таким образом, этих детей отправляли учиться в консерватории, академии художеств и ведущие советские университеты. Дочь Сталина стала литературным переводчиком, а сын Берии сделал карьеру физика; оба позже написали мемуары, где мир советской политики, к которому принадлежали их родители,

¹ В предисловии к изданию поэмы Руставели 1950 года «Витязь в тигровой шкуре» был даже провозглашен «первым в средневековом мире глубоко гуманистическим произведением» (*Руставели Ш. Витязь в тигровой шкуре* / Пер. с груз. и обраб. Н. Заболоцкого; предисл. Б. Жгенти. М.: Детгиз, 1950. С. 9).

представлял мрачным и угнетающим. Сын Вано Стуруа, грузинского большевика, стал художником, а внук, Роберт Стуруа, прославился как театральный режиссер, известный постановками Шекспира. Булат Окуджава, сын убежденных коммунистов — грузина и армянки, триумфальным хоровым песням поколения своих родителей предпочел философскую лирику, положенную на музыку и исполнявшуюся соло под аккомпанемент акустической гитары. Партийные боссы и руководители предприятий в Тбилиси считали «высшей честью», если их дочери получали возможность преподавать игру на фортепиано в Тбилисской консерватории, и, чтобы устроить их туда на работу, использовали все свои связи¹. Финансирование, поступавшее из Москвы для развития грузинских театров и киностудий как образцов национальных культурных достижений, служило стимулом к формированию в столице Грузии центров сложной, рафинированной культуры, руководители которых были открыты для разнообразных художественных влияний и создавали произведения, предназначенные для широкой советской аудитории.

Хотя после Великой Отечественной войны и последующей кончины Сталина политическое влияние грузин пошло на убыль, они отыскивали новые способы добиться успеха — через образовательную и культурную инфраструктуру Советского Союза. К 1961 году Грузинская ССР отличалась самыми высокими показателями числа лиц с высшим образованием на тысячу человек населения по сравнению с другими союзными республиками; эти показатели — как по населению в целом, так и среди мужчин и среди женщин — более чем в два раза превышали средние по Советскому Союзу². По абсолютным показателям численности советских граждан, имевших ученые степени доктора и кандидата наук, а также численности практикующих врачей с высшим образованием грузины уступали лишь более многочисленным русским и украинцам³. Примечательно, что количество врачей в Грузии в период с 1941 по 1959 год возросло втрое⁴. Архивы комсомольской организации показывают, что грузины успешно

¹ Интервью автора со Львом Маркизом. Тбилиси, 19 сентября 2008 года.

² Высшее образование в СССР. С. 30–31.

³ Там же. С. 60–61, 210–211. В этом сборнике приведены данные только по титульным нациям республик СССР, поэтому сведений о советских евреях в нем нет.

⁴ Грузинская ССР в цифрах / Центральное статистическое управление Грузинской ССР. Тбилиси: Статистика, 1965. С. 75.

проходили конкурсный отбор в российские вузы, и позволяют выявить следующую тенденцию: часть студентов с Кавказа подавали заявления в сибирские вузы, где конкурс при поступлении был менее высоким, а затем переводились в более престижные учебные заведения Москвы и Ленинграда¹. Многие из тех, кто учился в Москве, стремились остаться там после окончания вуза, связывая свою жизнь в советской столице с профессиональной деятельностью в сфере медицины, математики, архитектуры, философии или музыки.

К 1960–1970-м годам грузины не только были непропорционально высоко представлены среди советских белых воротничков в целом, но и выдвинулись на передний план в некоторых важных сферах труда, требовавших высшей квалификации. Грузинские хирурги занимали ведущие позиции в нескольких московских больницах; среди них — кардиолог Лео Бокерия, приехавший в Москву в 1959 году для учебы в Московском медицинском институте и к 1977 году ставший заместителем директора Института сердечно-сосудистой хирургии, ведущего научно-исследовательского центра Советского Союза, а затем избранный членом-корреспондентом Академии медицинских наук СССР². Другой специалист высшей квалификации, Шота Таварткиладзе, поступивший в 1949 году в Московский архитектурный институт, в 1960-х руководил строительством новых проспектов и жилых зданий в советской столице³. В области прикладной математики — Виктор Геловани, который в 1971 году защитил кандидатскую диссертацию в Московском физико-техническом институте и с 1976 года до настоящего времени возглавляет современный исследовательский центр — отдел Института системного анализа РАН⁴. В сфере философии — Мераб Мамардашвили, который окончил в 1954 году Московский государственный университет и предложил уникальную трактовку неокантианской философии, получившую международное признание.

Грузинские специалисты, работавшие в Москве, имели разное социальное происхождение, хотя гораздо реже, чем русские коллеги,

¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 39. Д. 208. Л. 18; Там же. Оп. 46. Д. 199. Л. 53.

² Чавчанидзе Н. П., Вашакидзе К. В. Грузины в России: Биографические очерки: В 4 кн. Саранск: Красный Октябрь, 2000. Кн. 1. С. 39–43.

³ Хантадзе-Андроникашвили Р. Д. Наши земляки в Москве. Тбилиси: Сакартвело, 1990. С. 179–182.

⁴ Чавчанидзе Н. П., Вашакидзе К. В. Грузины в России. С. 30–33.

были детьми рабочих. Согласно архивам комсомольской организации, среди грузин, поступивших в высшие учебные заведения России в 1969 году, дети служащих — то есть представителей категории, которая включала государственных и партийных чиновников, — составляли большую долю, чем среди выходцев из любой другой союзной республики; грузинские студенты в два раза реже, чем русские, происходили из рабочих семей¹. Многие грузинские студенты сумели конвертировать партийные, военные или политические успехи своих родителей в собственные профессиональные возможности. Так, родители архитектора Шоты Таварткиладзе были революционерами, его отец возглавлял одно из ведущих издательств Тбилиси вплоть до ареста в 1937 году². Отец математика Виктора Геловани в годы войны руководил строительством оборонительных линий на Черноморском побережье и получил впоследствии звание маршала инженерных войск СССР — за заслуги по руководству строительством многочисленных советских военных объектов³. Философ Мераб Мамардашвили часть детства провел в Центральной Украине, где его отец проходил военную службу в начале Великой Отечественной войны.

Эти представители грузинской интеллигенции свободно общались с коллегами самого разного этнического происхождения, поскольку в детстве достаточно долго жили за пределами Грузии. Цена универсальные знания выше национального происхождения, они становились завсегдатаями студенческих дружеских кружков, возникавших в ведущих советских вузах в годы «оттепели». Именно во время дискуссии в студенческом общежитии середины 1950-х годов специализирующийся по философии Мераб Мамардашвили познакомился с молодой студенческой парой, Михаилом и Раисой Горбачевыми⁴. Многие молодые грузинские специалисты проявляли больший интерес к профессиональным спорам, чем к политике, хотя некоторые могли в конечном итоге ощутить несогласие с государством и попытаться вернуться к нравственной миссии, лежавшей в основе мировоззрения советской интеллигенции. В 1970 году

¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 39. Д. 208. Л. 20.

² Хантадзе-Андроникашвили Р.Д. Наши земляки в Москве. С. 179–180.

³ Чавчанидзе Н.П., Вашакидзе К.В. Грузины в России. С. 30–33.

⁴ Zubok V. Zhivago's Children. P. 51.

грузин Валерий Чалидзе присоединился к своему коллеге-физику Андрею Сахарову и стал одним из основателей московского Комитета прав человека. В годы перестройки философ Мамардашвили также заявил о себе как один из ведущих критиков советского режима.

ГРУЗИНСКИЕ МАСТЕРА КЛАССИЧЕСКОГО РЕПЕРТУАРА

Хотя грузины достигли успеха в разнообразных сферах, требующих технического мастерства и знакомства с космополитической интеллектуальной культурой, пожалуй, их заметная роль в области классической музыки наилучшим образом иллюстрирует национальное и имперское измерение их достижений. Извлекая пользу из всесоюзной системы культурного обмена, грузинские артисты, исполнявшие оперные партии в «Тоске» Пуччини на сцене Большого театра или оркестровые произведения Бетховена в Московской консерватории, путешествовали по тем культурным маршрутам между Грузией и Россией, которые были проложены еще в конце XIX — начале XX века и укреплены советской институциональной инфраструктурой. Советское государство могло относить достижения грузинских музыкантов на свой счет, а сами они — утверждать, что продолжают дореволюционную традицию развития высокой культуры в самобытном историческом контексте родной республики.

Тбилисская консерватория ведет свою историю с 1883 года, когда было учреждено Тифлисское отделение Императорского Русского музыкального общества. Членами нового отделения стали грузинские музыканты, получившие образование в России, — многие из них были дворянами по происхождению, — а также известные российские музыканты, периодически проживавшие в Грузии. Консерватория была официально открыта в мае 1917 года и интегрирована в советскую систему учреждений культуры после того, как Красная армия вступила в Тбилиси. Манана Андриадзе, музыковед, выпускница Центральной музыкальной школы Тбилиси и Тбилисской консерватории, вспоминала, что централизованный характер советской системы способствовал дальнейшему упрочению связей между музыкальными учреждениями грузинской столицы и Центральной России. Учебный план Тбилисской консерватории был основан на «общей программе», разработанной в Москве, откуда

преподаватели консерватории получали учебники, пособия и методические указания¹.

В советский период Москва была для студентов Тбилисской консерватории важнейшим местом проведения концертов, все-союзных фестивалей и музыкальных конкурсов, а также возможным выходом на мировую сцену. По словам Андриадзе, «каждый возлагал большие надежды на Москву»². Для тех грузин, которые приезжали учиться у знаменитых наставников из Московской консерватории или чтобы найти постоянное место работы в сфере искусства, советская столица становилась источником творческого воодушевления, а иногда — источником разочарований. Здесь музыканты оказывались в центре «бурной творческой жизни», и если одни находили себе в ней место, то другие возвращались в Тбилиси усталыми и лишившимися иллюзий. Андриадзе противопоставляет лихорадочный темп жизни в Москве, мегаполисе, который «мчит-ся как машина» и где каждый спешит, боясь «потерять хоть секунду», жизни в Тбилиси, «восточном городе с более расслабленной атмосферой». Тем не менее она отмечает, что относительно «строгий российский режим» занятий и поведения в Москве давал «хорошие результаты».

Важно понимать, что этот «российский режим» никоим образом не был этнически русским. Когда грузинская пианистка-виртуоз Элисо Вирсаладзе в 1950-х годах училась в Московской консерватории, ее наставниками были Генрих Нейгауз, сын немецкого преподавателя музыки, переехавшего в Россию в XIX веке, чтобы учить детей русских дворян классической музыке, и Яков Зак, великолепный пианист, советский еврей, родившийся в Одессе и получивший образование в Москве³. В советской столице грузины участвовали в создании особого российско-советского бренда имперского универсализма в стенах консерватории, история которой уходила корнями в многонациональную культуру императорского

¹ Интервью автора с Мананой Андриадзе. Тбилиси, 27 октября 2008 года. Во время проведения интервью доктор искусствоведения Андриадзе была проректором Тбилисской консерватории.

² Там же.

³ О Генрихе Нейгаузе см.: Вспоминая Нейгауза / Сост. Е. Р. Рихтер. М.: Классика-XXI, 2007. См. также сборник биографических материалов о Якове Заке: Зак Я. И. Статьи, материалы, воспоминания / Сост., ред. М. Г. Соколова. М.: Советский композитор, 1980.

двора XIX века. Ведь, как бы то ни было, Московская консерватория была основана в 1866 году Николаем Рубинштейном, сыном еврей-промышленника, при поддержке Русского музыкального общества, созданного его братом, Антоном Рубинштейном, и при финансовой помощи со стороны великой княгини Елены Павловны, немки по происхождению, приходившейся теткой императору Александру II¹.

Хотя в Советском государстве существовала стандартная система музыкального образования, преподавание было в высокой степени персонализировано; оно определялось тем, к какой школе принадлежал конкретный преподаватель, и его (или ее) профессиональной генеалогией, которая могла насчитывать несколько поколений. В советских консерваториях личные отношения пересекались с институциональными, сплетая плотную сеть культурного обмена между музыкальными сообществами России и Грузии. Плеяда превосходных грузинских вокалистов и пианистов, приехавших в Москву в 1950-х годах, возникла благодаря личным связям с российскими музыкантами, сложившимся в годы Великой Отечественной войны. Композиторы Сергей Прокофьев и Дмитрий Шостакович, эвакуированные из Ленинграда и Москвы во время войны, нашли пристанище в Тбилисской консерватории, где у них завязались длительные отношения с грузинскими педагогами и студентами².

Если Москва манила грузинских исполнителей возможностью выйти на большую сцену, то и Тбилиси для российских музыкантов обладал особой притягательностью. Своенравные представители русской интеллигенции иногда испытывали желание поселиться где-нибудь вдалеке от Москвы и Ленинграда, что было для них формой «внезаходимости»³. Лев Маркиз, бывший концертмейстер Московского камерного оркестра, вспоминал: «Для большого числа русских интеллигентов (в том числе и музыкантов) пребывание

¹ По истории Московской консерватории см.: Миронов Н. А. Московская консерватория. Истоки. М.: Московская государственная консерватория им. П. И. Чайковского, 1995.

² Интервью автора с Мананой Андриадзе.

³ А. Юрчак определяет это понятие так: «...находясь *внутри системы* и функционируя как ее часть, субъект одновременно находился *за ее пределами*, в ином месте... Субъект, практиковавший такое отношение, существовал одновременно *внутри* и *за пределами* системы — внутри ее институциональных или социальных форм, но за пределами буквальных смыслов, которые с этими формами ассоциировались». См.: Yurchak A. Everything was Forever. P. 132. [На русском языке см.: Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. С. 257–258. — Примеч. пер.]

в Грузии, общение с местной культурной элитой, да и попросту специфические аспекты местной жизни с ее праздничной атмосферой, невероятным гостеприимством грузин, роскошной природой, традициями застолья — были подлинным отдохновением от стрессов советской действительности»¹.

Приезжая в советский период в Тбилиси, Маркиз познакомился со многими талантливыми грузинскими музыкантами, особенно с вокалистами и пианистами. Он полагал, что успехами в сфере вокала грузины обязаны национальной музыкальной культуре, в которой «музыкальный слух оттачивается с раннего детства». В этом смысле грузинское вокальное искусство в определенной степени было проявлением национальной самобытности. Он также отмечал тем не менее, что грузинские пианисты извлекли большую пользу из своих связей с «русской системой» музыкального образования. Большинство из них учились либо в российских музыкальных вузах, либо у грузинских преподавателей, долгое время живших в России, что превращало этих обучающихся в «детей» или «внуков» российских профессоров» из Московской и Ленинградской консерваторий. По словам Маркиза, связи между российским и грузинским музыкальными сообществами были столь глубоки, что делали первое и второе неотделимыми друг от друга; более того, он утверждал, что грузинские исполнители классической музыки принадлежали к смешанной «русско-грузинской школе»².

Грузинские музыканты учились безукоризненно исполнять стандартный советский репертуар европейской классической музыки, и те из них, кто успешно сделал карьеру в Москве, становились солистами российских ансамблей и представляли РСФСР на всеюжных гастролях. Грузинская пианистка Элисо Вирсаладзе получила звание лауреата II Международного конкурса имени Чайковского в Москве (заняв третье место) и со временем стала профессором Московской консерватории, своей альма-матер. В 1968 году Вирсаладзе была отмечена как «победитель международных конкурсов» среди артистов, представлявших Советскую Россию. Сходным образом скрипачка Маринэ Яшвили, дочь профессора Тбилисской консерватории, уехала из родного города, чтобы до 1957 года учиться

¹ Интервью автора со Львом Маркизом. В 1981 году Маркиз эмигрировал в Нидерланды.

² Там же.

в Московской консерватории. Став сотрудником «Москонцерта», она постоянно выступала на фестивале «Московские звезды» в советской столице¹. К 1979 году в Московской государственной филармонии работали два грузинских пианиста и два грузинских скрипача². Если они и выделялись своими именами и внешностью, то репертуар их был скорее универсальным, чем национальным в полном смысле слова.

Грузинские мастера вокала стали особенно заметны в легендарном московском Большом театре. В 1973–1974 годах четверо из пятнадцати приглашенных артистов, выступавших в оперной труппе Большого театра, были грузинами; они пели главные партии в постановках русских опер и международной классики на сцене Большого театра³. Маквала Касрашвили, сопрано, стала постоянным членом оперной труппы и в 1979 году исполняла партию Татьяны — воплощения русской женской добродетели — в осуществленной Большим театром международной постановке оперы Чайковского «Евгений Онегин» на сцене Метрополитен-опера в Нью-Йорке. Благодаря поддержке Министерства культуры Грузии грузинские исполнители обеспечивались жильем не только в Москве, но и в городах всего Советского Союза на период от нескольких дней до нескольких месяцев. В 1973 и 1974 годах приглашенные артисты из Грузии выступали в оперных постановках Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова и в оперных театрах таких российских городов, как Новосибирск, Свердловск, Пермь, Челябинск, а также в национальных оперных театрах Белоруссии, Эстонии, Латвии, Литвы, Молдавии, Таджикистана и Армении⁴. Гастроли грузинских артистов были частью широкой системы советского культурного обмена, внутри которой существовали особые двусторонние связи между грузинскими и российскими коллективами. Некоторые грузинские артисты даже выезжали за рубеж — например, сопрано Медея Амиранишвили, в 1963 году ангажированная на год театром Ла Скала в Милане⁵.

¹ РГАЛИ. Ф. 3170. Оп. 2. Д. 208. Л. 11.

² Там же. Оп. 3. Д. 39. Л. 63–173.

³ Там же. Оп. 2. Д. 162. Л. 1–42.

⁴ Там же.

⁵ Центральный государственный архив новейшей истории Грузии. Отдел литературы и искусства. Ф. 55. Оп. 1. Д. 511. Л. 11.

Грузины стремились к участию в универсальной имперской культуре, и в этом им способствовали организационные возможности таких грузинских учреждений, как Тбилисская консерватория, а также характерное для грузинской диаспоры свободное владение мультикультурными навыками и умение извлекать пользу из сложившейся советской системы культурного и научного обмена. Хотя история их успеха уходила корнями в местную почву и могла быть связана с достоверной национальной родословной, грузинские музыканты перешагнули рамки специфически грузинского репертуара, открыв возможности для творческого самовыражения в космополитичном мире классической музыки. Пока грузинские виртуозы придерживались устоявшихся канонов, они могли наслаждаться относительной творческой свободой и иногда даже получали позволение выезжать за пределы Советского Союза.

ОТ КЛАССИЧЕСКОГО КАНОНА К КРИТИКЕ В КИНЕМАТОГРАФЕ

Виртуозное мастерство в сфере высокой культуры и достижения в специализированных областях советской науки давали возможность уйти от некоторых ограничений интеллектуальной жизни позднего советского периода и позволяли представителям нерусских народов преодолеть рамки узконационального репертуара. Тем не менее советские ученые и деятели искусства были не просто интеллектуалами, но представителями интеллигенции, группы, принадлежность к которой влекла за собой моральный долг — способствовать духовному росту общества и одновременно стремиться к совершенству в сфере высокой культуры. Принадлежность к империи, ощущаемая через достижения в сфере высокой культуры, означала возможность обращаться к общеимперским проблемам; прославление творческой гениальности поднимало значение художественного авторства выше временной власти государства. Стремясь к признанию своего творчества, интеллигенты позднего советского периода добивались художественной независимости, овладевая искусством не прямой критики, иногда замаскированной под иронию и этнографическую специфику, а иногда представлявшей собой полускрытые намеки. Интеллектуальная культура эпохи застоя определялась не только мастерством в сфере

высокой культуры, но и умением художников пересекать границы допустимого.

Кроме музыки, самым свободным и открытым для международных веяний, по сравнению со всеми искусствами постсталинского периода, был, возможно, кинематограф. Судя по масштабам кинопродукции, он находился в процессе быстрого роста: если за 1951 год было снято только девять советских фильмов, то к 1969-му ежегодная продукция киностудий достигла ста пятидесяти кинолент¹. В отличие от классической музыки, советский кинематограф был более молодой сферой искусства, которую создавали такие революционеры, как Сергей Эйзенштейн. По существу, творцы советского кино были людьми XX века, а каноны, по которым создавалось их детище, являлись потенциально более дестабилизирующими, предлагающими богатый язык социальной критики и вдохновляющими на непрерывные инновации². В годы «оттепели» советские режиссеры устанавливали контакты с международным художественным сообществом на европейских кинофестивалях и совершенствовали свое мастерство в диалоге с итальянским неореализмом, французской «новой волной» и польской кинематографической школой³. Соответствуя помыслам постсталинской интеллигенции, их фильмы выражали глубокий интерес к аутентичности, в них честно поднимались сложные моральные проблемы, ставились под сомнение привычные гендерные роли и не всегда предлагались готовые решения.

Трудно указать с абсолютной точностью, когда именно завершилась эпоха «оттепели» в кинематографе; как бы то ни было, к концу 1960-х годов кинорежиссеры все больше привлекали придирчивое внимание властей, а атмосфера их фильмов становилась все более пессимистичной⁴. Но, даже если деятели кино времен застоя и сталкивались со все более строгими ограничениями и все

¹ О численности зрительской аудитории и масштабах кинопродукции см.: *Bulgakowa O. Cine-Weathers: Soviet Thaw Cinema in the International Context // The Thaw. P. 440–441.*

² О раннем советском кинематографе см.: *Kenez P. Cinema and Soviet Society, 1917–1953. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.*

³ Более подробно об этом см.: *Bulgakowa O. Cine-Weathers.*

⁴ Лилия Кагановски доказывает, что переход от оптимизма к пессимизму в советском кинематографе произошел в 1966 году. См.: *Kaganovsky L. Postmemory, Counter-memory: Soviet Cinema of the 1960s // The Socialist Sixties. P. 235–250.*

меньше надеялись на наступление социальных перемен, порожденный «оттепелью» интерес к аутентичности сохранялся, хоть и выражался теперь в лукавой насмешке и иронических комментариях недостатков общественной жизни в Советском Союзе. Здесь, как и в зарубежном кинематографе, аутентичность была связана с идеей авторского стиля; кинокритики и режиссеры подробно развивали концепцию *cinéma d'auteur* (авторского кино), опираясь на идею художественной гениальности, чтобы заявить, что фильм должен выражать личное творческое видение режиссера¹. Несмотря на то что финансирование и контроль кинематографической продукции находились в руках центральных учреждений, акцентирование аутентичности и авторского начала привлекало внимание к имперским дилеммам многонационального Советского Союза.

Как и в других сферах культуры, Советское государство уделяло особое внимание развитию кинематографа в национальных республиках и одновременно поддерживало всесоюзную систему культурного обмена и художественного образования, центром которой была Москва. «Национальная кинематография» представляла собой жанр, характерный для Советской империи; обычно национальное кино снимали нерусские режиссеры, получившие образование во Всесоюзном государственном институте кинематографии (ВГИКе) в Москве и затем направленные на республиканские киностудии, чтобы снимать фильмы, воплощающие национальный характер и при этом интересные для всесоюзной аудитории. Порой национальная кинематография использовала избитый репертуар инаковости, изображая нерусские народы деревенскими и отсталыми. Тем не менее у нее были собственные художественные традиции, а кроме того, республиканские киностудии часто могли пользоваться большей художественной свободой, чем киностудии Москвы и Ленинграда. Начало советской национальной кинематографии положили в 1920-х — начале 1930-х годов режиссеры Александр Довженко, работавший на Украине, и Николай Шенгеля и Михаил Калатозов (Калатозишвили), работавшие в Грузии; их фильмы, зачастую создававшиеся многонациональным коллективом, сочетали этнографически точное изображение народной

¹ Об «авторской теории» см.: *Theories of Authorship: A Reader* / Ed. J. Caughie. London: British Film Institute, 1981.

жизни с новаторскими кинематографическими тенденциями и получили, благодаря своим богатым выразительным средствам, широкую известность, став предметом подражания. Ко второй половине 1930-х годов выработался особый художественный язык национальной кинематографии, который был признан каноническим и стал применяться в откровенно пропагандистских фильмах. Но в постсталинскую эпоху национальное кино снова сделалось площадкой живого художественного творчества; ему шли на пользу и сохранявшаяся поддержка центра, и растущая автономия местных кинематографистов. В 1960-х годах окрепшие киностудии в республиках Средней Азии стали снимать фильмы, оригинальные с художественной точки зрения, тогда как режиссеры Украины и Грузии стремились возродить традиции своих предшественников раннего советского периода¹.

Ведущие представители национального кинематографа в период застоя не были этническими в узком смысле слова. Напротив, их художественная продукция представляла собой альтернативный вариант космополитического универсализма; в поисках тем и технических приемов они обращали взгляд за пределы советских границ, в Европу, а в своих родных республиках стремились обрести лирическое восприятие места, языка и культуры. Если они и опирались на национальный фольклор и этнографические мотивы, то при этом сознательно стремились создать кинематографический язык, предполагающий множество интерпретаций². Многие из них являлись в некотором смысле национальными аутсайдерами. Одним из ведущих представителей украинского кинематографа 1960-х годов был Сергей Параджанов, этнический армянин, родившийся в Тбилиси и получивший образование в Москве. В его изменчивых визуальных композициях использовалось множество национальных символов и мотивов. Снятый им в 1964 году фильм «Тени забытых предков» был основан на фольклорных образах культуры карпатских гуцулов; он легко обратился к своим армянским корням в фильме «Цвет граната», вышедшем на экраны в 1968 году, и, вернувшись

¹ First J. Ukrainian National Cinema and the Concept of the «Poetic» // *Kinokultura*. 2009. № 9. URL: <http://www.kinokultura.com/specials/9/first.shtml>. Последнее посещение 18 сентября 2014 года.

² Об этой тенденции в украинском кинематографе см.: *Idem*. Ukrainian Cinema: Belonging and Identity during the Soviet Thaw. London: I. B. Tauris, 2015. P. 124–153.

в кинематограф в 1980-х, снял «Легенду о Сурамской крепости» на грузинском языке и пронизанный азербайджанскими мотивами фильм «Ашик-Кериб»¹. Другие признанные украинские режиссеры того периода, Юрий Ильенко и Леонид Осыка, были этническими украинцами и снимали фильмы, воплощавшие их родную культуру; но оба они получили образование в Москве и адресовали свои фильмы самой широкой аудитории. То же можно сказать и о крупнейших грузинских режиссерах периода застоя: они принадлежали к художественному сообществу, которое было по сути своей билингвальным и бикультурным, жили в многонациональных городах и снимали фильмы, рассчитанные на всесоюзную аудиторию. Но, точно так же как зарубежные мастера авторского кино того периода считались прежде всего представителями национальных кинематографических школ (Федерико Феллини представлял итальянский кинематограф, Ингмар Бергман — шведский, а Акира Куросавы — японский), украинские и грузинские режиссеры воспринимались прежде всего как представители своих народов, даже когда затрагивали универсальные художественные проблемы².

Тем не менее стремление создать национальное авторское кино в имперском государстве зачастую сталкивалось с трудностями. Возвестив отход от относительно либеральной атмосферы киноиндустрии 1960-х годов, Михаил Блейман, ведущий кинокритик и главный рецензент сценариев в Госкино (Государственном комитете по кинематографии), в обширной статье, опубликованной в журнале «Искусство кино» за 1970 год, избрал своей мишенью определенные течения в национальном кинематографе³. Особо выделив группу украинских режиссеров, а также творчество грузинского режиссера Тенгиза Абуладзе, он доказывал, что, хотя эти режиссеры претендуют на «новаторство» и являются технически квалифицированными, их работы основаны на «архаическом мышлении» и имеют «архаические корни». Хотя Блейман и не сказал этого открыто, сущность его критики состояла в том, что советский кинематограф должен быть понятным в масштабах всей империи.

¹ О фильмах Параджанова см.: Steffen J. The Cinema of Sergei Parajanov. Madison: University of Wisconsin Press, 2013.

² В своей работе Джошуа Фёст обращается к этой теме: First J. J. Ukrainian Cinema. P. 122–130.

³ Блейман М. Архаисты или новаторы? // Искусство кино. 1970. № 7. С. 55–76.

Он отстаивал авторскую независимость режиссеров, называя «трюизмом» утверждение, что художник «имеет право на поиск», но в то же время провозглашал, что некоторые национальные режиссеры оставляют подлинный смысл своих фильмов непонятым, пряча его за «аллегориями» и этнографическим «шифром, ключ которого известен только самому художнику»¹. Эти слова были, возможно, свидетельством поколенческого конфликта между критиком-долгожителем и группой молодых деятелей советского искусства, но также приобретали и имперский оттенок, поскольку исходили от ведущего деятеля российского кинематографа и адресовались нерусским режиссерам. Смысл послания был ясен: национальной культуре дозволяется иметь свои специфические особенности, но она должна оставаться удобопонятной для государства и публики в целом. Это требование было идеологически важным, но диктовалось и экономическими соображениями: фильмы, которые оставались непонятными, не могли привлечь всесоюзную — в большинстве своем русскоязычную — аудиторию и тем более не могли принести прибыль в прокате².

Несмотря на ограничения, наложенные на воплощение национальной культуры, многие грузинские режиссеры охотно восприняли задачу по созданию произведений грузинской культуры для всесоюзной аудитории и иногда в завуалированной форме критиковали российское господство, даже если сами работали в рамках системы и сохраняли связи с центром. Из того, что национальная специфика грузинской культуры была столь четко очерчена, грузинские режиссеры в некотором смысле извлекали пользу. В противоположность работам украинских коллег, от грузинского кино не ожидали воплощения всеславянской общности. Напротив, грузинские фильмы славились именно своей спецификой. Хотя обычно они дублировались на русском языке для широкого проката, их происхождение можно было безошибочно определить благодаря узнаваемым грузинским артистам и грузинскому антуражу.

И все же грузинский кинематограф вышел за пределы рутинного изображения национальной специфики, обратившись к уни-

¹ Блейман М. Архаисты или новаторы? С. 73.

² О прибыльности советского кино см.: First J. J. Dovzhenko Studio in the 1960s: Between the Politics of the Auteur and the Politics of Nationality // Canadian Slavonic Papers. 2014. Vol. 56. № 1–2. P. 57–82.

версальным темам и общесоюзным интеллектуальным проблемам — от внеэтической иронии эпохи застоя до ярко выраженного морализма времен перестройки. Как и грузинские музыканты, исполнявшие классический репертуар, грузинские актеры и режиссеры советского периода опирались на гибридную культуру имперского художественного обмена, уходившую своими корнями в царскую Россию. Связи с Россией упрочились в советский период; ранний грузинский кинематограф нес отпечаток сильного влияния Московского Художественного театра, где училось первое поколение грузинских режиссеров¹. Их кинематографическая продукция отвечала нуждам советского внутреннего интернационализма, но в то же время стремилась выйти за его пределы и восставала против его негласных иерархий; грузинские режиссеры ориентировались на Россию, но держались на равных со своими российскими коллегами. Ведущие режиссеры киностудии «Грузия-фильм» мастерски преодолевали ограничения советской киноиндустрии, и поэтому их продукцию жадно поглощали интеллектуалы Москвы и Ленинграда и она считалась лучшим воплощением советской школы авторского кино.

Хотя грузинское кино и стало формой интеллектуальной критики, оно было создано благодаря десятилетиям советского патронажа. Студия «Грузия-фильм» имела прочную репутацию и вела свою историю с начала 1920-х годов, тогда как, например, киностудия в Киргизской ССР была создана лишь в 1942 году и не выпускала фильмов в широкий прокат вплоть до конца 1950-х. Грузинская киностудия могла похвастаться также связями на самом высоком уровне, поскольку успех таких грузинских режиссеров, как Михаил Калатозов, начинавших свою карьеру в Грузии, обеспечил им ведущие позиции в центральных кинематографических учреждениях. Калатозов, продолжая снимать новаторские фильмы — в числе которых «Летят журавли», одно из самых значимых произведений «оттепельного» кинематографа, — занимал руководящий пост на «Мосфильме», крупнейшей киностудии Советского Союза, и в течение некоторого времени был заместителем министра кинематографии

¹ Ратиани И. И. У истоков грузинского кино: взаимосвязь литературы, театра и кино в культуре Грузии. М.: Российский институт культурологии, 2003. В числе этих режиссеров были Александр Цуцунава, Иван Перестиани и этнический армянин Амо Бек-Назаров.

СССР, что позволило ему стать влиятельным покровителем подающих надежды кинематографистов из Грузии¹.

Стиль кинематографистов, работавших на студии «Грузия-фильм», был узнаваемо грузинским, но в каждом случае особым. Воплощая свое собственное художественное видение, они стремились достичь широкой аудитории и в то же время применяли самые разнообразные ухищрения, чтобы ослабить влияние Госкино на кинопродукцию. Изучение личных судеб и профессиональной карьеры Эльдара и Георгия Шенгелая, Отара Иоселиани, Тенгиза Абуладзе — наиболее известных деятелей грузинского кино — позволит понять, каким образом эти режиссеры добивались авторской независимости и старались сохранить ощущение национальной аутентичности, в то же время выпуская фильмы, удовлетворявшие требованиям государственной киноиндустрии.

НАЦИОНАЛЬНОЕ АВТОРСКОЕ КИНО И АУТЕНТИЧНОСТЬ В СОВЕТСКОЙ КИНОИНДУСТРИИ

Как и многие грузинские кинематографисты, братья Эльдар и Георгий Шенгелая выросли в известной интеллигентской семье, связанной давними узами со сценой и театром². Их отец, Николай Шенгелая, мятежный грузинский поэт, сыграл ведущую роль в развитии грузинского национального кинематографа. Их мать, Нато Вачнадзе, родилась в 1904 году в Варшаве, в семье грузинского аристократа и польки, а в 1930-х стала известной советской киноактрисой. Николай Шенгелая и Нато Вачнадзе жили в Грузии, но часто приезжали в Москву, чтобы посещать кинофестивали или сотрудничать с российскими коллегами. Их старший сын, Эльдар, родился в Тбилиси в 1933 году; второй, Георгий, — в Москве в 1937-м, когда его родители приехали туда на кинематографическое мероприятие³. Дом

¹ Калатозов сумел удержаться на этом посту в турбулентный период 1946–1948 годов. После сталинской эпохи он снял несколько великолепных фильмов, которые были новаторскими в художественном отношении и в которых принимали участие зарубежные артисты: «Я — Куба» (1964) и «Красная палатка» (1969). См.: Бетанели Ф. И. Грузины в России (историографическое эссе). Тбилиси, 1996. С. 38–39.

² Другим примером этой тенденции является история семьи Калатозовых: сын Михаила Калатозова Георгий и внук Михаил также стали известными советскими режиссерами.

³ Интервью автора с Георгием Шенгелая. Тбилиси, 15 декабря 2008 года.

Шенгелая в Тбилиси был местом встреч актеров и интеллектуалов со всего Советского Союза. С энтузиазмом участвуя в деятельности многонациональных творческих сообществ, возникавших в первые годы советской власти, хозяева этого дома регулярно принимали у себя таких знаменитостей, как драматург Сергей Третьяков и критик Виктор Шкловский¹. Эльдар Шенгелая рассказывал в интервью о своем детстве, прошедшем среди бесконечных «артистических вечеринок, мероприятий, открытий музеев, музыкальных концертов»². Отец Эльдара и Георгия умер в 1943 году, довольно молодым, от сердечного приступа, а в 1953-м их мать погибла при крушении самолета, летевшего из Москвы в Тбилиси. По словам Георгия Шенгелая, оба брата испытывали желание продолжить дело своих родителей, хотя Эльдар отмечал, что их мать не поощряла интерес старшего сына к кинематографу, считая профессиональную карьеру в этой сфере рискованной из-за ужесточения сталинского контроля над культурой в послевоенный период³.

Не уstraшившись, в 1952 году Эльдар Шенгелая приехал в Москву, чтобы поступить во ВГИК. После смерти Сталина он оказался в центре начинавшихся дебатов о художественном самовыражении, что было одной из центральных тем времен «оттепели». В институте студенты были свободны от строгих ограничений поздней сталинской эпохи; по словам Эльдара Шенгелая, учебная программа от «идеологии» перешла к «системе обучения, делавшей упор на художественные достижения». Эстетические воззрения поколения, к которому принадлежал Шенгелая, формировались в атмосфере возрождения революционного духа раннего советского национального кинематографа и открытости для новых зарубежных веяний. В числе наставников Эльдара во ВГИКе были украинский режиссер Александр Довженко и грузинский, Михаил Чиаурели, — два первопроходца национального кино, которые в сталинскую эпоху снимали пропагандистский исторический эпос, но вышли из авангардного экспериментального кино 1920-х. Фильмотека института обеспечивала студентам доступ к классике зарубежного кинематографа и новейшим

¹ Амашукели Н. Георгий Шенгелая: творческий портрет. М.: Союзинформкино, 1987. С. 3–4.

² Интервью автора с Эльдаром Шенгелая. Тбилиси, 10 декабря 2008 года.

³ Интервью автора с Георгием Шенгелая; Интервью автора с Эльдаром Шенгелая.

фильмам из Франции, Германии и Италии¹. Как сообщество студенты ВГИКа времен «оттепели» сознавали себя представителями той или иной национальности, но были интернационалистами по своим взглядам и образу жизни. Георгий Шенгелая, поступивший во ВГИК в 1959 году, вспоминал, что все грузинские студенты относительно небольшого института знали друг друга, но тот круг сверстников, к которому сам он принадлежал, объединялся не по национальному признаку — в него также входили будущие российские режиссеры, такие как Андрей Тарковский и Андрон Кончаловский².

После окончания ВГИКа братья Шенгелая вернулись в Тбилиси, где стали режиссерами студии «Грузия-фильм». Даже при их интернационалистских устремлениях этот карьерный шаг имел смысл. Грузия предоставляла кинематографистам не только хорошо финансируемую студию, но и возможность привлекать к съемкам актеров и художников знаменитого Театра имени Шота Руставели в Тбилиси. Братья Шенгелая выросли в атмосфере, где подчеркивался космополитический вклад в грузинскую культуру, а система их образования ставила художественные достижения выше коммерческих компромиссов, поэтому они надеялись, что в Грузии смогут обращаться на грузинском материале к темам универсального значения. В какой-то мере подобный подход перекликался со старым предписанием сталинской эпохи, что советская культура должна быть «национальной по форме, социалистической по содержанию»; тем не менее интересы братьев Шенгелая не были явно связаны с проблемами социализма, а скорее фокусировались на идеях аутентичности и творческой независимости, которые теперь столь высоко ставила советская интеллигенция³.

Когда на смену относительной свободе времен «оттепели» пришел усилившийся официальный контроль, братья Шенгелая, каждый по-своему, научились работать в условиях более закрытой системы. Эльдар заключил творческий союз с Резо Габриадзе, писателем, театральным режиссером, скульптором и художником из Тбилиси. Они совместно работали над фильмом «Необыкновенная

¹ Интервью автора с Георгием Шенгелая.

² Там же.

³ Там же; Интервью автора с Эльдаром Шенгелая.

выставка», вышедшим на экраны в 1968 году и отразившим, с одной стороны, тяготение Габриадзе к жанру трагикомедии (или, как это назвал грузинский режиссер-москвич Георгий Данелия, к «печальной комедии»), а с другой — интерес Эльдара Шенгелая к иронии и абсурду повседневной жизни. В интервью Шенгелая подчеркнул, что обращение к юмору было не просто данью традициям грузинского театра — оно также давало «возможность говорить об одном, а подразумевать другое, как в притче»¹. «Необыкновенная выставка» рассказывала о талантливом молодом скульпторе из маленькой грузинской деревушки, который вынужден ваять гротескные надгробные памятники ради денег, чтобы кормить свою семью, после того как его жена родила близнецов. Хотя фильм и был полон юмористических ситуаций, он бросал вызов практике художественных компромиссов, что звучало тем более актуально, поскольку действие картины происходило в современной Грузии. Первые показы завершеного фильма привлекли внимание Министерства культуры Грузинской ССР, курировавшего киностудию, а затем и внимание Госкино в Москве. «Меня спас жанр фильма... — рассказал Эльдар Шенгелая, — из-за юмора цензоры в конечном итоге сочли его несерьезным»². Шенгелая избежал официального выговора, но Госкино все же потребовало, чтобы из фильма были вырезаны идеологически сомнительные сцены. Воспользовавшись хронически слабой согласованностью действий центра и национальных киностудий, Шенгелая вернулся в Москву с отредактированной копией своего оригинального фильма, предназначенной для широкого показа. Негативы же с полной версией картины он, без ведома Госкино, сохранил в Тбилиси, где она и была показана небольшому числу зрителей в киноclubs³.

Первый фильм Георгия Шенгелая, получивший широкое признание, «Пиросмани», был завершен в 1969 году. В отличие от своего брата Георгий, чтобы поднять ту же тему художественной честности, обратился к жанру трагедии. Художник Нико Пиросмани, чьи произведения способствовали становлению художественного языка современной грузинской культуры, был изображен в фильме как

¹ Интервью автора с Эльдаром Шенгелая.

² Там же.

³ Там же.

гений, который стойко переносит бедность, лицемерие своих высокопоставленных покровителей, насмешки окружающих и героически, пусть даже наивно, продолжает искать свое художественное видение. Фильм стал воплощением грузинской творческой манеры и одновременно высказыванием в ее защиту. Хотя его социально-критический пафос смягчен тем, что действие происходит в дореволюционном Тбилиси, решение Георгия Шенгелая начать картину с моралистической цитаты из Нового Завета означало, что лента ни в коем случае не будет выпущена в широкий прокат. В конце концов Госкино постановило не вырезать эпизоды из фильма, но ограничить его аудиторию, выпустив лишь малое число копий, доступных для просмотра в Советском Союзе. Тем не менее «Пиросмани» получил признание критиков на нескольких международных кинофестивалях и на показах в небольшом Кинотеатре повторного фильма в центре Москвы, кинотеатре, который был культовым местом московской интеллигенции. Российские интеллигенты, настойчиво стремившиеся посетить эти ограниченные показы, собирались вместе, чтобы обсудить созданный Шенгелая образ художника, обладающего неизменным чувством собственного достоинства и эстетическим видением¹. Создатели фильма сознательно обращались к устоявшемуся грузинскому репертуару; Пиросмани был реальным историческим персонажем, но идеально соответствовал привычному амплу наивного кавказца. В то же время дилеммы, с которыми сталкивался Пиросмани как художник, были безошибочно узнаваемы для широких кругов интеллигенции брежневского периода, поскольку ей приходилось постоянно лавировать между художественной честностью и профессиональным успехом.

Оба брата Шенгелая шли на компромиссы, чтобы добиться разрешения на показ своих фильмов, но не отказывались полностью от авторского подхода к творчеству. В 1973 году Георгий Шенгелая выпустил популярный фильм «Мелодии Верийского квартала», веселую музыкальную комедию, где главные роли играли грузинский певец и актер Вахтанг Кикабидзе и актриса Софико Чиаурели, ставшая затем женой Шенгелая. Фильм был признанием в любви к культуре старых кварталов Тбилиси, а также обращением к устоявшемуся репертуару грузинских песенных и танцевальных представлений,

¹ Интервью автора с Эльдаром Шенгелая.

что помогло ему обрести признание широкой аудитории. Сам Шенгелая оценивал данную картину как «жанровую вещь», позволившую ему продолжать снимать свои «авторские фильмы», выходявшие в ограниченный прокат. В интервью он характеризует этот мюзикл как «компромисс», но обладающий «художественным качеством» и снятый «в соответствии с моим собственным вкусом»¹. Как и любой другой работник советской киноиндустрии, он понимал, что иногда необходимо уступать требованиям государства и ожиданиям имперской аудитории.

Его брату удавалось ускользать от цензоров, отступая все дальше в мир грузинского фольклора и эксцентричных комедий. Фильм Эльдара Шенгелая «Чудаки» (1973), вновь снятый в творческом содружестве со сценаристом Резо Габриадзе, вышел в широкий прокат и был одобрительно принят советской интеллигенцией в целом и грузинской в частности, поскольку представлял собой сильное, хотя и завуалированное юмором художественное высказывание о незавидном положении интеллектуалов поздней советской эпохи. На этот раз — в отличие от их предыдущего фильма, «Необыкновенная выставка», — Шенгелая и Габриадзе решили перенести действие в дореволюционную Грузию. Тем самым в несчастьях центральных персонажей фильма, несправедливо заключенных в тюрьму, оказывался повинен царский режим. Тем не менее мелочная жестокость, невежество и страсть к назойливому контролю со стороны офицеров-тюремщиков явно ассоциировались с советской бюрократией, столь раздражавшей интеллигенцию. Фильм был полон жизнерадостных грузинских песен и комедийных моментов, граничащих с фарсовым юмором, но под этой оболочкой скрывались полные горечи фразы, которые стали расхожими выражениями среди грузинской интеллигенции. Два главных героя фильма, юноша и пожилой математик, замышляют побег из подземной камеры и конструируют хитроумный летательный аппарат, делая чертежи и записывая уравнения на стенах камеры. Однако тут вмешиваются тюремщики и начисто протирают стены тряпкой. В ответ на крах своих тщательно выношенных планов математик хлопает себя по голове и восклицает: «Отсюда не смоешь!» Эта фраза пробуждала в памяти афоризм Михаила Булгакова о том,

---

¹ Там же.

что «рукописи не горят», и внушала надежду, что интеллектуалы все же смогут одержать победу в своей борьбе с государством. Вместо того чтобы кончаться на трагической ноте, фильм завершался проблеском свободы. Фантастическая летающая машина, построенная двумя узниками, действительно взлетает, и, когда беглецы поднимаются высоко над головами своих тюремщиков, под ними во все стороны горизонта разворачивается грузинский ландшафт с его холмами, реками и древними церквями. Если попытка угона самолета в 1983 году, которая стала ассоциироваться с фильмом, закончилась провалом, то на экране мечты «чудаков» в конце концов были реализованы.

Документы, отражающие ход работы над картиной, показывают, что «Чудаки» были плотно закутаны во множество слоев фольклора, истории и комедийных ситуаций, чтобы избежать внимательной проверки при выпуске фильма на экраны. Также эти записи позволяют судить, что Эльдар Шенгелая и Резо Габриадзе овладели мастерством представлять свои проекты в терминах, перекликавшихся с языком советской бюрократии. В описании фильма, представленном в Госкино 19 мая 1971 года, авторы, используя тот же самый язык, который применялся в официальном дискурсе для описания триумфа большевистской революции и достижений советской космонавтики, характеризовали «Чудаков» как «сказку» о «первой попытке человека подняться в воздух, преодолеть „земное притяжение“ в сознании людей, вырваться из рамок старых, веками утвержденных законов бытия»¹. В ходе съемок фильма Шенгелая и Габриадзе должны были регулярно встречаться с руководством студии «Грузия-фильм», а также, время от времени, с представителями Госкино. Протоколы заседаний на студии «Грузия-фильм» показывают, что дискуссий было мало, произносились лишь клишированные фразы о ходе съемок; документы Госкино свидетельствуют о скептицизме его представителей, нараставшем по мере съемок фильма. Один из чиновников Госкино высказал мнение, что в конфликте между «„положительными“ и „отрицательными“ персонажами» должны быть расставлены «социальные акценты». Хотя чиновник расценивал действия героев фильма как выражение «народного протеста против мира торгашей, притеснителей»,

¹ РГАЛИ. Ф. 2944. Оп. 4. Д. 2286. Л. 1–16.

но те сцены, где фигурировал врач — вроде бы представитель науки, — и странный выбор персонажей, находящихся в его психиатрической больнице, несли в себе уже не столь однозначный социальный смысл. Некоторые из этих сцен, что было нетрудно предсказать, оказались вырезаны из фильма, но сохранилась сама фигура доктора-манипулятора, как и основная структура сюжета. Фильм был одобрен к прокату и получил полную государственную поддержку; его создателям даже предоставили помощь со стороны авиации Закавказского военного округа — для съемок сцен полета¹. Как и другие интеллектуалы эпохи застоя, Шенгелая критически воспринимал Советское государство, но был зависим от него. Оглядываясь на эту ситуацию спустя годы, он заметил: «Бюрократы контролировали, сколько копий будет сделано, где будет показан фильм, будет ли он послан за границу. Но... они давали нам деньги»².

Помимо того что грузинские кинематографисты, такие как братья Шенгелая, овладевали бюрократическими стратегиями с целью отстаивать свое творческое видение, они увеличивали свое влияние через систему социальных связей творческого сообщества. Используя связи своей семьи и собственную репутацию в художественном сообществе Грузии, Эльдар Шенгелая в 1976 году возглавил грузинский Союз кинематографистов. К тому же он участвовал и в политической жизни, будучи членом Коммунистической партии, а также депутатом Верховного совета Грузинской ССР с 1980 по 1985 год. Вероятно, именно политическая деятельность позволила Эльдару Шенгелая снимать такие фильмы, какие он и считал нужным создавать, включая вышедший на экран в 1983 году «Голубые горы, или Неправдоподобная история», содержащий юмористическую критику профессиональной посредственности и бюрократического вмешательства в работу советского издательства³.

Георгий Шенгелая, режиссер фильма «Пиросмани», настороженно относился к сфере советской политической жизни, но связи его семьи и женитьба на Софико Чиаурели обеспечили ему высокий статус в тбилисском обществе. Как Шенгелая, так и Чиаурели были

¹ Там же. Л. 54–70.

² Интервью автора с Эльдаром Шенгелая.

³ РГАЛИ. Ф. 2944. Оп. 4. Д. 6609. Л. 1–2.

детьми видных деятелей грузинской культуры: отцом Софики был Михаил Чиаурели, влиятельный режиссер и профессор ВГИКа; ее матерью была знаменитая грузинская актриса Верико Анджaparидзе, а режиссер Георгий Данелия приходился Софики двоюродным братом. Членство в партии играло свою роль, но иногда, из-за их заметной позиции в системе социальных связей, государство неохотно мирилось с существованием видных представителей грузинской интеллигенции. Их влияние за пределами художественных кругов было ограничено, но в тесно сплетенном мире грузинского кинематографа дружба и личные связи иногда позволяли рассчитывать на помощь. Так, личное вмешательство знаменитого грузинского актера Додо Абашидзе позволило Сергею Параджанову, который подвергался нападкам за подрыв художественных устоев своими фильмами и был заключен в тюрьму по обвинению в гомосексуализме, получить в начале 1980-х годов работу на студии «Грузия-фильм»¹.

Как и братья Шенгелая, грузинский режиссер Отар Иоселиани родился в весьма известной тбилисской семье, со своими космополитическими связями. Его отец был офицером царской армии, а затем работал железнодорожным инженером вплоть до ареста в 1930-х годах. Его мать, после ареста мужа растившая Отара одна, была родом из дворянской семьи и получила образование в Институте благородных девиц, где научилась говорить по-французски так же свободно, как и по-русски. Отар Иоселиани вначале тяготел к классической музыке, занимаясь по классу скрипки в престижном музыкальном училище грузинской столицы. Но, вместо того чтобы поступать в Тбилисскую консерваторию, в 1953 году он уехал в Москву, где стал изучать математику и астрономию в Московском государственном университете. Оказавшись в советской столице в годы «оттепели», он увлекся кино как наиболее новаторским средством самовыражения интеллектуалов в Советском Союзе. В 1955 году он поступил во ВГИК.

Профессора, у которых Иоселиани учился во ВГИКе, считали, что его ранние работы тесно связаны с грузинской кинематографи-

¹ Когда Параджанов вышел из тюрьмы, ему было запрещено самостоятельно снимать фильмы. Додо Абашидзе, поручившись за Параджанова и вызвавшись быть его соавтором, помог ему вернуться в кинематограф с фильмом «Легенда о Сурамской крепости» (1984).

ческой традицией, поскольку в них сочетаются этнографический партикуляризм оформления и художественный универсализм тематики¹. Влияния, которые испытало его творчество, были весьма разнообразны; в раннем художественном манифесте, который юный режиссер написал для самого себя, но никогда не публиковал, цитировались Шекспир, Сервантес, Мольер и Толстой, а также французский режиссер Жак Тати, принадлежавший по происхождению к русской аристократии². В другой раз Иоселиани заявил, что примером «вершин кинематографа» могут служить неореалистический фильм Витторио Де Сика «Чудо в Милане» (*Miracolo a Milano*), снятый в 1951 году, и полуэтнографический фильм грузинского режиссера Николая Шенгелая «Элисо», вышедший на экран в 1928-м³. С самого начала Иоселиани был в меньшей степени, чем братья Шенгелая, склонен к художественным компромиссам или внесению изменений в свои фильмы; в одной из его студенческих работ демонстрировались ряды цветов, сминаемые советскими бульдозерами, а в другой без прикрас изображалась повседневная жизнь доменного цеха в Советской Грузии. В начале 1960-х годов, когда Иоселиани должен был оканчивать ВГИК, обе его студенческие работы были объявлены недостойными положительной оценки. Тем не менее он был готов использовать личные связи. Первого из своих многочисленных покровителей он нашел в лице советского кинорежиссера Григория Чухрая, который получил Ленинскую премию за фильм «Баллада о солдате» (1959); благодаря отзыву, который составил и подписал Чухрай, Иоселиани сумел в конце концов окончить Институт кинематографии⁴.

Как и братья Шенгелая, Иоселиани вернулся в Грузию, чтобы продолжать кинематографическую карьеру. В Тбилиси он был отчасти защищен от надзора со стороны Госкино благодаря влиятельным руководителям национальной киностудии. Тот ее директор, под началом которого Иоселиани приступил к работе, Миша Квеселава, постоянно заверял молодого режиссера в своей поддержке,

¹ Мой друг Отар Иоселиани [Документальный фильм]. Режиссеры А. Пашкевич, О. Нижегородов. Россия, 2008–2012.

² Иоселиани О. Прощание с невинным ремеслом комедианта [1962] // Киносценарии. 2007. № 2–3. С. 10–17.

³ Плахов А. *Enfant terrible* уходящей породы // Там же. С. 231.

⁴ Мой друг Отар Иоселиани.

повторяя: «Пока я жив, делай... все, что можешь делать». Второй, Тенгиз Горделадзе, запомнился Иоселиани как «принципиальный большевик», который тоже говорил режиссерам: «Делайте»¹. Оба директора стремились максимально расширить автономию студии «Грузия-фильм»: первый — поскольку был заинтересован в высоком художественном качестве кинопродукции, второй — поскольку со всей ответственностью воспринимал стремление Советского Союза помогать развитию национальной культуры.

Первый полнометражный фильм Иоселиани, «Листопад», вышедший в свет в 1966 году, стал сенсацией далеко за пределами Грузии. Протагонист картины, Нико, — неуклюжий и наивный молодой человек, который работает на грузинском винном заводе. Неловкие попытки ухаживать за одной из работниц завода приводят Нико только к неудаче и разочарованию, а его короткий бунт против низких стандартов качества продукции выглядит сумасбродным и неожиданным. В отличие от юмористической иносказательной критики в фильмах Эльдара Шенгелая или драматического морализаторства фильмов Георгия Шенгелая «Листопад» не предлагал зрителю ни безукоризненно положительных героев, ни ясной морали. Юный Нико, с его сутулостью и безуспешными попытками добиться взаимности, не походил на типичного советского мужественного киногероя и был столь же далек от воинственной мужественности исполнителей грузинских народных танцев, ничуть не соответствуя распространенным представлениям о бахвальстве грузинских мужчин.

Несмотря на отход от сложившегося грузинского репертуара, Иоселиани сумел отстоять авторское право представлять свой народ. Рецензенты Госкино, обсуждая фильм, с самого начала съемок разошлись во мнениях относительно достоинств кинокартины, но, как представляется, склонялись к точке зрения одного из критиков, Арнштама, утверждавшего, что грузинские режиссеры имеют право на точное отображение проблем «своего собственного окружения»². Тем временем Иоселиани получил полную поддержку со стороны студии «Грузия-фильм», чьи рецензенты заявили, что его картина знаменует собой новый уровень «высокого

¹ Мой друг Отар Иоселиани.

² РГАЛИ. Ф. 2944. Оп. 4. Д. 710. Л. 8–14.

профессионализма» и, в конце концов, посвящена виноделию, а ведь «Грузия — республика всемирно известного виноделия и до сих пор ни разу не использовалась в кино»¹. Иоселиани получил не только разрешение продолжать работу над фильмом, но также дополнительные средства и возможность самостоятельно выбирать актеров и локации фильма².

Возможно, Госкино терпимо отнеслось к этой картине еще и по той причине, что в художественном отношении она подходила для зарубежного проката — в тот период авторское кино было в фаворе у иностранных критиков; действительно, фильм был представлен на Каннском кинофестивале 1968 года, где удостоился высшего приза³. За рубежом Иоселиани провозгласили создателем характерного кинематографического стиля, который напоминал итальянский неореализм приверженностью черно-белой гамме и игре непрофессиональных актеров, но при этом был узнаваемо грузинским, когда детально воспроизводил сбор винограда в грузинском селе. В Москве Иоселиани стал своего рода знаменитостью; приезжая в столицу, он устраивал шумные сборища ведущих российских и заезжих французских актеров и интеллектуалов на квартире своего знакомого, расположенной напротив Большого театра⁴.

Характерный стиль Иоселиани получил дальнейшее развитие в его следующем фильме, «Жил певчий дрозд», вышедшем на экраны в 1971 году. Протагонист фильма — молодой грузинский музыкант, живущий с матерью в Тбилиси. Он ведет спонтанный образ жизни: бродит по городу, встречается с женщинами, проводит время с друзьями и наслаждается беззаботным существованием. Несмотря на музыкальный талант, он так и не успевает записать хотя бы первые ноты песни, которую хотел сочинить. И вновь редакторы из Госкино тщетно пытались понять идею фильма и его социальное значение. Герой — хотя его энергичный облик уже в большей мере соответствовал представлениям о грузинском эталоне мужественности — казался слишком привлекательным, чтобы стать для зрителей наглядным предостережением о том, как опасно впустую растрачивать время

¹ Там же. Л. 23.

² Там же. Л. 29.

³ Отар Иоселиани // Киносценарии. 2007. № 2–3. С. 367.

⁴ Эйзеншиц Б. Жизнерадостный пессимист Отар Иоселиани // Киносценарии. 2007. № 2–3. С. 3.

и силы. Редакторы из Госкино также были обеспокоены тем, что случайная гибель героя в автомобильной аварии оставит аудиторию еще более озадаченной. Хотя редакторы открыто хвалили Иоселиани как создателя оригинального кинематографического стиля, в январе 1970 года они сообщили ему, что «отношение автора к своему персонажу должно быть выражено точно и недвусмысленно»¹.

В письме, направленном в московскую редакцию Госкино в марте 1970 года, Иоселиани вновь отстаивал свое авторское право, используя язык, перекликавшийся с официальной советской риторикой. Он заявлял, что снял «фильм о созидательном труде в нашем обществе», заверяя Госкино, что хотел «доказать необходимость для каждого советского человека сосредоточить все силы и способности на внесении вклада в общее дело»². Фильм несколько раз отправляли из Тбилиси в Москву и обратно, и в конце концов Иоселиани согласился вырезать несколько сцен ради сокращения продолжительности фильма, хотя эти изменения лишь в малой степени учитывали основные критические замечания со стороны чиновников из Госкино. По-видимому, действия, которые он принял, чтобы умиротворить критиков, сработали ему на пользу, как и международное признание его предыдущего фильма — об этом факте упоминалось в письмах в поддержку режиссера, написанных руководством студии «Грузия-фильм»³. Новая кинокартина Иоселиани была дублирована на русский язык и получила широкие отклики, быстро завоевав статус культового фильма советской интеллигенции. Российский историк кино Андрей Плахов приводит одну из рецензий того времени: Иоселиани хвалят за создание фильма, в котором поток жизни «пенится, как боржоми в бокале» и в котором чувствуется «и привкус горечи, и мудрость гения, и безупречно „французский вкус“»⁴. Как и минеральная вода «Боржоми», фильмы Иоселиани были произведены в Грузии и доставлены в Москву; они расценивались в качестве аутентичных произведений грузинской культуры, но славились тем, что пробуждают более сложные чувства.

¹ РГАЛИ. Ф. 2944. Оп. 4. Д. 1677. Л. 6–15.

² Центральный государственный архив новейшей истории Грузии. Отдел литературы и искусства. Ф. 52. Оп. 2. Д. 291. Л. 24–26.

³ Там же. Л. 13–21.

⁴ Плахов А. *Enfant terrible* уходящей породы. С. 226.

Было ли это показателем все большей строгости государственной цензуры или растущего разочарования режиссера в возможностях работы внутри системы, но последний фильм Иоселиани, снятый в Советском Союзе, «Пастораль», был завершен в 1975 году и так никогда и не вышел в широкий прокат. Фильм изображал короткий привал группы музыкантов из Тбилиси в деревне на западе Грузии. По общему признанию, здесь Иоселиани зашел гораздо дальше, чем в первых двух фильмах: в «Пасторали» не только отсутствовали положительный герой и мораль — в ней также не было ни центрального персонажа, ни ясного сюжета, а значительная часть диалогов велась на региональном мингрельском диалекте, который был непонятен большинству носителей грузинского языка. Документы, отражающие ход работы над фильмом, свидетельствуют о затруднениях, возникавших при попытке отнести «Пастораль» к той или иной категории — ее называли то «авторским кино», то «комедией»¹. И вновь Иоселиани получил поддержку студии «Грузия-фильм»: согласно отзыву ее главного редактора, в фильме «исследуются некоторые моральные и этические проблемы, актуальные для нашего села»². Тем не менее редакторы из Госкино немедленно усмотрели проблему в том, что Иоселиани в квазиэтнографической манере изображает повседневные стычки, коррупцию и пьянство в сельской Грузии. Если постсталинский национальный кинематограф вернулся к фольклору в поисках эстетического языка, который мог бы сочетаться с авторской независимостью, то Иоселиани сделал следующий шаг, утверждая, что истинная фольклорная культура в конечном счете непостижима для чужаков — возможно, даже для грузин из Тбилиси. Нежелание режиссера вносить изменения в фильм вызвало гнев со стороны Госкино, одна из редакторов которого, М. Г. Маручкова, была командирована в Тбилиси. По возвращении в Москву она обвинила Иоселиани в «длительном затягивании съемок»; это означало, что новый директор грузинской киностудии Резо Чхеидзе тоже частично несет ответственность, ведь несколькими месяцами раньше она посылала ему письмо, в котором высказывала озабоченность проблемой, но оно не возымело действия³. В конечном итоге было сделано всего три

¹ РГАЛИ. Ф. 2944. Оп. 4. Д. 3661. Л. 1–40.

² Там же. Д. 3471. Л. 4–5.

³ Там же. Л. 33–34.

копии фильма, и за пределами Грузии его смогли увидеть лишь немногие. Советский фотограф Юрий Рост, близкий друг Иоселиани, рассказывал о разочаровании грузинского режиссера после того, как «Пастораль» была показана в Тбилиси. Хотя Иоселиани отказывался идти на художественные компромиссы и упорно настаивал на своем праве иметь собственное видение грузинской культуры, он чувствовал, что бессмысленно продолжать снимать фильмы, если его кинематографические работы не будут показаны за пределами родной республики. Как интеллектуалу исключительно высокой квалификации, имеющему поддержку за рубежом, ему в конце концов позволили эмигрировать во Францию, где он продолжил свою карьеру¹.

В надежде стать создателями авторского кино грузинские кинорежиссеры позднего советского периода стремились отстаивать право на авторскую независимость и производить творческую, живую продукцию грузинской культуры; то и другое было трудной задачей в имперском государстве, где публичный дискурс жестко регламентировался, а культурный репертуар нерусских народов явно все более устаревал. Одни, как Эльдар Шенгелая, прятали свои авторские высказывания за юмором и абсурдистскими притчами. Другие, как Георгий Шенгелая, чередовали серьезные авторские фильмы и идеологически безупречные произведения развлекательного жанра в стилистике национального кинематографа. В противоположность тем и другим, Отар Иоселиани выражал свое отвращение к интеллектуальным компромиссам эпохи застоя, отказавшись от лицемерной морализации ради морально нейтральной иронии. Все они применяли хитрую тактику, чтобы противостоять государственным институтам, финансировавшим их работу, но потенциально способным ограничить ее зрительскую аудиторию.

Отражая сложную социальную структуру времен застоя, учреждения, с которыми взаимодействовали эти режиссеры, также не отличались идейной монолитностью: критики из Госкино часто высказывали противоположные точки зрения, а студия «Грузия-фильм», как правило, лоббировала интересы своих режиссеров. Относительно честные дискуссии имели место на закрытых заседаниях Госкино; Иоселиани и другие режиссеры обнаруживали, что

¹ Рост Ю. Отар Иоселиани // Киносценарии. 2007. № 2–3. С. 237.

некоторые бюрократы являются более «просвещенными», чем прочие¹. Хотя грузинские режиссеры регулярно нарушали запреты, они явно пользовались большей свободой, чем их российские коллеги; Георгий Шенгелая, например, чувствовал, что ему было легче обойти цензуру, чем Андрею Тарковскому². Тем не менее ограничения, с которыми сталкивались грузинские режиссеры, отражали более широкие проблемы всей грузинской интеллигенции в поздний советский период. Основой грузинского успеха было сочетание государственной поддержки и участия грузин в формировании многонациональной культуры, но это сочетание становилось все менее устойчивым. К концу советского периода грузинские интеллектуалы стремились выйти из тех официальных ниш, которые обеспечивали, а в конечном итоге ограничивали их достижения. Грузинские виртуозы в сфере высокой культуры нашли оазис творческой свободы, где могли выйти за рамки устоявшегося национального репертуара, а грузинские режиссеры отыскивали способ сохранять ощущение художественной честности с помощью маскировки и продуманной тактики взаимодействия с бюрократией. С выходом на экран фильма Тенгиза Абуладзе «Покаяние» появилась возможность прямо говорить о недостатках советской системы, и грузинская интеллигенция стала более критично оценивать как саму Советскую империю, так и собственную роль в ее увековечивании.

«ПОКАЯНИЕ» ДЛЯ ИМПЕРИИ

Когда в начале 1987 года фильм «Покаяние» получил разрешение на неограниченные показы в Москве, советский критик Татьяна Хлоплянкина триумфально провозгласила, что выход на экраны «Покаяния» — одно из тех крупных событий, которые свидетельствуют, что в жизни наступают счастливые и неизбежные перемены. Оценивая значение фильма, она писала, что это, несомненно,

¹ В своем интервью Иоселиани поблагодарил члена редакционной коллегии Госкино Раису Зусеву, которая облегчала процесс прохождения его фильмов по инстанциям. См.: Отар Иоселиани. С. 363. Роль «просвещенных бюрократов» в российской истории рассматривалась в работе Уильяма Брюса Линкольна: *Lincoln W. B. Russia's «Enlightened» Bureaucrats and the Problem of State Reform, 1848–1856* // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. 1971. Vol. 12. № 4. P. 410–421.

² Интервью автора с Георгием Шенгелая.

произведение искусства, но прежде всего это факт текущей общественной жизни¹. В самом деле, предпринятое в фильме смелое развенчание сталинского наследия и призыв к честной дискуссии о прошлых грехах советского общества — и покаянию — запечатали настроение эпохи, для которой определяющей стала горбачевская программа гласности. Тем не менее фильм был задуман и снят в финальные годы эпохи застоя, а его замысел уходил корнями на несколько десятилетий в прошлое — он был прочно укоренен в постсталинской культуре грузинской интеллигенции. Несомненной удачей стало то, что «Покаяние» было готово к показу как раз тогда, когда Горбачев призвал общество к открытой дискуссии. Однако нельзя считать простым совпадением тот факт, что именно грузинский фильм смелее всех вышел за пределы дозволенного в кинематографе и что его критика в адрес Советской империи имела такой же резонанс на родине Сталина, как и в советской столице.

По словам режиссера «Покаяния», Тенгиза Абуладзе, оно было третьей частью кинотрилогии, которую он начал в 1967 году черно-белым фильмом «Мольба» и продолжил в 1977-м — фильмом «Древо желания»². Действие двух первых кинолент, как и «Покаяния», происходило в Грузии, но в обеих затрагивались более общие вопросы нравственного долга. Сценарий «Мольбы» был основан на произведении грузинского поэта Важи Пшавелы и рассказывал о внутренней борьбе грузинского горца, который разрывается между глубокой верой в Бога и сельскими обычаями, обязывающими его отомстить врагам; «Древо желания», основанное на произведении грузинского поэта Георгия Леонидзе, было посвящено переменам в жизни традиционной грузинской деревни, вызванным революционным движением. В этих фильмах Абуладзе создал красочную картину прошлого Грузии, пробуждающую размышления о том, что история его народа была, по собственным словам режиссера, полна «крови, мести и самопожертвования»³.

¹ *Khlopliankina T. On the Road that Leads to the Truth // Russian Critics on the Cinema of Glasnost / Ed. M. Brashinsky and A. Horton. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 51.* Статья Т. Хлоплянкиной была впервые опубликована в газете «Московская правда» за 4 февраля 1987 года.

² О более ранних работах Абуладзе см.: Дуларидзе Л. Г. Тенгиз Абуладзе: портрет режиссера. М.: Союзинформкино, 1983.

³ *Woll J., Youngblood D. J. Repentance. London: I. B. Tauris, 2001. P. 100.*

Так же как братья Шенгелая и Отар Иоселиани, Тенгиз Абуладзе был выпускником ВГИКа и имел опыт работы в условиях советского кинематографа. Он близко дружил с Резо Чхеидзе, возглавлявшим студию «Грузия-фильм» во второй половине 1970-х и в 1980-х годах; они хорошо знали друг друга с тех пор, как в 1955 году вместе работали над первым полнометражным фильмом Абуладзе — «Лурджа Магданы». Хотя «Мольба» через несколько лет после выхода на экран получила отрицательный отзыв со стороны кинокритика Михаила Блеймана, второй фильм трилогии Абуладзе, сценарий которого был представлен для обсуждения в 1975 году, почти не вызвал сопротивления со стороны Госкино. Напротив, он получил высокую оценку — как «социальная характеристика» предрассудков и общественных недугов дореволюционной Грузии¹. Фильм был смелым с художественной точки зрения, но едва ли давал возможность судить о взглядах Абуладзе на советскую систему. После выхода на экраны «Древа желания» Абуладзе стали воспринимать как идеологически выдержанного кинематографиста; в 1978 году он вступил в ряды коммунистической партии, а в 1980-м — удостоился звания «народный артист СССР».

Может показаться странным, что всего лишь через несколько лет Абуладзе создал фильм, который многих заставил окончательно осудить советскую власть. Как и немалое число других интеллектуалов, чье взросление пришлось на эпоху «оттепели», он верил, что честная дискуссия о прошлом необходима, чтобы преодолеть эксцессы сталинизма. Если иные грузинские режиссеры в годы застоя обратились к иронии, то Абуладзе, снявший свои первые фильмы в разгар «оттепели», оптимистически полагал, что система еще может измениться, если сумеет вскрыть собственные недостатки. С этим идеализмом у него сочеталась мечта о возрождении грузинской культуры, хотя исходно его «культурный национализм» не был связан с программой политической независимости².

¹ РГАЛИ. Ф. 2944. Оп. 4. Д. 3466. Л. 7.

² Дж. Уолл и Д. Янгблад пишут, что Абуладзе «безусловно, был сторонником грузинского культурного национализма» (Woll J., Youngblood D.J. Repentance. P. 103). Джули Кристенсен внимательно исследует грузинские темы фильма, но, возможно, преувеличивает степень «национализма» Абуладзе в своей статье, опубликованной в тот год, когда Грузия обрела независимость (Christensen J. Tengiz Abuladze and the Georgian Nationalist Cause // Slavic Review. 1991. Vol. 50. № 1. P. 163–175).

К началу 1980-х годов Эдуард Шеварднадзе, первый секретарь ЦК Коммунистической партии Грузии, стал влиятельным покровителем и защитником Абуладзе. Хотя в целом между ними не было сходства, оба принадлежали к одному поколению и являлись чужаками в грузинской столице. Шеварднадзе, сын бедного учителя из Гурии, региона в Западной Грузии, с подозрением смотрел на коренную тбилисскую интеллигенцию; Абуладзе был для интеллигенции своим, но, поскольку он переехал в Тбилиси из скромного провинциального города Кутаиси, считалось, что ему недостает тонченности известных тбилисских семейств¹. Оба — Абуладзе и Шеварднадзе — сумели подняться по социальной лестнице советского общества, хотя у каждого из них были свои причины критиковать сталинское прошлое. Абуладзе, учившийся во ВГИКе в последние годы сталинского правления, стал свидетелем репрессий против ведущих советских актеров и режиссеров; у Шеварднадзе были личные счеты со сталинским режимом: в годы Большого террора его родной отец был арестован, а отчим — расстрелян. Хотя Шеварднадзе амбициозно строил свою политическую карьеру в ту эпоху, когда многие интеллигенты отвернулись от политики, на него также повлияла «оттепель». Потрясенный насильственным подавлением протестного движения 1956 года в Грузии, он позже признавался, что приобрел «комплекс 1956 года — комплекс неприятия насилия как метода и принципа политики»². При необходимости он мог быть безжалостным, но эти его слова заслуживают внимания. В 1978 году Шеварднадзе отказался использовать советские войска для подавления в Тбилиси народных демонстраций против закона, который понизил бы статус грузинского языка в республиканской конституции; вместо этого он лично обратился к демонстрантам и приложил усилия для сохранения прежнего статуса языка. Кроме того, Шеварднадзе был проникательным политиком, осознававшим, что ему нужна поддержка со стороны влиятельной грузинской интеллигенции — как до инцидента с угоном самолета в 1983 году, так и, в особенности, после него. Понимая, что это может принести потенциальные политические выгоды, он стал покровителем

¹ Интервью автора с Георгием Шенгелая.

² Шеварднадзе Э. Мой выбор: в защиту демократии и свободы. М.: Новости, 1991. С. 55; в английском переводе см.: Shevardnadze E. The Future Belongs to Freedom / Transl. by C. A. Fitzpatrick. New York: Free Press, 1991. P. 21.

художественной интеллигенции в Грузии и оказал Абуладзе политическую поддержку, в которой тот нуждался для съемок следующего фильма¹.

Над сценарием «Покаяния» Абуладзе начал работать в 1981 году и завершил его в 1982-м, в год смерти Брежнева. При содействии со стороны Резо Чхеидзе, который тогда был директором студии «Грузия-фильм», Абуладзе в 1983 году приступил к съемкам первых эпизодов фильма, хотя его производство было быстро остановлено после ареста актера Геги Кобахидзе, участвовавшего в угоне самолета. В этой ситуации поддержка фильма стала для Шеварднадзе способом показать грузинской интеллигенции, что он по-прежнему защищает относительную творческую свободу, столь ценную для интеллигенции, но не потерпит актов открытого сопротивления, таких как попытка угона самолета. Отыскав бюрократическую лазейку, Шеварднадзе предложил Абуладзе переработать сценарий «Покаяния» для телевизионного сериала, поскольку грузинское телевидение располагало предназначенным для местного вещания ежедневным трехчасовым слотом, который, как правило, был свободен от надзора Гостелерадио — центрального агентства по делам телевидения и радио, находившегося в Москве². Благодаря этому при минимальном контроле со стороны центра Абуладзе в декабре 1984 года — буквально за несколько месяцев до избрания Горбачева на пост генерального секретаря ЦК КПСС — завершил съемки «Покаяния».

На следующий год Горбачев удивил многих наблюдателей, и в том числе членов собственного правительства, назначив Шеварднадзе на пост министра иностранных дел³. Со времен смерти Сталина и Берии это было наиболее значимое назначение грузинского чиновника на пост в имперском центре, и состоялось оно в тот момент, когда, согласно Горбачеву, «многие выражали непонимание

¹ Плахов А. *Enfant terrible* уходящей породы. С. 226.

² Woll J., *Youngblood D. J. Repentance*. P. 90.

³ Анатолий Черняев, заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС, в своем дневнике охарактеризовал назначение Шеварднадзе как «гром среди ясного неба». Дневник Черняева опубликован онлайн на сайте Архива национальной безопасности при Университете Джорджа Вашингтона (США) и переведен на английский язык Анной Меляковой. См.: Savranskaya S., Blanton T. The Shevardnadze File: Late Soviet Foreign Minister Helped End the Cold War. URL: <http://www2.gwu.edu/~nsarchiv/NSAEBB/NSAEBB481/>. Последнее посещение 18 сентября 2014 года.

и несогласие с тем, что такую важнейшую функцию союзного государства доверили не русскому человеку». Удостоенный этой чести Шеварднадзе был, по словам Горбачева, «нетипичным грузином»: не «заводилой», не «выдающимся оратором», а скорее «сдержанным и внутренне собранным» партийным работником¹. Тем не менее он так же сохранял связи с родной республикой, как и политические деятели из грузинской диаспоры до него. Абуладзе, удрученный, что «Покаяние» завершено, но до сих пор лежит на полке, позвонил Шеварднадзе в его московский офис и попросил своего патрона обратиться к Горбачеву и добиться выхода фильма на экраны. После того как Шеварднадзе лично организовал просмотр фильма для Горбачева, генеральный секретарь призвал Союз кинематографистов разрешить показ киноленты, и в 1986 году она впервые была продемонстрирована на закрытых просмотрах московским интеллектуалам из Союза писателей, Дома кино и Союза художников². Когда на следующий год фильм вышел в широкий прокат, историк-диссидент Рой Медведев назвал его самым важным событием советской культурной жизни по меньшей мере за последнее десятилетие³. Только в Москве за первые четыре месяца проката картину посмотрели 1 миллион 800 тысяч зрителей⁴.

В своих мемуарах, написанных в 1991 году, Шеварднадзе отмечал, что выход фильма смог «разорвать заговор молчания и запрета на тему тирании и беззакония, тему репрессий и гонений, которым в нашей стране подверглись миллионы людей», заметив, что «интуиция» подсказала ему — «наступает время, когда надо пойти намного дальше и глубже, чем это сделал Хрущев» в годы «оттепели»⁵. Действительно, успех «Покаяния» целиком и полностью предвосхитил поиски нравственного камертона, развернувшиеся в годы гласности, хотя то, что некоторые самые глубокие политические высказывания преподносились в фильме в форме снов и символов, скорее было типичным для грузинского кинематографического искусства

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы: В 2 кн. М.: Новости, 1995. Кн. 1. С. 287, 289; в английском переводе см.: *Gorbachev M. Memoirs*. New York: Doubleday, 1996. P. 180.

² Шеварднадзе Э. Мой выбор. С. 288–290.

³ Woll J., Youngblood D. J. Repentance. P. 91.

⁴ РГАЛИ. Ф. 2916. Оп. 4. Д. 555. Л. 30–31.

⁵ Шеварднадзе Э. Мой выбор. С. 288; в английском переводе: *Shevardnadze E. The Future Belongs to Freedom*. P. 172.

времен застоя. Фильм, как указывали критики, по своей сути был «рассказом в рассказе», дополненным длинными экскурсами в прошлое и сценами, происходящими во сне¹. Основу сюжета составляли тираническое правление вымышленного диктатора Варлама Аравидзе, совершенные во время его правления преступления и, наконец, его похороны, которые повторяются снова и снова, потому что одна из жертв террора вновь и вновь выкапывает его труп из могилы. Сталин не был назван по имени — «Аравидзе» по-грузински в буквальном смысле слова означает «ничей сын», — но манера поведения и перепады настроения этого персонажа ассоциировались со сталинскими, а внешне он напоминал Берию. Под покровом фантазии фильм предлагал советской публике яркое изображение сталинского террора и интеллектуальную переоценку ценностей, что ранее могло быть предметом лишь частных разговоров.

Фильм открыто ставил те вопросы, которые были принципиальными для советской интеллигенции эры застоя. Хотя его персонажи говорили в основном по-грузински и действовали в грузинском окружении, их прямые разговоры о роли художника, значении религии и опасностях компромисса были важны для всесоюзной аудитории. Фильм воспевал стремление советской интеллигенции к высокой культуре и в то же время обличал глубоко присущее ей филистерство. В «Покаянии» внешний культурный лоск диктатора Варлама Аравидзе противопоставлен подлинному служению культуре, воплощенному в образе художника Сандро Баратели. В фильме подчеркивалось, что эти два персонажа — родственники, ведущие свой род от общего предка; это было намеком на исторически тесные связи советской интеллигенции с государством. Аравидзе и Баратели вступают в конфликт из-за судьбы древней грузинской церкви, которую превратили в «храм Эйнштейна», прославляющий современную науку. Аравидзе, который, красуясь, поет итальянские арии и цитирует Шекспира, защищает культуру во имя науки и прогресса ровно до того момента, пока она «нужна». Напротив, Баратели пытается отстоять более глубокие, «живительные корни» культуры, воплощенные в церкви — культурном памятнике, который он ставит наравне с шедеврами «Руставели, Данте и Баха». Конфликт между диктатором и художником наследуют их дети.

¹ Woll J., *Youngblood D. J. Repentance*. P. 6.

Абель Аравидзе, готовый хранить молчание о преступлениях своего отца, играет сонату Бетховена в своем большом комфортном доме, в окружении французских картин и других атрибутов высокой культуры. По контрасту с ним Кетеван Баратели, дочь художника, изображена как идеализированная представительница грузинской интеллигенции, обладающая врожденным тонким вкусом и чувствующая себя обязанной стремиться к художественной и духовной правде.

Грузинский фильм «Покаяние» получил широкий резонанс, поскольку был не только о Грузии. Фильм был детищем грузинской интеллигенции, стремившейся одновременно к национальной самобытности и к влиянию в советской системе, и поэтому мог казаться экзотическим по своему стилю, но узнаваемым по тематике и персонажам. Несмотря на грузинское происхождение, Сталин и Берия являлись тиранами всесоюзного масштаба. Россиянам могли быть близки тема конфликта поколений и христианские метафоры фильма, независимо от того, соглашались ли русские интеллигенты с их трактовкой. Важно отметить, что как грузину, отстаивающему в одно и то же время и культурно-национальную автономию, и универсализм, Абуладзе было проще призывать интеллектуалов вернуться к христианству — проще, чем большой и влиятельной российской элите, «левым либералам», которые сомневались, совместимы ли либерализм и православие.

Получившее всесоюзный резонанс, «Покаяние» вскрывало и глубоко двойственность той роли, которую играли грузины в Советской империи. Для грузинских зрителей этот фильм был критикой в адрес не только Сталина, но и тех грузинских интеллектуалов, для кого культура была лишь внешним лоском, искусство — лишь сферой профессиональных достижений и кто, как Варлам Аравидзе, перемежал родную грузинскую речь русскими словами и фразами. «Покаяние» стало предвестником распространявшихся среди грузинской интеллигенции убеждений, что ее известность на общесоюзном уровне и приверженность социалистической идеологии были изменой национальной культуре. Некоторые восприняли фильм как призыв к покаянию за соучастие в сталинском прошлом и к признанию аутентичного культурного наследия Грузии, представленного ее древними православными традициями. В пронзительной финальной сцене фильма странница — ее сыграла легендарная грузинская

актриса Верико Анджапаридзе, — услышав, что улица Варлама Аравидзе не ведет к храму, задает вопрос: «К чему дорога, если она не приводит к храму?» Этот эпизод может быть интерпретирован как личное покаяние Анджапаридзе, слава к которой пришла после роли в просоветском фильме Николая Шенгелая «Двадцать шесть комиссаров» (1933) и чей муж, Михаил Чиаурели, в 1931 году снял антирелигиозный фильм «Посторонись!»¹. В этом смысле «Покаяние» поставило под вопрос основополагающий канон грузинского национального кинематографа.

Деятели постсталинского грузинского киноискусства обратились к национальной аутентичности, но сохранили стремление быть понятными для всесоюзной аудитории. И все же «Покаяние» было не первым грузинским фильмом, где ставился вопрос о том, что в процессе адаптации национальной культуры для имперской аудитории может быть утрачено нечто важное. В значимой сцене фильма Иоселиани «Листопад» русским туристам предлагают суррогатное вино с завода, которое отказываются пить грузинские рабочие. Русские с энтузиазмом выпивают вино и дружно запевают грузинскую песню «Сулико» (известную как одна из любимых песен Сталина), а тем временем грузинские рабочие смущенно отводят взгляды. Смысл этой сцены, по крайней мере для понимающих грузинских зрителей, состоял в том, что командный характер советской плановой экономики и неразвитый вкус русских потребителей угрожают качеству одного из самых прославленных национальных грузинских продуктов и что сами грузины сознательно этому способствуют.

Аналогичным образом фильм Ираклия Квирикадзе «Пловец», снятый в 1981 году, но так и не вышедший на большой экран, рассказывал историю постепенной деградации трех поколений грузинской семьи за годы советской власти — от гордого, приверженного традициям деда в дореволюционный период к энергичному, но угодливому сыну в сталинскую эпоху и, наконец, к внуку Антону, мрачному толстяку, который в начале 1980-х работает в Тбилисском экскурсионном бюро и целые дни напролет уныло возит по Грузии группы пьяных русских туристов. Антон не только носит русское

¹ Эту интерпретацию предложили Дж. Уолл и Д. Янгблад, выявившие в «Покаянии» множество аллюзий на фильм Чиаурели 1931 года: *Woll J., Youngblood D.J. Repentance*. P. 103.

имя — он и говорит в основном по-русски и выдает переведенные и инсценированные проявления грузинской культуры за подлинные. В одной из сцен он разучивает с группой русскоязычных туристов сентиментальную песню «Тбилисо», посвященную грузинской столице. У туристов нет музыкального слуха, они не понимают смысла грузинских слов и с трудом пытаются читать грузинский текст песни, который Антон по долгу службы записал кириллицей на больших белых листах. В следующем эпизоде Антон сопровождает группу русских туристов на пикник, где они в нетрезвом виде исполняют некое подобие грузинского танца. В фоновом режиме слышны странные звуки; наконец камера отъезжает, и зрителям становится видна грузинская церковь на высоком холме, а звуковое сопровождение сводится к звону церковного колокола. Фильм подразумевал, что привычные формы грузинской культуры утратили свой смысл, превратившись в собственность социалистического государства и товар, потребляемый гражданами империи. А также подчеркивал, что трансляция грузинской культуры может в конечном счете оказаться бесполезной тратой времени, поскольку русская аудитория не способна или не желает ее понимать.

С начала большевистской революции многие грузинские интеллектуалы позитивно восприняли идею, что их культура будет понята и оценена широкой аудиторией и что они будут приняты как равные в многонациональном Советском государстве. Но на протяжении периода застоя артисты и интеллектуалы, работавшие в грузинских учреждениях культуры, — пусть даже они продолжали пользоваться покровительством центральных структур, — начали воспринимать советский режим как деградацию в культурном отношении. Формы, которые предлагал советский внутренний интернационализм для выражения этнической самобытности, стали расцениваться как сомнительные, поскольку ассоциировались с государством. Грузинские интеллектуалы обретали все большую степень самосознания, отдавая себе отчет, что их культурные достижения ценятся лишь потому, что полезны в политическом отношении или легко приспособляются к массовому уровню. Им стало надоедать, что к ним относятся снисходительно, как к «младшему брату» в «братской семье советских народов»; они горько жаловались на необходимость выхолащивать грузинскую культуру в угоду преимущественно русской аудитории и сплывались вокруг своего

древнего языка и религиозных традиций, чтобы заявить права на более глубокие пласты культурного наследия.

За пределами мира кино заинтересованность интеллигенции в возрождении грузинской культуры начала приобретать явно политическое звучание. В начале 1970-х годов Звиад Гамсахурдия, преподаватель литературы в Тбилисском государственном университете, сформировал инициативную группу для защиты грузинских архитектурных памятников, особенно церквей. Семейная история и личная биография Гамсахурдии достаточно точно соответствовали нарративу национальной и интеллектуальной деградации в условиях советской власти. Его отец, известный грузинский писатель Константин Гамсахурдия, в начале своей литературной карьеры отличался художественной смелостью, но, подвергшись репрессиям со стороны советского режима, в 1939 году, чтобы продемонстрировать политическую лояльность, был вынужден написать агиографический роман о детстве Сталина. Что касается самого Звиада Гамсахурдии, то впервые он был арестован в 1956 году, за участие в протестных акциях в Тбилиси, затем — в 1958-м, за распространение националистической литературы; после второго ареста его поместили на шесть месяцев в тбилисскую психиатрическую больницу. Вновь арестован он был в 1977 году и освобожден двумя годами позже — лишь после унижительного телеинтервью, в ходе которого признал вменявшиеся ему идейные заблуждения¹. Ранняя интеллектуальная и политическая деятельность Гамсахурдии имела широкое гуманистическое содержание — он был одним из основателей Грузинской Хельсинкской группы и известным переводчиком произведений мировой литературы на грузинский язык, — а позже он стал рассматривать Советское государство как инструмент имперского угнетения и постепенно сосредоточился на идее полного национального освобождения. Если для Отара Иоселиани аутентичность представляла сквозь призму иронии, а для Тенгиза Абуладзе была связана с переоценкой сталинского прошлого, то Гамсахурдия положил эту категорию в основание своей политической платформы, включавшей требование решительного национального очищения. Хотя в первые годы гласности влияние Гамсахурдии

¹ См. авторизованную биографию Звиада Гамсахурдии, написанную его вдовой: Zviad Gamsakhurdia (avtorizebuli). Biografia bibliografiit / Ed. M. Archvadze-Gamsakhurdia. Tbilisi: Sakartvelos matsne, 2007.

было ограниченным, он оказался на переднем крае диссидентского движения грузинской интеллигенции, провозгласившего, что советская власть и грузинская культура не могут сосуществовать друг с другом¹.

Большинство грузинских интеллектуалов по-прежнему верили, что национального возрождения можно добиться в рамках Советского Союза, если он станет более демократичным. «Покаяние» могло быть антисталинским или даже антиимперским, но антисоветским оно по существу не было. Когда в январе 1988 года фильм был выдвинут на соискание Ленинской премии, члены отдела кино и телевидения Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР практически единодушно согласились, что «Покаяние» достоин премии. Это был успешный в кассовом отношении, политически значимый фильм, достижение в области искусства, получившее высокую оценку критики. Один из членов Комитета сказал об этом так: «Если рассуждать по старым меркам, если бы „Покаяние“ не было столь горячо для нашего времени и не выплеснуло какую-то волну всеобщего покаяния, то все равно это был бы прекрасный фильм»². Перемены в верхах изменили тот контекст, в котором существовала инакомыслящая грузинская интеллигенция, и рискованный бой, данный Тенгизом Абуладзе сталинскому периоду, теперь соответствовал генеральной линии политики Горбачева.

В результате фильм стал полезным с политической точки зрения. После того как ему была присуждена престижная Ленинская премия, в апреле 1988 года Эдуард Шеварднадзе написал Абуладзе письмо с поздравлениями. Шеварднадзе мастерски охарактеризовал фильм как неотъемлемую часть политической программы перестройки: «Ваш фильм „Покаяние“ стал одной из первых примет начавшейся перестройки, когда множество людей боялись даже поверить в ее необратимость... И как не вспомнить сейчас, что путь к „Покаянию“ от „Мольбы“ и „Древа желания“ не был ни простым, ни легким. Что он не сулил наград и не был рассчитан на благополучный исход». Завершая письмо, Шеварднадзе использовал примечательный оборот речи, свидетельствующий, что он усваивал риторику все более решительной грузинской интеллигенции:

¹ *Suny R. G. The Making of the Georgian Nation. P. 308–309.*

² РГАЛИ. Ф. 2916. Оп. 4. Д. 547. Л. 49–50.

Сегодня, когда мужество честного таланта вознаграждено по заслугам, я думаю о том, какое это счастье — выразить в главном деле своей жизни народный порыв к правде и справедливости, ответить ожиданиям общества и укрепить в нем надежду на победу добра над злом. Конечно же, это было бы невозможно без осознания духовной преемственности от великих наших предшественников и живой корневой связи с родной нашей землей¹.

То, что Шеварднадзе в положительном ключе упоминает религию — «осознание духовной преемственности от великих наших предшественников» — и высказывает почти националистическую гордость своей родиной — «живая корневая связь с родной нашей землей», — является поразительным свидетельством того, насколько изменился политический ландшафт. Хотя Шеварднадзе предлагал умеренную версию грузинского национализма, связанную с универсальными категориями достоинства, правды и справедливости, но, сделав идею национальной аутентичности важной частью своей политической программы, он оказался союзником Гамсахурдии, чей арест когда-то санкционировал в качестве главы Коммунистической партии Грузии.

К началу 1989 года казалось, что грузинская интеллигенция стоит на пороге культурного ренессанса, который должен будет наполнить живительной силой грузинский народ и обновить Советский Союз. Такие советские руководители, как Шеварднадзе, явно поддерживали стремление интеллигенции к большей автономии Грузинской Республики. Тем временем грузинская диаспора в Москве наконец получила полуофициальный статус, когда в декабре 1987 года там был открыт грузинский культурный центр «Мзиури». Центр стал официально санкционированным местом встреч членов диаспоры и даже занимался обучением детей на грузинском языке, что с конца 1920-х годов не позволялось за пределами Грузинской ССР². И вновь грузинская диаспора оказалась в авангарде многонационального

¹ Центральный государственный архив новейшей истории Грузии. Отдел литературы и искусства. Ф. 307. Оп. 1. Д. 87. Л. 2.

² О деятельности центра см.: «Мзиури» на Старом Арбате // Заря Востока. 1987. 27 декабря. С. 3; Гаприндашвили Г. Москвичи сели за парты // Там же. 1988. 23 ноября. С. 4. Центр «Мзиури» заложил основу для последующего создания в Москве грузинского детского сада и начальной школы с обучением на грузинском языке (Интервью автора с Анной Кереселидзе. Москва, 28 июля 2006 года).

движения, поскольку центр-первопроходец «Мзиури» воспринимался как потенциальная модель культурных центров для других советских диаспор¹. Примерно в это же время была создана еще одна грузинская культурная организация — Общество грузинской культуры «Руставели», базировавшееся в Грузии, но располагавшее региональными отделениями в России и обеспечивавшее связь диаспоры с родиной. Вскоре Общество оказалось вовлечено и в политическую деятельность: в начале 1989 года оно помогло режиссеру Тенгизу Абуладзе выиграть избирательную кампанию на выборах делегатов Съезда народных депутатов СССР, организовав в России митинги в поддержку его кандидатуры².

Теперь по всему Советскому Союзу грузины могли практиковать формы интеллектуального и культурного самовыражения, которые в течение десятилетий находились под запретом. Многие деятели искусства начали высказываться на политические темы, а некоторые, как Абуладзе, даже напрямую занялись политической деятельностью. Менее чем за шесть лет до этого группа разочарованных представителей творческой интеллигенции, чувствуя свою отчужденность от советской власти, предприняла безнадежную попытку обрести свободу за границей Советского Союза — а теперь грузинская интеллигенция оказалась у руля Советского государства. Весной 1989 года, 26 марта, в Советском Союзе прошли конкурентные выборы делегатов на Съезд народных депутатов. В числе представителей от Грузии были Тенгиз Абуладзе, его коллега Эльдар Шенгелая, скрипачка-виртуоз Лиана Исакадзе; едва ли было просто совпадением, что они представляли те сферы культуры, в которых грузинская интеллигенция приобрела наибольшее влияние: музыку и кино. В мае того же года депутатов планировалось созвать в Москве, чтобы с их помощью разработать будущий курс развития Советского Союза и определить место в нем Грузии.

Однако, прежде чем они успели собраться в Москве, серия ожесточенных столкновений безвозвратно изменила направление

¹ Посетив центр «Мзиури» в 1988 году, Нурсултан Назарбаев, первый секретарь ЦК Коммунистической партии Казахской ССР, сказал, что нужно открыть в Москве аналогичный центр, который занимался бы пропагандой казахской культуры (см.: *Церетели В.* Встречи в столице // *Заря Востока.* 1988. 28 июня. С. 1).

² *Глурджидзе А.* Центр грузинской культуры в Ярославле // Там же. 1989. 18 февраля. С. 3.

дебатов. Появление конкурентных выборов и предвыборной борьбы в Советской империи повысило статус интеллигенции, но также создало и новые возможности для мобилизации националистов, что позволило им во многих регионах бросить вызов многонациональному государственному режиму¹. В Абхазской Автономной Советской Социалистической Республике активисты призвали к отделению от Грузии — в ответ десятки тысяч людей собрались в Тбилиси, чтобы осудить сепаратистов и защитить территориальную целостность и национальный суверенитет Грузии. Протесты в Тбилиси носили ненасильственный характер, хотя протестующие проигнорировали несколько обращенных к ним призывов разойтись, включая и пламенную мольбу патриарха Грузинской православной церкви, Ильи II². 9 апреля 1989 года советские войска силой разогнали мирную демонстрацию, используя заточенные саперные лопатки и ядовитый газ, чтобы вытеснить толпу с центральных улиц грузинской столицы. Погибло девятнадцать человек, по большей части женщины. Хотя шестью годами ранее, в ответ на попытку угона самолета, государство уже применяло свою репрессивную мощь и хотя теперь число жертв было значительно меньше, чем при подавлении массовых протестов в марте 1956 года, гласность и перестройка придали этой конкретной вспышке насилия новый смысл.

После протестов противоречивость того периода — как и самого Советского государства — предстала во всей своей красе на страницах официальной газеты Грузинской ССР «Заря Востока»: 11 апреля 1989 года, вместо того чтобы в ежедневной колонке «Вчера в республике» дать обычный обзор государственных достижений, редакторы поставили под сомнение первоначально объявленное число жертв — шестнадцать человек — и привели сообщения, согласно которым погибших было больше, причем одни из них предположительно «стали жертвами танков», а другие — были ранены, когда «военные стреляли в невооруженных людей». Поразительно, что чуть ниже этих тревожных сообщений помещалось официальное

¹ Проблему несовместимости имперской системы правления Советского Союза с электоральной демократией обсуждает в своей работе Сергей Плохий: *Plokhyy S. The Last Empire: The Final Days of the Soviet Union*. New York: Basic Books, 2014. [На русском языке см.: *Плохий С. Последняя империя. Падение Советского Союза* / Пер. с англ. С. Гирика, С. Лунина и А. Сагана. М.: АСТ; CORPUS, 2016. — *Примеч. пер.*]

² *Jones S. Georgia: A Political History since Independence*. London: I. B. Tauris, 2013. P. 31–34.

обращение к «населению и трудящимся города Тбилиси» со стороны генерал-полковника И. Н. Родионова, где протесты квалифицировались как «антисоветские», в насилии были обвинены «провокаторы» и, наконец, объявлялось о введении в столице Грузии временного военного положения и комендантского часа¹. На следующий день ощущение, что грузины оказались под военной оккупацией, возглавляемой русскими, еще более усилилось: в газете поместили фотографию, на которой грузинская женщина ведет своего ребенка мимо российских солдат и советского танка по одному из главных мостов Тбилиси². Наконец 13 апреля газета опубликовала обращение Горбачева «к коммунистам, всем трудящимся Грузии» с примирительными словами сожаления о том, что «пролита невинная кровь», но в то же время с критикой требований протестующих, которые пытались «оторвать социалистическую Грузию от братской семьи советских народов». Горбачев выражал надежду, что трудящиеся Грузии «защитят перестройку, наши общие социалистические ценности, наше братство и единство»³.

Тем не менее события 9 апреля надолго стали укором для тех грузин, кто верил, что советская система с их участием может быть реформирована. Освещение этих событий в прессе подтвердило, что перестройка означает попросту повторение официальной лжи наряду с редкими проблесками сомнений и намеками на истину. За горбачевской риторикой о братстве и «общих социалистических ценностях» грузины видели жестокость армии, которой командуют русские. Последовавшие затем публичные дебаты привели к усилению наиболее радикального крыла грузинской интеллигенции, которое совсем недавно представляло собой лишь небольшую группу, призывавшую к полной независимости. Политический климат в Грузии кардинально изменился, и та диаспора грузинских интеллектуалов, которая сохраняла приверженность широкому советскому универсализму, оказалась отчужденной и от национальных институтов, которые ее поддерживали, и от национального электората, который она должна была представлять.

¹ Вчера в республике; Обращение к населению и трудящимся города Тбилиси // Заря Востока. 1989. 11 апреля. С. 1.

² Фотография Владимира Валишвили и Ивана Шламова // Там же. 12 апреля. С. 4.

³ Обращение товарища Горбачева М. С. к коммунистам, всем трудящимся Грузии // Там же. 13 апреля. С. 1.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Успех грузин всегда зависел от государства, поддерживавшего принцип многонациональности, и от диаспоры, заинтересованной в культивировании легко различимых особенностей; чтобы добиться заметного положения в империи, грузинам как «своим чужакам» требовались восприимчивая аудитория и увлеченные исполнители. Диаспора имела корни в союзной республике, что обеспечивало постоянный приток надежных клиентов для политических покровителей, свежих продуктов для советского рациона и самобытных исполнителей для советской сцены, а также означало очевидную монополию диаспоры на производство и поставку востребованных товаров. На какое-то время могло показаться, что Советская империя создала идеальную арену действия для диаспоры с крепкими корнями и космополитическими устремлениями. Москва, столица Советской империи, предоставила грузинским большевикам возможность поддержать — и возглавить — интернациональное политическое движение, эстрадным исполнителям она обеспечила масштабную сцену, предпринимателям — привлекательный рынок, а творчеству грузинской интеллигенции — благожелательную аудиторию.

В большей степени, чем любая предшествующая империя, Советский Союз поощрял и поддерживал разнообразные национальные репертуары, одновременно используя их для нужд единого государства. Тем не менее с самого начала было очевидно противоречие между энергичным государственным содействием национальному развитию и настойчивым стремлением сохранить

централизованное управление. Государство старалось прочно укоренить титульные национальности в их республиках, где поощрялись национальные языки и культура и уделялось приоритетное внимание подготовке национальных кадров; в то же время республики и, соответственно, их титульные национальности были включены — иногда принудительно — в более широкое политическое, экономическое и культурное пространство, центром которого являлась столица СССР. Одним из последствий этой двойственной политики, сохранявшей национальные различия, но ориентировавшей все народы на Москву, было появление в сердце Советской империи внутренних диаспор, таких как грузинская.

Многонациональная империя зависела от своих внутренних диаспор, но относилась к ним с подозрением. Империя пыталась сдерживать их активность, ограничивать мобильность и скрывать сам факт их присутствия, не позволяя официально именоваться диаспорами. В результате у третьего поколения москвичей грузинского происхождения в паспортах значилось «грузин», но им, как правило, запрещалось создавать любые объединения по этническому признаку. Грузины были наиболее заметной внутренней диаспорой, поскольку заявили о себе на самых ранних этапах советской истории и выступили именно как представители грузинского народа; но они не были одиноки. В соответствии с принципами советской политики национальные кадры перемещались из республик в центр; этнические социальные связи придавали особую окраску советской политической жизни и становились основой прочных систем патроната. В сфере культуры советская власть взращивала внутренний интернационализм, поощрявший национальный репертуар и стимулировавший постоянные перемещения деятелей культуры по стране. Что касается экономики, то в этой сфере государство создало относительно закрытую систему, которая, как и советский рацион, состояла из ингредиентов внутреннего производства, поставляемых из национальных республик. Поскольку советская власть опиралась на внутреннее производство, она усиливала внутреннюю экономическую диверсификацию, что любопытным образом переплеталось с внутренним разнообразием культуры.

Пример грузин показывает, что культура национальных меньшинств иногда процветала в советском имперском контексте и что в подчеркивании допустимых форм национальных отличий от

русскости можно было найти свои преимущества. Поскольку основой Советской империи никогда не была какая-либо определенная нация, внутренние диаспоры могли заявить права на свое место в имперском центре. Однако, хотя теоретически все народы Советского Союза могли встретиться в Москве на равных, интернационализм, особенно в специфической форме внутреннего интернационализма, приводил к возникновению имперской иерархии и взращивал взаимные обиды внутри империи. Советские нации различались по численности и культуре; одни из них легче воспринимались преимущественно русской аудиторией, чем другие. Кроме того, поскольку политика советского интернационализма направлялась и контролировалась государством, некоторые нации сумели лучше интегрироваться в правящие структуры и тем самым приобрели более привилегированный статус.

Национальный принцип, подкрепленный учреждениями республиканского уровня, формировал влиятельные группы, заинтересованные в национальном суверенитете. Произведения национальной культуры порождали у авторов ощущение исключительного права на них, а стремление государства подчинить национальное самовыражение значимым имперским целям привело к тому, что некоторые представители интеллигенции стали отождествлять советскую власть с централизованным режимом принудительного сотрудничества и национального самоотречения. Поскольку стержнем Советской империи никогда не была одна нация, многие группы, в том числе и русские, могли считать эту империю навязанной им извне. Разумеется, недовольство внутри империи не всегда имело национальный характер. Если продвижение национального принципа в конце концов породило критиков Советской империи, то и продвижение принципа многонациональности порождало неожиданные и непредсказуемые формы космополитического универсализма, которые иногда оказывались оппозиционными государству. И все же эти формы многонациональной политики и культуры практически исчезли с распадом поддерживавшего их Советского государства, тогда как национальные категории пережили его распад. В отличие от принципа советской многонациональности национальный принцип был провозглашен историческим наследием и в ходе распада Советской империи оказался ценной валютой в мире национальных государств.

Для самих грузин выбор между влиянием в масштабах империи и национальным самоутверждением становился все более сложным по мере того, как империя эволюционировала, а члены диаспоры сталкивались с ограничениями со стороны государства. Политический успех грузин, в особенности после Великой Отечественной войны, стал потенциальным источником политической напряженности, с чем был вынужден считаться даже Сталин. После смерти Сталина и развенчания культа личности в секретной речи Хрущева в 1956 году Тбилиси сотрясли массовые манифестации; ответом центральных властей стали уступки в сфере культуры и силовое подавление политического недовольства. Последующее ослабление ограничений микроэкономической деятельности при Брежневе создало возможности для усиления местного контроля над производством и поставками; но при этом государство стремилось сократить область влияния теневых структур грузинских предпринимателей, а русские глядели на таких предпринимателей с завистью, о чем свидетельствуют советские анекдоты, яркими красками рисовавшие высокий уровень жизни грузин. Успехи же грузин в интеллектуальной и культурной сферах подразумевали, что национальная культура развивается под руководством Москвы и для потребления чужаками; это вызывало у грузинских деятелей культуры растущую обеспокоенность возможной утратой аутентичности. К концу советского периода грузинские интеллектуалы разделяли то же чувство фрустрации, что и их российские коллеги, но были более склонны придавать этому чувству национальный оттенок.

В распаде Советского Союза снова заметную роль сыграли грузинская и другие внутренние диаспоры, которые на этот раз выступали как сторонники независимости и, в конечном итоге, жертвы имперского коллапса¹. Национализм, означавший открытое выражение этнических проблем и явную политизацию этнических различий, способствовал отпадению национальных республик

¹ Распаду Советского Союза посвящена обширная литература, но большая часть исследований написана политологами. Анализ событий с точки зрения историка см. в кн.: *Kotkin S. Armageddon Averted: The Soviet Collapse, 1970–2000*. Oxford: Oxford University Press, 2001. См. также работу, где подчеркивается роль Украины, стремившейся к независимости: *Plokhy S. The Last Empire*. [На русском языке см.: *Плохий С. Последняя империя*. — Примеч. пер.]

от центра. А также грозил разорвать то сложное переплетение народов, культур и товаров, которым определялась жизнь всей империи. Теперь, в драматически изменившемся политическом контексте, где суверенитет основывался на национальных различиях, умение грузин подчеркивать свою инаковость способствовало выдвиганию значительной части грузинской интеллигенции в авангард борьбы за право выхода из Советского Союза. Однако распад Советской империи, превративший грузин из внутренней диаспоры Советского Союза в трансграничную группу, проживающую за пределами своего государства, в конечном итоге подорвал саму основу успешности грузинской диаспоры.

КРУШЕНИЕ ОБЩЕГО ПРОШЛОГО

Силовое подавление массового протеста в Тбилиси 9 апреля 1989 года и последующее введение комендантского часа парадоксальным образом произошли именно тогда, когда советские граждане стали свободнее, чем когда-либо раньше, особенно в отношении публичного выражения своих идей и настроений. Потрясенные произошедшим на их глазах вводом советских войск в столицу республики и воодушевленные политикой гласности, грузинские интеллектуалы подвергли пересмотру советское прошлое и стали интерпретировать разгон демонстрации как последнее звено в долгой цепи преступлений российского империализма, начавшихся еще на заре советского периода. Такие исторические фигуры, как Серго Орджоникидзе, содействовавший установлению советской власти в Грузии, были объявлены национал-предателями; в результате памятник Орджоникидзе в тбилисском районе Сабуртало был обезображен, а затем сброшен с пьедестала. Даже Союз писателей Грузии, изначально созданный, чтобы готовить идейно подкованные кадры национальной интеллигенции на службу Советской империи, стал прибежищем националистических настроений. В июне 1989 года Союз писателей Грузии опубликовал обращение к Верховному совету Грузинской ССР, требуя, чтобы депутаты официально признали факт вторжения в Грузию и ее незаконной оккупации Красной армией 25 февраля 1921 года¹. Смысл этого шага был в том,

¹ Suny R. G. The Making of the Georgian Nation. P. 323.

что обретение Грузией независимости должно было означать возвращение к «естественному» состоянию — и прежде всего восстановление наиболее натурализованной формы правления, то есть национального государства.

Сами грузинские интеллектуалы, придерживавшиеся националистических убеждений, называли себя *Меотхе даси* («Четвертая группа»), провозглашая тем самым символическую потомственную связь с грузинской интеллигенцией XIX века и отбрасывая в сторону промежуточные поколения, которые жили под властью Советской империи — как непоправимо скомпрометировавшие себя. Во главе движения за независимость Грузии стояли Звиад Гамсахурдия, бывший диссидент и литературовед, и Мераб Костава, выпускник Тбилисской консерватории. Хотя оба обучались в рамках советской системы и специализировались в универсальных сферах высокой культуры, они отвергли космополитизм ради предположительно незапятнанного культурного наследия досоветской Грузии. Несмотря на то что Советская империя в не меньшей степени поощряла национальные различия, чем преодолевала их, Гамсахурдия провозгласил, что советская власть «поставила целью смешать все народы и сделать конгломерат, уничтожить нации вообще»¹.

В то время как в Грузии националисты благодаря избирательной интерпретации прошлого и подчеркиванию национальных обид получили массовую поддержку, казалось, что в Москве более космополитичная советская интеллигенция могла бы праздновать победу — в число делегатов Съезда народных депутатов был избран, например, Андрей Сахаров. Однако триумф представлялся теперь неуместным. В первый же день работы Съезда один из делегатов вмешался в ход заседания, призвав объявить минуту молчания в память о жертвах 9 апреля². Даже Тенгиз Абуладзе, первоначально надеявшийся на трансформацию Советского Союза в многонациональное демократическое государство, начал использовать националистический дискурс. В одном из своих выступлений он осудил «аннексию независимой Грузии» в 1921 году, хотя и сделал

¹ Гарифуллина Н. Куда эта дорога? Интервью председателя Верховного Совета Грузии Звиада Гамсахурдия // Заря Востока. 1990. 1 декабря. С. 2. Первоначально интервью было опубликовано в газете «Советская Россия» (1990. 28 ноября. С. 4).

² Suny R. G. The Making of the Georgian Nation. P. 322.

важную оговорку, что это «преступление» фактически совершили два грузина, Сталин и Орджоникидзе¹.

Более радикально настроенные грузинские националисты настаивали, что угроза грузинскому суверенитету исходит в первую очередь от России. По словам Гамсахурдии, отношения между Грузией и Россией были такими же, как «между слугой и господином» или «между рабом и господином»². Борьбу Абхазии и Южной Осетии за расширение автономии Гамсахурдия считал не более чем «провокациями», организованными Москвой с целью подрывать территориальную целостность Грузии³. Пророчества грузинского лидера можно в какой-то мере считать самореализующимися: столкнувшись с яростной риторикой Гамсахурдии, который зловеще именовал «гостями» всех негрузин, проживавших в Грузии, местные элиты Абхазии и Южной Осетии, опасаясь незавидного будущего в независимой Грузии, удвоили усилия, чтобы заручиться политической и военной поддержкой Москвы. Тем не менее, несмотря на большой опыт Советского государства в деле управления многонациональной страной, его попытки играть роль третейского судьи в национальных конфликтах становились все более нерешительными и недостаточными из-за ослабления контроля со стороны центральных органов. Вооруженное подавление протестов в Грузии, произошедшее в апреле 1989 года, вызвало встречную реакцию, а в январе 1990-го Советская армия вмешалась слишком поздно и не смогла предотвратить насильственное изгнание большинства этнических армян из Баку. В ситуации государственного коллапса военные действия в Абхазии и Южной Осетии заставили примерно 200 тысяч этнических грузин покинуть территории, которые прежде были частью Грузинской ССР (и до сих пор признаются международным сообществом как часть Грузии)⁴. По всему региону многонациональная система управления, установленная большевиками, рассыпалась на части в ходе борьбы локальных групп за власть,

¹ Центральный государственный архив новейшей истории Грузии. Отдел литературы и искусства. Ф. 307. Оп. 1. Д. 85. Л. 1–5.

² Гарифуллина Н. Куда эта дорога?

³ Cheterian V. War and Peace in the Caucasus: Russia's Troubled Frontier. London: Hurst, 2008. P. 176–177.

⁴ Smith J. Red Nations. P. 269; Kabachnik P., Regulska J., Mitchneck B. Where and When is Home? The Double Displacement of Georgian IDPs from Abkhazia // Journal of Refugee Studies. 2010. Vol. 23. № 3. P. 315–336.

а границы, прежде разделявшие национальные республики, превращались в настоящие — хотя порой и оспариваемые — государственные границы.

Притом что русские и грузинские националисты уже давно были взаимными оппонентами, волнения в Абхазии и Южной Осетии спровоцировали новый раскол между космополитической частью российской интеллигенции, которая в целом сочувственно воспринимала жалобы грузин на «русский шовинизм», и многими грузинскими интеллектуалами, которые явно продвигали бренд собственной национальной исключительности¹. В статье, опубликованной в журнале «Огонек» в июле 1989 года, Андрей Сахаров привел грузин в ярость тем, что назвал Грузинскую Республику, включающую в свой состав Абхазскую и Осетинскую автономии, «малой империей». У многих представителей грузинской интеллигенции статья Сахарова породила ощущение, что российская интеллигенция больше не является их союзницей. В опубликованном ответе Сахарову Д. Л. Мухелишвили, член Академии наук Грузинской ССР, назвал «несчастьем» тот факт, что такой «уважаемый академик», как Сахаров, критикует Грузию за «этнические проблемы, в которых он плохо разбирается». Упрекая Россию в разжигании национальной вражды внутри Грузии, Мухелишвили воззвал к памяти жертв разгона демонстрации 9 апреля: «Не мы сами убивали лопатами и душили газами наших девушек и женщин... не мы, а на нас напали»².

Взаимопонимание между грузинскими и российскими интеллектуалами сменилось непониманием. Сергей Баруздин, русский писатель и издатель многонационального советского журнала «Дружба народов», в статье, опубликованной в газете «Правда» 25 февраля 1990 года — в годовщину советской аннексии Грузии, — избрал мишенью критики грузинский «экстремизм». В Тбилиси эту дату, к которой ранее приурочивали официальные празднества, отметили коммеморативными мероприятиями и речами, клеймившими советский империализм. Отклоняя претензии Грузии, Баруздин утверждал общую советскую идентичность, апеллируя к общей истории, закаленной в пламени Великой Отечественной войны. Он писал:

¹ Об универсализме и национализме русской интеллигенции см.: Zubok V. Zhivago's Children.

² Мухелишвили Д. Л. Грузия — «малая империя»? // Грузия — «малая империя»? [Сборник] / Под ред. Г. С. Гачечиладзе. Тбилиси: Саранги, 1990. С. 3–18.

«Кто из нас думал в те годы — русский ли я или грузин, казах или украинец, молдаван или эстонец, белорус, еврей или якут?.. Мы воевали вместе и трудились вместе... Плечом к плечу мы встретили страшную беду и перемогли ее». Он высмеивал заявления грузин о «русских оккупантах» и «имперских замашках Москвы», настаивая, что подобные слова могут быть только следствием «помутнения разума» или «массового очерствения сердец»; то и другое заявления были, по его мнению, «забвением исторической памяти»¹. Статья Баруздина незамедлительно вызвала бурную реакцию радикализирующейся грузинской прессы. Одна из ответивших ему, Людмила Эсванджия, критиковала Баруздина за представленную им картину советского прошлого, в которой не нашлось места для ГУЛАГа и игнорируется трагическое значение вторжения Красной армии в Грузию². Другой, партийный чиновник из Грузии, кратко указал, что «существенный вклад» грузин в российскую политическую, культурную и интеллектуальную жизнь, «в становление могущества России, начиная со времен Петра Великого», остался не замечен современными российскими писателями³. Смысл упрека состоял в том, что русские так и не смогли сделать многовековые отношения с Грузией взаимовыгодными для обеих сторон.

По мере того как распадалось общее видение прошлого и возникали новые проекты будущего, ширился раскол и внутри самой грузинской интеллигенции. Философ Мераб Мамардашвили, который большую часть жизни работал в Московском государственном университете, а в 1980-х годах вернулся в Грузию, подверг критике Гамсахурдию и его сподвижников за то, что для них культурная и политическая независимость республики является самоцелью, а не средством достижения универсальных ценностей. В своей статье Мамардашвили критиковал тех, кого называл «грузинскими шовинистами», и предлагал собственное видение независимой Грузии: «Моя борьба не за грузинский язык, она выиграна, а борьба за то, что говорится на грузинском языке»⁴. Тем не менее Гамсахурдия

¹ Баруздин С. Экстремизму — нет! // Правда. 1990. 24 февраля. С. 4.

² Эсванджия Л. В роли подстрекателя: редактор журнала «Дружба народов» // Заря Востока. 1990. 27 февраля. С. 1.

³ Буадзе Г. Служить делу дружбы, а не вражды // Вечерний Тбилиси. 1990. 13 марта.

⁴ Мамардашвили М. Верю в здравый смысл // Iriston.ru. URL: <http://www.iriston.ru/ru/yugooset/1101322999.php>. Последнее посещение 17 ноября 2010 года.

верил, что триумф национального начала является более насущным вопросом, чем стремление к универсальному. Грузинский лидер был убежден, что у его народа есть особая историческая миссия и что она намного превосходит ту роль, которую Грузия играла в Советском Союзе. В своей лекции, озаглавленной «Духовная миссия Грузии» и прочитанной перед полным залом Тбилисской филармонии 2 мая 1990 года, Гамсахурдия ничего не сказал о том значительном вкладе, который грузины внесли в российскую и советскую культуру. Напротив, он поместил историю грузинского народа в более широкий контекст и связал с важнейшими тенденциями развития западной цивилизации — от достижений древнегреческой культуры до распространения христианства, — где, по его словам, грузины всегда были и будут «главными носителями духовности»¹. Гамсахурдия провозгласил, что настало время грузинам возродить свое славное прошлое и встретить прекрасное будущее, которое ждет их, когда они обретут независимость.

С разрушением Советского Союза перед грузинами вставал выбор между тускнеющими очертаниями советского космополитизма и обещаниями национального величия; неудивительно, что многие выбрали второе. В марте 1990 года Верховный совет Грузинской ССР провозгласил независимость Грузии, в ноябре ее президентом был избран Гамсахурдия. Ощущая небывалые перемены настроений, даже первый секретарь ЦК Коммунистической партии Грузии, Гиви Гумбаридзе, заявил, что важнейшей целью партии было «возродить» независимость республики².

Перемены в Грузии глубоко воздействовали на жизнь внутренней диаспоры, которая оставалась тесно связанной со своей родиной. Грузины, жившие в Москве, хотя и представляли собой сплоченную группу в сердце советской жизни, искали новые способы выражения своей национальной идентичности. К концу 1989 года грузины в столице СССР создали новое общество, группировавшееся вокруг исторической грузинской церкви недалеко от центра города. Как и в фильме «Покаяние», воскрешение «аутентичной», несоветской грузинской культуры означало возрождение грузинского православия. На базе церковной общины московские грузины

¹ *Gamsakhurdia Z. sakartvelos sulieri misia* // AMSI. URL: <http://www.amsi.ge/istoria/zg/misia.html>. Последнее посещение 17 ноября 2010 года.

² *Suny R. G. The Making of the Georgian Nation*. P. 323.

получили возможность открыть специализированную библиотеку, проводить концерты и выставки, организовать клубы, а также создать легальную систему помощи мигрантам, недавно прибывшим в Москву¹. По мере возникновения впоследствии и других грузинских обществ неформальная диаспора, державшаяся на личных связях и культурной близости, превращалась в официально признанную группу, представленную многочисленными и иногда соперничающими организациями.

Но коллапс Советского Союза породил и глубокое ощущение изоляции грузинской диаспоры. Грузинский писатель Александр Эбаноидзе, долгое время живший в Москве, чувствовал себя отчужденным от событий в независимой Грузии, даже притом что был вынужден защищать свою родину от критики. С одной стороны, он доказывал, что считать Грузию «малой империей» и дробить ее на множество независимых государств было бы таким же абсурдом, как отделять Большую Грузинскую и Малую Грузинскую улицы, названные в честь исторических грузинских поселений в Москве, от остальной территории столицы². С другой стороны, Эбаноидзе — возглавивший редакцию журнала «Дружба народов» после распада многонациональной империи, чьей идеологии служил этот журнал, — был глубоко возмущен нападками грузинских националистов на интеллигенцию советской эпохи³. Он глубоко сожалел об отъезде из Грузии театрального режиссера Роберта Стурра, который осуществил большинство своих постановок за пределами бывшего Советского Союза, и скрипачки Лианы Исакадзе, которая уехала в Германию. Эбаноидзе с беспокойством отмечал, что некоторые из самых известных интеллектуалов Грузии, в том числе советские кинорежиссеры-грузины Тенгиз Абуладзе, Эльдар и Георгий Шенгелая, испытывали постоянное давление со стороны правительства Гамсахурдии.

Особенно поражало Эбаноидзе то, какие выражения использовали Гамсахурдия и его единомышленники, говоря о представителях

¹ Интервью автора с Теймуразом Стурра. Москва, 20 июля 2006 года.

² Эбаноидзе А. Л. Перекошенные параллели // Московские новости. 1991. 14 апреля; опубликовано также в следующем издании: *Он же. Трудное усилие возрождения: из опыта Грузии в минувшем десятилетии (1989–1999 гг.)*. М.: Ключ, 1999. С. 4–7.

³ Эбаноидзе А. Л. Монолог тбилисца вдали от родины // Независимая газета. 1992. 18 января; опубликовано также в следующем издании: *Он же. Трудное усилие возрождения*. С. 7–13.

грузинской советской интеллигенции, жизнь и творчество которых стали мостом между Грузией и Россией. Эбаноидзе опасался, что по мере ухудшения ситуации в Грузии они рискуют получить клеймо «изменников родины» и «агентов Кремля». Сравнивая поведение Гамсахурдии и вымышленного тирана из фильма Тенгиза Абуладзе «Покаяние», Эбаноидзе писал: «Грузия дважды пережила катарсис: сперва — в искусстве, теперь — в жизни». Поскольку писал он из Москвы, было неясно, что останется от достижений грузинской диаспоры советской эпохи, когда катарсис независимости будет в прошлом.

Распад Советского Союза означал и завершение многих долгосрочных процессов. Российская империя предлагала грузинам возможность интеграции в более крупное политическое и культурное сообщество, связанное с современной Европой. Советское государство, пришедшее на смену Российской империи, многое унаследовало от своей предшественницы, в том числе и огромное разнообразие народов, чей устоявшийся культурный репертуар был обращен на службу потребностям новой страны. Однако было неясно, найдется ли роль для «своих чужаков» в постсоветской России. Коллапс СССР означал не только отречение от социализма, но и конец империи диаспор. Члены диаспор, которые долгое время проживали в России и Евразии, в массовом порядке стали выезжать обратно, а те диаспорные группы, которые раньше были внутренними, теперь оказались внешними, поскольку их родные республики отныне стали зарубежными государствами. Грузинский сплав близости и чуждости, выкованный в Российской империи и закаленный при советской власти, теперь оказался под угрозой превращения в политически нежелательную реликвию прошлого.

ЧУЖАКИ БЕЗ ИМПЕРИИ

Грузины были одной из многих диаспор, которых коллапс Советского Союза превратил из соседей-сограждан в потенциальных зарубежных граждан¹. Группы, чья родина находилась за пределами

¹ О политических последствиях этой трансформации см.: Nations Abroad: Diaspora Politics and International Relations in the Former Soviet Union / Ed. C. King. Boulder, CO: Westview Press, 1998. О миграциях постсоветского периода см.: Migration, Homeland, and Belonging in Eurasia / Eds. C. J. Buckley, B. A. Ruble, and E. T. Hofmann. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2008.

советских границ и чья лояльность уже давно была поставлена под сомнение, отныне могли свободно эмигрировать. Многие советские евреи уехали в Израиль; потомкам этнических немцев, поселившихся в России столетия назад, теперь охотно предоставляли немецкое гражданство¹. Малые этнические группы, подвергшиеся депортации при Сталине, в том числе турки-месхетинцы, оставались расселенными по Средней Азии, и их будущее было не столь ясным². Чеченцы, сначала депортированные, но после смерти Сталина самовольно вернувшиеся в родные места, захватили контроль над своей автономной республикой и затем стали добиваться независимости от России³. Насильственные этнические чистки изменили облик всей территории Кавказа, после того как население Нагорного Карабаха, преимущественно армянское, провозгласило независимость и тысячи армян были принудительно выселены из других регионов Азербайджана⁴. Внутренние диаспоры, которые прежде с легкостью мигрировали по всему Советскому Союзу, превратились в транснациональные группы, разделенные государственными границами. Из множества таких транснациональных диаспор, возникших в ходе коллапса Советского Союза, самая крупная была представлена этническими русскими, проживавшими накануне распада СССР в Средней Азии и Прибалтике и составлявшими существенную долю населения независимой Украины⁵.

Хотя Москва больше не была столицей многонациональной империи, демографические характеристики ее населения стали даже более разнообразными, поскольку она превратилась в главный пункт назначения постимперской и глобальной миграции. Если

¹ О еврейской эмиграции см.: Russian Jews on Three Continents: Migration and Resettlement / Eds. N. Lewin-Epstein, Y. Ro'i, and P. Ritterband. New York: Frank Cass, 1997; об эмиграции советских немцев в Германию и Канаду см.: Werner H. Imagined Homes: Soviet German Immigrants in Two Cities. Winnipeg: University of Manitoba Press, 2007.

² См.: Trier T., Khanzhin A. The Meskhetian Turks at a Crossroads: Integration, Repatriation, or Resettlement? London: Global Book Marketing, 2007.

³ Lieven A. Chechnya: Tombstone of Russian Power. New Haven, CT: Yale University Press, 1998. P. 321–323.

⁴ О конфликте между Арменией и Азербайджаном см.: de Waal T. Black Garden: Armenia and Azerbaijan through Peace and War. New York: New York University Press, 2003.

⁵ См.: The New Russian Diaspora: Russian Minorities in the Former Soviet Republics / Eds. V. Shlapentokh, M. Sendich, and E. Payin. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1994.

многие евреи и немцы Москву покинули, то численность грузин, проживавших в российской столице, за период с 1989 по 2002 год возросла более чем в два раза; за тот же период численность армян возросла почти втрое, а азербайджанцев — в четыре раза¹. За еще более краткое время численность уроженцев Средней Азии, проживающих в Москве, возросла более чем десятикратно². Некоторые мигранты бежали от этнических конфликтов, разгоревшихся на бывших имперских окраинах; еще большее их число стремилось спастись от экономической разрухи, сопровождавшей распад Советского Союза. Концентрация капитала в Москве и открывшаяся возможность свободного пересечения бывших внешних границ Советского Союза привлекали также мигрантов из других стран, в том числе из Турции, Китая, Вьетнама, Афганистана, Пакистана, Индии, Ирана и Нигерии³.

Москва стала в большей степени мировым городом, чем когда-либо прежде, и более похожей по модели миграции и расселения на другие столицы бывших империй⁴. Как и во многих европейских городах, здесь велись ожесточенные споры о месте приезжих рабочих в принимающем обществе, несмотря даже на то, что большинство их приехало из бывших имперских владений⁵. По контрасту с советским периодом, теперь мигранты обычно компактно проживали территориальными кластерами, полагаясь на свои собственные школы и общества взаимопомощи⁶. В отличие от специалистов разных национальностей, которых Советская империя прежде привлекала на работу в центр, многие нынешние мигранты были неквалифицированными рабочими, плохо владеющими русским языком.

¹ *Arutiunian Ju.V. On the Potential of Interethnic Integration in the Megalopolis of Moscow // Sociological Research. 2006. Vol. 45. № 6. P. 28.*

² *Vendina O. Social Polarization and Ethnic Segregation in Moscow // Eurasian Geography and Economics. 2002. Vol. 43. № 3. P. 228–229.* О. Вендина приводит данные за период с 1991 по 2002 год.

³ *Ibid. P. 227.*

⁴ Л. Сигельбаум и Л. Моч высказывают сходную точку зрения, характеризую постсоветскую трудовую миграцию: *Siegelbaum L. H., Moch L. P. Broad is My Native Land. P. 95–97.*

⁵ См. компаративное исследование этой проблемы: *Post-Cosmopolitan Cities: Explorations of Urban Coexistence / Eds. C. Humphrey and V. Skvirskaja. New York: Berghahn Books, 2012.*

⁶ *Vendina O. Social Polarization and Ethnic Segregation in Moscow. P. 229–234.*

Воспринимая как культурно чуждых, в общественном сознании их ассоциировали с преступностью и болезнями, а отличия их от принимающего общества все чаще описывали в расовых терминах¹.

Постсоветский опыт грузинской диаспоры поставил вопросы, которые были особенно сложными для сообщества, ранее имевшего особое влияние в масштабах империи. Хотя численность диаспоры возросла по сравнению с прежней и ее больше не связывали советские границы, но те сферы, в которых диаспора специализировалась в советскую эпоху, теперь не были доступны в прежних масштабах и не сулили былого престижа. Разумеется, невозможно было вернуть политическое влияние грузин, сошедшее на нет после смерти Сталина, поскольку Россия и Грузия стали теперь двумя независимыми государствами с весьма напряженными отношениями. Грузинская диаспора, разделенная государственными границами, превратилась в политизированное сообщество и объект раздора. Лояльность представителей диаспоры теперь казалась ненадежной, как в случае с остзейскими немцами в правящих структурах поздней Российской империи или с евреями в Советском Союзе после создания Государства Израиль. После распада СССР, по мере развития массовой политики, все громче звучали требования, чтобы состав руководства Российского государства соответствовал этническому составу населения. Грузинская диаспора, превосходно овладевшая дозволенным «сверху» искусством репрезентации своих различий, теперь расценивалась как нежелательная группа чужаков, что стало особенно заметно в 2006 году, когда вследствие нарастания напряженности в отношениях между Россией и Грузией из российской столицы было систематически депортировано несколько сотен этнических грузин². Со своей стороны, правительство Грузии заявило, что защищает интересы грузин, проживающих за пределами национальных границ, и в 2008 году учредило Министерство по делам диаспоры,

¹ Попова И., Осипова В. Отношение принимающей стороны к мигрантам // Вестник общественного мнения. 2013. № 1 (114). С. 81–88; Roman M. Making Caucasians Black: Moscow since the Fall of Communism and the Racialization of Non-Russians // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2002. Vol. 18. № 2. P. 1–27.

² Дело о депортациях слушалось в Европейском суде по правам человека (ЕСПЧ), признавшем Россию виновной в проведении «направленной политики арестов, задержаний и высылки этнических грузин». См. пресс-релиз ЕСПЧ: European Court of Human Rights. Russia's Policy in 2006 of Arresting, Detaining and Expelling Large Number of Georgian Nationals Violated the Convention. 2014. Vol. 196 (July 3).

обязанностью которого стало поддержание связей с грузинами, проживающими за границей¹. В Грузии члены диаспоры рассматривались как потенциальные союзники, хотя тех, кто оказался слишком близок к российскому правительству, могли объявить предателями².

Политические границы, разделившие Грузию и Россию, были подкреплены тем, что правительства этих независимых государств оценивали советское прошлое с противоположных позиций. В 2006 году правительство Грузии, по примеру Эстонии, Латвии и Литвы, открыло в Тбилиси Музей советской оккупации³. Это учреждение должно было освещать историю Советского Союза как исключительно этническую историю страданий грузин. Музейная экспозиция характеризует весь советский период как оккупацию, осуществленную под руководством русских; тщательно документированы жертвы, которые понесла грузинская нация, и подсчитано число грузин, расстрелянных и депортированных в ходе политических чисток. Спорным представляется то, что даже 400 тысяч грузин, погибших во Второй мировой войне, в сражениях против нацистской Германии, причислены в музейной экспозиции к «жертвам советской оккупации Грузии»⁴. В то же время значительное число россиян продолжают гордиться достижениями Советского Союза, особенно победой во Второй мировой войне, и воспринимают распад СССР как негативное явление⁵. Современное Российское

¹ Детальный обзор деятельности министерства можно найти на его сайте: <http://www.diaspora.gov.ge>. Последнее посещение 17 марта 2011 года.

² Будучи грузинским президентом, Михаил Саакашвили постоянно заявлял, что некоторые его оппоненты — «предатели», связанные с Россией. Эта риторика усилилась, когда политическим соперником Саакашвили стал Бидзина (Борис) Иванишвили, грузинский миллиардер, сделавший свое состояние в России. См.: Saakashvili «moghalateebis jgubebe» saubrobs // Civil.ge. 2011, June 14. URL: <http://www.civil.ge/geo/article.php?id=24186>. Последнее посещение 22 сентября 2014 года.

³ Музей оккупации Латвии был открыт в том здании, где прежде находился Музей латышских красных стрелков, посвященный латышам, сыгравшим видную роль в период создания Красной армии (см.: Lenss L. A. Capturing the Next Shift: The Mapping of Meaning onto the Museum of the Occupation of Latvia // *Future Anterior*. 2006. Vol. 3. № 1. P. 48–57).

⁴ Это наблюдение сделано автором в ходе посещения музея в июле 2013 года.

⁵ Согласно опросу, проведенному Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), 66% россиян сожалеют о распаде Советского Союза. См. публикацию ВЦИОМ: Осталось только сожаление. URL: http://wciom.com/archives/thematic_archive/info-material/single/2167.html. Последнее посещение 7 апреля 2011 года.

государство во многих важных отношениях стремится стать преемником Советского Союза, преобразовав центральные советские учреждения в российские, признав зарубежные долги Советского государства и усвоив, в слегка измененном виде, множество советских политических ритуалов — в том числе государственный гимн, положенный на музыку прежнего советского гимна, и ежегодный парад в День Победы в Москве, проходящий по советскому сценарию, с использованием символики и униформы советской эпохи.

Тем не менее и в Грузии, и в России остается нерешенным вопрос, как относиться к фигуре Сталина — грузина, возглавлявшего Советский Союз на вершине его могущества. После многолетних дискуссий грузинские власти решили убрать памятник Сталину с главной площади его родного города Гори, что и было осуществлено в 2010 году в ходе секретной ночной операции. Спустя всего три года городской совет Гори принял решение восстановить памятник¹. И вновь оказалось, что фильм «Покаяние» отражает не только сталинистское прошлое Грузии, но и ее настоящее: как и труп вымышленного диктатора Варлама Аравидзе, статую Сталина прятали, переносили с места на место, и в конечном итоге от нее оказалось не так-то легко избавиться. Сталин продолжает незримо присутствовать и в России: бросается в глаза отсутствие упоминаний о нем при официальных празднованиях Победы в Великой Отечественной войне, но зато его открыто восхваляют в популярных изданиях по истории, где он описывается как «гений», успешно защищавший Россию от врагов².

Многонациональная материальная культура, сложившаяся в советский период, оказалась менее противоречивой и более жизнестойкой — в России сохранилась ниша для грузинских кулинарных специалистов. Точно так же как после утраты британских колоний в Индии ведущим блюдом британского стола долгое время оставалось карри, в большинстве российских супермаркетов по-прежнему можно приобрести хачапури и лобио. Хотя у современных москвичей выбор стал существенно шире, они продолжают

¹ См. исследование об отношении к Сталину в современных России и Грузии, в том числе освещающее дискуссию вокруг сноса памятника: *Lipman M., Gudkov L., Bakradze L. The Stalin Puzzle: Deciphering Post-Soviet Public Opinion*. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2013.

² См., например: *Ошлаков М. Гений Сталин. Титан XX века*. М.: Яуза-пресс, 2013.

стекаться в столичные грузинские рестораны, значительное число которых открыто мигрантами, недавно покинувшими Грузию. Многие из этих заведений используют символику грузинского изобилия и гостеприимства, восходящую к советскому периоду, и подражают прежнему меню и убранству ресторана «Арагви». Тем не менее если грузинские блюда можно заказать в российских ресторанах или приготовить дома с помощью специй и соусов, произведенных в России, то приобрести товары грузинского производства иногда оказывается гораздо сложнее. С 2006 по 2013 год в России действовал запрет на импорт грузинского вина и минеральной воды, лишивший грузинских предпринимателей возможности поставлять на российский рынок два наиболее известных грузинских продукта, что расценивалось как политические санкции¹.

Ограниченные возможности сохранились и для деятелей грузинской культуры, хотя общая популярная культура, совместно создаваемая грузинскими и российскими эстрадными артистами в период «оттепели», в обеих странах превратилась по большей части в царство ностальгирующих старших поколений. На фоне политического конфликта многие грузинские артисты, проживавшие в Москве, вернулись в Грузию или же предпочли выступать перед нетерпеливо ожидающей их эмигрантской аудиторией в Соединенных Штатах и Израиле. Тем не менее трудно предполагать, что те формы грузинских эстрадных представлений, которые сложились в советском контексте, когда-либо получают такое же признание на мировой сцене. В 1990 году Грузия стала одной из первых республик, покинувших Федерацию футбола СССР, но грузинский футбол так и не смог повторить успех советских времен, лишившись прежнего финансирования и оказавшись перед лицом возросшей международной конкуренции. То же можно сказать и о грузинских учреждениях культуры, которые столкнулись с сокращением бюджетных расходов и, хотя пользуются относительным успехом за рубежом, все же не могут добиться такого же престижа, какой имели в Советском Союзе. Культурный капитал грузинских национальных особенностей, когда-то высоко ценимый в контексте советского внутреннего интернационализма, попросту оказался не столь ценным за пределами бывших советских границ.

¹ Об этом запрете в контексте международной продовольственной политики см.: Goldstein D., Du Puis E. M. Food Politics // *Gastronomica*. 2007. Vol. 7. № 3. P. III–V.

Стремясь соответствовать внутренним и международным тенденциям, некоторые грузинские ансамбли вступили на путь пуризма, освобождая свой репертуар от всего, что считается советским влиянием, и возвращаясь к более аутентичным формам национальной культуры. Другие предпочли смешение стилей. Илик Сухишвили-младший, внук основателей самого знаменитого грузинского ансамбля народного танца, предложил новую инструментовку грузинских мелодий и положил народные мотивы на новый ритмический рисунок, например в стиле регги. Этот стиль, который Сухишвили-младший назвал «фолькотекой» (*folktheque*), как самостоятельная форма всемирной фольклорной культуры примыкает к сербскому турбофолку и украинскому «гуцул-панку»¹. Однако для зарубежной аудитории такой стиль — лишь один из многих возможных вариантов выбора, поскольку она имеет доступ ко всему разнообразию «музыки народов мира» и этнической эстрады, а не только к тем ее формам, которые одобряются и продвигаются в пределах одного государства.

Что касается экономики, то распад Советской империи затруднил экономические связи между республиками и положил конец монополии Грузии на производство востребованных товаров. И все же доходы, получаемые грузинской диаспорой в России, по-прежнему остаются важной частью грузинской экономики. Из числа грузин, работавших в Москве в постсоветский период, несколько человек смогли превратиться в успешных «русских» олигархов, а некоторые стали весомыми фигурами в криминальном мире; первые выделялись нерусскими именами и внешностью, но в целом отличались сдержанным поведением, в то время как вторые продолжали использовать устоявшиеся тропы грузинских особенностей и часто носили клички, указывающие на их этническое происхождение². Тем не менее подавляющее большинство мигрантов составляют квалифицированные и неквалифицированные рабочие,

¹ Wickström D.-E. «Drive-Ethno-Dance» and «Hutzul Punk»: Ukrainian-Associated Popular Music and (Geo)politics in a Post-Soviet Context // *Yearbook for Traditional Music*. 2008. № 40. P. 60–88.

² Бидзине Иванишвили, премьер-министру Грузии в 2012–2013 годах, принадлежало две трети активов одного из крупнейших российских банков, «Российского кредита»; однако Иванишвили держался более скромно, чем его партнер, Виталий Малкин, который контролировал лишь одну треть банковских активов (см.: Braguinsky S. Postcommunist Oligarchs in Russia: Quantitative Analysis // *Journal of Law and Economics*. 2009. Vol. 52. № 2. P. 313).

занятые во вполне прозаических сферах труда и отсылающие деньги своим семьям, оставшимся в Грузии¹. При отсутствии ярко выраженной трудовой специализации условия сохранения национальной самобытности рушатся, и грузин в массовом сознании часто объединяют с представителями других нерусских национальностей. Например, стереотип грузинского спекулянта вобрал в себя более общие предубеждения и страхи россиян в отношении «лиц кавказской национальности». В инфляции и экономических трудностях зачастую обвиняли кавказскую «мафию», которая, по общему убеждению, контролирует российские рынки. Шаткое положение кавказских предпринимателей — экономически активных чужаков в период крушения империй — в некотором плане напоминает судьбу торговцев из Ливана и стран Юго-Восточной Азии в Восточной Африке или китайцев в Индонезии после деколонизации.

Для космополитической грузинской интеллигенции и деятелей культуры на территории бывшего Советского Союза по-прежнему остаются некоторые оазисы. Грузинский кинематограф в отсутствие государственной поддержки и широкой зрительской аудитории выживает с трудом, но иногда в результате международного партнерства и при участии грузинских актеров, проживающих в Европе, на экран выходят фильмы, затрагивающие тему грузинского космополитического культурного наследия². Один из наиболее популярных писателей постсоветского периода — безусловный космополит Григорий Чхартишвили, переводчик японской литературы, родившийся в грузинско-еврейской семье, выросший в Москве и публикующий свои произведения на русском языке под псевдонимом Борис Акунин. Грузинские музыканты и певцы по-прежнему занимают видное положение в московском Большом театре³. Тбилисская консерватория, в первые годы после обретения Грузией независимости

¹ Денежные переводы составляли важнейшую часть валового внутреннего продукта Грузии, причем, согласно одному из исследований, переводы из России составляют 66% всех переводов, поступающих в Грузию (*Migration in Georgia: A Country Profile 2008* / Ed. S. Siar. Geneva: International Organization for Migration, 2008. P. 11).

² Например, фильм совместного производства Франции, Бельгии и Грузии «С тех пор, как уехал Отар» (*Depuis qu'Otar est parti...*), вышедший на экраны в 2003 году.

³ Можно назвать сопрано Маквалу Касрашвили, тенора Бадри Майсурадзе и ведущего солиста балета Николая Цискаридзе. Их биографии были представлены на сайте Большого театра (URL: <http://www.bolshoi.ru>. Последнее посещение 17 ноября 2010 года).

бедствовавшая в финансовом отношении, сумела сохраниться как жизнеспособный культурный институт, поддерживающий связи с российской и европейской школами. Но все же эти оазисы космополитической культуры заметны именно потому, что резко выделяются на фоне остального постимперского пейзажа. Грузинам как транснациональной группе населения, разделенной между Россией и Грузией, трудно оставаться укорененными в родной республике и в то же время участвовать в создании общей космополитической культуры. Политическое разделение часто вынуждает их делать выбор между коренной грузинской идентичностью Тбилиси и безродным космополитизмом Москвы.

Москва же стала теперь не политической и культурной столицей интернационального социалистического движения, а просто крупнейшим городом России. Парадигма внутреннего интернационализма, создававшая жизненно важные возможности для внутренних диаспор, распалась вместе с Советским Союзом. Не многие российские граждане сегодня, имея возможность приобрести импортные оригиналы, делают выбор в пользу имитаций местного производства. В концертных залах, ресторанах и магазинах предлагаются американские рок-группы, французская кухня и итальянские люксовые товары. Те диаспоры, которые остались в Москве — когда-то внутренние, а теперь транснациональные, — могут извлекать выгоду из имперской ностальгии и из остатков общей советской материальной культуры. Но такие группы, как грузины, в лучшем случае могут только надеяться быть диаспорой относительно успешного народа во все более нестабильной глобальной обстановке.

Сходящее на нет влияние грузинской диаспоры лишь ярче высвечивает историю ее громкого успеха в советский период. Хотя достижения грузин при советской власти были основаны на долговременных факторах, в том числе на политических, социальных и культурных процессах, имевших место задолго до 1917 года, взлет и падение этих «своих чужаков» были связаны с предвкушением интернациональной социалистической революции и с разочарованием в ней. Судьба грузинской диаспоры в долговременной перспективе еще далеко не предрешена, однако ее история в XX веке позволяет понять, что иногда империя может предоставить своим национальным меньшинствам уникальные возможности, а также что любые типологии диаспор применимы лишь к ограниченным временным периодам.

Империи пытаются устанавливать четкие различия между группами населения и властвовать, разделяя их по признаку расы, языка, идеологии или класса. В отличие от национальных государств, для которых желанной целью представляется этническая однородность, империи предпочитают разнообразие и даже требуют его, хотя редко предоставляют равные права разным группам. При этом имперские категории дифференциации могут быть наполнены самым непредсказуемым конкретным содержанием и оно определяется диаспорами, способными успешно адаптироваться к имперским порядкам. Действительно, многие империи оказались зависимы от своих диаспор и даже позволяли этнически отличающимся группам добиваться успеха и влияния не на периферии, а в имперском центре. В некоторых случаях эти группы усваивали космополитические аспекты культуры принимающего общества, даже когда специализировались в ключевых сферах жизни империи и соблюдали границы, позволявшие им сохраняться в качестве особых сообществ. Подобная стратегия была свойственна грекам-фанариотам в Османской империи, парсам в Британской Индии и отчасти — евреям и армянам в Российской империи и Советском Союзе¹. В других случаях особенности диаспоры наглядно подчеркивались; иногда они выставались напоказ в преувеличенной форме, но ограничивались конкретным сегментом имперской жизни, как у цыганских артистов императорской России, а иногда тщательно соизмерялись и позволяли добиться видного положения в целом ряде областей. Эта книга посвящена тем диаспорам, которые выбрали последнюю стратегию из перечисленных и стали для империи «своими чужаками»; пример советских грузин позволяет выявить как возможности, так и ограниченность этой стратегии.

Схемы поведения тех групп, которые рассеяны по свету за пределами своей родины, редко остаются неизменными: они могут изменяться по мере миграций населения, развития империй, пересмотра их границ и возникновения новых государств. Диаспоры, чей культурный репертуар предполагает усвоение культуры принимающего общества, могут со временем начать подчеркивать

¹ Philiou C. Communities on the Verge: Unraveling the Phanariot Ascendancy in Ottoman Governance // Comparative Studies in Society and History. 2009. Vol. 51. № 1. P. 151–181. См. также первую главу этой монографии, где, кроме прочего, идет речь о парсах, евреях и армянах.

свою инаковость и чуждость, если разочарованы условиями своего участия в жизни принимающего общества или воодушевлены возрождением своей родной страны. Ярким примером такого феномена является масштабная еврейская эмиграция из Советского Союза в последние годы его существования. Подобным же образом «свои чужаки», которые специализируются на выражении собственной инаковости, могут стать менее заинтересованы в сохранении различий. Итальянцы были ярко выраженными «своими чужаками» в многонациональном обществе Соединенных Штатов, но к концу XX века многие стали смотреть на итальянцев (а некоторые итальянцы — на самих себя) лишь как на еще одну группу «белых народов»¹. В результате диалектического взаимодействия чуждости и близости конкретные формы специфики диаспор со временем могут предстать клишированными и неаутентичными — как для самих «своих чужаков», так и для членов принимающего общества.

Хотя все диаспоры потенциально являются переходными группами, вполне возможно, что «свои чужаки» более зависимы от наличия ярко выраженного многонационального окружения, особенно характерного для империй. В национальных государствах едва ли найдется место для «своих чужаков»; в этом контексте, возможно, более предпочтительно — хотя и не безопасно — положение диаспор, усваивающих культуру принимающего общества. Со временем инаковость «своих чужаков» может сходить на нет, сознательно маскироваться или же приводить к превращению их в аутсайдеров-маргиналов. В конечном итоге грузины в постсоветской России могут стать диаспорой более привычного типа, предпочитающей подчеркивать свое сходство, а не различия с принимающим обществом. Такая эволюция могла бы означать, что они дольше будут оставаться идентифицируемой группой — хотя уже менее заметной и менее успешной. Однако по мере изменения политического ландшафта возникают новые формы мобильности и новые способы выражения различий, стратегия «своих чужаков» может снова оказаться жизнеспособной, поскольку возникает в ответ на запросы государства и общества и наполняется конкретным содержанием в зависимости от внутренней логики культурного репертуара.

¹ Vecoli R. J. Are Italian Americans Just White Folks? // The Review of Italian American Studies. P. 75–88.

БИБЛИОГРАФИЯ

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Архив Министерства внутренних дел Грузии (Тбилиси)

Отдел I, фонд 6. Архив Комитета государственной безопасности Грузинской ССР

Отдел II, фонд 8. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КП Грузии

Отдел II, фонд 14. Центральный архив Коммунистической партии Грузии

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва)

Фонд Р-3316. Центральный исполнительный комитет СССР

Фонд Р-7523. Верховный Совет СССР

Фонд Р-7576. Комитет физкультуры и спорта СССР

Фонд Р-8131. Прокуратура СССР

Фонд Р-9503. Коллекция воспоминаний старых большевиков

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)

Фонд 648. Государственный академический Большой театр СССР

Фонд 962. Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР

Фонд 2916. Комитет по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры при Совете Министров СССР

Фонд 2944. Государственный комитет Совета Министров СССР по кинематографии

Фонд 3055. Герасимов С. А., Макарова Т. Ф.

Фонд 3162. Государственное концертное объединение СССР

Фонд 3170. Государственное концертно-гастрольное бюро «Союзконцерт»

*РГАНИ — Российский государственный архив
новейшей истории (Москва)*

Фонд 2. Пленумы Центрального Комитета ВКП(б)-КПСС

Фонд 5. Центральный Комитет КПСС

*РГАСПИ — Российский государственный архив
социально-политической истории (Москва)*

Фонд 85. Орджоникидзе Г. К.

Фонд 124. Всесоюзное общество старых большевиков

Фонд 298. Орахелашвили И. Д.

Фонд 558. Сталин И. В.

Фонд 667. Енукидзе А. С.

Фонд М-1. Центральный комитет ВЛКСМ

Фонд М-3. Комитет молодежных организаций СССР

*РГАЭ — Российский государственный архив
экономики (Москва)*

Фонд 195. Государственный комитет Совета Министров СССР по торговле

Фонд 332. Коллекция документов деятелей металлургической промышленности

Фонд 465. Министерство торговли СССР

Фонд 631. Мамацашвили Г. А.

Фонд 4372. Государственный плановый комитет СССР Совета Министров СССР

Фонд 6884. Орджоникидзе Г. К.

Фонд 7486. Министерство сельского хозяйства СССР

Фонд 7971. Министерство торговли СССР

Фонд 8546. Учреждения по руководству винодельческой промышленностью

*ЦГА Москвы, ОХД — Центральный государственный архив
города Москвы, отдел хранения документов
после 1917 года (Москва)*

Фонд 46. Управление рынками г. Москвы

Фонд 224. Московский трест ресторанов

Фонд 429. Главное управление культуры Мосгорисполкома

Фонд 453. Московское городское территориальное производственно-торговое объединение общественного питания

Фонд 1067. Московский городской совет «Динамо»

*Центральный государственный архив
новойшей истории Грузии (Тбилиси)*

Фонд 2006. Министерство торговли Грузинской ССР

Отдел литературы и искусства, фонд 2. Комитет по делам искусств при
Совете министров Грузинской ССР

Отдел литературы и искусства, фонд 44. Эркомашвили Анзор Давидович

Отдел литературы и искусства, фонд 52. Киностудия «Грузия-фильм»

Отдел литературы и искусства, фонд 55. Тбилисский академический театр
оперы и балета им. З. П. Палиашвили

Отдел литературы и искусства, фонд 80. Грузинская государственная
филармония

Отдел литературы и искусства, фонд 212. Хорава Акакий Алексеевич

Отдел литературы и искусства, фонд 307. Абуладзе Тенгиз Евгеньевич

HIA — Hoover Institution Archives (Stanford, CA)

Boris I. Nicolaevsky Collection

N. A. Lakoba Papers

ИНТЕРВЬЮ

Андриадзе Манана. Интервью автора. Тбилиси, 27 октября 2008 года.

Арутюнов Сергей. Интервью автора. Москва, 19 февраля 2008 года.

Брегвадзе Нани. Интервью автора. Тбилиси, 5 ноября 2008 года.

Вартанян Аксель. Интервью автора. Москва, 19 июля 2006 года.

Галустян Вячеслав. Интервью автора. Москва, 26 июля 2006 года.

«Д.» (интервьюируемый пожелал сохранить анонимность), грузин старше
пятидесяти лет. Интервью автора. Тбилиси, 4 ноября 2008 года.

Кереселидзе Анна. Интервью автора. Москва, 28 июля 2006 года.

Кикабидзе Вахтанг. Интервью автора. Тбилиси, 26 ноября 2008 года.

Маркиз Лев. Интервью автора. Тбилиси, 19 сентября 2008 года.

«С.» (интервьюируемый пожелал сохранить анонимность), грузин старше
пятидесяти лет. Интервью автора. Тбилиси, 4 ноября 2008 года.

Стуруа Теймураз. Интервью автора. Москва, 20 июля 2006 года.

«Т.» (интервьюируемая пожелала сохранить анонимность), грузинка стар-
ше сорока лет. Интервью автора. Москва, 17 июля 2006 года.

Умертаев Шамиль. Интервью автора. Москва, 30 июня 2008 года.

Шенгелая Георгий. Интервью автора. Тбилиси, 15 декабря 2008 года.

Шенгелая Эльдар. Интервью автора. Тбилиси, 10 декабря 2008 года.

Эбаноидзе Александр. Интервью автора. Москва, 17 июня 2008 года.

Эгнаташвили Этери, Эгнаташвили Тинатин. Интервью автора. Москва,
23 марта 2008 года.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Вечерний Тбилиси (Тбилиси)
Вечерняя Москва (Москва)
Заря Востока (Тбилиси)
Известия (Москва)
Искусство кино (Москва)
Киносценарии (Москва)
Крокодил (Москва)
Общественное питание (Москва)
Правда (Москва)
Русские субтропики (Батуми)
Советский спорт (Москва)
Спортивная жизнь России (Москва)
Travel in the USSR (Москва)

ФИЛЬМЫ

Ашик-Кериб. Режиссер Сергей Параджанов. Тбилиси: Грузия-фильм, 1988.
Георгий Саакадзе. Режиссер Михаил Чиаурели. Тбилиси: Тбилисская киностудия, 1942.
Голубые горы, или Неправдоподобная история. Режиссер Эльдар Шенгелая. Тбилиси: Грузия-фильм, 1983.
Двадцать шесть комиссаров. Режиссер Николай Шенгелая. Баку: Азербайджанское кино, 1932.
Древо желания. Режиссер Тенгиз Абуладзе. Тбилиси: Грузия-фильм, 1976.
Жил певчий дрозд. Режиссер Оtar Иоселиани. Тбилиси: Грузия-фильм, 1971.
Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика. Режиссер Леонид Гайдай. Москва: Мосфильм, 1967.
Красная палатка. Режиссер Михаил Калатозов. Москва: Мосфильм, 1969.
Легенда о Сурамской крепости. Режиссеры Сергей Параджанов, Давид Абашидзе. Тбилиси: Грузия-фильм, 1984.
Летят журавли. Режиссер Михаил Калатозов. Москва: Мосфильм, 1957.
Листопад. Режиссер Оtar Иоселиани. Тбилиси: Грузия-фильм, 1966.
Лурджа Магданы. Режиссеры Тенгиз Абуладзе, Резо Чхеидзе. Тбилиси: Грузия-фильм, 1958.
Мелодии Верийского квартала. Режиссер Георгий Шенгелая. Тбилиси: Грузия-фильм, 1973.
Мимино. Режиссер Георгий Данелия. Москва: Мосфильм, 1977.
Мой друг Оtar Иоселиани. Режиссер Андрей Пашкевич. Москва: Киносценарии, 2008.
Мольба. Режиссер Тенгиз Абуладзе. Тбилиси: Грузия-фильм, 1967.
Не горюй! Режиссер Георгий Данелия. Москва: Мосфильм, 1969.

- Необыкновенная выставка. Режиссер Эльдар Шенгелая. Тбилиси: Грузия-фильм, 1968.
- Орэра, полный вперед! Режиссер Заал Какабадзе. Тбилиси: Грузинская студия телевизионных фильмов, 1970.
- Осенний марафон. Режиссер Георгий Данелия. Москва: Мосфильм, 1979.
- Отец солдата. Режиссер Резо Габриадзе. Тбилиси: Грузия-фильм, 1964.
- Падение Берлина. Режиссер Михаил Чиаурели. Москва: Мосфильм, 1950.
- Пастораль. Режиссер Отар Иоселиани. Тбилиси: Грузия-фильм, 1975.
- Пиросмани. Режиссер Георгий Шенгелая. Тбилиси: Грузия-фильм, 1969.
- Пловец. Режиссер Ираклий Квирикадзе. Тбилиси: Грузия-фильм, 1981.
- Покаяние. Режиссер Тенгиз Абуладзе. Тбилиси: Грузия-фильм, 1984.
- Посторонись! Режиссер Михаил Чиаурели. Тбилиси: Госкинопром Грузии, 1931.
- Пэпо. Режиссеры Амо Бек-Назарян, Армен Гулакян. Ереван: Арменкино, 1935.
- Тени забытых предков. Режиссер Сергей Параджанов. Киев: Киностудия им. А. Довженко, 1964.
- Трактористы. Режиссер Иван Пырьев. Москва: Мосфильм, 1939.
- Цвет граната. Режиссер Сергей Параджанов. Ереван: Арменфильм, 1968.
- Чудаки. Режиссер Эльдар Шенгелая. Тбилиси: Грузия-фильм, 1973.
- Элисо. Режиссер Николай Шенгелая. Тбилиси: Госкинопром Грузии, 1928.
- Я — Куба. Режиссер Михаил Калатозов. Москва: Мосфильм, 1964.
- Я шагаю по Москве. Режиссер Георгий Данелия. Москва: Мосфильм, 1964.
- Vanditebi (Бандиты). Режиссер Заза Русадзе. Берлин: Credofilm, 2003.
- Depuis qu'Otar est parti... (С тех пор, как уехал Отар). Режиссер Жюли Бертуччелли. Париж: Les Films du Poisson, 2003.
- Georgian National Dance Company. Тбилиси: Sukhishvili LTD, 2008.

АУДИОЗАПИСИ

- Брегвадзе Нани.* Нани Брегвадзе: Grand Collection. Москва: Первое музыкальное издательство, 2007.
- Иверия.* Свадьба соек. Москва: Мелодия, 1986.
- Кикабидзе Вахтанг.* Ларису Ивановну хочу. Москва: Союз, 1996.
- Орэра.* ВИА «Орэра». Москва: Мелодия, 2008.

КНИГИ, СТАТЬИ, ДИССЕРТАЦИИ

- Аллилуева С. И.* Двадцать писем к другу. New York: Harper and Row, 1967.
- Аллилуева С. И.* Только один год. New York: Harper and Row, 1969.
- Амашукели Н.* Георгий Шенгелая: творческий портрет. М.: Союзинформкино, 1987.

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001.
- Анекдоты. Грузия — страна миллионеров / Под ред. А. И. Уральского. М.: Светлана, 1996.
- Анекдоты от... и до... / Под ред. В. В. Куликова. СПб.: Кристалл, 1998.
- Ануфриев В. М., Кикнадзе Н. С., Кириллова Г. М. Соусы, специи. М.: Госторгиздат, 1956.
- Арутюнян Ю. В. Армяне-москвичи. Социальный портрет (по материалам этносоциологического исследования) // Советская этнография. 1991. № 2. С. 3–16.
- Астафьев В. П. Ловля пескарей в Грузии // Наш современник. 1986. № 5. С. 123–141.
- Бербэнк Дж., Купер Ф. Взлет и падение великих империй / Пер. с англ. Е. В. Матвеевой, А. В. Буторова. М.: АСТ, 2015.
- Берия С. Л. Мой отец — Лаврентий Берия. М.: Современник, 1994.
- Бетанели Ф. И. Грузины в России (историографическое эссе). Тбилиси, 1996.
- Большая советская энциклопедия / Гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1978. Т. 30. С. 140. Стб. 406.
- Будницкий О. В. Евреи и русская революция: материалы и исследования. М.: Гешарим, 1999.
- Бурдье П. Различение: Социальная критика суждения / Пер. О. И. Кирчик // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 3. С. 25–48.
- Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайдено; коммент. А. Ф. Филиппова. М.: Прогресс, 1990.
- Всесоюзная партийная перепись 1927 года. М.: Изд-во Статотдела ЦК ВКП(б), 1927.
- Вспоминая Нейгауза / Сост. Е. Р. Рихтер. М.: Классика-XXI, 2007.
- Высоцкий В. Сочинения: В 2 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. Е. Крылова. 7-е изд. Екатеринбург: КРОК-центр, 1995. Т. 1. С. 231.
- Выставка достижений народного хозяйства СССР: Путеводитель. М.: Государственное научно-техническое изд-во машиностроительной литературы, 1959.
- Высшее образование в СССР: Статистический сборник / Центральное статистическое управление СССР. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1961.
- Гастрольная поездка 1-го театра Грузии имени Руставели. Тбилиси: Государственное изд-во ССРГ, 1930.
- Геллнер Э. Нации и национализм / Пер. с англ. Т. В. Бредниковой, М. К. Тюнькиной; ред. и послесл. И. И. Крупника. М.: Прогресс, 1991.
- Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе / Науч. ред. А. А. Белых. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015.
- Глonti Г., Лобжанидзе Г. Воры в законе: профессиональная преступность в Грузии. Тбилиси: Полиграф, 2004.
- Гогоберидзе А. С мячом за тридевять земель. Тбилиси: Союз журналистов Грузии, 1965.

- Горбачев М. С. Жизнь и реформы: В 2-х кн. М.: Новости, 1995.
- Грузинская Советская Социалистическая Республика на ВДНХ СССР. М.: ВДНХ СССР, 1972.
- Грузия в цифрах / Центральное статистическое управление Грузинской ССР. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1965, 1969, 1985.
- Грузия — «малая империя»?! [Сборник] / Под ред. Г. С. Гачечиладзе. Тбилиси: Саранги, 1990.
- Грузия — основная база субтропического хозяйства СССР / Министерство сельского хозяйства Грузинской ССР. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1971.
- Гутчина А. Б., Месропян С. И., Тамаркин В. М. 50 блюд еврейской кухни. М.: Госторгиздат, 1939.
- Данелия Г. Тостуемый пьет до дна. М.: Эксмо, 2006.
- Декада грузинского искусства и литературы в Москве: Сборник материалов. Тбилиси: Заря Востока, 1959.
- Джилас М. Лицо тоталитаризма: Сборник / Пер. с серб.-хорв. М.: Новости, 1992.
- Джилас М. Новый класс. Нью-Йорк: Прегер, 1961.
- Дни Грузии в Москве. Тбилиси: Хеловнеба, 1982.
- Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы / Сост.: В. Ю. Афиани и др.; редкол.: К. Аймермахер и др. М.: РОССПЭН, 2002.
- Долматовский Е. Было: записки поэта. М.: Советский писатель, 1975.
- Дуларидзе Л. Г. Тенгиз Абуладзе: портрет режиссера. М.: Союзинформкино, 1983.
- Думбадзе Н., Карчава М., Болквадзе З., Пиричалава Г. «Динамо» Тбилиси. Тбилиси: Союз журналистов Грузии, 1960.
- Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы / Пер. с англ. В. Макарова; науч. ред. перевода М. Долбилов и В. Рыжковский. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
- Енукидзе А. Большевистские нелегальные типографии. М.: Молодая гвардия, 1930; след. изд. 1934.
- Жордания Н. Н. Моя жизнь / Пер. И. Жордания. Stanford, CA: Hoover Institution Press, 1968.
- Завьялов Н. Ф. История общественного питания Москвы. М.: Информационный проект ПИР, 2006.
- Зак Я. И. Статьи, материалы, воспоминания / Сост., ред. М. Г. Соколова. М.: Советский композитор, 1980.
- Здоровец Я. И. Диаспоры: Представительства национальностей в Москве и их деятельность. М.: Центр политической информации, 2003.
- Зиммель Г. Экскурс о чужаке / Пер. А. Ф. Филиппова // Социологическая теория: история, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 7–13.
- Илизаров Б. С. Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. К историософии сталинизма. М.: Вече, 2003.

- Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой теленок. М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1959.
- История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов: В 7 т. / Ред. совет: Ю. Н. Афанасьев, П. Грегори, Е. Даниелсон и др. М.: РОССПЭН, 2004–2005.
- Исупов А. А. Национальный состав населения СССР (по итогам переписи 1959 г.). М.: Статистика, 1961.
- Каппелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М.: Традиция; Прогресс-Традиция, 2000.
- Кикнадзе Н. С. Из опыта моей работы в ресторане «Арагви». М.: Госторгиздат, 1951.
- Кикнадзе Н. С., Кириллова Г. М. Специи и приправы в предприятиях общественного питания. М.: Госторгиздат, 1954.
- Кларк К. Советский роман: история как ритуал / Пер. с англ.; под ред. М. А. Литовской. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2002.
- Книга о вкусной и здоровой пище. М.: Пищепромиздат, 1952; след. изд. 1953, 1963, 1965.
- Коллонтай А. К истории движения рабочих в России. Харьков: Всеукраинское изд-во, 1920.
- Коткин С. Говорить по-большевистски (из кн. «Магнитная гора: Сталинизм как цивилизация») // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во Самарского университета, 2001. С. 250–328.
- Кузнецов Э. Мордовский марафон. М.: Эксмо, 2008.
- Кулинария: Суперкнига для гурманов. М.: Воскресенье, 1996.
- Леденева А. В. Личные связи и неформальные сообщества: трансформация блата в постсоветском обществе // Мир России. 1997. Т. 6. № 4. С. 89–106.
- Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1958–1966.
- Логинов В. Тени Сталина: Генерал Власик и его соратники. М.: Современник, 2000.
- Лурье Л., Малярова И. 1956 год. Середина века. СПб.: Нева, 2007.
- Мандельштам О. Э. Путешествие в Армению // Звезда. 1933. № 5. С. 103–125.
- Мансвешташвили Я. А. Воспоминания. Тбилиси: Литература да хеловнеба, 1967.
- Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России / Пер. с англ. А. Ю. Полунов. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
- Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / [Пер. с англ. О. Р. Щелоковой]. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011.
- Мгеладзе А. И. Сталин. Каким я его знал. Страницы недавнего прошлого. Тбилиси, 2001.
- Месропян С. И. 50 блюд азербайджанской кухни. М.: Госторгиздат, 1940.

- Микоян А. И. Так было: размышления о минувшем / Ред. С. А. Микоян. М.: Вагриус, 1999.
- Миронов Н. А. Московская консерватория. Истоки. М.: Московская государственная консерватория им. П. И. Чайковского, 1995.
- Митин Г. А. Он видел солнце: человек и общество в романах и рассказах Нодара Думбадзе. М.: ИМЛИ РАН, 2002.
- Митрохин Н. Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
- Мухин Ю. Сталин: хозяин Советского Союза. М.: Алгоритм, 2008.
- Народное хозяйство Грузинской ССР за 60 лет / Центральное статистическое управление Грузинской ССР. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1980.
- Народное хозяйство СССР, 1972 / Центральное статистическое управление СССР. М.: Статистика, 1973.
- Натанс Б. За чертой: Евреи встречаются с поздней имперской Россией / Авториз. пер. с англ. и науч. ред. А. Е. Локшина. М.: РОССПЭН, 2007.
- Невежин В. А. Застольные речи Сталина. М.: АИРО-XX, 2003.
- Николадзе Н. Я. Из переписки Н. Я. Николадзе с русскими и зарубежными литературно-общественными деятелями / Ред. Г. Джавахишвили. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1980.
- Общественное питание в Москве (краткий справочник). М.: Московский рабочий, 1962.
- Окуджава Б. Ш. Чаепитие на Арбате: стихи разных лет. М.: Корона-принт, 1998.
- Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынков в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: РОССПЭН, 1999.
- Ошлаков М. Гений Сталин. Титан XX века. М.: Яуза-пресс, 2013.
- Павильон «Грузинская ССР». М.: Государственное изд-во сельскохозяйственной литературы, 1954.
- Павильон «Грузинская ССР»: Путеводитель. М.: Сельхозгиз, 1939.
- Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. М.: Звенья, 1999.
- Плохий С. Последняя империя. Падение Советского Союза / Пер. с англ. С. Гирка, С. Лунина и А. Сагана. М.: АСТ; CORPUS, 2016.
- Подлесских Г., Терешонок А. Воры в законе: бросок к власти. М.: Художественная литература, 1994.
- Попова И., Осипова В. Отношение принимающей стороны к мигрантам // Вестник общественного мнения. 2013. № 1 (114). С. 81–88.
- Похлебкин В. В. Кухня века. М.: Полифакт, 2000.
- Похлебкин В. В. Чай, его история, свойства и употребление. М.: Пищевая промышленность, 1968.
- Похлебкин В. В. Чай и водка в истории России. Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1995.
- Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939 / Пер. с англ.; предисл. О. Казниной. М.: Прогресс-Академия, 1994.

- Раззаков Ф. Бандиты семидесятых, 1970–1979. М.: Эксмо, 2008.
- Раскин И. Энциклопедия хулиганствующего ортодокса. СПб.: Эхо, 1995.
- Ратиани И. И. У истоков грузинского кино: взаимосвязь литературы, театра и кино в культуре Грузии. М.: Российский институт культурологии, 2003.
- Ресторан «Арагви». Тбилиси: Министерство торговли ГССР, [б. г.].
- Руставели Ш. Витязь в тигровой шкуре / Пер. с груз. и обраб. Н. Заболоцкого; предисл. Б. Жгенти. М.: Детгиз, 1950.
- Руставели Ш. Витязь в тигровой шкуре / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. А. Г. Барамидзе и С. С. Цаишвили. Л.: Советский писатель, 1988.
- Саид Э. В. Культура и империализм / Пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб.: Владимир Даль, 2012.
- Саид Э. В. Ориентализм: Западные концепции Востока / Пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб.: Русский Мир, 2006.
- Севела Э. Остановите самолет — я слезу! Munich: F. Zeuner, 1977.
- Симонов К. Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине / [Сост. и автор предисл. Л. Лазарев]. М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1988.
- Слэзкин Ю. СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во Самарского университета, 2001. С. 329–374.
- Слэзкин Ю. Эра Меркурия: Евреи в современном мире / Авториз. пер. с англ. С. Б. Ильина. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
- Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос. М.: Госполитиздат, 1946.
- Сталин И. В. Сочинения. Тверь: Северная корона, 2004. Т. 17. С. 5.
- Стейнбек Дж. Русский дневник / Пер. с англ. Е. Р. Рождественской, предисл. Л. А. Жуховицкого. М.: Мысль, 1990.
- Схиртладзе В. И. 100 блюд грузинской кухни. М.: Госторгиздат, 1940.
- Такер Р. Сталин. Путь к власти, 1879–1929: История и личность / Пер. с англ.; общ. ред. и послесл. В. С. Лельчука. М.: Прогресс, 1991.
- Татарадзе А. Пять грузинских танцев. Тбилиси: Хеловнеба, 1981.
- Татишвили В. Грузины в Москве: Исторический очерк (1653–1722). Тбилиси: Заря Востока, 1959.
- Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова и Б. М. Волина. М.: Советская энциклопедия, 1940. Т. 4. С. 650.
- Торадзе Г. Композиторы Грузии. Тбилиси: Хеловнеба, 1973.
- Торчинов В. А., Леонтьев А. М. Вокруг Сталина: Историко-биографический справочник. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000.
- Троицкий А. Рок в Союзе: 60-е, 70-е, 80-е. М.: Искусство, 1991.
- Троицкий Л. Д. Завещание Ленина / Публ. Ю. Фельштинского // Горизонт: Общественно-политический ежемесячник. 1990. № 6 (475). С. 38–41.
- Троицкий Л. Д. Между империализмом и революцией: основные вопросы революции на частном примере Грузии. М.: Государственное изд-во, 1922.

- Троцкий Л. Д. Преданная революция. М.: НИИ культуры, 1991.
- Турашвили Д. Побег из СССР. Харьков: Книжный клуб «Клуб семейного досуга», 2014.
- Уратадзе Г. И. Воспоминания грузинского социал-демократа. Stanford, CA: Hoover Institution Press, 1968.
- Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / [Пер. с англ. Л. Ю. Пантина]. 2-е изд. М.: РОССПЭН; Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008.
- Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999.
- Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. 4-е изд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008.
- Хантадзе-Андроникашвили Р. Д. Наши земляки в Москве. Тбилиси: Сакартвело, 1990.
- Хлевнюк О. В. Сталин и Орджоникидзе: конфликты в Политбюро в 30-е годы. М.: Россия молодая, 1993.
- Хлевнюк О. В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2011.
- Хрущев Н. С. Воспоминания: время, люди, власть: В 2 т. М.: Московские новости, 1999.
- Хрущев Н. С. Высокое призвание литературы и искусства. М.: Правда, 1963.
- Церетели И. Г. Воспоминания о Февральской революции. Paris: Mouton, 1963.
- Чавчанидзе Н. П., Вашакидзе К. В. Грузины в России: Биографические очерки: В 4 кн. Саранск: Красный Октябрь, 2000–2004.
- Чичинадзе З. Грузинские евреи в Грузии / [Подгот. к изд. и послесл. В. Чиковани]. Тбилиси: [Б.и.], 1990.
- Шамина Л., Моисеева О. Театр Игоря Моисеева. М.: Театралис, 2012.
- Шеварднадзе Э. Мой выбор: в защиту демократии и свободы. М.: Новости, 1991.
- Широкий Ю. В. Тамара Ханум. Л.; М.: Искусство, 1941.
- Эбаноидзе А. Л. Трудное усилие возрождения: из опыта Грузии в минувшем десятилетии (1989–1999 гг.). М.: Ключ, 1999.
- Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования: В 2 т. М.; СПб.: Университетская книга, 2001.
- Эренбург И. Оттепель: Повесть. М., 1954.
- Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / Авториз. пер. с англ. В. Макарова. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / Пер. с англ.; 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
- Abdelhady D. The Lebanese Diaspora: The Arab Immigrant Experience in Montreal, New York, and Paris. New York: New York University Press, 2011.
- Aktürk Ş. Regimes of Ethnicity and Nationhood in Germany, Russia, and Turkey. New York: Cambridge University Press, 2012.

- Allen W. E. D. *A History of the Georgian People from the Beginning down to the Russian Conquest in the Nineteenth Century*. London: K. Paul, Trench, Trubner and Co., 1932.
- Allworth E. A. *The Modern Uzbeks: From the Fourteenth Century to the Present; A Cultural History*. Stanford, CA: Hoover Institution Press, 1990.
- Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso, 1983.
- Appadurai A. *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- Appiah K. A. *Cosmopolitanism: Ethics in a World of Strangers*. New York: Norton, 2006.
- Appiah K. A. *Ethics of Identity*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005.
- Armstrong J. A. Mobilized and Proletarian Diasporas // *American Political Science Review*. Vol. 70. № 2 (1976). P. 393–408.
- Armstrong J. A. Mobilized Diaspora in Tsarist Russia: The Case of the Baltic Germans // *Soviet Nationality Policies and Practices* / Ed. J. R. Azrael. New York: Prager, 1978. P. 63–104.
- Arutiunian Iu. V. On the Potential of Interethnic Integration in the Megalopolis of Moscow // *Sociological Research*. Vol. 45. № 6 (2006). P. 26–50.
- Babrowski J. *Der Feind ist überall: Stalinismus im Kaukasus*. Munich: Deutsche Verlags-Anstalt, 2003.
- Baily S. L. *Immigrants in the Lands of Promise: Italians in Buenos Aires and New York City, 1870–1914*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1999.
- Barkey K. *Bandits and Bureaucrats: The Ottoman Route to State Centralization*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1994.
- Barkey K. *Empire of Difference: The Ottomans in Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- Beecher D. I. *Ivory Tower of Babel: Tartu University and the Languages of Two Empires, a Nation-State, and the Soviet Union*. Ph.D. diss. University of California, Berkeley, 2014.
- Beissinger M. R. Soviet Empire as «Family Resemblance» // *Slavic Review*. 2006. Vol. 65. № 2. P. 294–303.
- Beria S. *Beria, My Father: Inside Stalin's Kremlin*. London: Duckworth, 2001.
- Bialer S. *The Soviet Paradox: External Expansion, Internal Decline*. New York: Knopf, 1986.
- Bickham T. Eating the Empire: Intersections of Food, Cookery and Imperialism in Eighteenth-Century Britain // *Past & Present*. 2008. № 198. P. 71–109.
- Binns J. *An Introduction to the Christian Orthodox Churches*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Bittner S. V. *The Many Lives of Khrushchev's Thaw: Experience and Memory in Moscow's Arbat*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2008.
- Blank S. *The Sorcerer as Apprentice: Stalin as Commissar of Nationalities, 1917–1924*. Westport, CT: Greenwood, 1994.
- Blauvelt T. Abkhazia: Patronage and Power in the Stalin Era // *Nationalities Papers*. 2007. Vol. 35. № 2. P. 203–232.

- Blauvelt T.* March of the Chekists: Beria's Secret Police Patronage Network and Soviet Crypto-Politics // *Communist and Post-Communist Studies*. 2011. Vol. 44. № 1. P. 73–88.
- Blauvelt T.* Status Shift and Ethnic Mobilisation in the March 1956 Events in Georgia // *Europe-Asia Studies*. 2009. Vol. 61. № 4. P. 651–668.
- Bleiere D.* History of Latvia: The Twentieth Century. Riga: Jumava, 2006.
- Bodnar J.E.* The Transplanted: A History of Immigrants in Urban America. Bloomington: Indiana University Press, 1985.
- Bonacich E.* A Theory of Middleman Minorities // *American Sociological Review*. 1973. Vol. 38. № 5. P. 583–594.
- Bonacich P.* Power and Centrality: A Family of Measures // *American Journal of Sociology*. 1987. Vol. 92. № 5. P. 1170–1182.
- Bourdieu P.* Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste / Transl. by R. Nice. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984.
- Bradshaw M., Hanson P., Shaw D.* Economic Restructuring // *The Baltic States: The National Self-Determination of Estonia, Latvia and Lithuania* / Ed. G. Smith. New York: St. Martin's, 1994. P. 158–180.
- Braguinsky S.* Postcommunist Oligarchs in Russia: Quantitative Analysis // *Journal of Law and Economics*. 2009. Vol. 52. № 2. P. 307–349.
- Brandenberger D.* National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002.
- Brooks J.* When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1985.
- Brower D.R.* Training the Nihilists: Education and Radicalism in Tsarist Russia. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1975.
- Brubaker R.* The «Diaspora» Diaspora // *Ethnic and Racial Studies*. 2005. Vol. 28. № 1. P. 1–19.
- Burbank J., Cooper F.* Empires in World History: Power and the Politics of Difference. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2010.
- The Cambridge Handbook of Linguistic Code Switching* / Eds. B.E. Bullock and A.J. Toribio. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- Carruthers S.L.* Cold War Captives: Imprisonment, Escape, and Brainwashing. Berkeley: University of California Press, 2009.
- Chatwin M.E.* Socio-Cultural Transformation and Foodways in the Republic of Georgia. Commack, NY: Nova Science Publishers, 1997.
- Chatwin M.E.* Tamadoba: Drinking Social Cohesion at the Georgian Table // *Drinking: Anthropological Approaches* / Eds. I. de Garine and V. de Garine. New York: Berghahn Books, 2001. P. 181–190.
- Cheterian V.* War and Peace in the Caucasus: Russia's Troubled Frontier. London: Hurst, 2008.
- Christensen J.* Tengiz Abuladze and the Georgian Nationalist Cause // *Slavic Review*. 1991. Vol. 50. № 1. P. 163–175.
- CIS Committee for Statistics.* The Statistical Handbook of Social and Economic Indicators for the Former Soviet Union. New York: Norman Ross Publishing, 1996.

- Clark K. *Moscow, the Fourth Rome: Stalinism, Cosmopolitanism, and the Evolution of Soviet Culture, 1931–1941*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2011.
- Clark K. *The Soviet Novel: History as Ritual*. Bloomington: Indiana University Press, 2000.
- Clark W.A. *Crime and Punishment in Soviet Officialdom: Combating Corruption in the Political Elite, 1965–1990*. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1993.
- Clifford J. *Diasporas* // *Cultural Anthropology*. 1994. Vol. 9. № 3. P. 302–338.
- Cohen R. *Global Diasporas: An Introduction*. Seattle: University of Washington Press, 1997.
- Colton T.J. *Moscow: Governing the Socialist Metropolis*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995.
- Conklin A. *Colonialism and Human Rights, A Contradiction in Terms? The Case of France and West Africa, 1895–1914* // *American Historical Review*. 1998. Vol. 103. № 2. P. 419–442.
- Conquest R. *The Great Terror: A Reassessment*. New York: Oxford University Press, 1990.
- Conquest R. *Stalin: Breaker of Nations*. New York: Viking, 1991.
- Conterio J. *Inventing the Subtropics: An Environmental History of Sochi, 1929–36* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2015. Vol. 16. № 1. P. 91–120.
- Cooper F. *Colonialism in Question: Theory, Knowledge, History*. Berkeley: University of California Press, 2005.
- Correspondence Between Lavrenty Beria and Joseph Stalin / Eds. V. Guruli and O. Tushurashvili // *Archival Bulletin*. 2008. № 3 (appendix). P. 4–106.
- Cosmopatriots: *On Distant Belongings and Close Encounters* / Eds. E. Jurriens and J. de Kloet. Amsterdam: Rodopi, 2007.
- Cosmopolitics: *Thinking and Feeling Beyond the Nation* / Eds. P. Cheah and B. Robbins. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998.
- Crews R. D. *For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006.
- Curtin P.D. *Cross-Cultural Trade in World History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.
- David-Fox M. *Showcasing the Great Experiment: Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921–1941*. Oxford: Oxford University Press, 2012.
- Davies C. *Ethnic Jokes, Moral Values and Social Boundaries* // *British Journal of Sociology*. 1982. Vol. 33. № 3. P. 383–403.
- Davies R. W. *The Syrtsov-Lominadze Affair* // *Soviet Studies*. 1981. Vol. 33. № 1. P. 29–50.
- De Waal T. *Black Garden: Armenia and Azerbaijan through Peace and War*. New York: New York University Press, 2003.
- Deringil S. *The Well-Protected Domains: Ideology and the Legitimation of Power in the Ottoman Empire, 1876–1909*. New York: I. B. Tauris, 1998.
- Deutscher I. *Stalin: A Political Biography*. New York: Oxford University Press, 1966.

- Diaspora Entrepreneurial Networks: Four Centuries of History / Eds. I. Baghdiantz McCabe, G. Harlaftis, and I. Pepelasis Minoglou. Oxford: Berg, 2005.
- Djilas M. Conversations with Stalin / Transl. by M.B. Petrovich. New York: Harcourt, Brace and World, 1962.
- Djilas M. The New Class. An Analysis of the Communist System. New York: Praeger, 1957.
- Dragadze T. Rural Families in Soviet Georgia: A Case Study in Ratcha Province. New York: Routledge, 1988.
- Draitser E. A. Taking Penguins to the Movies: Ethnic Humor in Russia. Detroit: Wayne State University Press, 1998.
- Dufoix S. Diasporas. Berkeley: University of California Press, 2008.
- Dunham V. S. In Stalin's Time: Middleclass Values in Soviet Fiction. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
- Easter G. Reconstructing the State: Personal Networks and Elite Identity in Soviet Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Edgar A. L. Tribal Nation: The Making of Soviet Turkmenistan. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004.
- Elias N. The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic Investigations / Eds. E. Dunning, J. Goudsblom, and S. Mennell; transl. by E. Jephcott. Oxford: Basil Blackwell, 2000.
- Elliot J. H. A Europe of Composite Monarchies // Past & Present. 1992. № 137. P. 48–71.
- An Empire of Others: Creating Ethnographic Knowledge in Imperial Russia and the USSR / Eds. R. Cvetkovski and A. Hofmeister. Budapest: Central European University Press, 2014.
- Enloe C. H. Ethnic Soldiers: State Security in Divided Societies. Athens: University of Georgia Press, 1980.
- Etkind A. Internal Colonization: Russia's Imperial Experience. Cambridge: Polity Press, 2011.
- European Court of Human Rights. Russia's Policy in 2006 of Arresting, Detaining and Expelling Large Number of Georgian Nationals Violated the Convention. 2014. Vol. 196 (July 3).
- Evans C. From Truth to Time: Soviet Central Television, 1957–1985. Ph.D. diss. University of California, Berkeley, 2010.
- Ezergailis A. The 1917 Revolution in Latvia. New York: Columbia University Press, 1974.
- First J. J. Dovzhenko Studio in the 1960s: Between the Politics of the Auteur and the Politics of Nationality // Canadian Slavonic Papers. 2014. Vol. 56. № 1–2. P. 57–82.
- First J. J. Scenes of Belonging: Cinema and the Nationality Question in Soviet Ukraine during the Long 1960s. Ph.D. diss. University of Michigan, 2008.
- First J. J. Ukrainian Cinema: Belonging and Identity during the Soviet Thaw. London: I. B. Tauris, 2015.
- Fitzpatrick Sh. The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1992.

- Fitzpatrick Sh.* Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. New York: Oxford University Press, 1999.
- Fitzpatrick Sh.* «Middle-Class Values» and Soviet Life in the 1930s // *Soviet Society and Culture: Essays in Honor of Vera S. Dunham* / Eds. T. L. Thompson and R. Sheldon. Boulder, CO: Westview Press, 1988. P. 20–38.
- Food in Russian History and Culture / Eds. M. Glants and J. Toomre. Bloomington: Indiana University Press.
- Foucault M.* Discipline and Punish: The Birth of the Prison / Transl. by A. Sheridan. New York: Vintage Books, 1995.
- Fowler M. C.* Mikhail Bulgakov, Mykola Kulish, and Soviet Theater: How Internal Transnationalism Remade Center and Periphery // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2015. Vol. 16. № 2. P. 263–290.
- Frankel J.* Prophecy and Politics: Socialism, Nationalism, and the Russian Jews. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
- Frolova-Walker M.* Russian Music and Nationalism: From Glinka to Stalin. New Haven, CT: Yale University Press, 2007.
- Fürst J.* Stalin's Last Generation: Soviet Post-War Youth and the Emergence of Mature Socialism. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Gabaccia D. R.* Is Everywhere Nowhere? Nomads, Nations, and the Immigrant Paradigm of United States History // *Journal of American History*. 1999. Vol. 86. № 3. P. 1115–1134.
- Gabaccia D. R.* Italy's Many Diasporas. Seattle: University of Washington Press, 2000.
- Gammer M.* The Lone Wolf and the Bear: Three Centuries of Chechen Defiance of Russian Rule. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2006.
- Geist E.* Cooking Bolshevik: Anastas Mikoian and the Making of the «Book about Delicious and Healthy Food» // *Russian Review*. 2012. Vol. 71. № 2. P. 295–313.
- Gellner E.* Nations and Nationalism. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1983.
- Georg Simmel on Individuality and Social Forms: Selected Writings / Ed. D. N. Levine. Chicago: University of Chicago Press, 1971.
- Gerschenkron A.* Economic Backwardness in Historical Perspective // *Economic Backwardness in Historical Perspective* / Ed. A. Gerschenkron. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1966. P. 5–31.
- Getty J. A.* Practicing Stalinism: Bolsheviks, Boyars, and the Persistence of Tradition. New Haven, CT: Yale University Press, 2013.
- Getty J. A., Naumov O.* The Road to Terror: Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939. New Haven, CT: Yale University Press, 1999.
- Getty J. A., Naumov O. V.* Yezhov: The Rise of Stalin's «Iron Fist». New Haven, CT: Yale University Press, 2008.
- Gilroy P.* The Black Atlantic: Modernity and Double Consciousness. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993.
- Giulianotti R.* Football: A Sociology of the Global Game. Cambridge: Polity Press, 1999.
- Goldman W. Z.* Inventing the Enemy: Denunciation and Terror in Stalin's Russia. New York: Cambridge University Press, 2011.

- Goldstein D. *The Georgian Feast: The Vibrant Culture and Savory Food of the Republic of Georgia*. Berkeley: University of California Press, 1999.
- Goldstein D., Du Puis E. M. *Food Politics // Gastronomica*. 2007. Vol. 7. № 3. P. III–V.
- Gorbachev M. *Memoirs*. New York: Doubleday, 1996.
- Gorgiladze R. *Savoring Georgia: A Personal Journey through Time and Taste*. Tbilisi: Cezanne, 2013.
- Gorlizki Y. *Ordinary Stalinism: The Council of Ministers and the Soviet Neopatrimonial State, 1946–1953 // Journal of Modern History*. 2002. Vol. 74. № 4. P. 699–736.
- Gorlizki Y., Khlevniuk O. *Cold Peace: Stalin and the Soviet Ruling Circle, 1945–1953*. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Gorsuch A. E. «There's No Place Like Home»: Soviet Tourism in Late Stalinism // *Slavic Review*. 2003. Vol. 62. № 4. P. 760–785.
- Grant B. *The Captive and the Gift: Cultural Histories of Sovereignty in Russia and the Caucasus*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2009.
- Gronow J. *Caviar with Champagne: Common Luxury and the Ideals of the Good Life in Stalin's Russia*. Oxford: Berg, 2003.
- Grossman G. *The Second Economy of the USSR // Problems of Communism*. 1977. Vol. 25. № 5. P. 25–40.
- Grout D. J., Williams H. W. *A Short History of Opera*. New York: Columbia University Press, 2003.
- Halfin I. *Terror in My Soul: Communist Autobiographies on Trial*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003.
- Handlin O. *The Uprooted: The Epic Story of the Great Migrations That Made the American People*. Boston: Little, Brown and Co., 1951.
- Hanioglu M. Ş. *The Young Turks in Opposition*. New York: Oxford University Press, 1995.
- Harper M., Constantine S. *Migration and Empire*. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Hechter M. *Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536–1966*. Berkeley: University of California Press, 1975.
- Helstosky C. *Garlic and Oil: Politics and Food in Italy*. Oxford: Berg, 2004. P. 63–126.
- Hessler J. *A Social History of Soviet Trade: Trade Policy, Retail Practices, and Consumption*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004.
- Hirsch F. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2005.
- Jersild A. *Orientalism and Empire: North Caucasus Mountain Peoples and the Georgian Frontier, 1845–1917*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2002.
- Jersild A., Melkadze N. *The Dilemmas of Enlightenment in the Eastern Borderlands: The Theater and Library in Tbilisi // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2002. Vol. 3. № 1. P. 27–49.
- Johnson R. *British Imperialism*. New York: Palgrave Macmillan, 2003.

- Jones A., Jones B.* The Welsh World and the British Empire, c. 1851–1939: An Exploration // *The British World: Diaspora, Culture and Identity* / Eds. C. Bridge and K. Fedorowich. London: Frank Cass, 2003. P. 57–81.
- Jones S.* The Establishment of Soviet Power in Transcaucasia: The Case of Georgia, 1921–1928 // *Soviet Studies*. 1988. Vol. 40. № 4. P. 616–639.
- Jones S.* Georgia: A Political History since Independence. London: I. B. Tauris, 2013.
- Jones S. F.* Marxism and Peasant Revolution in the Russian Empire: the Case of the Gurian Republic // *Slavonic and East European Review*. 1989. Vol. 67. № 3. P. 403–434.
- Jones S.* Socialism in Georgian Colors: The European Road to Social-Democracy, 1883–1917. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2005.
- Jowitt K.* Soviet Neotraditionalism: The Political Corruption of a Leninist Regime // *Europe-Asia Studies*. 1983. Vol. 35. № 3. P. 275–297.
- Judson P. M.* Exclusive Revolutionaries: Liberal Politics, Social Experience, and National Identity in the Austrian Empire, 1848–1914. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1996.
- Kabachnik P., Regulska J., Mitchneck B.* Where and When is Home? The Double Displacement of Georgian IDPs from Abkhazia // *Journal of Refugee Studies*. 2010. Vol. 23. № 3. P. 315–336.
- Kalb J. E.* Russia's Rome: Imperial Visions, Messianic Dreams, 1890–1940. Madison: University of Wisconsin Press, 2008.
- Kappeler A.* The Russian Empire: A Multiethnic History / Transl. by A. Clayton. Harlow: Longman, 2001.
- Kautsky K.* Georgia: A Social Democratic Peasant Republic / Transl. by H. J. Stenning. London: International Bookshops, 1921.
- Kenez P.* Cinema and Soviet Society, 1917–1953. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- Kenny K.* Diaspora and Comparison: The Global Irish as a Case Study // *Journal of American History*. 2003. Vol. 90. № 1. P. 134–162.
- Kepley Jr., V.* In the Service of the State: The Cinema of Alexander Dovzhenko. Madison: University of Wisconsin Press, 1986.
- Khater A. F.* Inventing Home: Emigration, Gender, and the Middle Class in Lebanon. Berkeley: University of California Press, 2001.
- Khazanov A. M.* Nomads and the Outside World / Transl. by J. Crookenden. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.
- Khlevniuk O. V.* In Stalin's Shadow: The Career of «Sergo» Ordzhonikidze / Ed. D. J. Raleigh; transl. by D. J. Nordlander. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1995.
- Khrushchev N. S.* Memoirs of Nikita Khrushchev. In 3 vols. / Ed. S. Khrushchev; transl. by G. Shriver. University Park: Pennsylvania State University Press, 2004.
- Knight A.* Beria: Stalin's First Lieutenant. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993.
- Kotkin S.* Armageddon Averted: The Soviet Collapse, 1970–2000. Oxford: Oxford University Press, 2001.

- Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as Civilization*. Berkeley: University of California Press, 1997.
- Kotkin S. *Stalin*. New York: Penguin, 2014. Vol. I.
- Kramer P.A. Power and Connection: Imperial Histories of the United States in the World // *American Historical Review*. 2011. Vol. 116. № 5. P. 1348–1392.
- Kun M. *Stalin: An Unknown Portrait*. Budapest: Central European University Press, 2003.
- Kunt M.I. Ethnic-Regional (Cins) Solidarity in the Seventeenth-Century Ottoman Establishment // *International Journal of Middle East Studies*. 1974. Vol. 5. № 3. P. 233–239.
- Lang D.M. *The Last Years of the Georgian Monarchy, 1658–1832*. New York: Columbia University Press, 1957.
- Lang D.M. *A Modern History of Soviet Georgia*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1962.
- Layton S. Eros and Empire in Russian Literature About Georgia // *Slavic Review*. 1992. Vol. 51. № 2. P. 195–213.
- Layton S. *Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- The Lebanese in the World: A Century of Emigration / Eds. A. Hourani and N. Shehadi. London: Center for Lebanese Studies and I.B. Tauris, 1992.
- Ledeneva A.D. *Russia's Economy of Favours: Blat, Networking, and Informal Exchange*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- Lemon A. *Between Two Fires: Gypsy Performance and Romani Memory from Pushkin to Post-Socialism*. Durham, NC: Duke University Press, 2000.
- Lenss L. A. Capturing the Next Shift: The Mapping of Meaning onto the Museum of the Occupation of Latvia // *Future Anterior*. 2006. Vol. 3. № 1. P. 48–57.
- Levin Th.C. *The Hundred Thousand Fools of God: Musical Travels in Central Asia (and Queens, New York)*. Bloomington: Indiana University Press, 1996.
- Lieven A. *Chechnya: Tombstone of Russian Power*. New Haven, CT: Yale University Press, 1998.
- Lincoln W.B. Russia's «Enlightened» Bureaucrats and the Problem of State Reform, 1848–1856 // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. 1971. Vol. 12. № 4. P. 410–421.
- Lipman J.N. *Familiar Strangers: A History of Muslims in Northwest China*. Seattle: University of Washington Press, 1997.
- Lipman M., Gudkov L., Bakradze L. *The Stalin Puzzle: Deciphering Post-Soviet Public Opinion*. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2013.
- Lowry H. W. *The Nature of the Early Ottoman State*. Albany: State University of New York Press, 2003.
- MacFayden D. *Songs for Fat People: Affect, Emotion, and Celebrity in the Russian Popular Song, 1900–1955*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2002.
- Manchester L. *Holy Fathers, Secular Sons: Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2008.
- Manning P. *The Semiotics of Drink and Drinking*. London: Continuum Publishing Group, 2012.

- Manning P.* Strangers in a Strange Land: Occidentalists Publics and Orientalist Geographies in Nineteenth-Century Georgian Imaginaries. Brighton: Academic Studies Press, 2012.
- Mars G., Altman Y.* The Cultural Bases of Soviet Georgia's Second Economy // Soviet Studies. 1983. Vol. 35. № 4. P. 546–560.
- Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001.
- Martin T.* Modernizing or Neo-Traditionalism? Ascribed Nationality and Soviet Primordialism // Stalinism: New Directions / Ed. Sh. Fitzpatrick. London: Routledge, 2000. P. 348–367.
- Masterovoy A.* Eating Soviet: Food and Culture in the USSR, 1917–1991. Ph. D. diss. City University of New York, 2013.
- Matthews M.* The Passport Society: Controlling Movement in Russia and the USSR. Boulder, CO: Westview Press, 1993.
- McNeal R. H.* Stalin: Man and Ruler. New York: New York University Press, 1988.
- McReynolds L.* Russia at Play: Leisure Activities at the End of the Tsarist Era. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2003.
- Mennell S.* All Manners of Food: Eating and Taste in England and France From the Middle Ages to the Present. New York: Blackwell, 1985.
- Migration, Homeland, and Belonging in Eurasia / Eds. C. J. Buckley, B. A. Ruble, and E. T. Hofmann. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2008.
- Migration in Georgia: A Country Profile 2008 / Ed. S. Siar. Geneva: International Organization for Migration, 2008.
- Millar J. R.* The Little Deal: Brezhnev's Contribution to Acquisitive Socialism // Slavic Review. 1985. Vol. 44. № 4. P. 694–706.
- Mintz S.* Sweetness and Power: The Place of Sugar in Modern History. New York: Viking, 1985.
- Moch L. P.* Moving Europeans: Migration in Western Europe since 1650. Bloomington: Indiana University Press, 1992.
- Montefiore S. S.* Stalin: The Court of the Red Tsar. London: Phoenix, 2004.
- Montefiore S. S.* Young Stalin. New York: Knopf, 2007.
- Moscow // National Review. 1959. Vol. 7. № 15. P. 7.
- Moskoff W.* The Bread of Affliction: The Food Supply in the USSR during World War II. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Moss K. B.* Jewish Renaissance in the Russian Revolution. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009.
- Mühlfried F.* Banquets, Grant-Eaters, and the Red Intelligentsia in Post-Soviet Georgia // Central Eurasian Studies Review. 2005. Vol. 4. № 1. P. 16–19.
- Naimark N. M.* Stalin's Genocides. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2010.
- Nathans B.* Beyond the Pale: The Jewish Encounter with Late Imperial Russia. Berkeley: University of California Press, 2002.
- Nations Abroad: Diaspora Politics and International Relations in the Former Soviet Union / Ed. C. King. Boulder, CO: Westview Press, 1998.
- Nelli H. S.* The Business of Crime: Italians and Syndicate Crime in the United States. New York: Oxford University Press, 1976.

- Nelli H. S. *From Immigrants to Ethnic: The Italian Americans*. Oxford: Oxford University Press, 1983.
- The New Russian Diaspora: Russian Minorities in the Former Soviet Republics / Eds. V. Shlapentokh, M. Sendich, and E. Payin. Armonk, NY: M.E. Sharpe, 1994.
- Nikita Khrushchev / Eds. W. Taubman, S. Khrushchev, and A. Gleason. New Haven, CT: Yale University Press, 2000.
- Nodia G. Georgia's Identity Crisis // *Journal of Democracy*. 1995. Vol. 6. № 1. P. 104–116.
- O'Keeffe B. *New Soviet Gypsies: Nationality, Performance, and Selfhood in the Early Soviet Union*. Toronto: University of Toronto Press, 2013.
- Olcott M. B. *The Kazakhs*. Stanford, CA: Hoover Institution Press, 1987.
- Osokina E. *Our Daily Bread: Socialist Distribution and the Art of Survival in Stalin's Russia, 1927–1941* / Ed. K. Transchel; transl. by G. Bucher. Armonk, NY: M.E. Sharpe, 2001.
- Oushakine S. A. *The Patriotism of Despair: Nation, War, and Loss in Russia*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2009.
- Panossian R. *The Armenians: From Kings and Priests to Merchants and Commissars*. New York: Columbia University Press, 2006.
- Parkes P. Milk Kinship in Southeast Europe: Alternative Social Structures and Foster Relations in the Caucasus and the Balkans // *Social Anthropology*. 2004. Vol. 12. № 3. P. 341–358.
- Parsadanashvili M. The Georgian Dissident Movement: The Case of Zviad Gamsakhurdia and Merab Kostava // *Archival Bulletin*. 2009. № 4. P. 34–36.
- Péristiany J. G. *Honour and Shame: The Values of Mediterranean Society*. Chicago: University of Chicago Press, 1966.
- Pesmen D. *Russia and Soul: An Exploration*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2000.
- Philliou C. Communities on the Verge: Unraveling the Phanariot Ascendancy in Ottoman Governance // *Comparative Studies in Society and History*. 2009. Vol. 51. № 1. P. 151–181.
- Pinkus B., Frankel J. *The Soviet Government and the Jews, 1948–1967: A Documented Study*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.
- Plokhly S. *The Last Empire: The Final Days of the Soviet Union*. New York: Basic Books, 2014.
- Post-Cosmopolitan Cities: Explorations of Urban Coexistence / Eds. C. Humphrey and V. Skvirskaja. New York: Berghahn Books, 2012.
- Raeff M. *Russia Abroad: A Cultural History of the Russian Emigration, 1919–1939*. New York: Oxford University Press, 1990.
- Ram H. *The Imperial Sublime: A Russian Poetics of Empire*. Madison: University of Wisconsin Press, 2003.
- Rayfield D. *The Literature of Georgia: A History*. Surrey: Curzon Press, 2000.
- Reed S. A. The Politics and Poetics of Dance // *Annual Review of Anthropology*. 1998. Vol. 27. P. 503–532.
- Rees E. A. *State Control in Soviet Russia: The Rise and the Fall of the Workers' and Peasants' Inspectorate, 1920–1934*. New York: St. Martin's, 1987.

- Reid S. E. The Khrushchev Kitchen: Domesticating the Scientific-Technological Revolution // *Journal of Contemporary History*. 2005. Vol. 40. № 2. P. 289–316.
- Remennick L. Russian Jews on Three Continents. New Brunswick, NJ: Transaction, 2007.
- The Review of Italian American Studies / Eds. F.M. Sorrentino and J. Krase. Lanham: Lexington Books, 2000.
- Rieber A. J. Stalin: Man of the Borderlands // *American Historical Review*. 2001. Vol. 106. № 5. P. 1651–1691.
- Ro'i Y. Soviet Decision Making in Practice: The USSR and Israel, 1947–1954. New Brunswick, NJ: Transaction Books, 1980.
- Roman M. Making Caucasians Black: Moscow since the Fall of Communism and the Racialization of Non-Russians // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 2002. Vol. 18. № 2. P. 1–27.
- Russia in Motion: Cultures of Human Mobility since 1850 / Eds. J. Randolph and E. M. Avrutin. Urbana: University of Illinois Press, 2012.
- Russian Critics on the Cinema of Glasnost / Eds. M. Brashinsky and A. Horton. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Russian Jews on Three Continents: Migration and Resettlement / Eds. N. Lewin-Epstein, Y. Ro'i, and P. Ritterband. New York: Frank Cass, 1997.
- Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917 / Eds. Daniel R. Brower, Edward J. Lazzerini. Bloomington: Indiana University Press, 1997.
- Rustaveli Sh. The Knight in the Panthers Skin / Transl. by V. Urushadze. Tbilisi: Sabchota Sakartvelo, 1986.
- Safran W. Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return // *Diaspora*. 1991. Vol. 1. № 1. P. 83–99.
- Sahadeo J. Druzhba Narodov or Second Class Citizenship? Soviet Asian Migrants in a Post-Colonial World // *Central Asian Survey*. 2007. Vol. 26. № 4. P. 559–579.
- Sahadeo J. Soviet «Blacks» and Place Making in Leningrad and Moscow // *Slavic Review*. 2012. Vol. 71. № 2. P. 331–358.
- Said E. W. Culture and Imperialism. New York: Random House, 1993.
- Said E. W. Orientalism. New York: Random House, 1979.
- Sanchez G. J. Race, Nation, and Culture in Recent Immigration Studies // *Journal of American Ethnic History*. 1999. Vol. 18. № 4. P. 66–84.
- Schmelz P. J. Such Freedom, If Only Musical: Unofficial Soviet Music during the Thaw. Oxford: Oxford University Press, 2009.
- Scott E. R. Edible Ethnicity: How Georgian Cuisine Conquered the Soviet Table // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol. 13. № 4. P. 831–858.
- Scott E. R. Ottoman Imperial Identities Between Istanbul and the Caucasus // *Journal of Associated Graduates in Near Eastern Studies*. 2007. Vol. 12. № 2. P. 3–29.
- Scott E. R. The Nineteenth-Century Gypsy Choir and the Performance of Otherness // *Berkeley Program in Eurasian and East European Studies (BPS) Working Paper*. Fall 2008.

- Senelick L. «A Woman's Kingdom»: Minister of Culture Furtseva and Censorship in the Post-Stalinist Russian Theatre // *New Theatre Quarterly*. 2010. Vol. 26. № 1. P. 16–24.
- Service R. *Stalin: A Biography*. London: Pan Books, 2005.
- Shay A. *Choreographic Politics: State Folk Dance Companies, Representation, and Power*. Middletown, CT: Wesleyan University Press, 2002.
- Sheffer G. *Diaspora Politics: At Home Abroad*. New York: Cambridge University Press, 2003.
- Shevardnadze E. *The Future Belongs to Freedom* / Transl. by C. A. Fitzpatrick. New York: Free Press, 1991.
- Shneer D. *Through Soviet Jewish Eyes: Photography, War, and the Holocaust*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2011.
- Siegelbaum L. H. *Cars for Comrades: The Life of the Soviet Automobile*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2008.
- Siegelbaum L. H., Moch L. P. *Broad is My Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2014.
- Simis K. *USSR: The Corrupt Society*. New York: Simon and Shuster, 1982.
- Simmel on Culture: *Selected Writings* / Eds. D. Frisby and M. Featherstone. London: Sage Publications, 1997.
- Slade G. *Reorganizing Crime: Mafia and Anti-Mafia in Post-Soviet Georgia*. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Slezkine Yu. *Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1994.
- Slezkine Yu. *The Jewish Century*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004.
- Slezkine Yu. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. № 2. P. 414–452.
- Smeliansky A. *The Russian Theatre After Stalin* / Transl. by P. Miles. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Smith H. *The Russians*. New York: Ballantine Books, 1976.
- Smith J. *The Bolsheviks and the National Question, 1917–23*. New York: St. Martin's, 1999.
- Smith J. The Georgian Affair of 1922: Policy Failure, Personality Clash or Power Struggle? // *Europe-Asia Studies*. 1998. Vol. 50. № 3. P. 519–544.
- Smith J. *Red Nations: The Nationalities Experience In and After the USSR*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
- Social Relations in Ottoman Diyarbekir, 1870–1915* / Eds. J. Jongerden and J. Verheij. Boston: Brill, 2012.
- The Socialist Sixties: Crossing Borders in the Second World* / Eds. A. E. Gorsuch and D. Koenker. Bloomington: Indiana University Press, 2013.
- Staats S. K. Corruption in the Soviet System // *Problems of Communism*. 1972. № 21. P. 40–47.
- Stalin: *A New History* / Eds. S. Davies and J. Harris. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

- Starr F. S.* Red and Hot: The Fate of Jazz in the Soviet Union. New York: Limelight Editions, 1985.
- Steffen J.* The Cinema of Sergei Parajanov. Madison: University of Wisconsin Press, 2013.
- Steinbeck J.* A Russian Journal. New York: Penguin, 1948.
- Stites R.* Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. Oxford: Oxford University Press, 1989.
- Stites R.* Russian Popular Culture: Entertainment and Society since 1900. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- Stoianovich T.* The Conquering Balkan Orthodox Merchant // Journal of Economic History. 1960. Vol. 20. № 2. P. 234–313.
- Studies on the Internal Diaspora of the Byzantine Empire / Eds. H. Ahrweiler and A. E. Laiou. Washington, DC: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1998.
- Sunderland W.* Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2004.
- Suny R. G.* The Baku Commune, 1917–1918: Class and Nationality in the Russian Revolution. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1972.
- Suny R. G.* Beyond Psychohistory: The Young Stalin in Georgia // Slavic Review. 1991. Vol. 50. № 1. P. 48–58.
- Suny R. G.* Looking Toward Ararat: Armenia in Modern History. Bloomington: Indiana University Press, 1993.
- Suny R. G.* The Making of the Georgian Nation. Bloomington: Indiana University Press, 1988; 2nd ed. 1994.
- Suny R. G.* The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. Stanford, CA: Stanford University Press, 1993.
- Swain G.* The Disillusioning of the Revolution's Praetorian Guard: The Latvian Riflemen, Summer — Autumn 1918 // Europe-Asia Studies. 1999. Vol. 51. № 4. P. 667–686.
- Swietochowski T.* Russian Azerbaijan, 1905–1920: The Shaping of a National Identity in a Muslim Community. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Tanny J.* City of Rogues and Schnorrers: Russia's Jews and the Myth of Old Odessa. Bloomington: Indiana University Press, 2011.
- The Thaw: Soviet Society and Culture during the 1950s and 1960s / Eds. D. Kozlov and E. Gilburd. Toronto: University of Toronto Press, 2013.
- Theories of Authorship: A Reader / Ed. J. Caughie. London: British Film Institute, 1981.
- Tillett L.* The Great Friendship: Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1969.
- Timasheff N. S.* The Great Retreat: The Growth and Decline of Communism in Russia. New York: E. P. Dutton, 1946.
- Tobias H. J.* The Jewish Bund in Russia from its Origins to 1905. Stanford, CA: Stanford University Press, 1972.

- Tölölyan K.* The Contemporary Discourse of Diaspora Studies // *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*. 2007. Vol. 27. № 3. P. 647–655.
- Transcaucasia: Nationalism and Social Change / Ed. R.G. Suny. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 1983.
- Trier T., Khanzhin A.* The Meskhetian Turks at a Crossroads: Integration, Repatriation, or Resettlement? London: Global Book Marketing, 2007.
- Troitsky A.* Back in the USSR: The True Story of Rock in Russia. London: Omnibus Press, 1987.
- Trotskii L. D.* On Lenin's Testament // *New International*. 1934. July.
- Trotskii L. D.* The Revolution Betrayed / Transl. by M. Eastman. Mineola: Dover Publications, 2004.
- Tsitsishvili N.* «A Man Can Sing and Play Better than a Woman»: Singing and Patriarchy at the Georgian *Supra* Feast // *Ethnomusicology*. 1996. Vol. 50. № 3. P. 452–493.
- Tucker R. C.* Stalin as Revolutionary, 1879–1929: A Study in History and Personality. New York: Norton, 1973.
- Vaitiekunas V.* A Survey of Developments in Captive Lithuania in 1965–1968. New York: Committee for a Free Lithuania, 1969.
- Van Ree E.* The Political Thought of Joseph Stalin: A Study in Twentieth-Century Revolutionary Patriotism. London: RoutledgeCurzon, 2003.
- Varese F.* The Society of the Vory-v-Zakone, 1930s–1950s // *Cahiers du Monde russe*. 1998. Vol. 39. № 4. P. 515–538.
- Vecoli R. J.* The Contadini in Chicago: A Critique of The Uprooted // *Journal of American History*. 1964. Vol. 51. № 3. P. 404–417.
- Vecoli R. J.* The Formation of Chicago's «Little Italies» // *Journal of American Ethnic History*. 1983. Vol. 2. № 2. P. 5–20.
- Veidlinger J.* The Moscow State Yiddish Theater: Jewish Culture on the Soviet Stage. Bloomington: Indiana University Press, 2000.
- Vendina O.* Social Polarization and Ethnic Segregation in Moscow // *Eurasian Geography and Economics*. 2002. Vol. 43. № 3. P. 216–243.
- Verdery K.* What Was Socialism, and What Comes Next? Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996.
- Von Hagen M.* Empires, Borderlands, and Diasporas: Eurasia as Anti-Paradigm for the Post-Soviet Era // *American Historical Review*. 2004. Vol. 109. № 2. P. 445–468.
- Weber M.* The Protestant Ethic and the «Spirit» of Capitalism / Transl. by P.R. Baehr and G.C. Wells. New York: Penguin, 2002.
- Weeks Th.R.* Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1996.
- Werner H.* Imagined Homes: Soviet German Immigrants in Two Cities. Winnipeg: University of Manitoba Press, 2007.
- Werth P.W.* The Tsar's Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia. Oxford: Oxford University Press, 2014.

- Wickström D.-E. «Drive-Ethno-Dance» and «Hutzul Punk»: Ukrainian-Associated Popular Music and (Geo)politics in a Post-Soviet Context // *Yearbook for Traditional Music*. 2008. № 40. P. 60–88.
- Willerton J.P. *Patronage and Politics in the USSR*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- Williams B. G. *The Crimean Tatars: The Diaspora Experience and the Forging of a Nation*. Leiden: Brill, 2001.
- Williams R.Ch. *Culture in Exile: Russian Emigres in Germany, 1881–1941*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1972.
- Woll J. *Real Images: Soviet Cinema and the Thaw*. London: I. B. Tauris, 2000.
- Woll J., Youngblood D. J. *Repentance*. London: I. B. Tauris, 2001.
- Wortman R. S. *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2000. Vol. 2.
- Yergin D. *The Prize: The Epic Quest for Oil, Money and Power*. New York: Touchstone, 1992.
- Yurchak A. *Everything was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006.
- Zahra T. *Imagined Noncommunities: National Indifference as a Category of Analysis* // *Slavic Review*. 2010. Vol. 61. № 1. P. 93–119.
- Zeller M. «Our Own Internationale», 1966: Dynamo Kiev Fans Between Local Identity and Transnational Imagination // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2011. Vol. 12. № 1. P. 53–82.
- Zhemukhov S., King Ch. *Dancing the Nation in the North Caucasus* // *Slavic Review*. 2013. Vol. 72. № 2. P. 287–305.
- Zimmerman J. D. *Poles, Jews, and the Politics of Nationality: The Bund and the Polish Socialist Party in Late Tsarist Russia, 1892–1914*. Madison: University of Wisconsin Press, 2004.
- Zolberg A. R. *A Nation by Design: Immigration Policy in the Fashioning of America*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006.
- Zubkova E. *Russia after the War: Hopes, Illusions, and Disappointments, 1945–1957* / Transl. and ed. by H. Ragsdale. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1998.
- Zubok V. *Zhivago's Children: The Last Russian Intelligentsia*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009.
- Charkviani K. *Gantsdili da naazrevi, 1906–1994*. Tbilisi: Merani, 2004.
- Chichinadze Z., Chikovani V. *Kartveli ebralebi sakartveloshi*. Tbilisi: Metsniereba, 1990.
- Dumbadze N. *Tetri bairaghebi*. Tbilisi: Merani, 1973.
- Erkomaishvili A. *Khma utsnauri*. Tbilisi: Sakartvelo, 1999.
- Javakhishvili M. *Tkhzulebani rva tomad*. Tbilisi: Sabchota sakartvelo, 1970.
- Jughashvili E. *Stalinis dedis mogonebebi*. Tbilisi: Bakur sulakauri, 2012.
- Sukhishvili I. *Mogonebebi*. Tbilisi, 2008.
- Turashvili D. *Jinsebis taoba*. Tbilisi: Bakur sulakauri, 2008.
- Zviad Gamsakhurdia (avtorizebuli). *Biograpia bibliograpit* / Ed. M. Archvadze-Gamsakhurdia. Tbilisi: Sakartvelos matsne, 2007.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ И ЭЛЕКТРОННЫЕ ИЗДАНИЯ

- Ансамбль «Колхида»: Официальный веб-сайт. URL: <http://tbilisi-trip.narod.ru/Kolxida.html>. Последнее посещение 16 августа 2010 года.
- Ансамбль «Орэра»: Веб-сайт. URL: <http://www.orera.reclama.ru/>. Последнее посещение 28 апреля 2011 года.
- Беседы с Нателой Мунтиковой // Славянская Европа. URL: www.slavic-europe.eu/index.php?option=com_content&task=view&id=130&Itemid=1. Последнее посещение 4 марта 2010 года.
- Вахтанг Кикабидзе — Чито-гврито. YouTube video, 4:39. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=4rlxdkFwrho>. Последнее посещение 16 августа 2010 года.
- Гончарова О. Быть Нани Брегвадзе // Телевидение и радио. 2005. № 14. URL: <http://www.tvr.khv.ru/number/2005/14/arh.html>. Последнее посещение 28 апреля 2011 года.
- Государственный академический Большой театр России. URL: <http://www.bolshoi.ru>. Последнее посещение 17 ноября 2010 года.
- Гринкруг О. Куриная слепота // Большой город. 2007. № 192. URL: <http://www.bg.ru/article/7072/>. Последнее посещение 17 января 2012 года.
- Демоскоп Weekly. Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». URL: <http://demoscope.ru/>. Последнее посещение — март 2011 года.
- Джанашия В. Грузия осталась без понятий // Коммерсант. 2003. 5 марта. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/369449>. Последнее посещение 17 сентября 2014 года.
- Мамардашвили М. Верю в здравый смысл // Iriston.ru. URL: <http://www.iriston.ru/ru/yugooset/1101322999.php>. Последнее посещение 17 ноября 2010 года.
- Осталось только сожаление // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <http://wciom.com/archives/thematic-archive/info-material/single/2167.html>. Последнее посещение 7 апреля 2011 года.
- Павильон Грузинской ССР // Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. URL: http://www.bcxb.ru/pavils/descriptions/018_54.htm. Последнее посещение 28 апреля 2011 года.
- Яременко В. Кто поднял знамя над Рейхстагом? Героическая история и пропагандистский миф // Сайт Polit.ru. 06.05.2005. URL: www.polit.ru/analytics/2005/05/06/banner.html. Последнее посещение 26 августа 2010 года.
- First J. Ukrainian National Cinema and the Concept of the «Poetic» // Kinokultura. 2009. № 9. URL: <http://www.kinokultura.com/specials/9/first.shtml>. Последнее посещение 18 сентября 2014 года.
- Gamsakhurdia Z. Sakartvelos sulieri misia // AMSI. URL: <http://www.amsi.ge/istoria/zg/missia.html>. Последнее посещение 17 ноября 2010 года.
- Iosebashvili I. Chronicles of a Soviet Capitalist (Part 1 of 2) // Guernica. 2009. November 1. URL: http://www.guernicamag.com/features/soviet_capitalist/. Последнее посещение 17 сентября 2014 года.

Kartuli diaspora. URL: <http://www.diaspora.gov.ge>. Последнее посещение 17 марта 2011 года.

Refugees: Free at Last // Time. 1981. September 28. URL: www.time.com/time/magazine/article/0,9171,953131-1,00.html. Последнее посещение 4 марта 2010 года.

Russia: Where to Dine // Time. 1950. June 12. URL: www.time.com/time/magazine/article/0,9171,812656,00.html. Последнее посещение 4 марта 2010 года.

Saakashvili «moghalateebis jgupebze» saubrobs // Civil.ge. 2011. June 14. URL: <http://www.civil.ge/geo/article.php?id=24186>. Последнее посещение 22 сентября 2014 года.

Savranskaya S., Blanton Th. The Shevardnadze File: Late Soviet Foreign Minister Helped End the Cold War. URL: <http://www2.gwu.edu/~nsarchiv/NSAEBB/NSAEBB481/>. Последнее посещение 18 сентября 2014 года.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Harsha R. The Literary Origins of the Georgian Feast: The Cosmopolitan Poetics of a National Ritual. Неопубл. статья, 2014.

Ivanauskas V. Soviet «Exotic» and Soviet «West»: Embodying Ethnic Particularism among Georgian and Lithuanian Writers. Неопубл. статья, 2013.

Manning P. Socialist Supras and Drinking Democratically: Changing Images of the Georgian Feast and Georgian Society from Socialism to Post-Socialism. Неопубл. рукопись, Trent University, 2003.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абашидзе Д. И. 300
Аббас I, шах 115, 116
Абуладзе Т. Е. 269, 273, 289, 292, 307–312, 314, 317, 318, 320, 328, 333, 334
Адельханов Г. Г. 113
Айтматов Ч. Т. 48
Аксенов В. П. 155
Акунин Б. — см. Чхартисвили Г. Ш.
Александр II (Романов), император 282
Аллилуева Н. С. 84, 105, 106
Аллилуева С. И. 120, 145
Альтман Й. 182, 224, 225
Амиранишвили М. П. 284
Андерсон Б. 22
Анджапаридзе В. И. 300, 315
Андриадзе М. Г. 280–282
Андропов Ю. В. 250, 251, 253, 254
Аппадурати А. 229
Апциаури М. 169
Армстронг Л. 204
Арнштам Л. О. 302
Арутюнов С. А. 9
Астафьев В. П. 235, 236
Астурян С. 8
Афанасьев Ю. Н. 124
Ахметели А. В. (Сандро) 186
- Бабаев Р. Ф. оглы 201
Багратиони, царская династия 205
Байрон Дж. Г. 64
Бакурадзе Т. 8
Баланчин Дж. 198
Бальмонт К. Д. 114
Бардзимашвили Р. 204
Баруздин С. А. 330, 331
Бах И. С. 274, 313
Бедия А. 218–220, 224, 225, 243, 244, 251, 257
- Бейбутов Р. М. оглы 202
Бейсинджер М. 26
Бек-Назаров А. И. 291
Беннетт Т. 46
Бербэнк Дж. 26
Бергман И. 289
Берия Л. П. 105, 107, 108, 116, 122–126, 144, 147, 151, 186, 189, 190, 229, 276, 311, 313, 314
Берия Н. Т. 108
Берия С. Л. 108
Бернес М. Н. 205
Бетховен Л. ван 280, 314
Блейман М. Ю. 289, 309
Бловелт Т. 8, 126
Бокерия Л. А. 278
Боннелл В. 8
Бразинскасы, отец и сын 270
Брегвадзе Н. Г. 204–206, 208–210, *вкл.*
Брежнев Л. И. 201, 209, 222, 223, 238, 251, 253, 254, 264, 311, 326, *вкл.*
Бриндж М. 9
Брубейкер Р. 13
Брукс Дж. 9
Булгаков М. А. 297
Бурдые П. 134
- Вайнер* А. 9
Вачарадзе А. 8
Вачнадзе Н. Г. 292
Вашадзе Г. С. 85, 87, 108, 122
Вебер М. 224
Вейдлингер Дж. 99
Вендина О. И. 336
Вердери К. 58
Виллари Л. 79
Вирсаладзе С. Б. (Солико) 189, 190
Вирсаладзе Э. К. 281, 283, *вкл.*
Владимир I (Святославич), кн. 49

- Войнович В. Н. 155
Ворошилов К. Е. 145
Вуд Н. 10
Высоцкий В. С. 154
- Габриадзе Р. Л. 268, 294, 295, 297, 298
Габсбурги, императорская династия 28, 30
Гайдай Л. И. 167
Галустян В. В. 147
Гамсахурдия З. К. 317, 319, 328, 329, 331–334
Гамсахурдия К. С. 113, 114, 317
Гвахария Г. В. 77, 100, 121
Гвеселиани Е. Я. 105
Гвишиани М. М. 124
Гейст Э. 162
Геллер Э. 22
Геловани В. А. 278, 279
Гершенкрон А. 55
Гетти Дж. А. 125
Гёте И. В. фон 274
Гиллиан Дж. 10
Гилрой П. 41
Гиоргобиани А. 90
Гоглидзе С. А. 124
Гогоберидзе А. Н. 196
Гонашвили Г. 195
Гонглиашвили М. 209
Гончарова Н. С. 187
Горбачев М. С. 13, 279, 308, 311, 312, 318, 322
Горбачева Р. М. 279
Горлицкий Й. 103
Горький М. 83, 109
Грант Б. 211
Граубергер Д. 10
Гринкнут О. 170
Гроссман Г. 9, 222
Грузинский П. П. 212
Гудиашвили В. Д. (Ладо) 187
Гумбаридзе Г. Г. 322
- Давитая Т. 204
Данелия Г. Н. 167, 211, 295, 300
Данте А. 276, 313
- Данэм В. 222
Дгебуадзе М. (Пуцу) 76
Де Сика В. 301
Деканозов (Деканозишвили) В. Г. 124
Джавахишвили М. С. 88
Джавришвили Д. Л. 175
Джаниашвили Р. А. 214
Джапаридзе Е. П. 101, 109
Джапаридзе М. В. 260
Джапаридзе П. А. (Алеша) 101
Джаханбани Ш. 10
Джвебенава Ш. 216, 217, 219–221, 224, 225, 244
Джевдет А. 32
Джибладзе С. В. (Сильва) 74
Джилас М. 134, 144, 145
Джишкарини В. 149
Джонс С. 80
Джорджадзе Б. Д. 136
Джоуитт К. 55
Джугашвили И. — см. Сталин И. В.
Джугашвили Я. И. 84
Довженко А. П. 287, 293
Долидзе В. И. 187
Долматовский Е. А. 166
Достоевский Ф. М. 64
Дрейцер Э. 256
Думани Б. 9
Думбадзе Л. *вкл.*
Думбадзе Н. В. 259, 260
Дымшиц М. Ю. 270
Дэвис К. 255
- Егоров М. А. 12, *вкл.*
Ежов Н. И. 119
Елена Павловна (Романова), вел. княгиня 282
Енукидзе А. С. 75, 77, 82, 84, 87, 90, 91, 93, 103, 106, 108, 109, 111, 112, 118–120, 123, 140, 186
Енукидзе Т. Т. (Симон) 82–84, 87, 120
- Жгенти Т. Г. 72, 122
Жданов А. А. 113
Жданова И. А. 9
Жемухов С. Н. 177
Жордания Н. Н. 76, 86, 113

- Завенягин А. П. 102
 Зак Я. И. 281
 Закариадзе С. А. 260
Зиммель Г. 37, 39
 Зиновьев Г. Е. 95, 109
Зубок В. 272
 Зусева Р. С. 307
- Иванишвили Б. Г. 338, 341
 Ивериели В. 269
 Ивериели К. В. 267–269
 Ивериели П. В. 267–269
 Ильенко Ю. Г. 289
 Ильф И. А. 185
 Илья II, патриарх 321
 Иоанн-Зосим, монах, богослов, гимнограф 43
 Иосебашвили И. 256
 Иоселиани Дж. К. 259–261
 Иоселиани О. Д. 167, 273, 292, 300–307, 309, 315, 317, *вкл.*
 Исакадзе Л. А. 320, 333
Истер Дж. 67, 118
- Каганович Л. М. 109
Кагановски Л. 286
 Каландадзе М. 82
 Каландадзе Ф. 111
 Калатоziшвили Г. М. 292
 Калатоziшвили М. Г. 292
 Калатозов (Калатоziшвили) М. К. 287, 291, 292
 Калатозовы (Калатоziшвили), семья 292
 Калинин М. И. 120
 Каменев Л. Б. 95, 109
 Кантария М. В. 12, *вкл.*
 Канчели Г. А. 212
Каппелер А. 71
 Каранадзе Г. Т. 124
 Касрашвили М. Ф. 284, 342
 Каутский К. 88
 Квеселава М. 301
 Квирикадзе И. М. 315
 Керенский А. Ф. 86
 Кереселидзе А. К. 319
- Кефчиян А. М. 50
 Кецховели В. З. (Ладо) 76, 82, 119
 Кикабидзе В. К. 167, 168, 173, 204, 205, 210–212, 296, *вкл.*
 Кикнадзе Н. С. 148, 149, 151, 152, 154, 155, 159–163, 165, 171
 Кикодзе Г. Д. 90
Кинг Ч. 9, 177
 Киров С. М. 93, 119
Кларк К. 200, 201
Кларк У. А. 251
Клдиашвили Г. 8
Клиффорд Дж. 38
Ключевский В. О. 30
 Коба — см. Сталин И. В.
 Кобахидзе Г. М. 267–269, 311
 Кобулов А. З. 124
 Кобулов Б. З. 124
 Колесников Г. М. 207
 Коллонтай А. М. 79
Конди Н. 201
Конквист Р. 22
 Кончаловский А. С. 294
 Коппола Ф. Ф. 46
Кортегуэра Л. 10
 Костава М. И. 328
Коткин С. 98, 101
Коэн Р. 38
Кристенсен Дж. 309
Крюс Р. 9
 Кузнецов Э. С. 270
Купер Ф. 26
 Куросава А. 289
Курцикидзе Ш. 8
Кухианидзе А. 8
- Лагидзе Р. И. 207
 Лазишвили О. 249–251
Лайлз Т. 9
 Лакоба Н. А. 106, 107, 141
 Ларионов М. Ф. 187
 Лебанидзе О. 169
 Лежава Ш. К. 122
 Ленин В. И. 33, 62, 63, 66, 83, 85, 87, 89–91, 101, 140, 147
 Леонидзе Г. Н. 308

- Леонтьева О. 9
Лермонтов М. Ю. 19, 185
Линкольн У. Б. 307
Липман Дж. 37
Ломинадзе В. В. (Бесо)
96, 102–104, 120
Лондон Дж. 64
Лурье Л. Я. 178, 191
Лэнг Д. М. 21
- Магомаев М. М. (М. М. оглы) 202
Майсурадзе Б. Дж. 342
Макрейнолдс Л. 137
Малиновский Р. В. 63
Малкин В. Б. 341
Малырова И. 178, 191
Мамардашвили М. К. 278–280, 331
Мамацашвили Г. А. 100
Мамулия И. 73
Мамулов С. С. 124
Мандельштам О. Э. 50
Маннинг П. 171
Маркиз Л. И. 277, 282, 283
Маркс К. 53, 64, 79
Марс Дж. 182, 224, 225
Мартин Д. 46
Мартин Т. 22, 47
Маручкова М. Г. 305
Мастеровой А. 138
Матуа Н. 8
Махарадзе Г. Ф. 86
Махарадзе Ф. И. 74, 81, 90, 122
Мачавариани Ш. 8
Медведев Р. А. 312
Мелякова А. 311
Меннелл С. 138
Мехлис Л. З. 119
Мжаванадзе В. П. 127, 191, 225, 246,
248, 249, 251, 263, *вкл.*
Мжаванадзе В. Ф. 249
Микаберидзе Д. Р. 267, 268
Микеладзе Е. С. 187
Микеладзе О. А. 205
Микоян А. И. 93, 122, 135, 138, 141,
143, 144, *вкл.*
Миллар Дж. Р. 222, 223
- Модильяни А. 187
Моисеев И. А. 184, 193, 194, 198
Молотов В. М. 107, 117, 145
Молоховец Е. И. 136
Мольер Ж. Б. 301
Морчиладзе Р. 195
Моцарт В. А. 274
Моч Л. 54, 336
Мунтикова-Чачибая Н. 148
Муссолини Б. 130
Мустафа-заде В. А. оглы 201
Мухелишвили Д. Л. 330
- Навои А. 48
Назарбаев Н. А. 320
Найт Э. 124
Намин С. 203
Нариманов Н. К. Н. оглы 82
Натанс Б. 23
Нацелишвили Б. 8
Нейгауз Г. Г. 281
Николадзе Н. Я. 70
Николаев, директор ресторана
«Арагви» 150–152
Николай II (Романов),
император 86
- Окуджава Б. Ш. 108, 122, 277
Окуджава М. С. 77
Окуджава Ш. С. 77, 108, 122
Олкотт М. Б. 7
Орахелашвили И. Д. (Мамия) 73, 122
Орджоникидзе Г. К. (Серго) 62–64,
66–69, 72, 77, 83–85, 87, 89–91, 93,
95–103, 107–109, 111, 117, 120–122,
327, 329, *вкл.*
Орджоникидзе (Павлуцкая) З. Г.
85, 98, 100, 101, 106, 108, 122, *вкл.*
Орджоникидзе П. К. 64, 100, 121
Орлова Р. Д. 155
Осыка Л. М. 289
- Павлуцкая З. Г. —
см. Орджоникидзе З. Г.
Палиашвили З. П. 184
Папави Ш. 8
Параджанов С. И. 50, 288, 289, 300

- Перестиани И. Н. 291
Пери А. 9
 Петвиашвили Т. В. 267
 Петр I Великий (Романов), царь, император 331
 Петров Е. 185
 Петросян Т. А. (Тамара Ханум) 50
 Пиросмани (Пиросманишвили) Н. А. 131, 295, 296, 299
Пирс Л. 8
Плахов А. С. 304
Плохий С. Н. 321
 Пономаренко Г. Ф. 207
 Поспелов П. Н. 113, 114
Похлебкин В. В. 265
 Прокофьев С. С. 282
 Пуччини Дж. 280
 Пушкин А. С. 19, 114, 274
 Пшавела В. 308
 Пятаков Г. Л. 101, 102, 121

 Раззаков Ф. И. 249
 Рамишвили, семья 189
 Рамишвили Н. Ш. 186, 188–190, 192, 194–196, 198
Ратленд П. 9
Рейфилд Д. 63
 Решид М. 32
Рид С. А. 177
 Родионов И. Н. 322
 Романовы, царская, императорская династия 32
 Рост Ю. М. 306
Ростиашвили К. 8
 Рубинштейн А. Г. 282
 Рубинштейн Н. Г. 282
 Руденко Р. А. 250, 251
 Русадзе З. 268
 Русишвили П. М. 142, 143
 Руставели Ш. 48, 63, 108, 114, 276, 313

 Саакадзе Г. 115, 116
 Саакадзе П. 115
 Саакашвили М. Н. 338
 Саджая А. Н. 124
Саид Э. В. 41

 Салливан Э. 193
Сандерланд В. 30
Сахадео Дж. 9, 34
 Сахаров А. Д. 155, 280, 328, 330
 Сванидзе Александр С. (Алеша) 90
 Сванидзе Е. С. 84
 Сванидзе М. С. 120
 Севела Э. 247
 Сервантес Сааведра М. де 301
Сигельбаум Л. 54, 336
Симис К. М. 242
 Синатра Ф. 46
 Скорсезе М. 46
 Скотт К. 10
 Скотт С. 10
Слэзкин Ю. Л. 8, 23, 99
Смит Дж. 238
Смит Х. 249, 261
Смолкин В. 9
 Стажадзе Л. М. 147–150
Стайтс Р. 200
 Сталин (Джугашвили) И. В. (Коба) 9, 12, 13, 17, 24, 34, 36, 38, 55, 62, 66–69, 74–79, 83–85, 89–93, 95, 96, 98, 102–129, 132–134, 138–145, 148, 150, 172, 173, 178–180, 186, 190, 192, 208, 221, 222, 229, 231, 233, 234, 255, 264, 276, 277, 293, 308, 311, 313–315, 317, 326, 329, 335, 337, 339, *вкл.*
 Стейнбек Дж. 153
 Стравинский И. Ф. 194
 Стуруа Василий Ф. 78
 Стуруа Г. Ф. 78, 83, 141
 Стуруа И. Ф. (Вано) 78, 277
 Стуруа Р. Р. 193, 277, 333
 Сулиашвили Д. С. 87
Сун Р. Г. 9, 21, 44, 65, 72, 179
 Сухиасов Г. В. 238
 Сухишвили И., мл. 341
 Сухишвили И. И. 186–190, 192, 194–196, 198
 Сухишвили Т. И. 194
 Сырцов С. И. 96
Сэноу Э. 9
Сэфрен У. 13
 Сюкути И. 32

- Табидзе Г. Т. 267, 268
Таварткиладзе Ш. 278, 279
Тамара, царица 185, 249
Тамара Ханум — см. Петросян Т. А.
Танни Дж. 214
Тарковский А. А. 294, 307
Тати Ж. 301
Темо И. 32
отец Теодор — см. Чихладзе Т.
Тигранян А. Т. 181
Товстоногов Г. А. 187
Тололян Х. 36
Толстой Л. Н. 301
Торошелидзе М. Г. 75, 83, 122
Третьяков С. М. 293
Троицкий А. К. 203
Троцкий Л. Д. 88, 109, 134, 140
Турашвили Д. 269
Тушурашвили О. 8
- Уайт Т. 10
Уиллerton Дж. П. 67
Умертаев Ш. Х. 148, 152, 154, 155, 167
Уолкер Н. 9
Уолл Дж. 309, 315
Утесов Л. О. 205
Утмелидзе Т. *вкл.*
Ушакин С. А. 53
- Федоров Е. А. 113, 114
Феллини Ф. 289
Фербер С. 9
Фицпатрик Ш. 134
Фреде В. 8
Фролова-Уолкер М. В. 181
Фурцева Е. А. 182
Фэрбенкс Ч. 68
- Хайнзен Дж. 9
Ханджян А. Г. 119
Хачатурян А. И. 50
Херлихи П. 7
Хесслер Дж. 222
Хириш Ф. 22
Хлевнюк О. В. 103, 125
- Хлопьянкина Т. М. 307, 308
Хмелько М. И. 128
Хобкирк Л. 9
Хорава А. А. 180, 186
Хрущев Н. С. 59, 93, 106, 123, 127, 134, 143, 144, 151, 153, 156, 158, 178, 191, 200, 201, 225, 235, 236, 312, 326
Хэндлин О. 45
- Цабадзе Г. Г. 206
Цагарели А. А. 187
Цанава Л. Ф. 124
Церетели З. *вкл.*
Церетели И. Г. 86, 113
Церетели И. К. (Сосо) 267
Церетели Т. С. 182
Цискаридзе Н. М. 342
Цонев В. 170
Цуцунава А. Р. 291
Цхакая М. Г. (Миха) 75, 85, 87, 122
- Чайковский П. И. 274, 284
Чалидзе В. Н. 280
Чарквиани И. Г. 269
Чарквиани К. Н. 188, 269
Чеишвили А. 100
Чернецкий В. 9
Чернышевский Н. Г. 70
Черняев А. С. 311
Черчилль У. 145
Чиаурели М. Э. 115, 293, 300, 315
Чиаурели С. М. 296, 299, 300
Чиковани В. 8, 137
Чихладзе Т. (отец Теодор) 269
Чурбанов Ю. М. 264
Чургулия Р. 217–221, 224
Чухрай Г. Н. 301
Чхартишвили Г. Ш. (Акунин Б.) 342
Чхеидзе Н. С. (Карло) 64
Чхеидзе Р. Д. 305, 309, 311
- Шаумян С. Г. 81, 82
Шверник Н. М. 145
Шеварднадзе Э. А. 127, 191, 249–252, 258, 269, 310–312, 318, 319
Шекспир У. 274, 277, 301, 313

- Шелли Л.* 7
Шенгелая, семья 293
Шенгелая Г. Н. 273, 292–297, 299–302, 306, 307, 309, 310, 333
Шенгелая Н. М. 287, 292, 301, 315
Шенгелая Э. Н. 268, 273, 292–302, 306, 309, 320, 333, *вкл.*
Шкловский В. Б. 293
Шмельц П. 180, 201
Шнир Д. 12
Шостакович Д. Д. 282
Шульженко К. И. 205

Эбаноидзе А. Л. 333, 334
Эгнаташвили А. Я. 105, 108, 142, 143
Эгнаташвили Т. 108, 142
Эгнаташвили Э. А. 108, 142
Эдельман Р. 9
Эйзенштейн С. М. 286

Эйнштейн А. 313
Элиава М. З. 77
Элиава Шалва Зурабович 73, 76, 77, 87, 91, 92, 97–99, 107, 108, 122, *вкл.*
Элиава Шушана Зурабовна 77
Элиас Н. 133
Элишакашвили А. 245, 246
Энгельс Ф. 53, 64
Эренбург И. Г. 175
Эркомаишвили А. Д. 195
Эсванджия Л. 331

Юрий (Владимирович) Долгорукий, вел. кн. 146
Юрчак А. В. 282

Янгблад Д. 309, 315
Яшвили З. 204
Яшвили М. Л. 283

ОГЛАВЛЕНИЕ

Благодарности	7
Транслитерация и датировка	11
Введение	12
Глава 1. Империя диаспор	19
Глава 2. Между Кавказом и Кремлем	62
Глава 3. Съедобная самобытность	128
Глава 4. Этничность на эстраде	174
Глава 5. Приезжие за прилавком	216
Глава 6. За гранью этнического репертуара	267
Заключение	323
Библиография	346
Именной указатель	374

Эрик Скотт

СВОИ ЧУЖАКИ

ГРУЗИНСКАЯ ДИАСПОРА

И ЭВОЛЮЦИЯ СОВЕТСКОЙ ИМПЕРИИ

Редактор *А. Абашина*

Дизайнер обложки *Д. Черногаев*

Корректоры *М. Смирнова, С. Крючкова*

Верстка *Д. Макаровский*

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

«НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес редакции: 123104, Москва, Тверской бульвар, д. 13, стр. 1

тел./факс: (495) 229-91-03

e-mail: real@nlo.magazine.ru

сайт: www.nlobooks.ru

Формат 60 × 90 1/16. Бумага офсетная № 1.

Офсетная печать. Печ. л. 24. Тираж 1000. Заказ № К-5478

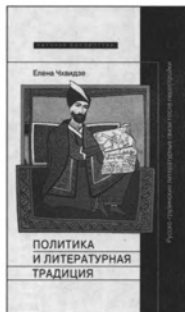
Отпечатано в АО "ИПК "Чувашия",

428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13.

в серии: НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Елена Чхаидзе

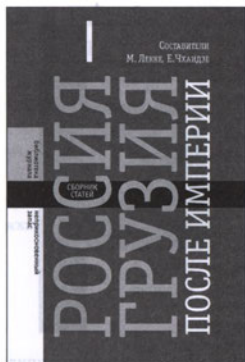
**Политика и литературная традиция:
Русско-грузинские литературные связи
после перестройки**

Монография «Политика и литературная традиция» является первым масштабным исследованием русско-грузинских литературных связей постсоветского периода. Автор проанализировала развитие литературного процесса через призму изменения политического контекста, начиная с доимперского периода, продолжив советским и постсоветским, и ввела понятие «имперская литературная традиция», под которой подразумевается не только регулярное обращение в художественной литературе, а также в переводческой и научно-исследовательской деятельности к контексту Россия — Грузия, не только временная рамка, включившая в себя имперский и советский исторические периоды, но и широкий абстрактный охват распространения традиции, наполнение которой менялось в зависимости от построения или разрушения имперско-колониальной парадигмы отношений между двумя странами. С помощью постимперских/постсоветских штудий, а также исследований мульти- и транскulturализма были изучены произведения как известных, так и малоизвестных российских и грузинских писателей, обратившихся к теме постсоветских конфликтов и их жертв, к теме судьбы представителей межкультурного пространства, а также проведен обзорный анализ структурных изменений, произошедших в научной, переводческой и культурно-литературной среде после краха СССР.

в серии: БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА
«НЕПРИКОСНОВЕННЫЙ ЗАПАС»

Составители: Елена Чхаидзе, Мирья Лекке
Россия — Грузия после империи

В сборник вошли научные, литературные, публицистические материалы и интервью культурологов и литературоведов из разных стран (Германия, Грузия, Польша, Россия, США и др.), а также наблюдателей постсоветских трансформаций русско-грузинских отношений. Главная задача исследований — выделить в рамках междисциплинарного и международного диалога актуальные темы и ракурсы моделирования новой реальности этого литературно-культурного поля. Именно литература предоставила полезный материал, позволивший заглянуть за кулисы геополитических нарративов, так как политически значимые мыслительные категории являются неразрывно связанными как с литературными образами России и Грузии, так и с русско-грузинским мифом. Если в советскую эпоху этот миф способствовал почти ритуальному изучению истории взаимоотношений двух народов, то начиная со второй половины 1980-х годов именно он стал своего рода фундаментом для политического, военного, а также, как тогда казалось, и культурного размежевания некогда «братских республик».

